

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ**

ВИТЕБСК 2017

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ**

*Материалы международной
научно-практической заочной конференции*

Витебск, 2 февраля 2017 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017*

УДК 316.752:316.42(476):327(062)

ББК 60.028.13я431+66.4я431

Ц37

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 28.02.2017 г.

Редакционная коллегия:

доктор биол. наук, профессор **И.М. Прищепа**;

доктор ист. наук, профессор **В.А. Космач**;

кандидат филос. наук, доцент **С.П. Кулик**;

кандидат ист. наук, доцент **А.Б. Погребняк**

Рецензенты:

доктор филос. наук, профессор *М.А. Слемнев*;

кандидат филос. наук, доцент *Э.И. Рудковский*;

кандидат филос. наук, доцент *О.И. Чеснокова*;

кандидат ист. наук, доцент *Е.В. Давлатова*

Ценностные ориентации и историческое сознание населения Ц37 белорусско-российского приграничья : материалы международной научно-практической заочной конференции, Витебск, 2 февраля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 220 с.
ISBN 978-985-517-582-8.

Сборник содержит доклады, представленные на международную научно-практическую заочную конференцию «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья», состоявшуюся 2 февраля 2017 года в ВГУ имени П.М. Машерова. Рассмотрена история формирования белорусско-российского приграничья, проанализировано его социокультурное состояние и исследована специфика диалога культур. Раскрыто содержание и обоснована роль ценностных ориентаций и исторического сознания населения приграничья в развитии экономического и гуманитарного сотрудничества смежных регионов.

Предназначен для философов, историков, социологов, культурологов, практиков системы образования, работников органов государственного управления, аспирантов, магистрантов, студентов и всех тех, кто интересуется актуальными проблемами регионального и приграничного сотрудничества.

УДК 316.752:316.42(476):327(062)

ББК 60.028.13я431+66.4я431

ISBN 978-985-517-582-8

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Современный мир рассечен множеством самых различных границ. Некоторые из них в условиях глобализации подвергаются радикальной переконфигурации или стираются вовсе. Но под влиянием процессов регионализации и локализации, которые в известном смысле являются оборотной стороной глобализующегося мира, вместо исчезнувших границ возникают новые, еще более многочисленные и разнообразные. В итоге любое пограничье в современном мире оказывается зоной сложного переплетения этнических, конфессиональных, культурных и иных взаимодействий как регионального и локального, так и глобального характера.

После распада СССР качественно изменилась и граница бывшей БССР. В суверенной Республике Беларусь она обрела статус государственной. Каждый из ее участков – украинский, польский, литовский, латвийский и российский обладает своей спецификой. Это касается и прилегающих к ним приграничных территорий.

Особое значение для развития молодого белорусского государства имеет белорусско-российское приграничье, которое представляет собой место комплементарного взаимодействия различных социальных практик двух дружественных народов и государств. Здесь совершается своеобразная диалектическая «сшивка» разорванного политического, экономического и культурного пространства. Для успешного решения этой сложной задачи важно знать не только хозяйственно-экономический, демографический и природно-ресурсный потенциал смежных регионов, но и их социокультурное состояние. Оно во многом зависит от ценностных ориентаций и исторического сознания населения, особенно молодежи. Данная тема является доминантной в предлагаемом сборнике научных статей.

Ряд материалов конференции подготовлен к изданию при поддержке БРФФИ, договор № Г15-130 от 4.05.2015.

Оргкомитет

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

КАШТОЎНАСНЫЯ АРЬЕНТАЦЫІ НАСЕЛЬНІЦТВА САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ Ў ДЗЕЙНАСЦІ ПА АКАЗАННІ ДАПАМОГІ ПАЦЯРПЕЛЫМ АД ГОЛАДУ Ў ПАВОЛЖЫ (1921–1923 гг.)

Г.Х. Базарэвіч

г. Віцебск, ВДУ імя П.М. Маашэрава, anna_bazarevich@mail.ru

Мэта артыкула – аналіз каштоўнасных арыентацый насельніцтва савецкай Беларусі ў справе дапамогі галадаючым Паволжы.

Ключавыя словы: агітацыя, грамадская свядомасць, голад у Паволжы, гуманізм, каштоўнасныя арыентацыі.

У 1921 г. буйныя абшары Расіі моцна пацярпелі ад неўраджаю, пераважна, гэта былі тэрыторыі Паволжы, Урала, паўночнага Каўказа, Крыма і Украіны. Пра гэта бедства жыхары Беларускай ССР, Віцебскай і Гомельскай губерняў даведваліся праз паведамленні ў сваіх працоўных калектывах, прэсу, заўважным было і рэзкае павелічэнне колькасці бежанцаў у раёнах чыгуначных вузлоў. Ужо з ліпеня 1921 г. пра маштабы ахвяраў голаду пачалі сведчыць на масавых сходах, у грамадскіх месцах, на прадпрыемствах і ў навучальных установах, адным словам усюды, дзе быў магчымы кантакт з грамадствам.

Збор сродкаў пачаўся паралельна з агітацыйнай кампаніяй пасля арганізацыі камісій на месцах. Цэнтральная Камісія Памгол Беларусі прыступіла да працы 30 ліпеня 1921 г., арганізаваўшы свае аддзяленні ва ўсіх павятовых цэнтрах [1, арк. 111.]. Па пастанове прэзідыума выканаўчага камітэта Віцебскага губернскага Савета працоўных, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў 8 ліпеня 1921 г. была створана Віцебская губернская камісія па аказанні дапамогі галадаючым [2, арк. 37 зв.]. Пазней, на падставе пастановы УЦВК аб арганізацыі на месцах камісіі па арганізацыі працы дапамогі пацярпелым, пленум Гомельскага губвыканкама 26 ліпеня таксама стварыў губкампагол [3, с. 55].

Галоўным чынам, шырокае інфармаванне было абумоўлена метадамі, якія ўрад планаваў выкарыстоўваць у ліквідацыі бедства ў Паволжы. У першую чаргу спадзяванні ўскладаліся на плённае супрацоўніцтва насельніцтва і дзяржавы, што ўвасобілася ў асноўным прынцыпе кампаніі: “Дзесяць сытых накормяць аднаго галоднага”. Улады разумелі, што поспех у ажыццяўленні пастаўленай мэты залежыў ад актыўнасці грамадства, у фарміраванні якой галоўную ролю мелі якасныя арыенціры, а таксама настроі ў грамадскай свядомасці.

Фарміраванне каштоўнасных арыенціраў насельніцтва ў поглядах на праблему голаду ў Паволжы залежала ад поглядаў і ідэй, якія панавалі ў палітычнай, прававой, эканамічнай, маральнай і рэлігійнай свядомасці. Таму невыпадкова дзейнасць дзяржаўных органаў па аказанні дапамогі галадаючаму насельніцтву Паволжы пачалася з шырокай агітацыйнай кампаніі. Каштоўнасныя сістэмы фарміруюцца і трансфармуюцца ў гістарычным развіцці грамадства і цесна звязаны са зменамі ў розных сферах чалавечага жыцця. Зразумела, што за кароткі перыяд сфарміраваць сістэму поглядаў на пытанне – задача досыць складаная, аднак, за два гады кампаніі

па аказанні дапамогі галадаючаму насельніцтву і ліквідацыі наступстваў бедства ў Паволжы, праца агітацыйных камісій не прыпынялася.

Задачай агітацыйных камісій з’яўлялася фарміраванне гатоўнасці да ахвяраванняў спрыяльных умоў у грамадстве для правядзення збораў на карысць галадаючых. Для складвання сістэмы каштоўнасцяў у гэтым напрамку патрабавалася наяўнасць пэўных арыенціраў па розным аспектам: усведамленне маштабаў голаду, дзяржаўны курс на ліквідацыю бедства і яго наступстваў, міжнародныя адносіны і дапамога, салідарнасць працоўных і сялян унутры і па-за межамі дзяржавы, унутрысацыяльныя адносіны, удзел рэлігійных арганізацый у дапамозе галадаючым, гістарычная памяць, усведамленне добрасуседскасці, а таксама маральны базіс насельніцтва. З улікам гэтых акалічнасцей і здзяйснялася выпрацоўка асноўных тэзісаў, часам не толькі стымулюючы актыўнасць насельніцтва, а і ў якасці “апраўдання” некаторых метадаў улады.

Для ўсведамлення маштабаў голаду і сітуацыі, якая складалася ў Паволжы прыводзіліся лічбы ахвяраў бедства часта ў суправаджэнні падрабязнасцяў, апісанняў пакутаў, выпадкаў людаедства [4, арк. 31]. Такая інфармацыя з’яўлялася структурным элементам сістэмы каштоўнасных арыентацый прадстаўленых у ведах аб праблеме, фарміраванні эмацыйных адзнак і сістэмы пачуццяў. Усё гэта павінна было ўплываць і на сістэму паводзінаў у дачыненні да галадаючых у рэчышчы агульначалавечых каштоўнасцяў. Колькасць ахвяраў голаду расла з кожным днём. Для мэтавай дапамогі і прыёму бежанцаў за Беларускай ССР, Віцебскай і Гомельскай губернях замацоўвалася Саратаўская губерня з Аўтаномнай вобласцю немцаў Паволжа [5, с. 287]. Пацярпелыя страцілі свойскую жывёлу, насенне і каб аднавіць гаспадарку маглі разлічваць толькі на дапамогу суайчыннікаў і гуманітарных місій з замежжа. Для прыспяшэння актыўнасці насельніцтва падкрэслівалася, што дапамога павінна быць своєчасовай, лічылася, што “любое промедление смерти подобно” [6, арк. 31].

На погляды бяспекі і самазахавання павінен быў уплываць тэзіс аб вялікай колькасці бежанцаў, якія распаўсюджаюць эпідэмію не толькі ў сваіх колах, але і сярод мясцовага насельніцтва, пазбегнуць гэтага можна прытуліўшы і забяспечыўшы ім адпаведны нагляд. Такім чынам каштоўнасныя арыенціраў дабрачыннасці і міласэрнасці далучаюцца пачуццё самазахавання і інтэграцыі.

Адказнасць і грамадская актыўнасць становяцца новымі каштоўнаснымі арыенцірамі пасля рашэння ўрада замацаваць галадаючых тэрыторыі за ўрадажайнымі. Напрыклад, у Віцебскай губерні Аўтаномная вобласць немцаў Паволжа прасіла “...всего по 1/6 фунта хлеба в день на человека. Что составляет ежедневно по 2000 пудов” [6, арк. 31]. Важную ролю ў фарміраванні гатоўнасці выканаць грамадзянскі доўг мелі і фармулёўкі: “Кроме того нам прислано 3000 детей и прибыло громадное число беженцев. Которых мы должны накормить, приютить и обеспечить. Эту задачу мы должны выполнить во что бы то ни стало [6, арк. 31]. Такім чынам што стымуляванне ўсведамлення доўга да жытніцы, што забяспечвала ў свой час краіну, а зараз сама мае патрэбу ў дапамозе. Напрыклад, сяляне Лепельскага павета Віцебскай губерні памяталі пра выпадак, калі пры неўраджаі бульбы першымі адгукнуліся як раз павалжане [7, с. 1].

Умацаванне аўтарытэта ўлады таксама было задачай у фарміраванні сістэмы каштоўнасных арыентацый. Падкрэслівалася самаадданая праца савецкага ўрада, які рабіў усё магчымае для таго, каб уратаваць галодных, аднак, рэсурсаў дзяржавы хапала, каб накарміць толькі малую частку галадаючых. Выратаванне астатніх залежала ад усеагульных намаганняў насельніцтва, што патрабавала кансалідацыі ўсіх сілаў дзеля гуманнай і справядлівай працы.

У галоднай кампаніі былі выпрацаваныя тэзісы, якія павінны былі ўплываць на фарміраванне поглядаў на сусветную палітыку, а дакладней стварыць вобраз “сябра” і

“ворага” сярод капіталістычных дзяржаў. Даводзілася, што разлічваць на замежны капітал нельга, за выключэннем гуманітарных місій Ф.Нансэна, Амерыканскай адміністрацыі дапамогі, якія адгукнуліся на просьбы аб дапамозе. Такія тэзісы былі адлюстраваннем ідэалагічных устаноў маладой савецкай дзяржавы, а ў кантэксце галоднай кампаніі яны ўмацоўвалі веру ў салідарнасць міжнароднага пралетарыяту. Аднак сродкаў, якія паступалі з замежа было недастаткова, так жа як і сродкаў з дзяржаўных крыніц і ўратаванне пацярпелых магчыма толькі пры актыўным удзеле насельніцтва ў аказанні дапамогі праз ахвяраванні.

Разлік рабіўся і на рэлігійныя каштоўнасці арыентацыі. Рэзананснай была кампанія па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей, пастанова аб пачатку якой была прынятая ў лютым 1922 г. [8, с. 418]. Намеры ўлады тлумачыліся неабходнасцю знайсці сродкі для закупкі харчавання за мяжой. Першапачатковая ініцыятыва надавалася вернікам, якія прапанавалі рэалізоўваць золата, каштоўныя рэчы з храмаў. Гэта неабходнасць лягла ў аснову дэкрэта аб канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей.

З аднаго боку хрысціянскія ідэалы і маральныя ўстаноўкі міласэрнасці, любові да бліжняга, спачуванне маглі быць асноўнымі матывацыяй падчас гэтай кампаніі. З другога боку хрысціянскія каноны парушаліся: канфіскаваліся прадметы культуры без якіх адпраўленне службы было немагчымым, хоць паводле дэкрэту канфіскацыя такіх не прадугледжвалася. Таму супраціўленне з боку святароў і вернікаў было выклікана парушэннем гэтых канонаў [8, арк. 5]. Падчас правядзення гэтай кампаніі падкрэслівалася таксама і арыентацыя на права ўласнасці народа, які ў свой час набыў гэтыя каштоўнасці, а зараз мусіць выкарыстаць іх дзеля свайго выратавання.

Такім чынам, выпрацоўка тэзісаў, якія мусілі ўплываць на фарміраванне каштоўнасцей арыентацый насельніцтва савецкай Беларусі ажыццяўляліся ў адпаведнасці з агітацыйнай кампаніяй, якая праводзілася ў РСФСР. Абумоўлены абставінамі, гэты працэс быў штучна паскораны. Сістэма каштоўнасцей арыентацый нават у рэчышчы адной праблемы складваецца і трансфармуецца падчас гістарычнага развіцця, што і тлумачылася інтэнсіўным разгортваннем агітацыі і прапаганды. Верагодна, паспяховае засваенне прынцыпаў было магчыма ва ўмовах эканамічнай, палітычнай і сацыяльнай стабільнасці. Але пачатак 1920-х гг. для маладой савецкай дзяржавы быў часам станаўлення ўлады, складвання эканамічнай палітыкі, будаўніцтва грамадства новага тыпу. Гэтыя фактары ўплывалі на актыўнасць насельніцтва ў дзейнасці па аказанні дапамогі галадаючаму насельніцтву Паволжа. Выкананне галоўнай задачы – фарміраванне добраахвотнага жадання ахвяраваць – было недапушчальна запаволеным. Гэта прывяло да змянення падыходаў у курсе па ліквідацыі наступстваў бедства і ўвядзенні абавязковых падаткаў і адлічэнняў, што было характэрным для камандна-адміністрацыйных метадаў кіравання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Отчет о работе ЦК Помгол Беларуси // НАРБ. Ф.6. Воп.1. Спр.97.
2. Протокол заседания Витебского губисполкома 1921 г. // ДАВВ. Ф. 570. Воп.1. Спр. 36.
3. Отчёт Гомельского губернского исполнительного комитета, декабрь 1921 г. – ноябрь 1922 г. – Гомель, 1922. 417 с.
4. Тезисы к кампании по изъятию церковных ценностей // ДАВВ. Ф. 123. Воп. 1. Спр. 771.
5. Итоги борьбы с голодом 1921 – 1922 гг.: сборник статей и отчетов. М., 1922. 499 с.
6. Тезис 4 // ДАВВ. Ф. 123. Воп. 1. Спр. 771.
7. 2-я Лепельская уездная конференция крестьян // Известия Витебского губисполкома и Губкома Р.К.П. (б). 1922. 29 сак.
8. Декреты и распоряжения / Итоги борьбы с голодом 1921 – 1922 гг.: сборник статей и отчетов. М., 1922. 499 с.
9. Письмо Витебского викария // ДАВВ. Ф. 123. Воп. 1. Спр. 754.

ПЕРЕДАЧА ВЕЛИЖСКОГО, НЕВЕЛЬСКОГО, СЕБЕЖСКОГО УЕЗДОВ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОСТАВ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.В. Барановский

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машера, sasha9209@mail.ru

В марте 1924 года Президиумам ВЦИК было принято решение о присоединении к БССР 16 уездов и отдельных волостей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, а также о передаче трех уездов бывшей Витебской губернии в состав Псковской. Именно о передаче Велижского, Невельского, Себежского уездов и пойдет речь далее.

Цель статьи – на основании архивных документов, проследить процесс передачи Велижского, Невельского, Себежского уездов бывшей Витебской губернии в состав Псковской.

Ключевые слова: Велижский, Невельский, Себежский уезды, Белорусско-Псковская Согласительная Комиссия.

При написании статьи использовались архивные документы, выявленные во время работы в Государственном архиве Псковской области [1–4]. В исследовании использовались общелогические методы (описание, анализ, синтез) и специальные исторические (историко-системный) методы.

24 марта 1924 года состоялось заседание Президиума ВЦИК, на котором было принято решение о передаче Велижского, Невельского и Себежского уездов в состав Псковской губернии. Передачу уездов должен была произвести Витебский Губисполком к 7 апреля 1924 года.

Решением всех возникающих вопросов в период присоединения данных уездов занималась Белорусско-Псковская Согласительная Комиссия. Она была создана на паритетных основах из представителей белорусской и псковской стороны [1, л. 272]. Так интересы БССР на первых ее заседаниях представляли Чернушевич и Шкубер, а затем Проферансов и Бородавский [2, л. 273]. Псковский Губисполком – Невернов и Копнин. Невельский уезд представлял Жгун [2, л. 32], а Себежский – Козлов, Смирнов, Сивицкий, Подосиновик [3, л. 9]. Для решения спорных вопросов, которые не были достигнуты в процессе заседаний Согласительной Комиссии, была создана Арбитражная Комиссия под председательством Белобородова [1, л. 272].

28 марта состоялось заседание Президиума Невельского Усполкома. На повестке дня стоял вопрос о необходимости вынесения постановления Президиума о переходе Невельского уезда к Псковской губернии и о подчинении УИК с его отделами, учреждениями и предприятиями Псковскому Губисполкому. Особый интерес представляет выступление по данному вопросу члена Президиума Эфроса: «Фактически мы переходим в состав Псковской губернии, но юридически мы такого постановления вынести не можем, за отсутствием официального постановления центра о присоединении уезда к Псковской губернии». Член Президиума Псковского Губисполкома Смирнов указал на то, что основанием к вынесению постановления о переходе в подчиненность к Псковскому губисполкому, может служить полученная телеграмма о делегировании Псковским Губисполкомом в Витебск комиссии для приема Невельского и Себежского уездов. Итог подвел Кулик: «Ликвидация Витебского Губисполкома 20 марта и прекращение связи с последним является для нас необходимым связаться с новым Губернским центром». В итоге заседание Президиума Невельского Усполкома закончилось принятием постановления – считать Невельский Уисполком

со всеми его отделами и учреждениями отошедшим к Псковскому Губисполкому с 28 марта 1924 года [2, л. 22].

31 марта назначенная Псковским Губисполкомом комиссия, состоящая из трех членов и технических работников прибыла в г. Витебск для участия в работе Согласительной комиссии. В промежуток времени с 31 марта по 2 апреля, в ожидании представителей белорусской стороны, Псковской комиссией изучались необходимые материалы, шло ознакомление с присоединёнными уездами, как административными единицами через специально вызванных в Витебск представителей УИК [4, л. 97].

2 апреля 1924 года ЦИК БССР принимает решение о необходимости присоединения к БССР южной части территории Невельского уезда, а к Псковской губернии Стайковской и часть Дубопрайской волости. После этого в Витебск отправляются представители БССР для участия в работе Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии. Белорусским представителям дано указание в случае несогласия псковской стороны с решением ЦИК БССР отстаивать свои позиции, ссылаясь на необходимость точного применения постановления Президиума ЦИК РСФСР от 3 марта 1924 года [1, л. 273].

2 апреля в Витебском Уездно-Городском Исполнительном Комитете состоялось первое заседание Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии, на котором была установлена правомочность Комиссии, регламент ее работы, заслушаны законодательные акты, которые должны были лечь в основу её работы.

Началось обсуждение кардинального вопроса об установлении государственной границы между РСФСР и БССР. Окончательно данный вопрос был решен к пятому заседанию Комиссии 5 апреля. Государственная граница для Велижского уезда устанавливалась по карте Административного деления Витебской губернии за 1920 год. Псковской стороне отошли все волости уезда, за исключением тех, которые составляли Суражский уезд, присоединённый к БССР.

Для Невельского уезда государственная граница устанавливалась по той же карте, причем волости, бывшие в ликвидируемом Городокском уезде и отошедшие в 1923 году к Невельскому уезду: Горковская, Руднянская, Старинская, Холомерская и Обольская присоединялись к БССР. Дубопрайская и Стайковская волости остались в составе Невельского уезда. Таким образом, решение ЦИК БССР от 2 апреля 1924 года белорусским представителем воплотить не удалось [4, л. 97-97 об.].

При определении государственной границы для Себежского уезда возникли споры, которые окончательно так решены и небыли. Белорусские представители были не согласны с решением оставить в составе уезда Освейскую волость и Юховический Райсовет Ленинской волости, на чем настаивала псковская сторона. Представители БССР, отстаивая границы 1920 года, указывали на отсутствие экономической связи Освейской волости с Себежем и тяготением последней к Полоцку, а также преобладанием среди населения белорусского элемента. Псковские представители приводили следующие доводы. Во-первых, с момента организации охраны границы участок, к которому прилегает Освейская волость, всегда охранялся из Себежского центра. Во-вторых, наблюдается тяготение населения Освейской волости к Себежу. При необходимости поехать в Витебск, Освейское население едет обязательно через Себеж, а не через Дриссу-Полоцк. В-третьих, белорусское население в Освейской волости не преобладает, оно минимально и сгруппировано у самой границы по тракту Дрисса-Люцин. В связи с возникшими спорами о границе для Себежского уезда данный вопрос был передан на решения Арбитражной комиссии в Москву [3, л. 9-10]. На этот раз спор был решен в пользу белорусской стороны. 12 мая 1924 года Себежский Уисполком принял решение о передаче Полоцкому уезду Освейской и бывшей Юховической волости [3, л. 39].

5 апреля на заседании Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии принято решение об образовании Уездных Согласительных Комиссий при всех Уисполко-

мах для немедленной передачи и приеме имущества, дел и прочего. Данным комиссией предписывалось проведение демаркации границ в пределах Велижского и Невельского уездов.

Для подготовки материала по разделу имущества были образованы финансово-бюджетная, общая и земельная подкомиссии, с равным представительствам сторон. По окончании работ, срок которых был установлен на 14 апреля, подкомиссии представили необходимые материалы в виде протокольных постановлений. По вопросам, в которых не удалось перейти к консенсусу, было представлено два мнения, как с белорусской, так и с псковской стороны [4, л. 98].

Отведенный срок на передачу уездов истек еще 7 апреля, однако работа в Комиссии активно велась в связи несогласий сторон. Поэтому 14 апреля Президиум ВЦИК продлило срок передачи Велижского, Невельского и Себежского уездов на две недели [1, л. 2].

15 апреля Белорусско-Псковская Согласительная Комиссия вынесла ряд постановлений.

1. Все бюджетные обязательства по отношению к учреждениям, расположенным на отходящей к Псковской губернии территории и содержащимся на губернском и уездном бюджете с 1 апреля 1924 года, берёт на себя Псковский Губисполком.

2. Дотация, утвержденная по смете для отходящих уездов и недоданная к настоящему моменту, покрывается Витебским ГУБФО в порядке преемственности Наркомфином БССР.

3. Отчисление в губернскую смету от фактически произведённых, отходящим уездами расходов удерживается Витебским Угорфинотделом из суммы причитающихся к выдаче данным уездам.

4. Отчисление в уездный бюджет от натурального поступления единого сельскохозяйственного налога производится в Витебском Губфо, а в порядке преемственности Наркомфином БССР.

5. Излишки отчислений от поступления единого сельскохозяйственного налога сверхгодовой суммы, по отходящим уездам, переводятся на счета Псковского Губисполкома.

6. Отчисление промысловых поступлений по отходящим уездам за март месяц 1924 года переводятся непосредственно в распоряжения соответствующих Уисполкомов.

7. Отчисление от поступления лесного дохода в местный бюджет до 1 апреля поступают в распоряжения БССР.

8. Задолженность по зарплате Витебский Угорфинотдел переводит непосредственно в распоряжения соответствующих Уисполкомов.

9. Задолженность Витебских Губернских учреждений по отходящим территориям Витебский Угорфинотдел обязуется покрыть путем удержания потребных сумм из кредитов названных учреждений и перевести таковые уисполкомам.

10. Никакие отчисления от поступления налога и доходов по отходящим территориям после 1 апреля в губернскую смету бывшей Витебской губернии не производятся, а произведенные уже немедленно переводятся на счета Псковского Губисполкома.

11. Финансово-налоговые органы отходящих уездов совсем составом сотрудников, имуществом, кассовой наличностью, по состоянию на 1 апреля предаются в распоряжения Псковского Губфо.

12. Для погашения облигаций хлебного займа рабочих и служащих по Себежскому уезду Витебский Угорфинотдел при получении нарядов из центра обязуется немедленно потребное количество ржи направить в адрес Себежского УФО.

13. Все делопроизводства Витебского Губфо, касающиеся присоединяемых к Псковской губернии Уфинотделов, передается Псковскому УФО.

Были приняты и другие постановления: о средствах Витторга, о разделе имущества и капитала книгоснава, о разделе имущества фармаправления, по Губздраву, по Губоно, по Горкомунотделу, по бывшему ГСНХ, по земельным имуществом и управлению ими [4, л. 98-102].

Членами Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии была проделана огромная работа по передаче трех уездов Псковской губернии. Однако все время возникали споры и конфликты. Так на заседании Президиума Себежского Уисполкома от 8 марта 1924 года, было заслушано более десяти претензий разного характера к бывшим властям. В качестве примера приведем претензию общего отдела к Губкомунотделу о выдаче пожарной машины уведенной в 1920 году из Себежа, взамен которой Губкомунотдел должен был выдать две лошади и пожарную машину. Лошадей выделили, а машину нет, в этом и состояла суть претензий, которых накопилось очень много [3, л. 11].

Продленный срок передачи уездов закончился 21 апреля 1924 года. Однако 10 мая Президиум Псковского ГИК ходатайствовал в ВЦИК о понуждении ЦИК БССР к немедленному выполнению обязательств, достигнутых во время работы Согласительной Комиссии. Так, все причитающиеся уездам суммы (отчисления от промналога, сельхозналога, дотации) до 1 апреля, должны были давно переданы уездам, но в мае они еще не возвращены [1, л. 59]. В ответ на ходатайстве Псковского Губисполкома ВЦИК обратилось в ЦИК Союза СССР с прошением «воздействовать на БССР в смысле своевременного выполнения последним достигнутых соглашений» [1, л. 60]. Передача уездов затянулось еще надолго.

Таким образом, на основании архивных документов, видно, что процесс передачи трех уездов бывшей Витебской губернии в состав Псковской был долгим и затяжным. Несколько раз продлялись официальные сроки передачи уездов. Огромная работа была проведена Белорусско-Псковской Согласительной Комиссией, которая создавалась на паритетных основах из представителей белорусской и псковской стороны. Сегодня бывшие уездные центры являются центрами районов Псковской и Смоленской областей Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Псковской области. Ф. р-590. Оп. 1. Д. 1560.
2. Государственный архив Псковской области. Ф. р-590. Оп. 1. Д. 1533.
3. Государственный архив Псковской области. Ф. р-590. Оп. 1. Д. 1548.
4. Государственный архив Псковской области. Ф. р-590. Оп. 1. Д. 1495.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПОСЛЕВОЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

*А.М. Егоров
г. Псков, Псковский филиал Академии ФСИН России*

Целью статьи является исследование особенностей административно-территориальной организации пограничных районов Псковского края после его освобождения от немецкой оккупации и в период послевоенного восстановления. В статье рассматриваются основные факторы, которые учитывали советские власти при административном размежевании пограничных и внутренних территорий Псковщины.

Ключевые слова: пограничная полоса, районирование, согласительная комиссия, центр, периферия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 года, вскоре после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, была образована Псковская область [1, л. 13].

В составе Псковской области первоначально организовывалось 20 районов. Однако уже 16 января 1945 года в пограничной полосе, входившей в 1920-1940 гг. в состав Эстонии и Латвии и переданной обратно воссоздаваемой Псковской области, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР создавались еще три новых района: Печорский, Пыталовский и Качановский. До революции их территория являлась частью Псковской губернии и была фактически аннексирована договорами 1920 года, вынужденно подписанных Советской Россией в условиях враждебной международной изоляции.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 года и решения Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 сентября 1944 года (протокол № 16) предварительно были созданы согласительные комиссии по районированию и размежеванию Псковской области с ее соседями.

Меньше всего проблем в этом отношении возникло с представителями Ленинградской области. Уже 1 сентября 1944 года исполнительный комитет Ленинградского облсовета постановил обязать заинтересованных начальников управлений и заведующих отделами передать все предприятия, организации и учреждения, находящиеся на территории отходящих к Псковской области районов, а также весь учетный и плановый материал по этим районам соответствующим отделам и управлениям исполкома Псковского областного Совета.

На созданной в этих целях согласительной комиссии Ленинградскую область представляли П.П. Таболкин и И.В. Нечаев, а Псковскую область – Е.А. Фурдман и А.М. Ларин. Согласно акту указанной комиссии в распоряжение Псковской области без всякой волокиты передавались административные единицы со всем аппаратом, имуществом и инвентарем в том виде как они существовали до момента выделения из состава Ленинградской области. Претензий при административно-хозяйственном разделении области с той или иной стороны выявлено также не было.

Несколько сложнее шло у псковичей согласование позиций с прибалтийскими коллегами. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР о выделении ряда волостей из Латвийской ССР и присоединении их к Псковской области РСФСР, Псковский облисполком предложил латышской стороне встретиться с ее представителями 23 октября 1944 года в городе Абрене (Пыталово). Однако в назначенный срок в указанном месте латышских представителей не оказалось, и псковская делегация в сопровождении уполномоченного укома КП(б) Латвии и исполкома Абренского уезда Дергач направилась в город Вилоки, а затем и в Ригу.

К этому моменту члены согласительной комиссии от Латвийской ССР все еще не были назначены. По причине чего комиссия не могла приступить к работе и по истечении двух дней бесцельного пребывания в Риге псковичи отправились домой, предложив для подписания акта согласительной комиссии направить уполномоченных Латвии в Псков. О чем заместитель председателя исполкома Псковского облсовета Перегуд и уведомил председателя Совнаркома Латвийской ССР Лациса и секретаря республиканского ЦК КП(б) Лебедева.

В конечном итоге вопрос был решен. Но отдельные недоразумения все же имели место. Такие как при переезде Абренской конторы связи, когда начальствующим составом отделения почты все оборудование (аппараты связи, трансформаторы, мебель) было варварски демонтировано и увезено в неизвестном направлении. Прибывшему на место псковскому монтеру оставили только испорченный полевой телефон [2, л. 73].

В основу районирования западных территорий Псковской области с учетом их двадцатилетнего пребывания в составе Прибалтийских республик были положены несколько специальных условий и принципов.

Во-первых, недопущение административного смешивания населения их волостей с «коллективизированным» населением внутренних районов области. Это требование было продиктовано необходимостью единообразия в руководстве каждого района, а также особенностями сложившейся в присоединяемых пограничных волостях системы ведения сельского хозяйства. Среди местного русского большинства здесь было распространено единоличное пользование земельными угодьями и многие крестьянские дворы неохотно вступали в колхозы.

Во-вторых, соблюдение размеров новых районов по территории, плотности населения и количеству населенных пунктов применительно к средним размерам других районов Псковской области, но не свыше этих размеров. Данное требование обуславливалось планами проведения земельной реформы и внедрения социалистических форм в ведении сельского хозяйства. Громоздкость пограничных районов при существовавшем в них распылении крестьянства по индивидуальным хуторским дворам могло помешать организационной работе в этом направлении.

В-третьих, использование экономически сложившихся и обжитых центров под административные центры новых районов. Выбор таковых должен был учитывать существовавшую дорожную сеть и удобство путей сообщения от периферии к центру района, а от последнего – к областному центру.

В-четвертых, недопущение удаления периферии от районных центров свыше 25-30 км. Это условие объяснялось тем соображением, что при наличии сравнительно редкой сети железных и шоссейных дорог с преобладанием гужевого средств транспорта, большие расстояния могли привести в экономической жизни районов к значительным производственным затратам рабочего времени и транспорта, а в руководстве и организационных вопросах – затруднить общение районных учреждений с периферией и наоборот.

В-пятых, обеспечение целостного вхождения бывших волостей в тот или иной вновь организуемый район. Вхождение территории и населения одной волости в разные районы представлялось нецелесообразным в связи с начинавшейся земельной реформой по отрезке-прирезке земель и наделению ими безземельных и малоземельных крестьян.

Напротив, направление сельского хозяйства и язык населения при районировании не учитывались, т.к. на всей районированной территории они были в целом однородными. Так, по национальному составу население Пыталовского района (бывшего Абреского уезда Латвии) составляли на 98 % русские, 0,7 % латыши и 1,3 % представители других национальностей[2, л. 92].

При этом Печорский и Пыталовский районы были близки к средним показателям других районов области, имели компактную территорию, сложившиеся и обжитые райцентры и хорошие пути сообщения, что обеспечивало единообразие в руководстве их общественно-политической и хозяйственной жизни.

Из вновь проектировавшихся административно-территориальных единиц выделялся своими сравнительно малыми размерами только Качановский район. Но так как до революции и гражданской войны Качановская волость входила в состав Островского уезда Псковской губернии, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 года «Об образовании Псковской области в составе РСФСР» пограничное Качаново удостоилось отдельного упоминания. В частности, в указе говорилось: «Учитывая неоднократные просьбы населения Качановской волости Латвийской ССР, населенной по преимуществу русскими, и идя навстречу этим пожеланиям, а также имея в виду, что Президиум Верховного Совета Латвийской ССР ходатайствует о включении указанной волости в состав РСФСР, Президиум ВС СССР постановляет: Утвердить представление Президиума ВС ЛССР и включить в состав Псковской области Качановскую волость, выделив ее из состава Латвийской ССР». В связи с этим 20 декабря 1944 года в Прези-

диум Верховного Совета СССР поступило подготовленное ходатайство о создании Качановского района в составе Псковской области.

Относительно небольшая площадь проектируемого Качановского района объяснялась обособленным единоличным укладом жизни местного населения. Поэтому власти стремились не допустить его смешивания с жителями уже существовавших внутренних районов области. В связи с данным соображением увеличение размеров района могло быть достигнуто только за счет удлинения его на юг и север вдоль границы. Однако подобный вариант неизбежно привел бы к расширению радиуса обслуживания, что в виду отсутствия соответствующим образом ориентированной дорожной сети представлялось неприемлемым. В итоге было решено, что и в существующих размерах Качановский район способен обеспечить необходимые условия для нормальной и эффективной организации административной, общественно-политической и хозяйственной жизни.

В дальнейшем районная сеть пограничных районов менялась главным образом в сторону укрупнения и уменьшения их числа (как произошло позднее с пограничным Качановым, присоединенным в 1958 году к Палкинскому району[3, с. 294]).

Список использованной литературы

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 31.
3. Кайдалова И.А., Кайдалов Г.А. Страницы истории Палкинского района Псковской области. – Псков, 2008.

ВТОРОЕ УКРУПНЕНИЕ БССР И СОПРОТИВЛЕНИЕ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ПРОЦЕССУ ОБЪЕДИНЕНИЯ

*А.В. Кулеш
г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины*

Ключевые слова: первое укрупнение, сопротивление, комиссия, решение, присоединение, объединение.

В данной публикации показана роль местных партийных органов в процессе второго укрупнения территории БССР. Определены причины противодействия с их стороны укрупнению БССР.

4 декабря 1926 года пленум ЦК КП(б)Б констатировал присоединение Гомельского и Речицкого уездов к БССР. Данное событие вошло в отечественную историю как второе укрупнение БССР. Двумя днями позже ЦИК РСФСР юридически закрепил данное решение. В результате второго укрупнения территория БССР увеличилась на 15 727 км², а население – на 649 тыс. человек. Более существенен тот факт, что таким образом был решен важный для Беларуси этно-территориальный вопрос. Существенен также был и экономический фактор. Гомельская промышленность и транспортная сеть стали серьезным приращением к слабой и развивающейся на тот момент промышленности республики.

Второе укрупнение БССР можно назвать логическим продолжением первого укрупнения. Оно состоялось вопреки нежеланию местных партийных органов, рассчитывавших на то, что нахождение в составе РСФСР (Гомельского и Речицкого уездов) будет более выигрышно для их личных интересов, которые выражались в надеждах построения более успешной карьеры. С целью претворения своих действий в жизнь умело использовалась неопределенность национальной самоидентификации населения приграничных с РСФСР и УССР районов.

В пример сопротивления партийных органов можно привести выдержку из протокола соответствующего решения. 24 июля 1926 года (протокол № 45/6) бюро Гомельского губкома ВКП(б) постановило: "1) отметить, что усилившиеся за последнее время разговоры со стороны руководящих работников Белоруссии о присоединении Гомельской губ. вызывают нервозность у местных работников и организаций, создают неуверенность при намечении хозяйственной работы и в общем вредно отражаются на всей работе губернии. 2) ...присоединение к Белоруссии будет встречено с недовольством рабочей массой и преобладающей частью крестьянства губернии и ухудшит политическое настроение трудящихся Гомельщины. 3) ...бюро не видит достаточно веских оснований для присоединения к Белоруссии, так как промышленность губернии в очень малой степени связана с БССР и экономически тяготеет больше к РСФСР. 4) Признать, что по нацсоставу населения и по другим признакам может стоять вопрос о присоединении к Белоруссии некоторой части Речицкого и Гомельского уездов. 5) ... отрывать часть губернии теперь нецелесообразно и не вызывается никакой необходимостью. Этот вопрос можно будет разрешить только при проведении общего районирования. 6) Просить ЦК ВКП(б) дать указание ЦК Белоруссии до проведения общего районирования этого вопроса больше не поднимать"[1]. Первый секретарь гомельского губкома КП(б)Б в записке «К вопросу о присоединении Гомельской губернии к БССР» так же писал 15 ноября 1926 года: «Национальное самосознание белорусского населения Гомельщины — в виде активного положительного тяготения к объединению с БССР — в явно выраженных формах отсутствует» [1].

Несмотря на все заявления и доводы местных партийных властей в Москве было своё мнение и причины касательно дальнейшего укрупнения территорий БССР. Считается, что одной из основных причин укрупнения БССР послужила внутренняя политика Польши и в особенности ряд готовящихся Пилсудским реформ в отношении нацменьшинств. По мнению Криницкого эта политика усиливает и активизирует все правое антисоветское крыло белорусских организаций в Польше, Латвии, Чехословакии и Литве. Вслед за эмиграцией и в БССР "начинают мелькать" полонофильские и антисоветские настроения у незначительной части белорусской национал-демократической интеллигенции[1].

Основным аргументом для местного руководства оставались данные переписей населения. По Гомельскому уезду число белорусов в 1920 г не превышал и 16% хотя по переписи 1897 г. эта цифра была больше – 74% [2 с. 33-34]. Возможно, это произошло из-за того, что у населения основная масса которого было родом из Российской империи, понятия «белорус» и «русский» не были взаимоисключающими. Во многом, данные переписи населения (особенно если опрос производился в крестьянской среде) зависели от постановки вопроса: например, «вы русские?», «мы русские»; «вы белорусы?», «мы белорусы». Это позже подтвердили работы комиссий в данном регионе и последующие переписи населения.

Так, комиссия во главе с Я. Х. Петерсоном, выезжавшая в Гомельский и Речицкий уезды 7-15 октября 1926 г., выявила весьма противоречивую картину – население в основном белорусское, но говорит со значительной примесью русских слов, «а те, кто служил в армии или жил в городах, - почти на чисто русском». Самое главное – «национальное самосознание в массе населения отсутствует совершенно, никакого интереса к вопросу национальности население не проявляет». Прямого вывода о необходимости расширения БССР комиссия не сделала, однако первый секретарь ЦК КП(б)Б А. И. Криницкий 15 ноября направил в Москву немало веских с точки зрения партийного руководства аргументов, делая акцент на то, что «в настоящее время партия должна завершить свою линию в отношении Белоруссии в виде присоединения к ней Гомельщины и части Псковщины» [3 с. 108]. И уже 23 ноября 1926 г. было принято окончательное решение о присоединении Гомельского и Речицкого уездов (включая Гомель) к БССР.

Таким образом, стоит отметить, что второе укрупнение БССР явилось важным и позитивным явлением для населения приграничных с РСФСР и УССР районов, так и для республики в целом. Стоит отметить, что высказанные сопротивляющейся объединению местной властью тезисы о «недовольстве рабочих масс и сопротивлении» не нашли своего подтверждения реальными фактами. Из чего можно сделать вывод, что местные партийные органы рассчитывая на то что нахождение в составе РСФСР будет более выигрышно для их личных интересов – просто манипулировали фактами и представляли их в выгодном для себя свете перед центральными властями страны.

Список использованной литературы

1. Теребов, О.В., Как большевики делили Гомельскую губернию между Россией и Белоруссией // «Родина». - №8. - 2003 г.
2. Отчет Гомельского губернского исполнительного комитета, декабрь 1921 г. – ноябрь 1922 г. : [VI-му губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов]. – Гомель : [б. и.], 1922. - 417, [2] с., [21] л. портр., графиков, диаграмм, схем.
3. Борисёнок, Ю. А. Белорусско-российское пограничье в 1918-44 гг. // Вопросы истории. – 2004. – № 12. – С. 105-112.
4. Пичуков, В. П., Старовойтов М. И. Гомельщина многонациональная (20-30-е годы 20 века). – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 1999. Вып. 1. – 235 с.
5. Зеленкова А. И., Старовойтов М. И. Гомельщина многонациональная (20-30-е годы 20 века). – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2000. Вып. 2. – 156 с.
6. Леонид Спадкай Как и когда менялись границы Беларуси // Сайт .sn-plus.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.snplus.com/ru/page/persons/5729/> Дата доступа : 6.12.2016 г. 11:33.

ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ ВИТЕБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ НА ЭТАПЕ СМЕНЫ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ (ПЕРЕХОД К БЕЛОРУСИЗАЦИИ)

А.Г. Лисов
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, alisov@tut.by

Цель статьи – анализ формирования оценки витебской художественной школы в условиях становления представлений о национальной культуре и искусстве, национальном стиле на этапе перехода к белорусизации в 1920-х гг.

Ключевые слова: витебская художественная школа, белорусское искусство, национальный стиль, национальная интеллигенция

«Витебский ренессанс» – понятие, обозначающее подъем культурной и творческой жизни в Витебске в период 1918–22 гг. Это переходный этап в историческом времени: от революции к гражданской войне, от войны к мирной жизни, от военного коммунизма к нэпу, от революционных творческих экспериментов к идеологизации сферы культурной жизни. Оценки периода на протяжении последующего времени принципиально менялись под влиянием принципиальных изменений культурных парадигм, которые коснулись понятия «культурная революция». Послереволуционное время дает основание говорить о состоянии, в котором оказалась после событий 1917 г. российская интеллигенция, чьи идеалы свободы разбились о реалии незрелой общественно-политической жизни страны. Вполне закономерным считается вопрос о том, почему в белорусской провинции такой подъем характерен именно для Витебска. Наряду с субъективными факторами многие авторы по этому поводу нередко приводят

аргументацию, претендующую на то, чтобы стать объективным объяснением «витебского феномена». Важную роль в культурной жизни города сыграли представители столичной российской интеллигенции – музыканты, художники, актеры, литераторы. Город занимал прифронтовое положение, но в свидетельствах все тех же деятелей культуры он предстает неким продуктовым раем, в особенности, в сравнении с голодным и непопленным Петроградом. Об этом пишут в своей корреспонденции из Витебска художники М.В. Добужинский и К.С. Малевич. Но в каком качестве выступает город? Определяет это феномен места? Или обозначает границу хлебной белорусской провинции, столь притягательной для столичных культуртрегеров?

Витебск нередко рассматривается как граница: черты оседлости, столичной и провинциальной жизни, российского и белорусского этно-культурных ареалов. Положение Витебской губернии в составе Российской Федерации вплоть до 1924 г. укрепляло в местной культурной жизни позиции российской интеллигенции. Исход ее столичных представителей, пребывание которых в Витебске связывают с культурным подъемом, закончился к этому же времени. Некоторая ее часть отправилась за границу, так и не дождавшись позитивных перемен, на которые надеялась, другая же часть вернулась в Петроград и Москву чтобы перейти к сотрудничеству с новой властью на принципах, еще не вполне понятных для нее.

Вхождение в марте 1924 г. в состав укрупненной БССР, смена губернского административно-территориального деления на окружное также отразились на культурной жизни города. В связи с проведением государственной политики белорусизации стала происходить смена вектора направленности местной интеллигенции. Отчасти эту переориентацию можно рассматривать как пример ее сервиллизма, приспособленчества. В это же время доминирующее место в учреждениях культуры и образования Витебска заняли командированные из Минска партийные и государственные чиновники, педагоги, культработники, журналисты. Украинский общественный деятель и публицист М.А. Славинский писал в статье «Русская интеллигенция и национальный вопрос», опубликованной в сборнике 1010 г. «Интеллигенция в России»: «только тот народ и достоин называться национальностью в современном значении этого слова, в составе которого появление интеллигенции стало совершившимся фактом»[1, с.]. Упрочивающееся положение молодой национальной интеллигенции в БССР в 1920-е гг. стало следствием государственной политики. Изменились в связи с этим оценки местного культурного опыта, значения явления, которое мы сегодня оцениваем как после-революционный культурный подъем и называем «витебским ренессансом». Местный культурно-исторический опыт постепенно приобрел национально-культурный контекст и в этом контексте не всегда позитивную оценку.

Очень показательной в этой связи является оценка, которая дается в статье И.Т. Гавриса «Изобразительное искусство в Витебске», опубликованной в краеведческом сборнике «Витебщина» [2]. Иван Гаврис был непосредственным и активным участником художественных экспериментов новаторов-супрематистов под руководством Малевича в Витебске. Статья написана, что называется, по горячим следам. В столичной и местной печати уже прозвучали по адресу формалистов-экспериментаторов нового искусства негативные высказывания партийных и советских идеологов. Опыт Витебской художественной школы Гаврисом также оценен как негативный из-за того, по его мнению, что «молодежь, не имевшая еще начальной теоретической и практической подготовки, уже втягивалась в научно-философские споры, агитировалась руководителями с разных сторон» [2, с. 170-171] вместо того, чтобы сначала приобретать основы изобразительной грамоты. В своей статье автор рассуждает о сложности художественной ситуации, свидетелем которой явился. Он пишет о столкновении в витебском искусстве этого времени трех основных направлений, несущих определенные идейно-художественные принципы. Переводя рассужде-

ния в русло общественных отношений, он утверждает, что «каждое направление стремилось доказать свою идеологическую правоту, ошибки противника и вместе с тем требовало признания пролетарского общества на права своего существования» [1, с.168]. Здесь присутствует идеологический контекст, но нет еще явной критики с национально-культурных позиций.

С новых позиций аргументирован витебский феномен и в статье нового белорусского концептуалиста Н.И. Касперовича «Белорусская культура», который объяснил причины резкого спада в художественной жизни города после революционного подъема тем, что «бурная художественная деятельность /левых художников – А.Л./, к сожалению, не была связана с возрождением национального самосознания местного населения, а художники с Витебщиной» [3, с.]. Таким образом, причина последовавшего кризиса культурной жизни – оторванность интеллигенции от национального движения. Об отсутствии национального литературного движения на Витебщине пишет в обзорной статье И. Мазуркевича, который характеризует предреволюционный и послереволюционный этапы развития местной литературы вплоть до 1924 г. отсутствием в Витебске зрелого белорусского литературного течения и белорусскоязычных изданий [4, с.93]. Таким образом, левые течения в искусстве, которые негативно оцениваются с позиций идеологических, получили в Беларуси такую же оценку с позиции национальной доктрины. Так зарождалась критика «витебской школы» художников левого направления как явления не только идеологически чуждого, но и не имеющего опоры на национальную традицию.

20-е годы были временем формирования в БССР творческих организаций художников под лозунгом создания нового национального искусства. С 1925 года стали регулярно проводиться всебелорусские художественные выставки, которые способствовали консолидации художественных сил республики. На материалах этих выставок были напечатаны первые серьезные обзоры современного белорусского искусства. В одной из статей, которая стала своеобразным осмыслением Первой Всебелорусской художественной выставки, состоявшейся в Минске в 1925 году, историк искусства и художественный критик Н.Н. Щекотихин, стоявший у истоков белорусского искусствознания, рассуждая о художественном языке нового белорусского искусства, писал «об обязательной необходимости понятности «художественного языка» для тех широких масс, которые наше искусство должно иметь объектом своего взаимодействия. Но эта понятность должна быть и формальной и тематической» [5]. Задавая общие «параметры» национального стиля, Щекотихин, будучи человеком несомненного и глубокого дарования, указывал на то, что «нельзя обходить последних формальных достижений общеевропейского искусства, без влияния которого нам все равно не обойтись» [5, с.145]. Заметно, однако, что когда разговор идет о новом искусстве, новом национальном стиле, и не только о новой тематике, новом содержании, но и о признании необходимости формалистических исканий, последнее связано, чаще всего, с обращением к опыту западноевропейских художников, нежели к русскому авангарду. Вслед за Н. Щекотихиным в стремлении обозначить пути развития современного белорусского искусства опыт «левых» течений рассматривал В. Майзелис, и делал вывод о том, что «дальнейшее развитие белорусского искусства пойдет как раз по пути отражения революции и революционного быта не через придворную этнографичность, а через действительно-органическое отображение белорусского национального стиля» [6, с.157]. Для него разработка национального стиля связана с идеями формотворчества, а не простым заимствованием принципов передвижничества. И все же «витебский» опыт революционного искусства оценен по-прежнему как случайный, не связанный с местной почвой. В «Путеводителе по отделу современного белорусского искусства Белгосмузея» Щекотихин заявляет, что «на протяжении 1919–1921 гг. Витебск случайно на время стал прибежищем для определенного числа российских

художников, которые временно внесли в него оживленность художественной жизни, вплоть до «крайних» левых течений живописи, а потом разъехались, не оставив там прочного следа» [7].

С подобным подходом Н.Н. Щекотихина спорит в своей статье «Пути изобразительного искусства БССР» А. Кастелянский. Он пишет: «Мы считаем абсолютно неправильным утверждение Н. Щекотихина ...» [8, с. 74]. Аргументируя, Кастелянский подчеркивает связь художников, работавших в Витебске на рубеже 1910-х – 20-х годов с местной художественной средой. Его оценка последующих реформ, происходивших в Витебске, Витебском художественном техникуме после левых, не столь уж положительная. Он заявляет, что «культурные влияния «левых течений» *только временно* /выделено мной – А.Л./ вытеснены провинциализмом Волковых, Энде и других, которые, кстати, и к сведению Щекотихина, безусловные росияне ...» [8, с. 74]. И этим он также ставит под сомнение тезис Щекотихина о связи с местной художественной средой. Призывая к работе над содержанием и формой художественных произведений, не отказываясь от идеологизации содержания и использования формальных приемов, он призывает бороться с «провинциализмом» и «псевдо-национальной ограниченностью», основывая свои рассуждения на материале трех Всебелорусских выставок (1925, 1927, 1929 гг.). Главными чертами последующего руководства Белорусского (Витебского) художественного техникума он считает «полную беспринципность и желание "приспособиться"» [8, с. 79].

В рассуждениях А. Кастелянского заметны, с одной, стороны, желание быть принципиальным и объективным в оценке современного ему искусства белорусских художников, представленного на выставках 1920-х гг., с другой определенно ощущаются желание осмыслить опыт «витебской художественной школы» в поисках национального стиля в искусстве. Однако те перемены, которые происходили в общественной ситуации на рубеже 20-х и 30-х годов, привели и к жесткой критике якобы националистических проявлений в искусстве, «нацдемовщины», а следовательно снимали саму проблему «национального стиля», и к столь же острой критике формализма, как проявления буржуазного искусства. То воодушевление, с которым Кастелянский говорит о проявлениях, например, импрессионистических подходов в белорусском искусстве, в скором времени также окажется невозможным. В апреле 1931 года в прессе была опубликована резолюция по докладу начальника управления по делам искусств при Совете Министров БССР писателя И. Гурского под заголовком «Классовая борьба в изобразительном искусстве БССР» [9]. В резолюции острой критике подверглась практика руководства Витебского художественного техникума, в ней сказано: «Белорусские национал-демократы, проводя свою подлую контрреволюционную работу, стремились использовать и изобразительное искусство против диктатуры пролетариата. Очень часто в работе отдельных художников и даже Витебского художественного техникума во времена руководства Керзина и Касперовича разрабатывались произведения, чуждые рабочему классу...» В той же резолюции отмечено, что «в белорусском изобразительном искусстве и до последнего времени среди отдельных художников наблюдается проявление формалистической тенденции, некоторая, а временами и очень выразительная, ориентация на буржуазное французское искусство и на упадочнический немецкий экспрессионизм, который является ярким проявлением классовой борьбы в белорусском искусстве» [9, с.140]. В числе подвергнутых критике оказались Н. Касперович, А. Кастелянский, целая группа витебских художников. Ни о какой позитивной оценке формализма вообще больше не могло быть и речи.

Рубеж 1920-х -30-х гг. стал временем борьбы с надуманным национализмом, разгрома якобы существовавших националистических заговоров, первых широких репрессий среди национальной интеллигенции. Это было началом формирования идеологического единства советского искусства, социалистического реализма как продукта этой идеологии. Стала выстраиваться та стена, которая отгораживала формалисти-

ческие поиски левых художников от белорусского искусства, искания национального стиля в творчестве белорусских художников 20-х гг. от искусства социалистического реализма. И только в новых условиях перестроечного и постперестроечного, постсоветского времени белорусская художественная практика оказалась готова разрушить эту стену. Художественная критика, практикующие художники со второй половины 1980-х гг. много раз заявили о своей приверженности к великому искусству витебской школы, а в самой школе стали открывать национальный контекст. Поиск форм давал возможность обогатить белорусское искусство, вывести молодую национальную школу на позиции мирового уровня. Страницы художественной летописи послереволюционного Витебска признаны сегодня явлением мировым, и никак не провинциальным, включающим искусство Беларуси в мировой контекст.

Список использованной литературы

1. Славинский, М.А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи: Proetcontra. Антология. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1998.
2. Гаўрыс, І. Вобразнае мастацтва ў г. Віцебску (Пачатак і канец першага 10-цігодзьдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі) // Віцебшчына: неперыяд. – Віцебск, 1928. – Т. 2. – С. 168–173.
3. Каспяровіч, М.І. Беларуская культура // Маладняк. – 1928. – № 12. – С. 125–152.
4. Мазуркевіч, Я. Літаратурны рух на Віцебшчыне // Маладняк. – 1929. – № 4. – С. 93–98.
5. Шчакаціхін, М. Сучаснае мастацтва Беларусі // Полюмя, 1926, №6, с.142.
6. Майзэліс, У. Шляхі сучаснага малярства // Маладняк, 1926, №11, с.140–157.
7. Сучаснае беларускае мастацтва. Беларускі Дзяржаўны музей. Праводнік па адзеле сучаснага беларускага малярства і разьбярства – Менск, 1929.
8. Кашталянскі, А. Шляхі выяўленчага мастацтва БССР // Узвышша. – 1929. – № 3. – С. 72–81.
9. Гурскі, І.Класавая барацьба ў выяўленчым мастацтве БССР // Маладняк. – 1931. – № 4. – С. 140–141

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА НА ПСКОВСКО-ВИТЕБСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В 1829 г.

Н.П. Никитина

г. Псков, Псковский государственный университет, pnikitina@rambler.ru

Цель статьи – на основе архивных источников проанализировать взаимодействие местных властей в сфере охраны правопорядка на территории Псковско-Витебского приграничья.

Ключевые слова: земский исправник, волостной голова, писарь, окружной комиссар.

Проблема охраны правопорядка на приграничных территориях государств, а так же и внутри государства между административно-территориальными единицами всегда была актуальной для местного управления, которому приходилось организовывать взаимодействие с органами власти соседних земель для противодействия правонарушениям. В истории Псковско-Витебского пограничья найдется не мало примеров подобного взаимодействия.

В Государственном архиве Псковской области имеется дело о ликвидации скопища бродяг и беглых в псковско-витебском приграничье в 1829 г. Необходимо сделать ряд пояснений относительно административно территориального деления Российской

империи в этот период времени. Псковская губерния с 1823 по 1830 г. входила в состав Остзейских провинций наряду Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниями [3, с. 257] и управлялась генерал-губернатором Филиппом Осиповичем Пауллуччи, которому подчинялся Псковский губернатор Андрей Федорович Квитке. Витебская губерния вместе со Смоленской, Могилевской относилась к одному генерал-губернаторству. Витебским губернатором был Алексей Никитич Пешуров, любопытно, что уже в январе 1830 г. он становится псковским губернатором [2, с. 634].

Осенью 1829 г. генерал-губернатор Ф.О. Пауллуччи потребовал от псковского губернатора А.Ф. Квитке ликвидировать скопище бродяг, беглых помещичьих крестьян и рекрутов в лесах в Невельском повете на границах Себежского, Опочецкого и Великолуцкого уездов. Центром данного «скопища» был погост Копылка и селение Заволочье в 70 км. от городов [1, л.13]. Для организации данного мероприятия предполагалось привлечь людские ресурсы из всех уездов в количестве 200 человек, лучшее время для поимки беглых посчитали зиму.

Возглавил группу, по поручению Псковского гражданского губернатора А.Ф. Квитке, опочецкий земский исправник Бороздин (полицейские силы включали в себя 6 сотских и 20 десятских). Он организовал взаимодействие с невелиским, себежским, великолукским земскими исправниками по поимке беглецов, в частности направил им письма с предложением определить место и время сбора. Поскольку в дальнейшем Бороздин действовал в одиночку, возможно предположить, что положительного ответа он не получил. Стоит подчеркнуть особенности данной ситуации: события разворачивались на границе двух губерний – Псковской и Витебской. Территория, на которой происходила операция, охватывала селения государственных, экономических и удельных крестьян, которые имели разный характер управления. Исправник Бороздин, должен был установить взаимодействие с исправниками другой губернии и учесть интересы казны. События развивались в течение 11 - 24 ноября 1829 г. Для поимки беглецов, Бороздин обратился за помощью к голове Острейского волостного правления Павлу Павлову и писарю Дмитрию Алексееву, проживающим в погосте Копылка, в котором и скрывалась часть беглых. Сын волостного головы Григорий Павлов отказался выполнять требования Бороздина, письменное распоряжение о взятии в плен беглецов бросил в снег, попытался отбить пленных. При этом Григорий Павлов называл себя хозяином погоста, нецензурно оскорблял Бороздина, заявлял, что не даст проводить обыск в данном волостном приказе. Действия уездного исправника воспринимались крестьянами как разбой, и попытка вторгнуться в пределы компетенции управления казенного ведомства. Исправник являлся представителем местной уездной власти. Данная позиция крестьян четко обозначает восприятие ими границ власти. Такого же мнения придерживался опочечко-новоржевский окружной комиссар казенных поселян Кузнецов, который квалифицировал действия опочецкого исправника как превышение власти. Бороздин арестовал Григория Павлова и нескольких беглецов. Однако в ночь на 17 ноября волостной голова Павел Павлов через десятских собрал группу около 50 человек и освободил пленных. Довольно активной во всех этих событиях была позиция писаря Дмитрия Алексеева, который заявлял Бороздину, что смеет отпускать пленных, кидал в исправника камни, грозил физической расправой. Земский исправник арестовал теперь самого волостного голову Павла Павлова. Однако жители многих селений волости собрались и возглавляемые писарем освободили задержанного. В дальнейшем Бороздину при привлечении дополнительных сил удалось арестовать волостного голову и писаря, они были заключены в Псковский тюремный замок.

Действия опочецкого исправника вызвали недовольство со стороны казенной палаты, которая усмотрела в действиях Бороздина превышение власти в отношении государственных крестьян. Исправник из благородного освободителя от разбойников

превратился в обвиняемого. Разбирательство по данному конфликту осуществлялось опочечко-новоржевским окружным комиссаром казенных поселян Кузнецовым, который даже освободил из-под стражи волостного голову Павла Павлова и писаря Дмитрия Алексеева. Дело о волостном голове и действиях Бороздина рассматривалось в марте 1830 г. в губернском правлении. Исправник указывал на личную неприязнь к нему со стороны комиссара казенных поселян Кузнецова. Последний в свою очередь настаивал на том, что доклад Бороздина о «героической» поимке беглецов не во всем соответствует действительности. Позиция Кузнецова была подтверждена и в результате дополнительного следствия. Однако его результаты не удовлетворили исправника, и дело было передано, уже губернатором А.Н. Пешуровым, для выяснения обстоятельств дела чиновнику по особым поручениям. Доклад об итогах данного расследования в архивных делах обнаружить не удалось. Однако освобождение волостного головы от ареста, свидетельствует о справедливости выводов Кузнецова. В дальнейшем Павел Павлов был снят с должности волостного головы.

Данный небольшой сюжет из истории Псковско-Витебского пограничья свидетельствует об особенностях жизни населения на данной территории. В частности, пограничье воспринимается в сознании населения как место, где могут укрыться лица, нарушившие какие-то законодательные нормы, т.к. именно в этом месте проходит граница компетенции властей соседних территорий. Данное обстоятельство, несомненно, затрудняет и делает более затяжным борьбу с правонарушителями.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО) – Ф. 20. Оп.1. Д. 965.
2. История органов власти и управления в Псковском крае (с древнейших времен до наших дней). – Псков: Псковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2016. - 640 с.
3. Летопись земли Псковской: годы и события. – Псков: ПГПУ, 2007. – 488 с.

О РУССКИХ ДЕНЬГАХ И ИХ ОБРАЩЕНИИ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ. НА ПРИГРАНИЧНОЙ МОГИЛЕВЩИНЕ

А.О. Николаева

г. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, nikolaeva_a.o@mail.ru

Цель статьи – анализ условий включения русских монет в денежный оборот Речи Посполитой и их «хождение» в экономических и социально-правовых отношениях приграничного Могилева, входящего в описываемый период в состав Польско-Литовского Княжества.

Ключевые слова: копейка, образ, русские деньги, сакральность, Смутное время, приграничье.

Центральное положение Польско-Литовского Княжества в Европе обуславливало участие в его денежном обращении монет Европейских государств, включая и деньги Русского Царства, основным монетным номиналом которого была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. На лицевой стороне она имела изображение всадника с копьем. На половинной фракции копейки (денге) всадник держал вместо копья саблю, что обосновывало наименование монеты – «деньга-саблиница» [1, с. 26]. Поступление денег Русского Царства в экономическую деятельность Речи Посполитой происходило следующими путями:

- ✓ от взаимоторговых операций [2, с. 525];
- ✓ от расчетов Московской казны и «самозванцев» с воинскими наемниками [2, с. 372-373];

- ✓ от расчетов с ремесленниками, привлекавшимися на Русь для градостроительных и церковных работ [3];
- ✓ от миссионерских денежных посылок Русской православной Церкви, гонимой православной Церковью Северо-Западной Руси [4, с. 115];
- ✓ от гражданско-уголовных преступлений в районах приграничья [1, с. 30];

Перечислено то, о чем народная молва говорит: отходный промысел деньгу родит, а денежка дорожку прокладывает [5]. По сведениям, собранным В. Кобринцом, основными источниками для статьи послужили Актовые книги Могилевского магистрата первой половины XVII в., хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (НАИБ, Ф. 1817, оп.1, д. 6-11, 13, 14, 16-19) и дополнительные сборники: «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», «Историко-юридические материалы», «Русско-белорусские связи». Обнаружено, что более чем в 60 документах могилевские горожане первой половины XVII века русские деньги называли: деньги, деньги Московские, копейки Московские, гроши Московские [5, с. 30]. Здесь необходим анализ иконографичности изображений русской копейки, сакральности которой могилевчанам того времени, как иностранцам, вряд ли была известна. О самом наименовании монеты «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера сообщает: «*копейка*», первонач. «серебряная монета», чеканенная с 1535 г.; производят от новгор. деньга (см.); появилась в Москве после завоевания Новгорода (1478 г.). Она носит изображение царя, сидящего верхом на коне с копьем в руке (1535-1719 гг.); см. Бауэр у Шлеттера 317; ср. Новор. 2 летоп. Под 1535г.: о том, что великий князь приказал «новыми деньгами торговати съ копеймъ»; см. Соболевский, РФВ 22,291» [6, с. 317].

Однако ошибочно отождествлять изображение монеты с Образом Св. Вмч. Георгия Победоносца, поскольку последние Великие Князья Рюриковичи все были благочестивы и не позволили бы Иконе пустить в бытовые ситуации «быти попираемой ногами». К более верным выводам о сакральности изображения всадника можно прийти, учитывая ментальность народа и его элиты. В это время Византия впадает в ересь на Ферраро-Флорентийской унии 1435 г., второй Рим пал, Москва – Третий Рим, четвертому не быти. В православном мире шла подготовка к «концу света» – второму пришествию Христа и Страшному Суду. Иоанн Васильевич III женится на Софье Палеолог, племяннице Византийского Императора, в приданое с ней Князь получает атрибуты имперской власти. Московия наследует Византийский Государственный герб, трансляция на Русь мистической православной Империи свершилась. Приближается к хронологическому завершению 7-ая тысяча лет от «Сотворения мира», а народ Божий к завершающей схватке с антихристом. Для этой последней битвы Русь строит тягловое государство, в котором духовно и телесно напрягаются все сословия от Князя до хлебопашца, «тянут» спасение. Именно в это время в геральдике Москвы начинает появляться образ всадника с копьем. Надо отдать должное Г. З. Байеру, наименовавшему всадника царем, но он не сообщил главного – каким царем? Принимая во внимание вышесказанное, можно с большой долей вероятности сказать, что этот образ русскими Князьями отождествлялся с апокалиптическим образом последнего русского Царя-Победителя, который, по словам апостола Иоанна Богослова: «вышел, чтобы победить», и Господь в Священном Писании говорит: «И побеждающему и соблюдающему дела моя до конца, дамъ ему власть на языцех, и упасет я жезломъ железнымъ...» (Апок. 2; 26). Народ получил от Князя образ, семантика которого представляла ему (народу) ежедневное зрительное обетование – вот твой защитник от материализующихся нападений дьявола и его слуг, трудись, живи честной деньгой, будь достоин этой Божьей милости. Со смертью Иоанна Грозного духовность тяглового делания Руси стала катастрофически умаляться, что привело к помутнению веры и как

следствие к общению с еретической греческой церковной иерархией. Все это вылилось в бес(чин)ства Смутного времени. Именно в этот период отмечен максимальный приток русских денег в денежный оборот Речи Посполитой. Маловероятно, что приведенная автором семантика образа копейки упоминалась в просветительно-образовательных источниках Могилевщины, хотя ее поиск вполне уместен в религиозно-патриотическом наследии Могилевского православного братства действовавшего в критических условиях жизни вплоть до второго раздела Польши в 1797 году.

Близость границы, которая по наблюдениям иностранных описателей «со стороны Смоленска шла даже западнее Днепра, именно по небольшой речке за Шкловом» [2, с. 301], создавала предпосылки для социальных взаимопроникновений, влияющих на ход исторических событий в соседствующих государствах. Так, появление Лжедмитрия II историки связывают со Шкловом, о котором А. Королев сообщает: «заработала наконец, интрига с очередным Лжедмитрием, начавшаяся с поездки лжецаревича Петрушки в Оршу в декабре 1606 года. Примерно в феврале 1607 года его сообщники в Белоруссии подобрали, как им показалось подходящего человека. Подготовив «претендента на престол» и приставив к самозванцу нескольких слуг, паны Зеневич (староста Чечерска) и Рагозинский (староста Пропойска) переправили его через русскую границу», здесь автор ссылается на труд Р. Г. Скрынникова «Смута в России» (с.189-203). В двадцатых числах мая 1607 года будущий знаменитый Тушинский вор явился в приграничный северский город Стародуб. Сюда же прибыл казачий атаман Иван Заруцкий, специально посланный из Тулы за самозванцем. Совпадение во времени появления двух этих людей в одном и том же городе отнюдь не было случайным. Активное участие в интриге принял и стародубский сын боярский Гаврила Веревкин – жоак местных повстанцев. Заруцкий и Веревкин тут же «признали» Дмитрия Ивановича, а из Польши подошел пан Маховецкий (участник похода Лжедмитрия I на Москву, один из соумышленников Зеновича, принимавший активное участие в «подборе» претендента), который привел самозванцу около семисот наемников [7, с. 269-270]. Тушинский вор умышленно начал свое шествие по Руси с северских земель – здесь он обрел подавляющее число сочувствующих «доброму царевичу» из числа населения края, жестоко пострадавшего от Бориса Годунова, за лояльность к Лжедмитрию I: Царь же Борис гнева и ярости исполнился на жителей Комарицкие волости и повеле ея великим пленом пленити и до конца опустошити, что расстриге предалися и служат, и всех православных христиан посетчи от мала до велика, а иных всякими различными муками умучити... [8, с. 241]. Правомерно провести поиск в архивных документах Чечерска и Пропойска за 1606-1607 годы на предмет свидетельств прихода и накопления значительных сумм русских денег, так как городские старосты Зеневич и Рагозинский, отправляя Лжедмитрия через русскую границу, не могли допустить, чтобы Зих «претендент на престол» пришел к «своим подданным» с деньгами сопредельного воюющего с Отечеством государства. Наличие значительного следа русских денег в этих городах послужит аргументом в пользу выдвинутой версии. В качестве вывода к статье можно заключить, что русские деньги на землях приграничного Могилева первой половины XVII в. стали не только экономическими средствами жизнедеятельности, но и индикатором социально-духовных процессов исторически приближающих воссоединение единого в генетике и вере русского этноса.

Список использованной литературы

1. Кобринец, В. Новое и традиционное о русских монетах на территории Беларуси в первой половине XVII в. / В. Кобринец // Банковский вестник. – 2016. – №3. – С. 26–32.
2. Ключевский, В. О. Краткий курс по русской истории / В. О. Ключевский. – Москва: Издательство АСТ., 2016. – 538 с.

3. Баженова, О. Д. Белорусы Москвы. XVII век / О. Д. Баженова, Т. В. Белова. – Минск : Беларус, 2013. – 472 с.
4. Булгаков, М. Преосвященный Георгий Конисский Архиепископ Могилевский / М. Булгаков. – Минск : Виноград, 2000. – 656 с.
5. Даль, В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : в 2 т. / В.И. Даль. – Санкт-Петербург : Литера, ВИАН, 1997. – 2 т.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – 4-е изд. – Москва, 2009. – Т. 2. – С. 45-46
7. Королев, А. С. Илья Муромец / А. С. Королев. – Москва : Молодая гвардия, 2016. – 373 с.
8. Зайцев, В. В. Русские монеты XIV-XVII вв. Очерки по нумизматике / В. В. Зайцев. – М. : Издательство МБА, 2016. – 304 с.

ДВАРАНСКІЯ СЯДЗІБЫ ВІЦЕБСКА-СМАЛЕНСКАГА ПАМЕЖЖА: СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ

М.В. Півавар
г. Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава, pivavar@gmail.com

Мэта артыкула – аналіз стану шляхецкіх сядзіб, выяўленне агульных і асаблівых рыс былых маёнткаў віцебска-смаленскага памежжа.

Ключавыя словы: сядзібы, палацава-паркавыя комплексы, дваранства.

Вывучэння дваранскіх сядзіб – важнейшы накірунак у вывучэнні культуры вышэйшых колаў насельніцтва народа. Сядзібы, як правіла, з’яўляліся гаспадарчымі, культурнымі цэнтрамі, вакол якіх арганізоўвалася жыццё ў правінцыі. Багатыя і сярэдняй рукі прагрэсіўныя памешчыкі першымі ўводзілі ў сельскую гаспадарку новыя прыёмы землеапрацоўкі, новыя механізмы, прылады працы, тэхналогіі, формы і метады землекарыстання. У панскіх сядзібах былі бібліятэкі, прыватныя архівы, калекцыі, кабінеты, часам тэатры. Часта на грошы гаспадароў адкрываліся і ўтрымліваліся навучальныя ўстановы. Шэраг сядзіб былі ўзведзены па праектах вядомых архітэктараў і з’яўляліся выдатнымі помнікамі архітэктуры свайго часу.

На жаль, у часы расійскіх рэвалюцый, а потым і сацыялістычных пераўтварэнняў падаўляючая большасць сядзіб была знішчана. Вывучэнне сядзіб, як і даследаванне дваранства разглядалася ў БССР як неперспектыўная тэма. Сама памяць пра эксплуатацыйныя класы павінна была сысці ў нябыт разам з эксплуатацыяй.

З канца 1960-х гг., на Беларусі ў пэўных колах грамадства (ліберальная інтэлігенцыя, мастакі, нацыянальна-арыентаваныя студэнты) з’яўляецца цікавасць да мінуўшчыны. Некаторыя захады па вывучэнню і захаванасцю сядзіб рабіла Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. У бюлетэні “Помнікі гісторыі і культуры Беларусі” можна знайсці некаторыя артыкулы на гэту тэму. Актывізацыя вывучэння стану сядзіб адбываецца ў межах падрыхтоўкі “Збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі”. Аднак, у яго увайшлі далёка не ўсе з тых сядзіб, якія на той час добра захаваліся. Напрыклад, у том, прысвечаны Віцебскай вобласці [1] не ўвайшлі звесткі ні пра адну сядзібу ў Віцебскім раёне, хаця ў добрым стане захавалася тры мураваныя: Мазалава, Лукі, Вялікія Лётцы.

З пачаткам палітыкі “перабудовы” і абмежавання цензуры панскімі сядзібамі цікавіцца пачалі больш, але тут развіццё сядзібазнаўства стрымліваецца абмежаванасцю дакументальнай базы і крыніц. Практычна адсутнічаюць даследаванні па гісторыі сядзіб у Беларусі. А.Т. Федарук у сваім даследаванні “Садова-паркавое

искусство Белоруссии” [2] усосна разглядае сядзібы ў межах аналізу садова-паркавага мастацтва краіны. Тэмай даследавання Л.М. Несцярчука сталі сядзібы Берасцейшчыны [3]. Польскі даследчык Раман Афтаназі прысвяціў 12-томнае выданне стану сядзіб на былых ускраінах Рэчы Паспалітай. У томе 1 і 4-м можна знайсці некаторыя звесткі пра былыя сядзібы на тэрыторыі сучаснай Віцебшчыны [4]. Пэўныя звесткі пра сядзібы ў некаторых раёнах вобласці можна адшукаць інфармацыю ў артыкулах і выданнях мясцовых краязнаўцаў.

Такім чынам, відавочна, што пытанне вывучэння сядзіб Беларусі ў цэлым і Віцебшчыны ў прыватнасці пакуль не знайшло свайго даследчыка. Інфармацыя пра сядзібы адрывчатая, непэўная, расцярушана па розных выданнях. Невядома нават, колькі сядзіб было. Не толькі з прычыны маладаследаваннасці гэтага пытання ці адсутнасці інфармацыі. Выклікае пытанне Што лічыць сядзібай? Стан і ўзровень сядзіб быў вельмі розным. Былі мураваныя палацы, выкананыя па праектах выдатных замежных і расійскіх архітэктараў, узвядзеныя якіх каштавала сотні тысяч, а то і некалькі мільёнаў злотых, а потым рублёў. Былі і сціплыя драўляныя аднапавярховыя сядзібы дробнай шляхты, якія па сваім выглядзе і архітэктуры мала адрозніваліся ад сялянскіх хат.

Жыццё сядзібы ў любым грамадстве абмяжоўваецца трываласцю матэрыялаў, з якіх яна створана, дбайнасцю гаспадароў, прыроднымі (землятрус, навадненне, пажар і інш.) і сацыяльнымі (войны, рэвалюцыі, паўстанні) з’явамі. Але большасць памешчыцкіх сядзіб, якія былі ўзведзены на Беларусі ў XVIII – пачатку XX ст. загінула ад рук людзей. Прычым, не ў ваенных канфліктах, у выніку сацыяльных патрасненняў.

Першая хваля пагромаў памешчыцкіх сядзіб адбылася ў 1905–1907 гг. і звязана з Першай расійскай рэвалюцыяй. Палілі сядзібы, як казаў Бунін “за тое, што сотнямі гадоў паролі мужыкоў і гвалцілі сялянак”. Сіламі паліцыі і войскаў бунты задушылі. Але нявырашанасць менавіта аграрнага пытання прывяла да Лютаўскай рэвалюцыі. Сядзібы запалалі зноў. А пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі, калі лозунг “Рабуй нарабаванае!” адзінае не стаў афіцыйнай ідэалогіяй сядзібам, панскім гаспадаркам быў нанесены найбольшы ўдар.

Што сталася з былымі валадарамі сядзіб? Большасць памешчыкаў-каталікоў выехалі ў Польшчу. Больш багатыя праваслаўныя памешчыкі выехалі куды маглі – Францыю, Германію, Кітай. Дробныя і памешчыкі сярэдняй рукі аставаліся, разлічваючы на тое, што змогуць прыстасавацца. Некаторым некаторыя час удавалася, але не доўга. Як прадстаўнікоў эксплуатаатарскіх класаў іх пазбаўлялі маёмасці, выбарчых праў, а з 1930-х гг. і жыцця.

Як жа сядзібы захаваліся. Найбольш багатыя савецкая ўлада імкнулася пераўтварыць ва ўзорныя гаспадаркі. Яны былі павінны стаць ачагамі дзяржаўных маёнткаў па вырабу сельскагаспадарчай прадукцыі. Тут ажыццяўляліся і першыя спробы сацыяльнага эксперэменту: на аснове былых сядзіб рабіліся першыя камуны. Але большасць іх развалілася, калі праелі памешчыцкія запасы. Да і кадраў, якія былі здольны кіраваць эканомікай вялікай гаспадаркі проста не было.

У некаторых сядзібах рабілі школы, лячэбныя ўстановы, у некаторыя ўсяляліся арганізацыі.

Улада пыталася зрабіць пэўныя захады па захаванню сядзіб і маёмасці. Так, пытаннем аховы сядзіб займалася Віцебская губернская Камісія па ахове помнікаў даўніны і прадметаў (рэчаў) мастацтва (студзень 1920 –мяжа 1921–1922 гг.). У Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці захоўваюцца анкеты на некаторыя сядзібы, якія запоўнены рукой вядомага гісторыка А.П. Сапунова (фонд 1947, воп. 1, спр. 2, 19). Планавалася скласці каталог сядзіб, узяць іх пад ахову. Але перапіска сведчыць аб тым, што справа аховы ішла малапаспяхова.

Непапраўную шкоду нанеслі сядзібам і гаспадарцы ў цэлым далучылася Першая сусветная, а потым савецка-польская вайна. Шмат загінула і ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Апошні ўдар сядзібам нанесены у канцы XX ст., калі з развалам СССР і жыццём ва ўмовах пераходу да капіталізму рэзка паменшылася фінансаванне сацыяльнага сектара дзяржавы. Скарачаюцца выдаткі а разам з гэтым і ліквідуюцца, “аптымізіруюцца” санаторыі, прафілакторыі, дзіцячыя дамы, дзіцячыя садкі, школы, навучальныя і выхавальныя ўстановы. Некаторыя з іх размяшчаліся ў былых сядзібах. Будынкі, аказаўшыся без прысутнасці чалавека закідаюцца, прыходзяць у кепскі стан, руйнуюцца, гараць. Большасць з тых, перажылі жорсткае XX стагоддзе, з ягонымі войнамі, пагромамі рушацца ад нядбайнасці сучаснікаў.

Сядзібы віцебска-смаленскага памежжа. У Віцебскай вобласці са Смаленскай мяжуюць 3 раёна: Віцебскі, Дубровенскі і Лёзненскі. Толькі ў адным Віцебскім павеце на 1906 г. было 146 сядзіб [5]. На 2016 г. не разбуранымі з’яўляюцца толькі сядзібы ў Вялікіх Лётцах, Здраўнёва і Мазалава. Ад 36 удалося адшукаць у лепшым разе падмуркі, руіны гаспадарчых пабудов і фрагменты паркаў.

У Дубровенскім удалося выявіць фрагменты толькі чатырох сядзіб: Арловічы, Дуброўна, Станіславава, Усвяты. У Лёзненскім – 9: Адаменкі, Дабрамыслі, Завольша, Крынкі, Перамонт, Станіславава, Страганы, Міхайлава, Чарнаручча. З іх толькі ў Крынках захаваліся конны манеж, скотны двор, сіласныя ямы, сістэма сажалак.

На Смаленшчыне навукоўцамі даследавана 350 адрасоў, выяўлена 253 аб’екта. З іх у рознай ступені захаванасці 33 сядзіб з галоўнымі дамамі; 4 сядзібы без дамоў, але з жылымі флігелямі. Ад 30 сядзіб захаваліся толькі цэрквы, ад 177 захаваліся толькі парк і іх фрагменты. Зусім не захавалася сядзіб у Веліжскім раёне.

У памежным з Віцебскай вобласцю Руднянскім раёне на месцы двух сядзіб захаваліся толькі некаторыя старыя дрэвы ў вв. Казімірава і Храпакі (Храпакова). У Дзямідаўскім рэне выяўлены 12 сядзіб, з іх большасць не захавалася. Але ў в. Слабада (п. Прожевальское) захавалася сядзіба Глінак і Пржавальскіх. У 1887 г. вядомы генерал-выправавальнік М. Пржавальскі пабудавану тут па сваім праекце драўляны дом з мезанінам. Дом згарэў у 1942 г., але адноўлены ў 1975 г., у 1989 г. старожака (дом Глінак). З 1977 г. у сядзібе створаны Дом-музей М. Пржавальскага [6].

Такім чынам, лёс і цяперашні стан памешчыцкіх сядзіб на тэрыторыі сучасных Усходняй Віцебшчыны і Заходняй Смаленшчыны быў прыблізна аднолькавы. Большасць была спалена і разабраная сялянамі. Значная колькасць разабрана ўладамі для стварэння школ, будынкаў сельскіх саветаў. Некаторыя страцілішы гаспадароў былі закінуты і проста не перанесла часу. Некаторыя былі знішчаны ў часы ваенных дзеянняў Першай і Другой сусветнай войнаў. Толькі некаторыя мелі больш шчаслівы лёс. У іх былі адчынены школы, бальніцы, прафілакторыі. Некаторыя аддадзены пад ўстановы. Большасць страціла сваё эканамічнае значэнне і толькі адзінкі працягвалі быць цэнтрамі сельскагаспадарчай вытворчасці. Аднак з распадам СССР, развіццём капіталізму і звязаным з гэтым рэзкімі зменамі ў сацыяльнай палітыцы амаль усе былыя памешчыцкія сядзібы (былыя санаторыі, прафілакторыі, школы) закінуты ўладамі і можна прагназаваць іх знікненне на працягу некалькіх гадоў. У такой сітуацыі выхадам бачыцца тэрміновая прыватызацыя былых сядзіб і неабходныя захады хаця бы па іх кансервацыі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. – Мн., 1985. – 496 с.
2. Федорук, А.Т. Садово-парковае искусство Беларуси / А.Т. Федорук. – Мн.: Уражай, 1989. – 247 с.
3. Несцярчук, Л.М. Замкі, палацы, парк Берасцейшчыны Х–XX стагоддзяў : Гісторыя, стан, перспектывы / Л.М. Несцярчук. – Мн. : УП "БЕЛТА", 2002. – 336 с.

4. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Wyd. 2. – Cz. 1. Wielkie Księstwo Litewskie, Inflanty, Kurlandia. – Т. 1. Województwamińskie, mścisławskie, połockie, witebskie. – Wrocław: Ossolineum, 1996. – 335 S.; Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Wyd. 2. – Cz. 1. Wielkie Księstwo Litewskie, Inflanty, Kurlandia. – Т. 4. Województwo wileńskie. – Wrocław: Ossolineum, 1993. – 547 S.
5. Сапунов, А.П. Список населенных мест Витебской губернии. – Витебск, 1906. – С. 3–6, 11–30, 32–46, 53–54
6. Чижков, А.Б., Гурская, Н.Г. Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. – Смоленск: Свиток, 2009. – С. 50.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВИТЕБСКОЙ И КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1920–1930 ГОДЫ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

М.И. Старовойтов

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины, starmihail24@mail.ru

Цель статьи – на основе компаративистского метода раскрыть динамику численности городского населения, степень урбанизированности населения пограничного региона и, прежде всего, белорусов, достигнутый к концу 1930-х годов в результате советской модернизации экономики.

Ключевые слова: Витебская и Калининская области; городское население; динамика численности; национальный состав; титульные этносы; степень урбанизированности населения

Исследование региональных, пограничных аспектов развития того или иного государства является одним из главных направлений в изучении общего и особенного исторического процесса. Ни в общереспубликанском, ни в региональном плане в таком контексте обозначенная проблема в отечественной и российской историографии не только не рассматривалась, но и не ставилась. Автором предпринята попытка, с учетом возможного объема публикации, восполнить этот пробел, опираясь на оригинальные рассекреченные архивные данные, которые вводятся в научный оборот впервые (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором). Частично опубликованные материалы переписи 1939 г. носят общий характер [1].

Из таблицы 1 [2, л.1; 3, л.1] видно, что в Витебской области прирост городского населения составил 157%, а в Калининской – 186%. Этот прирост произошел в основном за счет сельского населения, которое значительно уменьшилось в исследуемый период. Удельный вес городского населения в составе всего населения Витебской области увеличился с 17,4% в 1926 г. до 26,8% в 1939 г., а в Калининской соответственно – с 10,8% до 21,9%, что свидетельствует о более высоких темпах промышленного развития последней.

Рост удельного веса женщин в составе городского населения, в Витебской области он был несколько ниже, чем в Калининской области. Это связано с развитием отраслей легкой промышленности, последствиями Первой мировой войны, революции, гражданской войны, учеба, работа служба в армии за пределами своих областей, последствиями репрессий, от которых больше пострадали мужчины, более высокой их смертности и др. причин, приведших к уменьшению абсолютной и относительной численности мужского населения в составе всего населения соотносимых областей. К концу 1930-х годов девушки активно стремились в города не только на работу, но и на учебу.

На динамику численности и национального состава населения БССР в межвоенный период существенное влияние оказали изменения в темпах естественного прироста населения, его миграционного движения, вызванного индустриализацией и принудительной коллективизацией. Замедление темпов прироста населения приходится на первую половину 1930-х, когда сказались последствия голода 1932-1933 гг. Впервые на основании рассекреченных данных установлено, что из 71 районов БССР в 1933 г. смертность превысила рождаемость только в Ельском районе на 184 человека, в Наровлянском – на 44, в г. Витебске и пригородах (так указано в документе) – на 649, в г. Гомеле и пригородах – на 896 человек. В целом по БССР смертность не превысила рождаемость ни среди населения сельской местности, ни среди городского населения. Более высокой она была в городских поселениях. В 1933 г. в городских поселениях родилось 18 986 лиц обоего пола, а умерло 17 636, в т. ч. в г. Минске и пригородах соответственно 5 205 и 4 043. Среди сельских жителей эти показатели составили 104 919 и 49 337 человек. На детскую смертность приходилось в городах 12,7%, а на селе – 17,7% [4, лл.66-70]. Аналогичные данные по Калининской области, созданной в 1937 г., нами пока не выявлены.

Таблица – 1 Численность населения по переписям 1926 и 1939 гг.

Население	Витебская область							
	По переписи 1926 г.				По переписи 1939 г.			
	Муж.	Жен.	Всего	% жен.	Муж.	Жен.	Всего	% жен.
Все население	618 309	649 458	1258767	50,9	617 411	663 827	1281238	51,8
Городское	111 528	107 481	219 009	49,1	163 453	180 358	343 811	52,5
Витебск	50 167	48 690	98 857	49,3	77 553	89 746	167 299	53,6
Орша	11 130	10 881	22 011	49,4	18 085	19 493	37 578	51,9
Полоцк	14 458	11 368	25 826	44,0	13 770	15 807	29 577	53,4
Сельское	506 781	532 977	1039758	51,3	453 958	483 469	937 427	51,6
Население	Калининская область							
	По переписи 1926 г.				По переписи 1939 г.			
	Муж.	Жен.	Всего	% жен.	Муж.	Жен.	Всего	% жен.
Все населения	1625969	1876963	3502932	53,6	1484437	1728702	3213139	53,8
Городское	181 029	197 535	378 564	52,2	318 225	386 459	704 684	54,8
г.Калинин	50 913	57 500	108 413	53,0	96 851	119 280	216 131	55,2
г.Вел.Луки	10 440	10 331	20 771	49,7	15 603	19 329	34 932	55,3
г.Выш.Волочек	14 800	17 222	32 022	53,8	26 937	36 707	63 644	57,7
г.Кимры	9 212	9 311	18 523	50,3	16 016	19 169	35 185	54,5
г.Ржев	15 992	16 818	32 810	51,3	23 601	30 469	54 070	56,4
г.Опочка	3 785	3 361	7 146	47,0	4 920	6 254	11 174	56,0
Сельское	1444940	1679428	3124368	53,8	1166212	1342243	2508455	53,5

Из таблицы 2 [2, л.6; 3, л.6] видно, что только в Витебской области городское население было полиэтничным. Белорусы в городах составляли 60%, а представители других национальностей – 40%, что является очень высоким показателем для оценки полиэтничности населения. В Калининской области русские в городах составляли 93%.

Белорусы и русские составляли абсолютное большинство всего и, особенно, сельского населения в составе своих этнических территорий. Индустриальное развитие областей значительно повлияло на приток сельского населения. Однако степень урбанизированности белорусов и русских оставалась и в конце 1930-х годов еще не-

значительной, по сравнению с другими национальностями, особенно с евреями. В 1939 г. в городах Витебской области проживало 19,4% белорусов, 89,3 – евреев, 52,1 – русских, 43,6% – украинцев от общей численности населения указанных национальностей [2, л.6]. По сравнению с дореволюционным периодом и периодом НЭП, когда в городских поселениях Витебской области, как и в целом в Беларуси, в большинстве проживали евреи, это были значительные изменения в национальном составе городского населения. В Калининской области доля русских, проживавших в городах, составила 21,7%, карелов, вторых по численности среди населения после русских – 11,0, евреев – 84,5, украинцев – 35,2. белорусов – 52,8% [3, л.6]. Как видим, и белорусы, и русские за пределами своих этнических территорий имели высокую степень урбанизированности. Это свидетельствовало об их достаточно высокой мобильности, основанной на грамотности, образовании и профессиональном мастерстве.

Из таблицы 2 видно, что в городском населении Витебской области преобладали белорусы, родным белорусским языком назвали только 43,5% горожан. Родным русским языком назвали 44%. Этот показатель был вторым после Гомельской области и ниже на 2% от среднереспубликанского показателя [5, лл. 14-15]. Следовательно, белорусский город в конце 1930-х годов не стал белорусскоязычным. Города Калининской области на 96,2% были русскоязычными по родному языку.

Нами установлено, что среди военнослужащие в городах Витебской области 50% составляли русские [6, лл. 1-44]. Стереотип, что русские в БССР были только чиновниками.

Таблица 2 Городское население по национальности и родному языку в 1939 г.*

Витебская область					
Национальность	Всего	%	Родной язык	Всего	%
Белорусы	205 941	59,90	Белорусский	149 470	43,47
Русские	52 637	15,31	Русский	150 979	43,91
Евреи	68 950	20,05	Еврейский	35 337	10,29
Украинцы	6 824	1,98	Украинский	4 161	1,21
Поляки	4 082	1,19	Латышский и латгал.	372	0,11
Латыши и латгалцы	1 490	0,43	Польский	1 269	0,37
Литовцы	669	0,19	Татарский	359	0,10
Татары	487	0,14	Литовский	121	0,04
Немцы	506	0,15	Немецкий	219	0,06
Цыгане	319	0,10	Цыганский	165	0,05
Мордвины	208	0,06	Грузинский	130	0,04
Эстонцы	158	0,05	Мордовский	141	0,04
Армяне	171	0,05	Казахский	111	0,03
Грузины	148	0,04	Армянский	133	0,04
Казахи	120	0,04	Чувашский	96	0,03
Чуваши	122	0,4	Прочие	748	0,21
Прочие	979	0,28	Всего	343 811	100,00
Всего	343 811	100,00			
Калининская область					
Национальность	Всего	%	Родной язык	Всего	%
Русские	654 326	92,85	Русский	677 796	96,18
Карелы	13 146	1,87	Карельский	8 679	1,23
Украинцы	7 095	1,00	Украинский	3 826	0,54
Евреи	12 213	1,73	Татарский	3 623	0,52
Эстонцы	2 080	0,30	Эстонский	959	0,14
Белорусы	4 409	0,62	Еврейский	5 597	0,79
Татары	4 140	0,59	Белорусский	1 159	0,16

Латыши и латгалцы	1 929	0,27	Латышский и латгал.	766	0,11
Поляки	1 811	0,26	Цыганский	356	0,05
Цыганы	547	0,08	Мордовский	287	0,04
Немцы	505	0,07	Немецкий	201	0,03
Мордовцы	413	0,06	Казахский	55	0,01
Чуваши	173	0,02	Чувашский	121	0,02
Литовцы	310	0,04	Польский	210	0,03
Казахи	59	0,01	Армянский	112	0,02
Армяне	188	0,03	Узбекский	37	0,01
Грузины	122	0,02	Грузинский	89	0,01
Узбеки	40	0,01	Башкирский	32	0,00
Финны	161	0,02	Прочие	779	0,11
Башкиры	46	0,01	Всего	704 684	100,00
Коми	75	0,01			
Прочие	896	0,13			
Всего	704 684	100,00			

Примечание: *) – порядок списка национальностей и языков указан по документу.

Таким образом, несмотря на достаточно высокий темп роста численности городского населения степень урбанизации белорусов была самой низкой среди наиболее численно представленных других национальностей. Примерно такой же она была и у русских в Калининской области.

Список использованной литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
2. Витебская область / Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ).– Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 375.
3. Калининская область / РГАЭ.– Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 299.
4. РГАЭ.– Фонд. 1562.– Оп. 329.– Д. 19.
5. БССР / РГАЭ.– Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
6. РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 913.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ

*Р.В. Тимофеев
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Цель статьи – показать реализацию послевоенной транспортной политики на белорусско-русском пограничье как отражение его исторической судьбы.

Ключевые слова: возрождение, пограничье, реализация, политика, транспорт.

Составляющие ныне единое Союзное государство Республика Беларусь и Российская Федерация прошли вместе большой исторический путь и множество тяжелых испытаний, в первую очередь Великую Отечественную войну. После ее окончания на сотрудничестве ее регионов держалось активное и успешное возрождение экономики, где важную роль играл транспорт [1, с. 3]. Парторганы соседних белорусских и российских регионов ставили исполкомам задачи по организации перевозок. В составе Советов депутатов трудящихся наиболее активно проявляли себя исполкомы, обладавшие мощными административными рычагами власти. Важно было правильно расставить приоритеты в транспортной работе на стыке союзных республик, и исполко-

мы после освобождения от оккупации решали вопросы запуска в действие транспортных магистралей, в первую очередь железнодорожных.

Среди проблем в работе железных дорог, которыми занимались исполкомы, выделялось возрождение объектов для транспортировки и их рациональное использование. Уже с середины 1944 г. Витебский облисполком помогал введению в действие железнодорожных линий, решал вопрос с рабочими кадрами через мобилизацию. В конце 1944 г. все приграничные райисполкомы направили свои усилия на возрождение станций и депо. [2, с. 28]. После окончания войны по постановлению СНК БССР от 28 сентября 1945 г. повсеместно проводилась реорганизация узкоколейных дорог. Но чаще всего в зоне внимания было решение вопросов, касавшихся конкретной эксплуатационной работы транспорта, например, противодействие снежным заносам. Без этого наладить бесперебойное всепогодное функционирование железных дорог, особенно на стыке союзных РСФСР и БССР было невозможно.

Свои задачи были у депутатского корпуса соседних областей, в первую очередь Витебской и Смоленской. Так, он утверждал планы социально-экономического развития регионов, сегодня считающихся пограничьем. Исходя из закона СССР о пятилетнем плане развития на 1946–1950 гг., выделением средств поддерживалось обеспечение первоочередного восстановления наряду с промышленностью железнодорожного транспорта [3, с. 46]. С транспортников депутаты требовали четкой и слаженной работы. Так, на сессиях они постоянно в послевоенный период касались недопоставки вагонов для нужд промышленности. В результате ведомства перенаправляли свои усилия на проблемные транспортные участки, часто появившиеся именно на пограничье.

Возрождение и рационализация перевозок были общими вопросами, которыми занимались исполкомы белорусских и российских приграничных регионов по отношению ко всему транспорту. С 1944 г. в Витебской области они восстанавливали автотранспортные конторы и вводили тарифы на перевозки. В целях экономии горисполкомы упорядочивали учёт работы автомобилей через контроль за использованием путевых листов. Повсеместной была организация участия сельского населения в строительстве местных автодорог. Это было важно для районов, не обладавших развитой железнодорожной сетью. В свою очередь приграничные горсоветы в БССР и РСФСР для восстановления автобусных пассажироперевозок в 1944 г. разрабатывали маршруты, помогали подбирать кадры, для чего сотрудничали с областными автоуправлениями. На сессиях Советов депутаты разбирали более общие вопросы. Так, в марте 1946 г. в Верховном Совете СССР они поддержали предложение председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского по увеличению производства автомобилей, в обловетах их распределяли [4, с. 150]. Таким образом, депутаты белорусских и российских регионов активно отвечали на острые послевоенные транспортные проблемы.

Многие вопросы, разбиравшиеся местной властью в отношении различных видов транспорта, были схожие и касались материально-технического и кадрового обеспечения. Депутаты и исполкомы БССР и РСФСР, выполняя свои обязанности, возобновляли городское сообщение. С помощью местного облисполкома из Ленинграда доставили трамвайную технику в Витебск. Без подобных действий местной власти восстановление бы растянулось надолго. Совместно с обкомами КП(б)У на пограничье местной властью контролировалась расчистка речных путей по Западной Двине.

Особенным в отношении флота стала поддержка перевозок по малым рекам, для чего в марте 1946 г. речникам выделили баржи и буксиры. Вопрос обеспечения был в приоритете, и на сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 г. министр речного транспорта З.А. Шашков получил поддержку по механизации портов. Тем самым был укреплен транспортный потенциал и белорусско-российского пограничья. Депутаты понимали необходимость комплексного развития транспорта в регионах и, например,

на сессиях ставили задачи по расширению местных воздушных линий. В свою очередь исполкомы контролировали осуществление такого сообщения.

Общим делом по отношению ко всему транспорту в российских и белорусских регионах оказалось то, что Советы депутатов трудящихся выделяли землю под строительство его объектов, особенным – например, исходя из предложенного ими финансирования проходило строительство региональных автодорог, как в БССР, так и в РСФСР. Особенностью работы исполкомов, например, в отношении железнодорожного транспорта было то, что они контролировали вопросы его снабжения стройматериалами, ремонта подъездных дорог к станциям, выгрузки вагонов. В целом содействовали функционированию транспорта, чем укреплялось экономическое взаимодействие белорусско-российского пограничья.

Список использованной литературы

1. Лыч, Л.М. Эшалоны бягуць на захад (верасень 1943 – май 1945 г.) / пад агул. рэд. І.У. Мандрыка / Л.М. Лыч – Віцебск, ВДТУ, 2005. – 168 с.
2. Тимофеев, Р.В. Советы депутатов союзных республик СССР и практика решения социально-экономических задач (1943 – 1991) / Р.В. Тимофеев // Вестник Тверского государственного университета. История. Выпуск 2. – 2011. – № 11. – С. 28 – 34.
3. Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі СССР на 1946 – 1950-е гг. // Бальшавік Беларусі. – 1946. – № 4 – 5. – С. 46 – 104.
4. Зотов, Д.К. Проблемы развития транспорта СССР / Д.К. Зотов, С.С. Ушаков – М.: Транспорт, 1990. – 304 с.

САЦЫЯКУЛЬТУРНЫЯ КАМУНІКАЦЫІ ЖЫХАРОЎ БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКАГА ПАМЕЖЖА Ў ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯ

*В.М. Хаданёнак
г. Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава, hadanenak@mail.ru*

Целью данного исследования является определение особенностей социокультурных коммуникаций жителей белорусско-российского пограничья в начале ХХІ в.

Ключевые слова: социокультурные коммуникации, культурная самобытность, идентичность, пограничье, геополитика.

Беларуска-расійскае памежжа даволі ўнікальна і спецыфічна рэгіён на геапалітычнай карце Ўсходняй Еўропы. Яго геаграфічныя абрысы акрэсліць дастаткова складана, бо разглядаемыя землі адносіліся да розных дзяржаўных утварэнняў і не былі статычнымі ў прасторава-часавым кантэксце. Сёння пад беларуска-расійскім памежжам прынята разумець тэрыторыю асобных раёнаў 6 абласцей: Віцебская, Магілёўская, Гомельская (Рэспубліка Беларусь), Пскоўская, Смаленская, Бранская (Расійская Федэрацыя). Лёс гэтых земляў на працягу стагоддзяў быў даволі не зайдросны. Яны з'яўляліся своеасаблівым яблыкам раздору і неаднаразова пераходзілі з рук у рукі кіраўнікоў розных дзяржаўных утварэнняў. Тут варта ўгадаць памежныя войны Вялікага княства Літоўскага і Маскоўскага княства 1492 – 1494 гг., 1500 – 1503 гг., войны за Смаленск, узброеныя канфлікты пачатку і сярэдзіны ХVІІ ст. і інш. У першай чвэрці ХХ ст. лёс гэтых тэрыторый вызначаўся пераважна мірным шляхам, шляхам дыпламатычных перамоў, але пры гэтым даволі часта не ўлічваліся меркаванні і жаданні насельніцтва гэтых рэгіёнаў.

Сёння мы маем даволі няпростую геапалітычную сітуацыю ў свеце. Зноў разгарэліся адкрытыя ваенныя канфлікты, цэлы шэраг вострых супярэчнасцяў носяць

латэнтны характар. Нягледзячы на гэта, сацыякультурная сітуацыя на беларуска-расійскім памежжы вызначаецца міралюбівай і прыязнай атмасферай з абодвух бакоў. Не можа не радаваць наяўнасць актыўных кантактаў паміж суб'ектамі беларуска-расійскага памежжа ў эканамічнай і палітычнай сферах. Асабліва шчыльнае супрацоўніцтва адбываецца ў галіне культуры. Прычым формы гэтых сацыякультурных зносін розныя: абмен творчымі візітамі, літаратурныя вечарыны, сацыякультурныя камунікацыі пры дапамозе новых інфармацыйных тэхналогій і інш. Разам з культурнымі стасункамі суб'ектаў беларуска-расійскага памежжа назіраецца і разуменне важнасці захавання сваёй культурнай самабытнасці беларускім і рускім народам.

Безумоўна, сяброўскія адносіны Беларусі і Расіі мусяць грунтавацца на рэгулярных і чаканых, а не на выпадковых культурных сувязях. Пры гэтым важна, каб культурныя амбіцыі і завостранае самалюбства не перараслі з цягам часу ў нецярпімасць і непрыязнасць да ўсяго “чужога”. І ў Беларусі, і ў Расіі прысутнічае разуменне і ўсведамленне сваёй прыналежнасці да канкрэтнага этнаса, ёсць свой канкрэтны *volksgeist* (дух народаў) [1, с. 20]. Пры гэтым ні адзін народ не існуе ізалявана і міжэтнічныя кантакты будуць увесь час пашырацца. Цешыць тое, што апроч асобных праяваў бытавога нацыяналізма і ксенафобіі, абсалютная большасць насельніцтва беларуска-расійскага памежжа цалкам пазітыўна і прыязна ставіцца да сваіх непасрэдных суседзяў. Гэта дапаможа адпавядае асноўнай функцыі любой сацыякультурнай камунікацыі – дасягнуць сацыяльнага адзінства пры захаванні індывідуальнасці кожнага яе элемента [2, с. 433].

Тым не менш, трэба памятаць што “... элементы культуры, бяшкодныя і нават дабратворныя на ўласнай глебе, могуць аказацца небяспечнымі і разбуральнымі ў чужым сацыяльным кантэксце” [3, с. 63]. Гэта тычыцца ў першую чаргу моўнага пытання. Не сакрэт, што беларуская мова ў памежных з Расійскай федэрацыяй беларускіх рэгіёнах паступова саступае сваё месца рускай. Гэта не можа не насяржоваць, асабліва калі закранае адукацыйную сферу. Ва ўсходняй Беларусі доля беларускамоўных вучняў за апошні час скацілася з 10% да 8% [4], у памежных з Расійскай Федэрацыяй рэгіёнах статыстыка яшчэ больш сумная. Таму важна прымаць неадкладныя меры для стварэння ў беларускіх памежных рэгіёнах сапраўднага, а не намінальнага “моўнага палімарфізма”. Гэта дапаможа захавць культурную ідэнтычнасць, традыцыі і моўную спадчыну беларускаму насельніцтву ўсходняй Віцебшчыны, Гомельшчыны і Магілёўшчыны. Толькі такім чынам можна дамагчыся грамадскай стабільнасці і высокай ступені эфектыўнасці сацыякультурных камунікацыі жыхароў беларуска-расійскага памежжа.

Такім чынам, можна сцвярджаць, што культурныя і сацыяльныя зносіны ў рэгіёне беларуска-расійскага памежжа вызначаюцца на сёняшні дзень адкрытасцю, стабільнасцю, узаемапавагай і даверам. Насельніцтва Беларусі і Расіі разглядае сваіх непасрэдных суседзяў праз прызму агульных духоўных асноваў развіцця. Захаванне культурнай самабытнасці і ідэнтычнасці абодвух народаў павінна ісці поруч са шчыльнымі стасункамі ў сацыякультурнай сферы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Вундт В. Психология народов / В. Вундт. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 864 с.
2. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко [и др.]. – Мн.: Книжный дом, 2003. – 1312 с.
3. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
4. Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=152272>. Дата доступа 22.12.2016.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА

С.В. Чернов

г. Могилев, Белорусско-Российский университет, greatprince@mail.ru

Цель статьи – анализ влияния религиозного фактора на объединительные процессы в Восточной Европе на рубеже Нового времени.

Ключевые слова – религия, Россия, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Московское государство

Религиозный аспект оказывал влияние на интеграционные процессы в Восточной Европе с самого их начала. Уже первые заявления московского великого князя Ивана III о своих правах на наследие Киевской Руси базировались не только на родстве Ивана с великими князьями киевскими. Важным основанием для претензий на наследие Владимира I – крестителя Руси – было также и то, что население русских земель, подвластных великим литовским князьям, исповедует православие. Позднее Альберто Кампензе, итальянский писатель начала XVI века, так отметил этот момент в своем сочинении: «Притязания свои Князья Московские основывают на том, что Россия, находящаяся ныне во власти Короля Польского, равно как Лемберг (citta Leopolina) и вся часть Польши, простирающаяся на север и северо-восток от гор Сарматских, следует с неколебимостью Греческому закону и признает над собою власть Константинопольского Патриарха» [4, с. 19-20].

В течение XVI века Россия и ВКЛ-РП сделали несколько попыток сближения. Первая – после смерти короля Александра Василий III зондировал почву насчет своего избрания на литовский престол, но тогда до баллотировки дело не дошло, поэтому нельзя сказать, как бы повлиял религиозный вопрос на отношение литовских избирателей к московской кандидатуре.

Следующие попытки единения восточнославянских государств были предприняты в 1572-1576 гг. во время бескоролевий в РП после смерти короля Сигизмунда II Августа и оставления престола Генрихом Валуа и в 1587 году после смерти короля Стефана Батория, когда среди кандидатур на польско-литовский престол оказались Иван Грозный и его сын царевич (а в 1587 году – царь) Федор. Это единение снова не состоялось, и историки называли различные причины этого, как политические, так и религиозные. В частности, Н.М.Карамзин полагал, что по крайней мере первые и вторые выборы были проиграны из-за недостаточной решительности Ивана IV и его союзника Максимилиана Австрийского, которые так и не прибегли к силовому давлению на сейм [3, с.265]. Польский историк XIX века К.Валишевский видит причины провала московской кандидатуры на всех выборах главным образом в неуступчивости московского правительства, которая в первых двух случаях была подкреплена еще и личными качествами русского царя [1, с.194, 2, с.17]. Неуступчивость Москвы как причина неудач российских кандидатов прослеживается и в сочинениях С.М.Соловьева [6, с.217]. Некоторые советские историки, в частности В.Д.Корюков, считали, что Иван IV и не стремился к занятию польского трона – главным мотивом его действий было желание обеспечить на время выборов сохранение перемирия между Речью Посполитой и Москвой [5, с.77-78, 87]. Что касается Б.Н.Флори, то в его монографии, специально посвященной этим вопросам, среди причин провала можно отметить и неуступчивость, и нерешительность Москвы, но главная причина заключалась в коренном отличии русских и польских программ переустройства Восточной Европы [7, с.119, 215-216]. При этом исследователи неизменно отмечают, что вариант унии Речи Посполитой и Московского государства под властью русского монарха был

популярен в ВКЛ и даже в Польше, и содействовало этому в немалой степени то, что значительная часть населения этих государств была этнически русской и исповедовала православие. Например, Б.Н.Флоря в своей монографии приводит выдержку из анонимного памфлета той эпохи «Беседа Ляха с Пястом»: «Иван IV имеет в Польше и Литве больше своего языка и веры, чем ляхского», и здесь же: «ваше панование Руси надоело, и она может встряхнуть рогами, надеясь на государя своей веры, своего языка и своего народа» [7, с.82]. И тем не менее уния России и Речи Посполитой не состоялась в значительной, если не в большей мере из-за религиозных противоречий – польские католические круги отказались признать своим королем московского кандидата при сохранении им православия. Причина этого понятна – в конце концов, у них был исторический прецедент – литовский великий князь Ягайло за два века до этого принял католичество, чтобы стать польским королем. Но Иван Грозный в вопросах вероисповедания всегда был категоричен и не шел ни на какие компромиссы, в отличие, скажем, от короля Генриха IV с его знаменитым «Париж сто́ит мессы».

Следующая попытка единения двух государств была сделана в 1600 году, и инициатива исходила от польско-литовской стороны. Идея заключить с восточным соседом вечный мир с элементами межгосударственного союза, вероятно, возникла в связи с пресечением на московском престоле династии Рюриковичей, что давало правящим кругам РП надежду на то, что русские, уже не раз выставлявшие во время польских бескорольев кандидатуры своих государей на польско-литовский престол, могут, сами теперь оказавшись в ситуации поиска кандидата на замещение вакантного царского трона, согласиться на избрание царем польского короля или королевича. Но, как оказалось, Москва даже не рассматривала подобные варианты. Борис Годунов был избран на царство, практически не имея реальных иноземных конкурентов. Тем не менее даже в этой ситуации польские политики не желали сдаваться. Они продолжали строить новые проекты, один из которых и был озвучен в Москве в 1600 г. прибывшим для переговоров с новым царем посольством Льва Сапегы. Проект этот, не предлагавший, конечно, никаких кандидатов на уже занятый московский престол, все же в перспективе вел к тому, что Речь Посполитая и Россия должны были сблизиться вплоть до слияния в одном государственном образовании под властью одного монарха [см. 8, с.269]. Среди предложенных польско-литовскими дипломатами условий союза были и такие, которые непосредственно относились к религиозной жизни Польско-Литовского государства и России: «10) Жителям польских владений вольно присылать детей своих учиться и в службу в Московское государство и жителям последнего - во владения польские. 11) Тем русским, которые приедут в Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать веру русскую; а которые из них посядут там, приобретут земли, таким вольно на своих землях строить церкви русские. Тем же правом пользуются поляки и литовцы в Московском государстве, держат веру римскую и ставят римские церкви на своих землях. 12) Государь и великий князь Борис Федорович позволит в Москве и по другим местам строить римские церкви для тех поляков, которые у него будут в службе, для купцов и послов польских и других католических государств» [6, с.351].

Могли ли эти условия быть приняты московской стороной? С.М.Соловьев по этому поводу сказал следующее: «Цель Сигизмунда и советников его, иезуитов, при этом была ясна: если бы царь московский принял условия, то этим отворил бы в свое государство дорогу для католицизма» [6, с.351]. С этим вполне можно согласиться. Действительно, формально условия договора в религиозной сфере были равными, поскольку в договоре объявлялось, что не только поляки, переехавшие в Россию на постоянное место жительства, имеют право строить костелы, но и русские в Польше на тех же правах имеют право строить русские церкви; при этом даже право русских бы-

ло поставлено на первое место. Но нужно учесть, что густонаселенная Польша практически сразу же могла выбросить на просторы России множество католиков-переселенцев, которые застроили бы ее костелами. Ответить им тем же в порядке обмена русская сторона вряд ли смогла бы – при существовавшем тогда отношении в России к иноземцам и их земле вряд ли среди православных русских нашлось бы много желающих переселиться в Польшу [см. 8, с.270].

Конечно, нельзя сказать, что эта проблема стала единственным или даже сколько-нибудь основным препятствием для заключения союзного договора России и РП в 1600 году, но, несомненно, свое отрицательное воздействие на провал этих переговоров она оказала.

После этого Россия и Речь Посполитая получили шанс на единение в период Смутного времени, когда после свержения царя Василия Шуйского боярское правительство России, искавшее кандидатов на опустевший царский престол, остановило свой выбор на королевиче Владиславе, сыне польского короля Сигизмунда III и фактически его наследнике на польско-литовском престоле. Если бы Владислав смог утвердиться в Москве, то в перспективе к нему вполне мог перейти и престол его отца, и тогда Русское и Польско-Литовское государства оказались бы под властью одного монарха. И снова одним из факторов, помешавших реализации этого плана, стала религия. Московские бояре, пригласившие Владислава на царский престол, поставили одним из условий его признания принятие им православия и переезд на постоянное место жительства в Москву. Это не могло не смутить его отца, короля Сигизмунда, известного своим католическим фанатизмом, и, очевидно, стало одной из причин того, что Владислав так и не был отпущен в Москву, а московским престолом попытался завладеть сам Сигизмунд, естественно, не помышлявший об отречении от католичества. Итогом стало народное движение, изгнавшее интервентов из России, и избрание на престол основателя царской династии Романовых.

Все эти факты говорят о том, что ни католическая Польша, ни православная Россия никогда по доброй воле не примирились бы с присутствием на своем престоле иноверного государя. В итоге в конце XVIII – начале XIX века они все же были объединены в одном государственном образовании – Российской империи, но произошло это в ходе разделов Речи Посполитой и перекройки карты Европы после окончания наполеоновских войн, что, естественно, не может считаться добровольным с польской стороны. Великое княжество Литовское в этом смысле представляет собой несколько другую картину: известно, что значительная (и даже большая) часть правящей верхушки ВКЛ была православной, и даже сами великие князья могли исповедовать православную веру (тот же Ягайло до принятия им католичества был, как известно, крещен в православие). Т.е. здесь была традиция, допускавшая православное вероисповедание государя. Не случайно в ходе бескоролевий 1572-76 и 1587 гг. литовским избирателям предлагалась идея т. наз. «сепаратного вынесения» - избрания московского государя на трон Великого княжества Литовского при одновременном расторжении Люблинской унии [7, с.113-114 и 211-212]. Тем не менее и эта идея не была реализована, но, очевидно, причины этого лежали вне пределов религиозных споров.

Список использованной литературы

1. Валишевский К.Ф. Иван Грозный. – М., 1993.
2. Валишевский К.Ф. Смутное время. – М., 1993.
3. Карамзин Н.М. Царствование Ивана IV Васильевича Грозного. – СПб, 1889.
4. Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии. // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. I, т. I. – СПб, 1836.
5. Королюк В.Д. Ливонская война. – М., 1954.

6. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. – М., 1989.
7. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII века. – М., 1978.
8. Чернов С.В. Польский проект унии Речи Посполитой и России 1600 г.: перспективы его реализации и причины провала // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. Материалы III международной научной конференции. ГГТУ им. П.О.Сухого, 22-23 мая 2003 г. – Гомель, 2003.

КУЛЬТУРА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ В ОТРАЖЕНИИ ГАЗЕТЫ «КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПРАВДА»

О.Г. Яценко

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины, oksanayaschenko@yandex.ru

Целью исследования является характеристика культурных традиций и бытового уклада жителей Беларуси начала 1920-х гг. в отражении издававшейся в Смоленске газеты «Красноармейская правда».

Ключевые слова: быт, культура, газета, Смоленск, Беларусь, красноармейцы.

Материалы, относящиеся к истории белорусско-российского приграничья межвоенного периода, достаточно разнообразно и широко представлены в разных источниках. Одним из любопытных и ценных для понимания истории и культуры жителей в том числе как белорусских, так и российских территорий, которые в те или иные годы входили в состав разных советских республик и административных единиц, выступает периодическая печать. Для понимания развития культурно-бытовых процессов особенно полезны те блоки, которые возникли в самые первые годы становления советской власти и более подробно и открыто, в ряде случаев, даже в наивной форме отражают историю повседневности на фоне описания глобальных исторических событий.

Периодическое издание, первоначально именовавшееся «Красноармейская правда», являлось печатным органом Политуправления Революционного Военного Совета Западного фронта. Местом издания газеты в период первых лет выпуска являлся город Смоленск.

Обратимся к анализу материалов, относящихся к первым годам выхода издания в свет (1921 – 1922 гг.), когда в газете явственно прослеживается не только характеристика общеполитической ситуации, пропагандистские лозунги, текущая информация, но и достаточно рельефно проступает материал, характеризующий культурно-бытовой аспект жизни как самих красноармейцев, так и мирного населения. В публикациях освещались коммунистические призывы, международная обстановка, революционные преобразования, трагедия голода в Поволжье, борьба с преступностью и разрухой. Страницы газеты были наполнены многочисленными сведениями о бытовом обустройстве красноармейцев, распространении среди них образовательных и просветительных программ, а также о культурных традициях и бытовых условиях жизни населения разных регионов, в том числе многих населенных пунктов, которые в тот момент были либо впоследствии стали частью Белорусской ССР. Как правило, за редким исключением, в подобном рода материалах этнический аспект не акцентировался, на первый план выдвигались показ новых элементов в повышении культуры быта, а также искоренение негативных явлений в повседневности военнослужащих и гражданского населения. В этом ключе не наблюдается принципиальной разницы в подходах

к интерпретации фактов, связанных с демонстрацией повседневной жизни жителей в белорусских либо российских населенных пунктах, ведущим оказывался классовый подход и идеологизация процессов, происходивших даже в быту. Необходимым условием подготовки текстов было стремление авторов, с одной стороны, доказать преимущества новой советской системы, с другой стороны, - раскритиковать пороки старого мира.

Одним из самых актуальных вопросов бытового характера, поднимавшихся на страницах газеты, стало обращение к острому вопросу обеспечения жильем. Расселение, бытовой уклад в общежитиях являлись постоянными темами для обсуждения.

Важным сюжетом обеспечения быта являлось снабжение продуктами, организация деятельности учреждений общественного питания. На бытовом укладе отражались некоторые исторические обстоятельства, например, введение НЭПа, что повлияло на характер обеспечения предметами первой необходимости, систему торгового обслуживания. Уделялось внимание оптимизации сферы бытового обслуживания, например, улучшению графика работы парикмахерских.

Постоянным лейтмотивом в рубриках газеты выступало описание проведения свободного времени, в том числе клубная жизнь. Давались определения уровня культурного развития отдельных городов Беларуси. Например, Минск в 1921 году характеризовался как «культурный центр Белоруссии», где ежедневно можно посещать «местные гарнизонные и городские театры, концерты, лекции и митинги, словом, с головой окунуться в культурно-просветительную жизнь», а также воспользоваться хорошими помещениями для клубов, читален, библиотек [1, с. 2]. Необходимость приобщения широких масс к культуре привела к необходимости организовывать в городах Беларуси ряд бесплатных культурных мероприятий, об этом сообщала газета «Красноармейская правда». В Витебске специальным распоряжением губернского отдела политпросвещения устанавливалось, что каждую пятницу театры города должны были давать бесплатные спектакли из числа лучших пьес репертуара для рабочих и красноармейцев [2, с. 4].

Участие в спортивных состязаниях жителей Беларуси, информирование о победах и поражениях команд и известных в своей среде спортсменов также отобразилось на страницах издания. Подчеркивалось, что среди всех видов спорта лидером по популярности оставался футбол. Однако спорт еще не стал массовым явлением, и городские обыватели часто отдавали свое предпочтение не посещению спортивных состязаний в свободное время, а участию в различных гуляньях, ярмарках. Так, в Полоцке летом 1922 года жители города остались в стороне от организованных красноармейцами футбольных матчей и предпочли традиционные формы досуга [3, с. 2]. Другие же спортивные состязания проходили оживленно при стечении публики, интересе к ним со стороны школьников, например, футбольный матч Минск – Борисов [4, с. 2].

В формировавшейся советской системе важное место занимало преобразование праздничной культуры и ее использование для пропаганды достижений советской власти. В числе публикаций о проведении праздников самое полное раскрытие получили даты и связанные с ними торжественные мероприятия, связанные с Октябрьской революцией, днем 1 Мая. Ярким примером является воспроизведение праздничных событий 1 Мая в Бобруйске в 1922 г. Накануне празднования 30 апреля все воинские и советские учреждения Бобруйска вели, как сообщали современники, «лихорадочную работу по украшению своих учреждений и казарм. Бесконечной вереницей из прилегающего к городу леса тянулся обоз с ёлками для украшения домов, театров, клубов и т.д. Сквозь этот зеленый лес, в котором тонули дома, выглядывали портреты наших вождей, облаченных в красное...». Повсеместно были развешены большие плакаты, лозунги, которые разъясняли прохожим значение международного праздни-

ка. В день 1 Мая в городе собирались толпы наряженных людей с красными бантами на груди из партийных и советских организаций, они строились в колонны со знаменами. К 12 часам дня на центральной площади города выстроились воинские части, а также пожарные, представители профсоюзов и женотдел. В демонстрации, в соответствии с традицией советской праздничной культуры, было запланировано участие военной техники. Приведем эмоциональное описание с явными элементами гиперболизации, включенное в информацию о проведении праздника авторами газетной передовицы: «В правом углу четырехугольника [выстроившихся военных частей – авт.] большое черное пятно под навесом густых клубов дыма. Это – броневики. Их черные пасти с виднеющимися оттуда стальными языками обращены к западу, грозно смотрят вдаль и будто приговаривают «А ну-ка, кто посмеет меня тронуть!». В торжествах были задействованы колонны детей из детских домов, доставленные на площадь на трех грузовиках, дети были наряжены в белые платья, а также разноцветные красные, синие и белые шапочки. Мероприятие сопровождалось игрой военных оркестров, исполнением Интернационала, эффектным парадным выездом перед строем на боевой лошади командующего парадом с блестящей шпагой. Звучали с трибуны принятые в подобных случаях пафосные речи руководителей, которые подчеркивали впервые сложившиеся мирные условия для отмечания 1 Мая. Церемониал праздника в полной мере соответствовал уже сформировавшимся образцам и на локальном уровне воспроизводил заданную модель [5, с. 1].

Проходившая красной нитью через все номера газеты линия на повышение образовательного уровня и расширение кругозора населения позволяет оценить вовлеченность жителей в образовательную среду и воздействие просветительского фактора на улучшение культуры быта, в том числе необходимость соблюдения санитарно-гигиенических норм, правильность питания, заботу о здоровье и пр. Публиковались советы и рекомендации о том, как правильно предотвращать случаи заболевания холерой, как вести себя, чтобы не простудиться, осуществлялось информирование о проведении дней дезинфекции и пр.

Низкий уровень бытовой культуры также заслужил внимание авторов статей и писем, которые читатели направляли в редакцию. Осуждались грубиянство и сквернословие, лень и нежелание поддерживать порядок в домах и местах общего пользования, засорение придомовых территорий.

Некоторые материалы носили оттенок высмеивания порочности старых традиций и перенимания жителями в быту недостойных, с точки зрения советской морали, обычаев. Это послужило основанием для публикации многих остроумных фельетонов на различные темы. К числу злободневных вопросов относилась борьба с перепродажей продуктов, одежды, обуви и других вещей, необходимых в повседневной жизни. В ряде фельетонов осуждалась спекуляция, например, был опубликовано произведение под названием «Гимн спекулянта»:

«Вставай под кличкой «спекулянта»

Привыкший лодыря гонять,
Под голод бриллианты,
Большие деньги наживать...
Становься смело на толкучку,
Без всякой совести – стыда
Снимай последнюю рубашку
С трудового мужика» [6, с. 2].

Важным аспектом изучаемой проблемы выступает характер восприятия военнослужащими и гражданским населением бытовых проблем и поиски ими самими решения таких вопросов. Часто встречавшимся способом выхода из затруднительных

бытовых ситуаций была организация субботников и других обязательно коллективных мероприятий, которые за счет привлечения сил именно коллектива несколько улучшали быт для отдельных лиц или групп жителей.

Следует отметить, что авторами огромного количества заметок в газете были сами красноармейцы или же жители тех местностей, где проходила их служба. Это обстоятельство также позволяет черпать информацию о культурно-бытовых процессах и отношении современников к изменениям в их бытовом укладе.

Таким образом, историко-культурные материалы, размещенные в газете «Красноармейская правда» в первые годы ее выпуска (1921 – 1922 гг.) выступают оригинальным и разносторонним источником, дающим основание расширить научные представления о бытовом укладе населения в том числе белорусских городских и сельских населенных пунктов советского периода, а также реконструировать культуру и бытовой аспект жизни красноармейцев, многие из которых, судя по ремаркам в газетных публикациях, были выходцами из белорусских территорий.

Список использованной литературы

1. В нашей бригаде // Красноармейская правда. – 1921. – 30 июня. – С. 2.
2. К свету и знанию // Красноармейская правда. – 1921. – 28 июля. – С. 4.
3. Укатил новый мяч... // Красноармейская правда. – 1922. – 25 июня. – С. 2.
4. Футбольный матч Борисов - Минск // Красноармейская правда. – 1922. – 14 июля. – С. 2.
5. Празднование 1 Мая в Бобруйске // Красноармейская правда. – 1922. – 9 мая. – С. 1.
6. Фельетон «Гимн спекулянта» // Красноармейская правда. – 1921. – 16 авг. – С. 2.

СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ

ОБРАЗЫ «ВРАГА» И «ДРУГА»: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ ТИПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНАЛИЗА «УСТНОЙ ИСТОРИИ» ОЧЕВИДЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

*В.А. Белокрылова, Т.А. Капитонова
г. Минск, Институт философии НАН Беларуси, rafinaster@gmail.com*

Цель статьи – посредством философско-мировоззренческого анализа материалов интервьюирования прояснить социальные механизмы формирования и трансформации образов «врага» и «друга» в военный и послевоенный период.

Ключевые слова: образы «врага» и «друга», историческое сознание, идеология, индивидуальный и социальный опыт.

В рамках работы над научным проектом, финансируемым Белорусским фондом фундаментальных исследований «Образы «врага» и «друга» в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти» (договор № Г15-106 от 04.05.2015) проведена серия развернутых интервью с респондентами данной целевой группы. На этой основе предпринята философско-мировоззренческая реконструкция основных типологических особенностей образов «врага» и «друга», сформированных под влиянием военных и послевоенных событий, дана оценка их значения в структуре долговременной исторической памяти.

За исходную точку отсчета исследования был принят период Великой Отечественной войны, эмоциональная острота которой и приобретенный опыт жизни в условиях военного времени во многом определили последующие убеждения и взгляды людей, в том числе, и послевоенные представления о «врагах» и «друзьях». Для получения широкого спектра индивидуальных ретроспектив «врага» и «друга», проводились интервью с респондентами, обладающими принципиально различным военным опытом. Так, в числе респондентов: 1) лица, принимавшие участие в боевых действиях (ветераны войны, участники партизанского движения); 2) гражданское население (малолетние узники нацистских концентрационных лагерей, жители оккупированных территорий, эвакуированные и т.д.).

В ходе анализа глубинных интервью были определены наиболее типичные оценки и позиции респондентов. Важной задачей являлось сопоставление субъективных повествований респондентов «о времени, и о себе» с отправными пунктами идеологического дискурса соответствующего периода. Вместе с этим, мы сосредотачиваем свое внимание на исследовании того, как данный идеологический контент преломлялся в сознании населения, как соотносятся идеологические штампы и реальные симпатии граждан. Это позволило бы выявить уязвимые точки «идеологических технологий», выделить фрагменты, которые не вписывались в дихотомическую маркировку социальной реальности.

Материал свидетельств очевидцев, относящийся к изучаемой проблеме, в методологических целях разбит нами на четыре условных блока: «Внешние враги»,

«Внутренние враги», «Внешние друзья», «Внутренние друзья». В данных рамках проводится общее концептуальное осмысление механизмов формирования и трансформации исследуемых образов. Отметим, что деление на указанные блоки относительно. Во-первых, это происходит в силу трансформаций самого идеологического дискурса: нередко содержание «перетекает» из блока в блок, диалектически превращаясь в свою противоположность. Например, резкий поворот от идеологии военного и гуманитарного союзничества с американцами к идеологии конфронтации (от внешнего друга к внешнему врагу). Во-вторых, в силу имманентных границ самого идеологического влияния, возникает расхождение официально-пропагандистского и народного образов врага и друга: нередко люди думали и чувствовали иначе, чем предписывал официальный дискурс. Например, партизан не всегда является внутренним другом, а служитель церкви – внутренним врагом.

Неоднозначные, внутренне амбивалентные данные и оценки из свидетельств устной истории первоначально распределяются нами по разделам в соответствии с официальной идеологической риторикой. Например, коллаборант – враг, политрук – друг. Далее, основываясь на материалах интервью, мы стремимся критически исследовать прочность и универсальность подобных штампов, тем самым, зафиксировав разломы идеологического нарратива.

В тематическом блоке «внешний враг» обобщаются и сопоставляются озвученные нашими респондентами угрозы (актуальные либо потенциальные), исходящие из-за пределов государства. Образ внешнего «врага» служит целям объединения, мобилизации общества и власти против внешней опасности. Исследуя субъективную рецепцию, «субъективную онтологию» внешних угроз, мы акцентируем свое внимание на их восприятии и оценке населением.

Поскольку изучаемый нами период 1945-1953 является переходным между двумя источниками угроз – со стороны немецко-фашистских захватчиков и со стороны американских империалистов (и их союзников), авторы исследования стремились проследить изменения в содержательности, интенсивности и эмоциональной окрашенности «образа врага» в глазах простых людей. В качестве предварительного концептуального замечания следует отметить принципиальную разноразмерность двух исследуемых нами источников угроз, генерирующих «образ внешнего врага». «Немецкая» угроза практически во всех случаях носит характер непосредственного опыта (опыта оккупации, военных действий, потерь и лишения военного периода и т.п.), в то время как «американская» угроза – преимущественно продукт информационно-идеологического дискурса. Соответственно этому обстоятельству меняется и «градус» эмоциональной вовлеченности наших собеседников.

Образ внешнего «Друга» в советской идеологии первого послевоенного времени представляется нам относительным, т.е. производным от доминантного образа внешнего «Врага» и условным, т.е. зависящим от выполнения определенных требований и критериев. Образ внешнего «Друга» эпохи холодной войны – это образ своего «Другого», опосредованный политическим и идеологическим дискурсом. Внешние «друзья» СССР – это, прежде всего, те, кто разделяет социалистическую идеологию и следует по социалистическому пути развития. В категорию внешних «Друзей» СССР начального периода Холодной войны могут быть отнесены: государства социалистического блока, развивающиеся страны третьего мира, прогрессивные движения в капиталистическом блоке, угнетенные трудящиеся капиталистических стран и т.д.

Для советской идеологии изучаемого периода характерен четко выраженный дуализм и отсутствие полутонов в интерпретации «своих» и «чужих». Следуя известному принципу, провозглашается: «Тот, кто - не с нами, тот – против нас». Соответственно, тот, кто «не с нами» автоматически попадает в категорию «врага». Исключением является лишь случай «враг моего врага», который опосредованно становится другом.

Образ внутреннего «Врага» это важная составляющая советской идеологии первой половины – середины XX века. Этот образ в поствоенной Беларуси выполнял функцию легитимизации установившегося после Второй мировой войны социального порядка, и прежде всего, служил оправданию и обоснованию новых репрессий сталинской власти против своих граждан. Довоенный образ внутреннего Врага, костяк которого составляли: кулаки, шпионы – агенты западной разведки, вредители, инакомыслящие – политические заключенные и т.п., – безусловно, сохраняет свою идеологическую направленность, при этом расширяясь и насыщаясь новым содержанием за счет включения в категорию «врагов» лиц, сотрудничавших с оккупационным режимом. В первое послевоенное время основной упор репрессивной, а также идеологической машины советской власти приходится именно на этих новых «врагов», которых «выявила» война. В 1950-е годы, по мере разворачивания «холодной войны», актуализируется новый идеологический дискурс внутреннего врага в лице «низкопоклонников перед Западом» и «безродных космополитов», симметричный образу внешнего врага в лице западных «империалистов».

В качестве содержания блока «внутренних друзей» в нашем исследовании фигурируют те социально-политические группы, которые, согласно официальной идеологической установке, дружественны советскому человеку. Первое что следует подчеркнуть, говоря о «внутреннем друге» в тоталитарном государстве, – это безальтернативный характер «дружбы» со стороны власти. Это «дружба», от которой нельзя отказаться, «дружба», которую следует разделять, и по возможности искренне, хотя бы в целях собственной безопасности. «Главная роль «врага» в этой системе координат – стать негативным фоном значений, на котором могут быть с самой выгодной стороны представлены позитивные значения, достоинства тех героев и персонажей, которые персонифицировали партию и ее вождей... Враги в этом плане – лишь необходимый коррелятивный элемент тиражируемых легитимационных представлений о действительности» [1].

Итак, в пропагандистском дискурсе фигура врага призвана оттенять достоинства власти как единственного подлинного и надежного друга народа. Враг в тоталитарной системе выполняет функцию негативной мобилизации («дружить с кем-то против кого-то»). В условиях дихотомического деления общества на друзей и врагов, роль наиболее надежных друзей с необходимостью отходит к представителям власти. Подобная бескомпромиссная «дружба» закономерно принимает форму патернализма. Неслучайно, личность И.В.Сталина наши собеседники часто отождествляют с фигурой отца.

Особого внимания заслуживает позиция наших респондентов по отношению к репрессивным практикам, с которыми они столкнулись в своем личном опыте или опыте их семьи. Это отношение к репрессивной силе государства как к обезличенному, стихийному, неуправляемому, бессубъектному процессу; это то, что имеет власть над тобой; то, чего нельзя изменить в принципе, а можно только переждать, перетерпеть: «еще хорошо, что все хорошо кончилось». В своих повествованиях люди употребляют неопределенную форму субъекта действия («посадили», «арестовали», «выслали»), что лишний раз подчеркивает анонимность, безликость репрессивного по отношению к гражданам государства. При этом, бессубъектность советского репрессивного аппарата, дополняется готовностью простых людей к бессознательному вытеснению своего недовольства, стиранию даже контуров образа «виновных» в несправедливых, жестоких действиях со стороны власти: «время было такое».

Еще один парадокс касается рецепции образа внутреннего врага, «врага народа» в массовом сознании. С одной стороны, в большинстве своем узники ГУЛАГа не ассоциируются у опрошенных нами очевидцев с врагами, с другой – участники репрессивной системы (ни сверху, ни на местах) зачастую также не определяются интер-

вьюируемыми как враги. Наша гипотеза состоит в том, что уже на подсознательном уровне, происходила «самонейтрализация», подавление и сублимация протестных настроений. Иначе говоря, выживание в тоталитарной системе требует как индивидуально-рациональных, так полубессознательных механизмов вытеснения протестных настроений, недовольства. Именно поэтому репрессии воспринимались населением, в своей массе, как обезличенный, стихийный, неуправляемый процесс, иначе должны были бы быть виноватые, ответственные.

Несмотря на парадоксальный характер сосуществования в опыте коллективного сознания «дружбы» и угрозы со стороны власти, патриотизма и страха, – в военное время происходит мобилизация людей вокруг советской власти, которая еще недавно сама выступала источником угроз. Подобное парадоксальное превращение еще потребует своего осмысления: власть-угроза, которую небезосновательно опасались (раскулачивание, уничтожение врагов народа, шпиономания т.п.), в условиях войны вновь превращается для многих советских граждан в единственного защитника и покровителя, т.е. в «друга».

В настоящем исследовании авторы сознательно фокусировали внимание на оценочных суждениях респондентов, имеющих отношение, как к повседневному, так и к важным историческим событиям военного и послевоенного времени, на индивидуальной интерпретации образов «друга» и «врага» в самых разнообразных контекстах. Образы «друга» и «врага» рассматривались нами как мировоззренческие конструкты, появляющиеся в результате семантической и аксиологической маркировки личностью реальности своего существования. Данные конструкты возникают только на пересечении реальностей идеологического дискурса и личного экзистенциального опыта. Одного идеологического нарратива, не подкрепленного валидностью непосредственно переживаемого опыта, и воспринимаемого исключительно на информационно-рациональном, а не на эмоционально-ценностном уровне, явно недостаточно для формирования лично-значимых, ценностно насыщенных, потенциально побуждающих к действию конструктов «друга» и «врага». По этой причине, фиксируемые в настоящем исследовании расхождения официально-пропагандистского и личного образов «врага» и «друга» происходят в точках «разрыва» идеологического дискурса, вне рамок которого люди зачастую думали и чувствовали иначе.

Проведенное исследование позволяет предположить, что образы «врага» и «друга» в обществе тоталитарного типа являются не просто символическими конструктами, но необходимыми компонентами социально-политического контроля в организации социальной реальности, повседневной конституции человека. Через архетип врага воспроизводится своеобразный антимир, призванный оградить от критического взгляда на актуальную социальную действительность. Образ врага также призван минимизировать идейный и ценностный плюрализм, иммунизировать общественное сознание как от инородных интерпретаций и оценок, так и от скепсиса по отношению к доминирующему в социальной системе идеологическому дискурсу. Антимир врага становится фоном, на котором с максимально выгодных сторон позиционируются фигуры-образы друга. Идеологический нарратив и исследуемого нами периода советской истории середины XX века определяет тотальное и бескомпромиссное притязание власти на роль внутреннего друга. Это «дружба», от которой нельзя отказать, является фундаментом широкого спектра системных явлений недавнего прошлого и, возможно, недалекого будущего.

Список использованной литературы

1. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – 816 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О.В. Вожгурова

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, kphilosof@vsu.by

Цель статьи – тезаурус понятия «гражданственность» как интегративного качества личности и выявление уровня его сформированности у студенческой молодёжи посредством реализации диагностического подхода.

Ключевые слова: культура, гражданская культура, гражданственность, студенческая молодёжь.

Современный этап развития общества характеризуется поиском новых путей и способов воспитания студенческой молодёжи, направленных на формирование высокого уровня гражданской культуры личности. Проблема формирования гражданской культуры приобретает особую актуальность в период реформирования социально-экономических и политических отношений, в условиях политического плюрализма и особенностей белорусского менталитета.

Смыслообразующим компонентом понятия «гражданская культура» является понятие «культура». Как важнейший показатель общественной жизни и её качественная характеристика культура отражает особенности развития общества и отдельных индивидов. Она выступает как сложное и многогранное явление, может исследоваться в различных аспектах и проявлениях. Одной из таких производных культуры как системы и является гражданская культура. Гражданская культура, так же как и культура в целом, накопила в себе собственную целостную систему, ставшую дополнением общей культуры, регулирующей отношения общественной жизни, позволяющей людям эффективно взаимодействовать в социальной среде.

Гражданская культура является неким отражением всего многообразия общественной жизни, гражданских прав и оказывает существенное влияние на утверждение социального статуса гражданина как лица, имеющего устойчивую политико-правовую связь с конкретным государством. Государство, выполняя регулируемую функцию и поддерживая культурную деятельность, в свою очередь, обеспечивает стабильность общества.

Являясь своеобразной характеристикой гражданского общества, гражданская культура выполняет важнейшую функцию, суть которой состоит в регулировании общественной жизни. Тесная связь гражданской культуры и общества позволяет рассматривать гражданскую культуру как структурный элемент гражданской жизни общества, звено политической жизни, который выражает уровень зрелости общества, способность преодолеть противоречия в рамках обеспечения общих гражданских интересов, форм и механизмов выработки и реализации совместных решений, согласованных действий. Гражданская культура является своего рода отражением общественной жизни, гражданских прав и оказывает решающее влияние на утверждение социального статуса гражданина.

С точки зрения ценностного подхода гражданская культура рассматривается как органическое единство политических, правовых, нравственных, этических, культурных ценностей, которые служат основанием осознания человеком своих гражданских прав и обязанностей перед обществом и государством, составляющий единый образ гражданина. Гражданская культура характеризуется как явление, где органически сливаются политические и правовые, нравственные и эстетические, а также иные ценности, создающие единую базу для осознания человеком гражданских прав и обязан-

ностей индивида и общества, личности и государства. Гражданская культура синтезирует в себе всю совокупность ценностей в различных сферах жизнедеятельности человека, характеризуя его ролевые функции в обществе.

Таким образом, культура и государство, общество и гражданская культура немислимы друг без друга и рассматриваются в науке в целостности и единстве.

Расширение знаний о характере взаимодействия общества и государства, государства и индивида побуждает к осмыслению понятия «гражданственности» как основы гражданской культуры. Понятие «гражданственность» многогранно. Оно предполагает деятельностное отношение к судьбам общества, нации, государства, защите прав граждан. Гражданственность связана с сознательным и активным выполнением гражданских обязанностей и гражданского долга; воспринимается как чувство неразрывной связи с народом, осознание ответственности за безопасность, процветание родины. Гражданственность – это необходимая позиция и активность, выражающая твёрдые убеждения и ответственность граждан перед обществом, государством. Гражданственность рассматривается также как понятие нравственное, заключающее в себе представление о моральном долге и ответственности личности.

В политологии гражданственность характеризуется развитым политическим сознанием, чувством патриотизма, ответственностью за поддержание жизнеспособности существующих социальных и политических институтов, восприятием себя как активного субъекта политического процесса, полноправного гражданина государства.

В социологии гражданственность – это моральное и социально-психологическое качество, проявляющееся в чувстве долга и ответственности человека перед обществом, в его готовности и способности защищать свои права и свободы, законные интересы других граждан.

С педагогической точки зрения гражданственность рассматривается как осознание своих прав и обязанностей по отношению к государству, гражданская организованность, которые определяются наличием у человека активной гражданской позиции, готовностью к активному сознательному участию в жизни общества, инициативностью, стремлением к самоорганизации и самосовершенствованию.

В работах многих авторов гражданственность – это интегративное качество личности, которое рассматривается учёными в нескольких планах:

социокультурном, предполагающем единство правовой, политической и нравственной культуры личности, культуры межнациональных отношений, традиций и обычаев граждан;

морально-нравственном, опирающемся на духовность, гражданский нравственный императив, гражданскую совесть и достоинство, убеждения личности, уважение гражданского законодательства;

когнитивном, включающем знание прав и обязанностей гражданина, истории государства и гражданского общества, его традиций и обычаев, а также гражданское сознание и самосознание;

отношенческом, предполагающем систему гражданских отношений: к себе как гражданину, другим гражданам и гражданскому обществу, к государству и государственным структурам, к истории, гражданским ценностям, традициям и обычаям и др.;

волевым, определяющим гражданскую социально-политическую, морально-психологическую и профессиональную ответственность, готовность и должностное поведение;

поведенческом, проявляющемся в исполнении гражданских обязанностей и реализации гражданских прав, активном участии в гражданской жизни, в гражданских поступках, ориентированных на благо государства и общества;

рефлексивно-регулятивным, предполагающим рассудительность, ответственность, гражданскую ориентацию и коррекцию гражданской позиции, системы гражданских отношений [1].

Данная точка зрения позволяет реализовать многоплановый и комплексный подход к анализу гражданственности, позволяет рассматривать данное явление как поэтапное, что, в свою очередь, подтверждает положение о гражданственности как интегративном качестве личности.

В период обучения в вузе следует стремиться к формированию и развитию у студентов гражданских качеств, определяющих меру их свободы, гуманности, духовности, жизнотворчества. Это предполагает воспитание высокого уровня самосознания, самоуважения, собственного достоинства, независимости суждений, способности ориентироваться в мире духовных ценностей и ситуациях окружающей жизни, готовность принимать решения и нести ответственность за свои поступки и др. Воспитание гражданственности как интегративного качества личности позволяет человеку ощущать себя социально, нравственно, юридически и политически дееспособным.

Анализ современных педагогических исследований по проблемам воспитания показывает необходимость формирования гражданственности как слагаемого целостности личности. Данный процесс, как и любой другой, требует прежде всего реализации диагностического этапа по определению уровня сформированности данного явления. С этой целью нами было проведено «пилотажное» исследование, в котором приняло участие 460 респондентов. Использовались методы: наблюдение, анкетирование, беседа, рейтинг и др. В ходе исследования были определены следующие слагаемые гражданственности: национальная принадлежность, отношение к Родине, обществу, языку, государству и его политике, жизненным ценностям личности.

Так, анализируя свою национальную принадлежность, студенты отмечают убежденность в отсутствии для них её должного значения (31%), большинство респондентов считает, что русские и белорусы либо близкородственные народы (55,22%), либо «ветви» одного народа (39,13%). Однако в ходе дальнейшего опроса выяснилось, что абсолютное большинство студентов (81%) считает себя белорусами в связи с тем, что ощущает связь с историей страны, культурой предков (23,91%); испытывает чувство патриотизма, любви к отечеству (28,48%); привязанности к родной земле (40,22%); более 10% респондентов соблюдает традиции и обряды белорусского народа. При этом анализ отношения студентов к языку позволил сделать вывод о том, что 21,52% студентов считает своим родным языком белорусский, и 4,57% респондентов подтверждает своё желание разговаривать на родном языке; 32,17% опрошенных считает своим родным языком русский, почти половина студентов (45,43%) – русский и белорусский.

В ходе исследования уровня сформированности гражданственности студентов было также выявлено их отношение к внутренней и внешней политике Республики Беларусь. В качестве приоритетов внутренней политики РБ респонденты определили рост благосостояния народа (69,35%), совершенствование политической системы (53,04%), укрепление безопасности граждан (47,83%), укрепление безопасности государства (40,22%), улучшение духовной атмосферы в обществе (31,09%). На вопрос «Интересуетесь ли Вы состоянием приграничного сотрудничества России и Беларуси» положительно ответило 78% опрошенных. 56,30% студентов считает, что приоритетным направлением внешней политики нашей страны должен явиться Союз с Россией, на Европейский Союз при сохранении взаимовыгодных отношений с Россией ориентировано 28,04% опрошенных.

Выявляя жизненные ценности студентов, было определено, что для большинства из них (60,43%) основную ценность составляет здоровье, для 58,70% – семейное счастье и мир в обществе (отсутствие войны). Чувство принадлежности к определенной нации как ценность была определена 3,48% студентов. Многие в качестве ценностей определяют материальную обеспеченность, любовь, честь и достоинство, личную свободу, любимую работу, полезность людям.

С целью анализа ценностей, касающихся отношения к своей стране, студентам были предложены вопросы: «Какие чувства вызывает у Вас историческое прошлое Беларуси», «Согласились ли бы Вы покинуть Беларусь на длительное время или навсегда» и др. Большинство респондентов (47,61%) ответило, что историческое прошлое Беларуси вызывает у них чувство гордости за великие свершения народа; 35,22% испытывает чувство морального удовлетворения за приобщённость к истории Беларуси, её культуре; 70,65% студентов предпочитает опору на национальные традиции и ценности западному образу жизни. Обязательно готовы уехать за рубеж 3,70% опрошенных, 5,22% ни при каких условиях не согласится покинуть страну на длительное время или навсегда.

Как видно из результатов социологического исследования, процесс формирования гражданской культуры и гражданственности студенческой молодёжи является весьма актуальным. Гражданственность формируется под влиянием социально-экономических условий, а её развитие определяет всё средовое окружение. Молодёжь пытается определиться в сложно меняющемся мире, найти своё место в новой социально-политической ситуации. Студенты интересуются внутренней и внешней политикой своего государства, безразличны к судьбе своей нации, испытывают чувство неразрывной связи с народом. Однако на данном этапе развития общества общественные, государственные ценности не являются для них приоритетными. Актуальным представляется и усиление внимания к проблемам нашей страны, политике государства, становлению гражданского общества, установлению диалога и взаимопонимания между различными политическими институтами.

Данная статья посвящена проблеме формирования гражданской ответственности студенческой молодёжи на основании результатов социологического исследования, проведенного в ВГУ имени П.М. Машерова.

Список использованной литературы

1. Немчина, И.М. Профессионально-педагогическая адаптация студентов и выпускников вузов культуры к работе с читателями-детьми (Теория и практика): дис. ...канд. пед. наук: 05.25.03 / В.П. Чудинова; МГУК. – М., 1996. – 218 с.

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

А.Ф. Гавриленков

г. Смоленск, СмолГУ, aleksej.gavrilencov@mail.ru

Т.Н. Ладожина, М.Л. Царегородцева

г. Смоленск, библиотека СмолГУ, erbib.smolgu@yandex.ru

Цель статьи – изучение истории поликонфессиональности населения на Смоленщине, с указанием примеров биографий конкретных церковных деятелей (11 священнослужителей православной и католической церкви).

Ключевые слова: поликонфессиональность, население российско-белорусского приграничья, Смоленский край, церковные деятели, священнослужители.

Приграничье представляет собой сложное, многообразное и многоаспектное социальное явление. Польский исследователь Е. Sakowicz предлагает следующее определение приграничья (в польской научной традиции «пограничье» – авт.): «Пограничье – географическое пространство, в котором пересекаются культуры, где элементы одной культуры обогащают другую культуру, где также может иметь место отрицание

некоторых элементов данной культуры элементами другой культуры» [1, с. 19]. S. Ossowski различает три типа пограничья: территориальное, культурное и социально-культурное. A. Sadowski называет три аспекта пограничья – пространственный, социально-культурный, личностно-культурный аспекты [2, с. 8–9].

В исследовании российских ученых можно отметить несколько основных традиций исследования приграничных территорий: политико-географическую (В. Колосов [3] и др.), историко-культурную (Е. Воробьева [4], А. Пылкова [5] и др.), социально-антропологическую (О. Бредникова [6] и др.). В приграничье происходит пересечение различных аспектов социальной жизни общества – политических, экономических, социальных, конфессиональных. Проблема взаимодействия культур различных обществ (кросс-культурного взаимодействия – авт.) находит выражение в виде диффузии и/или аккумуляции [7, с. 233].

Проблема взаимодействия русской и белорусской культур на территории российско-белорусского приграничья получила отражение в творчестве исследователей XIX–XX вв. В трудах Н. Анимелле, В. Б. Антоновича, М. В. Довнар-Запольского, М. О. Кояловича, Ю. Ф. Крачковского, П. В. Шейна, Д. Н. Анучина, И. П. Силича, Н. А. Янчука, П. А. Расторгуева, С. В. Максимова прослеживаются исторические, лингвистические, этнографические, географические, религиозные и другие аспекты интеграции культур. Однако, данные работы свидетельствуют скорее об интересе к проблемам белорусской истории и культуры, рассмотренным в процессе взаимодействия с русской культурой. Исследования белорусских и российских ученых, посвященные изучению феномена интеграции культур на территории Смоленщины, появляются лишь в XX веке. При всей схожести процессов взаимодействия культур в приграничье, мы считаем необходимым провести анализ их влияния на трансформацию религиозного сознания жителей приграничных территорий Смоленщины и Беларуси.

Для Смоленского региона характерна сложная полиэтническая среда, поликонфессиональный и многонациональный состав населения. Появление лиц разных вероисповеданий и национальностей связано со многими историческими и миграционными процессами, проходившими на территории Смоленщины, В период польской экспансии в XVII столетии в западных районах губернии в римско-католических приходах проживали поляки, белорусы, немцы, латыши-латгалцы, литовцы, цыгане [8, с. 9]. Евреи, по одним данным, появились в Смоленске до XII в., по другим – с первой трети VIII в., «пропавшая сюда с территории Речи Посполитой» [9, с. 222]. В 1897 г. наибольшее их количество проживало в Смоленском (4619), Рославльском (2412) и других западных уездах [10, с. 224]. В XIX в. в губернии проживали представители разных вероисповеданий: православные (84,6 % в Смоленске в 1900 г.), католики (5,7 %), иудеи (8,1 %), протестанты (лютеране – 1,5 %), армяне-григориане, армяне-католики, мусульмане [11, с. 9; 11, с. 189]. Национальных меньшинств, по данным Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г., а губернии насчитывалось: несколько десятков тысяч евреев, поляков (7314 человек) и латышей, в том числе 8487 католиков [12]. Лютеранами были по национальной принадлежности в основном латыши (2307 в 1897 г.), немцы (1524), финны (231), русские (174) и поляки (33) [13]. В ходе Первой мировой войны в губернии появились беженцы из бывших белорусских, польских и прибалтийских земель [14]. К концу 1913 г. по сравнению с 1858 г. по динамике роста количества верующих в губернии православие опережали другие конфессии: число иудеев выросло в 116,62 раза (154:17960), протестантов (евангелистов-лютеран) – в 13,14 раза (368:4835), католиков – в 7,77 раза (1432:11130), старообрядцев – в 4,38 раза (9027:39575), православных – в 1,83 раза (1110848:2036428) [15, с. 89–90, 254].

В связи с этими обстоятельствами в Смоленске к началу XX века работали общества различных вероисповеданий и национальностей: Римско-католическое общество пособия бедным, Евангелическо-лютеранское общество в доме лютеранской

церкви, Общество помощи бедным иудейского вероисповедания. В губернии также были открыты Римско-католические общества при молитвенных домах городов Вязьмы и Рославля. При этом лютеранская кирха Смоленска была одной из лучших из 18 храмов дореволюционной России, а евангелическо-лютеранский приход имелся и в г. Вязьме [16, с. 195].

Персонологический аспект поликонфессиональности населения российско-белорусского приграничья можно рассмотреть на примере биографий конкретных церковных деятелей (11 священнослужителей православной и католической церквей). Сведения представлены по материалам подготовленного в печать биобиблиографического справочника «Персоналии российско-белорусского приграничья (на примере Смоленского края)», который является результатом первого этапа корпоративной работы по формированию реферативной базы данных на русском и белорусском языках «Белорусские смоляне, смоленские белорусы» [17]. Целью проекта, инициированного отделом электронных ресурсов библиотеки СмолГУ в 2015 г., является сбор информации о выходцах из Беларуси, известных своей деятельностью на Смоленщине, и о смолянах, внесших вклад в развитие белорусской культуры, образования и науки. Проект позволяет изучить интеграционные и миграционные процессы приграничья, влияние персонологического фактора на взаимодействие российской и белорусской культур на Смоленщине.

В числе церковных деятелей в справочнике количественно больше представлены православные священнослужители – уроженцы приграничных белорусских территорий.

Алхимович Сергей Романович (1889–1937) – родом из г. Витебска; священник в г. Велиж Западной (ныне Смоленской) обл. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1989 г. [18].

Балов Иван Лукич (1868–1938) – из м. Ново-Быхово Могилевской губ.; священник в д. Точна Монастыршинского р-на Смоленской обл. Репрессирован в 1938 г., реабилитирован в 1989 г. [19].

Березкин Павел Яковлевич (1884–1938) – из с. Любашки Могилевской губ.; священник в Крестовоздвиженской церкви в г. Велиже. Репрессирован в 1938 г., реабилитирован в 1989 г. [20].

Бродовский Иван Федорович (1880–1937) – из м. Родня Климовичского уезда Могилевской губ.; священник Тригубовской церкви Монастыршинского р-на Западной обл. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1989 г. [21].

Высоцкий Константин Николаевич (1874–1937) – из с. Мушкевица Сиротинского (ныне Шумилинского) р-на Витебской обл.; священник Будницкой церкви Велижского р-на Западной обл. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1989 г. [22].

Кашиников Дмитрий Федорович (1875–1937) – из г. Витебска; священник в г. Гжатске Западной обл. (ныне г. Гагарин Смоленской обл.). Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1989 г. [23].

Курневич Иван Фомич (1862–1937) – из м. Староселье Оршанского уезда Могилевской губ.; священник Оснянской церкви Хиславичского р-на Смоленской обл. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1957 г. [24].

Лавровский Лавр Яковлевич [25] (1865 – ?) – педагог, археолог, церковный и музейный деятель, историк. Уроженец м. Монастырщина Могилевской губ. (ныне райцентр Смоленской обл.). Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1888, по др. данным, в 1889 или 1890). Преподавал в духовных средних учебных заведениях г. Смоленска. В 1905 г. назначен смотрителем духовного училища в г. Орша Могилевской губ. (ныне Витебской обл.). Принимал активное участие в работе Смоленской губернской ученой археологической комиссии (1908–1913). В 1919 г. – член коллегии подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Смоленского губернского отдела народного образования. В 1922 г. читал курс русской истории на

педагогическом факультете Смоленского государственного университета. Директор губернского Музея искусств и древностей (1922-1923). Автор ряда работ по истории, в т. ч. Смоленщины, опубликованных в «Смоленских епархиальных ведомостях», «Смоленской старине» «Научных известиях государственного Смоленского университета». Награжден орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й степени, серебряной медалью «В память царствования Александра III», светло-бронзовой медалью «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.».

Период деятельности перечисленных священнослужителей пришелся на время ужесточения антирелигиозной борьбы и репрессий против верующих. В связи с этим большинство данных о персонах представлено из Смоленского мартиролога «Книга памяти жертв политических репрессий».

В числе священнослужителей-католиков выявлено три представителя.

Денисевич Стефан (1834–1913) [26] – церковный деятель и педагог. Уроженец д. Черя Сеннинского уезда Могилевской губ. Получил хорошее домашнее воспитание, окончил Минско-Могилевскую римско-католическую семинарию (1856-1859), Санкт-Петербургскую духовную академию (1863). Преподавал в Оршанском дворянском училище в 1863 г. и мужской классической гимназии и реальном училище г. Смоленска (1877-1879). Настоятель Смоленского костела (1866-1898), епископ-суффраган Могилевской епархии (1908-1913). Получил звание почетного каноника (1888), причислен к Ордену Святого Станислава III степени (1890). Похоронен на Польском кладбище в г. Смоленске.

Довгирд Аниол(Анёл) (1776–1835) [27] – церковный деятель, философ, логик, психолог. Родился в имении Юрковщина Могилевской губ. (ныне Хиславичского р-на Смоленской обл.). Учился в Мстиславльском и Могилевском иезуитских коллегиумах, семинариях ордена пиаров в г. Дубровно (ныне Витебская обл) и г. Дубровице (близ г. Минска). Закончил Виленскую духовную академию. Преподавал в пиарских школах г. Лиды, г. Щучина (оба ныне в Гродненской обл.), г. Витебска (1791-1807), в Виленском университете (1818-1832). С 1797 г. работал капелланом в Главной духовной академии при Виленском университете. Защитил докторскую диссертацию по теологии (1828), профессор духовной семинарии (1834). Среди работ – «Курс лекций “О логике, метафизике и моральной философии”» (1821), «Логика теоретическая и практическая» (1828), «Вещественная деятельность человеческих знаний (1839).

Пржемоцкий Хризогон Терентьевич (1863–1930) [28] – из г. Дрисса Витебской губ. Окончил Духовную семинарию в г. Санкт-Петербурге со степенью магистра богословия (1886). Был vicarием прихода в г. Минске, помощником инспектора духовной академии в г. Санкт-Петербурге (1888), адъюнкт-профессором кафедры библейской археологии в академии и семинарии (1889), законоучителем в гимназии, реальном училище и кадетском корпусе, также инспектором и преподавателем семинарии (1890). Занимал должность vicarия прихода Св. Екатерины и законоучителя в женских гимназиях (1893), затем направлен служить в Новгородскую епархию (1893-1896). Настоятель прихода в г. Черикове под г. Могилевом и декан Чериков-Чаусский (1896-1899), прихода в г. Быхове и декан Рогачево-Быховского деканата (1899-1904), служил в храме Св. Варвары в г. Витебске (1904-1906). Был настоятелем прихода в г. Несвиже и деканом Слуцким (1906-1908), прихода в г. Двинске (1908-1910), снова в г. Витебске (1910-1914), в приходе г. Омска, деканом Сибирским (1914-1921). Служил настоятелем римско-католического прихода в г. Смоленске (1921-1922), обслуживал также приходы в г. Брянске и г. Туле, затем выехал на служение в г. Рославль Смоленской обл., обслуживая также приход в г. Орле. Арестован в 1927 г., умер в смоленской тюрьме.

В числе персоналий на данный момент не выявлены священнослужители других вероисповеданий (лютеране, иудеи), характерных для Смоленской губернии.

В современный период население приграничной Смоленщины также отличается поликонфессиональностью. В декабре 1992 г. в Смоленске возобновлена деятельность римско-католического прихода Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии. В 1990 г. в д. Любавичи Руднянского района была предпринята попытка возродить хасидский центр; на старом еврейском кладбище построен молельный дом, в котором находятся могилы первых Любавичских ребе и восстановлено также подворье для паломников. В сентябре 2012 г. в Смоленске состоялось открытие общинного центра-синагоги.

Дальнейшее выявление и изучение деятельности представителей разных конфессий поможет более глубоко продемонстрировать неотъемлемость персоналогической составляющей региона в контексте эволюции культуры края в целом, а также исследовать фундаментальные проблемы межкультурных взаимодействий, психологии миграции и аккультурации, этнической социализации.

Список использованной литературы

1. Kultura pogranicza-pogranicze kultur. Redakcja naukowa Adam Bobryk. Siedlce-Pułtusk, 2005.
2. То же.
3. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины/ Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. Б. // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2014. № 5. С. 32–46. URL: http://elibrary.ru/query_results.asp.
4. Воробьева Е. А. Культурное приграничье как форма осмысления бытия культуры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14. № 37. С. 32–35. URL: <http://elibrary.ru/download/26139962.pdf>.
5. Пылкова А. А. Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России): диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2004. URL: <http://dlib.rsl.ru/01002770114>.
6. Бредникова О. Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 492–497. URL: <http://elibrary.ru/download/55031258.pdf>.
7. Гавриленков А. Ф. Автохтонные меньшинства на российско-белорусском пограничье (Смоленщина) и вопросы взаимодействия культур // Autochtoniczne mniejszości na pograniczach a ich stosunki z odseparowanym etnosem. Białystok, 2009. S. 233–235.
8. Гавриленков А. Ф. Ислам в городе Рославле и уезде в XIX – начале XX века // Рос-тиславль: краевед. альманах: вып. 4 (9). Смоленск, 2006. С. 9–12.
9. Гавриленков А. Ф. Вероисповедная политика Российской империи в 1721–1917 гг.: (на материале Государственного архива Смоленской области): моногр. / Рос. гос. социальный ун-т. Смоленск: Смядынь, 2008. 308 с.
10. То же.
11. Гавриленков А. Ф. Ислам в городе Рославле и уезде в XIX – начале XX века // Рос-тиславль: краевед. альманах: вып. 4 (9). Смоленск, 2006. С. 9–12; Гавриленков А. Ф. Трансформация религиозного сознания: (на материалах Смоленского края в X – начале XXI вв.): моногр. / Смол. гос. ун-т. Смоленск: Смядынь, 2007. 343 с.
12. Смоленская губерния / предисл. Н. Тройницкого. [СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы], 1904. XIX, 257 с.: табл. (Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.).
13. То же.
14. Смоленская область: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. Д. И. Будаев. Смоленск: СГПУ, 2003. Т. 2: А–Я. 623, [1] с.: ил.

15. Гавриленков А. Ф. Вероисповедная политика Российской империи в 1721-1917 гг.: (на материале Государственного архива Смоленской области): моногр. / Рос. гос. социальный ун-т. Смоленск: Смядынь, 2008. 308 с.
16. То же.
17. Белорусские смоляне, смоленские белорусы [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioteka.smolgu.ru/pages/bel/> (Дата обращения 09.01.2017).
18. Алхимович Сергей Романович // Книга памяти жертв политических репрессий: Смол. мартиролог / М-во образования и науки РФ, Смол. гос. ун-т; редкол.: Е. В. Козин (отв. ред.) [и др.]. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2006. Т. 1. Кн. 1 : А–К. С. 31.
19. Балов Иван Лукич // Там же. С. 67.
20. Березкин Павел Яковлевич // Там же. С. 91.
21. Бродовский Иван Федорович // Там же. С. 131.
22. Высоцкий Константин Николаевич // Там же. С. 199.
23. Кашников Дмитрий Федорович // Там же. – С. 416.
24. Курневич Иван Фомич // Там же. С. 518.
25. Иванов М. В. Лавровский Лавр Яковлевич // Смоленская область: энцикл.: [в 2 т.] / редкол.: Г. С. Меркин (отв. ред.) [и др.]. Смоленск, 2001. Т. 1: Персоналии. С. 140; Иванов М. В. Лавровский Лавр Яковлевич // Смоленский край: История музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX вв.). Смоленск, 2005. С. 317–319.
26. Дзенісевіч Сцяфан / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевіч. Мінск: БелЭн, 1996. Т. 3: Гімназіі–Кадэцыя. С. 206; Гурзов А. И. Денисевич Стефан // Смоленская область: энцикл.: [в 2 т.] / редкол.: Г. С. Меркин (отв. ред.) [и др.]. Смоленск, 2001. Т. 1: Персоналии. С. 73; Денисевич Стефан / Республика Беларусь: энцикл.: в 6 т. / редкол.: Г. П. Пашков [и др.]. Минск: БелЭн, 2006. Т. 3. С. 334; Хомяков В. Смоленский след известных уроженцев Беларуси // Край Смоленский. 2017. № 1. С. 52.
27. Хомяков В. Белорусские ученые – уроженцы Смоленщины // Край Смоленский. 2016. № 4. С. 46–54. (Биогр. летопись).
28. Илькевич Н. Н. «Душа костела»: Штрихи к биографии ксендза Хризогона Пржемоцкого. Смоленск, 2000. 31,[1] с.: ил. (Б-ка журн. «Годы»; Сер. «Свидетельства о XX в.»; Вып. 6); Пржемоцкий Хризогон Терентьевич [Электронный ресурс] // Католицизм России. Азбука Католицизма. Католицизм от А до Я [сайт]. URL: <http://catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=5526> (Дата обращения : 22.12.2016).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

*Е.В. Давлатова
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова*

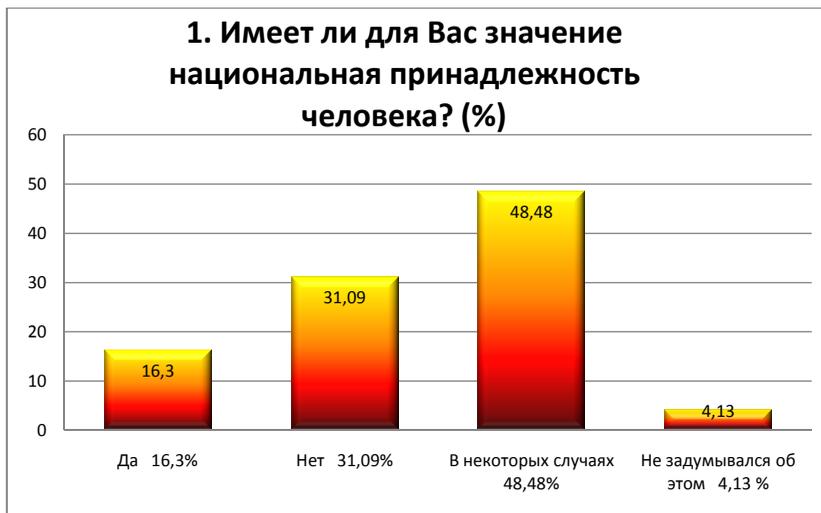
Цель статьи – выявить характерные черты социокультурного облика студенческой молодежи приграничья и определить роль исторического сознания в их формировании.

Ключевые слова: национальная идентичность, белорусское государство, история Беларуси, молодежь.

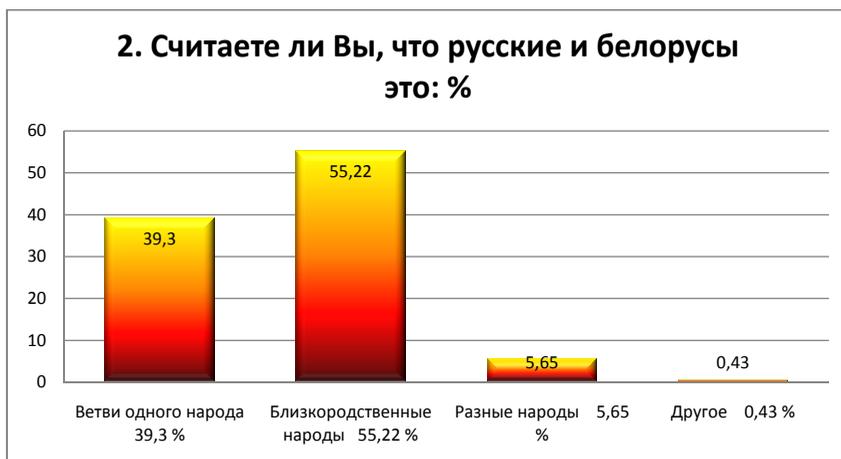
Материалами исследования явились данные социологического опроса, полученные при реализации научного проекта «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья как основополагающие факторы

приграничного сотрудничества» договор № Г15-130 при поддержке БРФФИ. Социологические исследования проводились среди студентов старших курсов и магистрантов ВГУ имени П.М. Машерова весной 2016 года. Всего было опрошено 500 человек.

Социологический опрос показал, что для большого количества респондентов национальная принадлежность не является значимым фактором (см. таблицу №1).

На вопрос «Считаете ли вы, что русские и белорусы это?» 55,22% ответили, что это близкородственные народы, 39,13% - ветви одного народа. Это указывает на тесную этническую связь наших народов, общность исторических судеб и длительное проживание в составе одного государства.

45,43% респондентов отметили, что родным языком считают одновременно и белорусский и русский, 32,17% – только русский. И лишь 21,52% родным языком называют белорусский язык. При этом большинство опрошенных считают и осознают

себя белорусами (см. таблицу №4). В республике Беларусь два языка - русский и белорусский - имеют государственный статус. Но законодательно оформленный билингвизм пока что не переведён в практическую плоскость. Особенно ярко это проявляется в приграничных районах проживания двух народов, где сложилась определенная бикультурная среда, много смешанных браков, схожий образ жизни и общие вековые традиции, а белорусский язык и русский язык являются близкородственными языками.

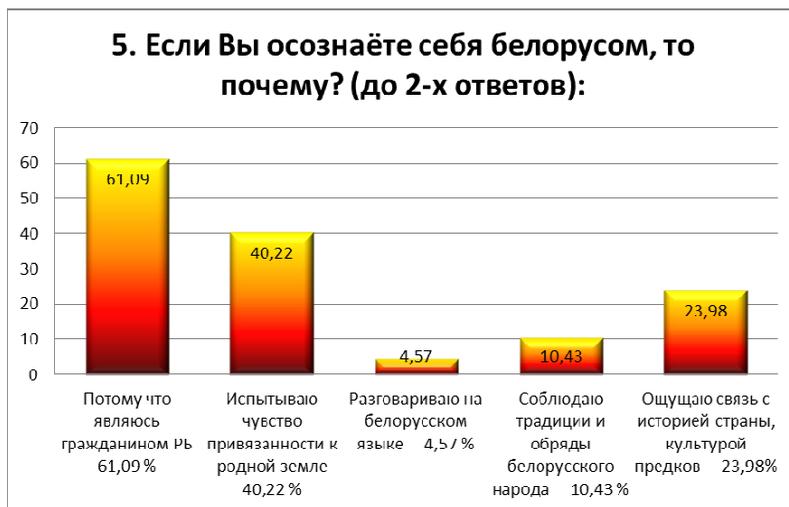

Не смотря на то, что основная часть населения в Республике в целом, и в Витебской области в частности – белорусы (см. таблицу 4), русский язык является преобладающим в общественной жизни, в общении и в быту.

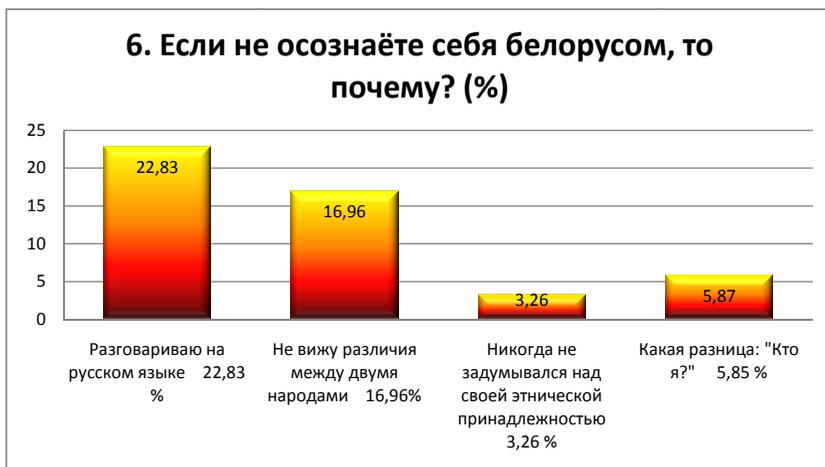

Результаты таблицы №5 показали превалирование политической составляющей в содержании патриотизма и национального самосознания белорусской молодежи. Самоидентификация респондентами объяснялась в первую очередь гражданством

Республики Беларусь (61,09%) и только во вторую - чувством привязанности к родной земле, любовью к отечеству, к культуре предков и т.п.

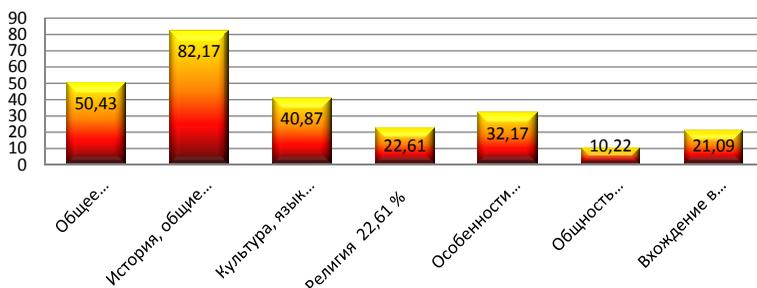

Отвечая на вопрос «Если Вы себя не осознаете белорусом, то почему?» большинство респондентов отметили, что русские и белорусы это либо ветви одного народа, либо близкородственные народы с общей историей, победами и испытаниями.

Эти выводы подтверждаются ответами в следующей таблице.

7. Что, на Ваш взгляд, в большей степени объединяет русских и белорусов? (до 3-х ответов): (%)

На вопрос, «Какие из перечисленных ниже качеств в наибольшей степени, на Ваш взгляд, присущи белорусам (выберите 5 наиболее значимых)», белорусские студенты указали, что определяющим качеством их соотечественников является гостеприимство (79,13%), толерантность, уважительное отношение к другим народам (61,52%), трудолюбие (57,61%). На четвертом месте был отмечен патриотизм (52,39%), на пятом доброжелательность - (51,30%). Последнее место занимают такие качества как общественная активность, деловитость и предприимчивость

8.1 Какие из перечисленных ниже качеств в наибольшей степени, на Ваш взгляд, присущи белорусам (выберите 5 наиболее значимых): (%)

При характеристике этих же качеств у россиян определяющим качеством, приписываемым россиянам, по мнению белорусов, являются патриотизм (64,78%), деловитость и предприимчивость (53,48%). Далее выделяются умение приспособиться к изменившейся ситуации (46,61%) и свободолюбие (46,96%).

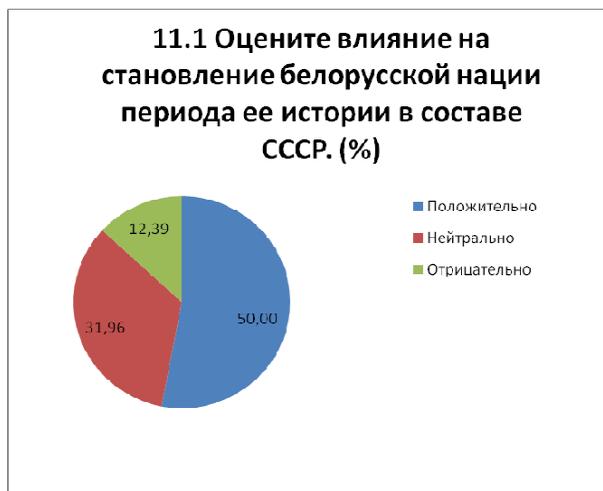
Большинство опрошенных студентов и магистрантов воспринимают историю Беларуси как историю отдельной страны (54,78%). Не малый процент респондентов считают, что история Беларуси это история страны в составе других стран – 40,87%, и 4,57% выбрали другой вариант ответа.

Большее половины респондентов считают, что в наибольшей степени история Беларуси переплетается с историей России (55,43%).

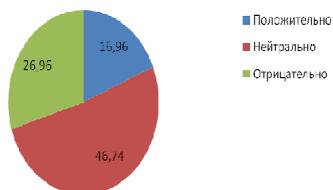

50% молодежи отмечают положительное влияние на становление белорусской нации период ее истории в составе СССР.

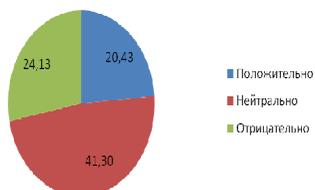

Нейтрально воспринимается влияние на становление белорусской нации в периоды ее истории в составе Российской империи и Речи Посполитой.

11.2 Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе Российской империи. (%)

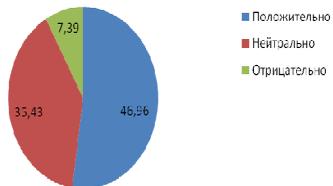

11.3 Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе Речи Посполитой. (%)

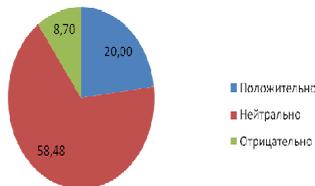

Только 46,96% положительно оценили период становления белорусской нации в составе ВКЛ. Этот факт говорит о том, что современная молодежь слабо знает историю своего народа досоветского периода, и, к сожалению, не учитывается тот факт, что белорусские земли долгое время входили в состав ВКЛ и Речи Посполитой.

11.4 Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе ВКЛ. (%)

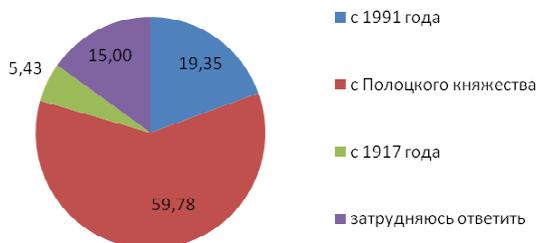

11.5 Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе Киевской Руси. (%)

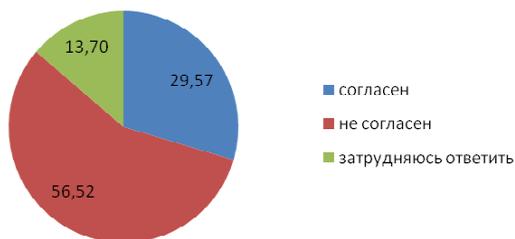
Большинство респондентов считает, что история Беларуси начинается с истории Полоцкого княжества – 59,78%

12. Как Вы считаете, история Беларуси начинается: (%)

Весьма интересным результатом был ответ на вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что Родина там, где жить хорошо?» Только 29,57% ответили утвердительно.

13. Согласны ли Вы с утверждением, что Родина там, где хорошо жить? (%)

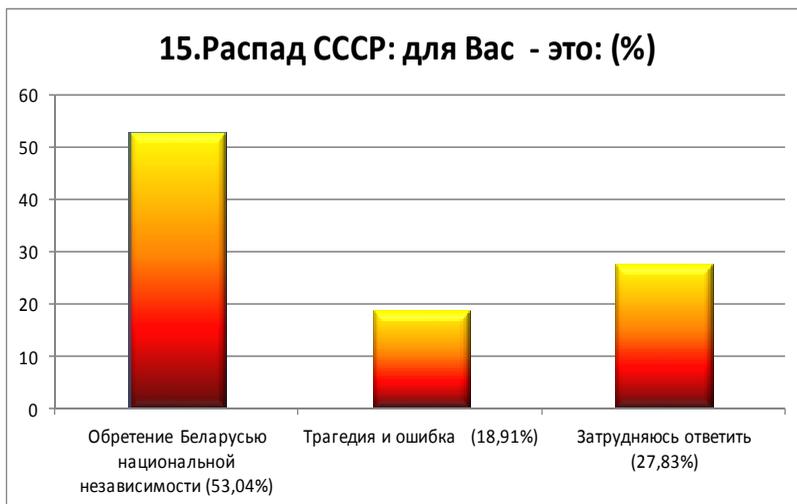
Большинство студентов и магистрантов состоянием приграничного сотрудничества России и Беларуси интересуются от случая к случаю и только 14,35% постоянно.

14. Интересуетесь ли Вы состоянием приграничного сотрудничества России и Беларуси? (%)

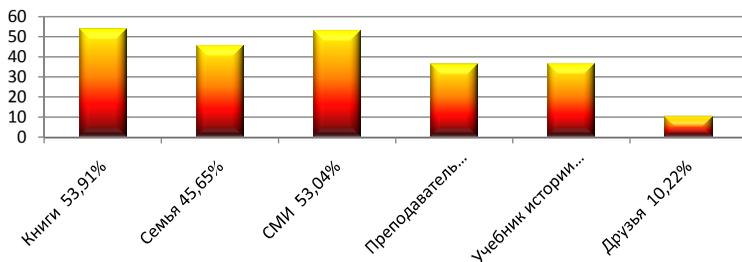
Распад СССР воспринимается в первую очередь как событие напрямую связанное с обретением Беларусью национальной независимости.

15. Распад СССР: для Вас - это: (%)

На вопрос «Что в наибольшей мере повлияло на Ваши общественно-политические взгляды и оценку общеисторических событий?» большинство отдали предпочтение СМИ и книгам. На втором месте стоит семья, и только потом учебники истории и преподаватели истории. Этот факт говорит о том, что содержание белорусских учебников истории и преподавание истории в школах нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

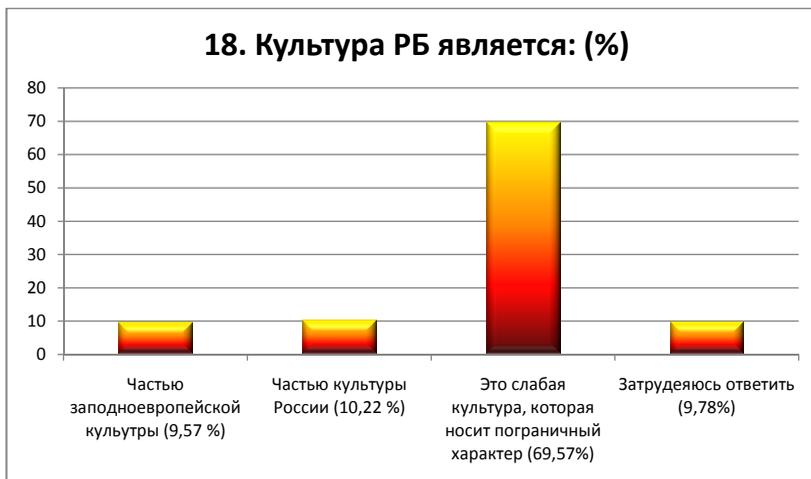
16. Что в наибольшей мере повлияло на Ваши общественно-политические взгляды и оценку исторических событий? (можно указать до 3-х вариантов ответа): (%)

История Беларуси рассматривается в первую очередь как история белорусского народа, а культура Беларуси воспринимается как самобытная культура, носящая пограничный характер.

17. Что для Вас история Беларуси? (%)

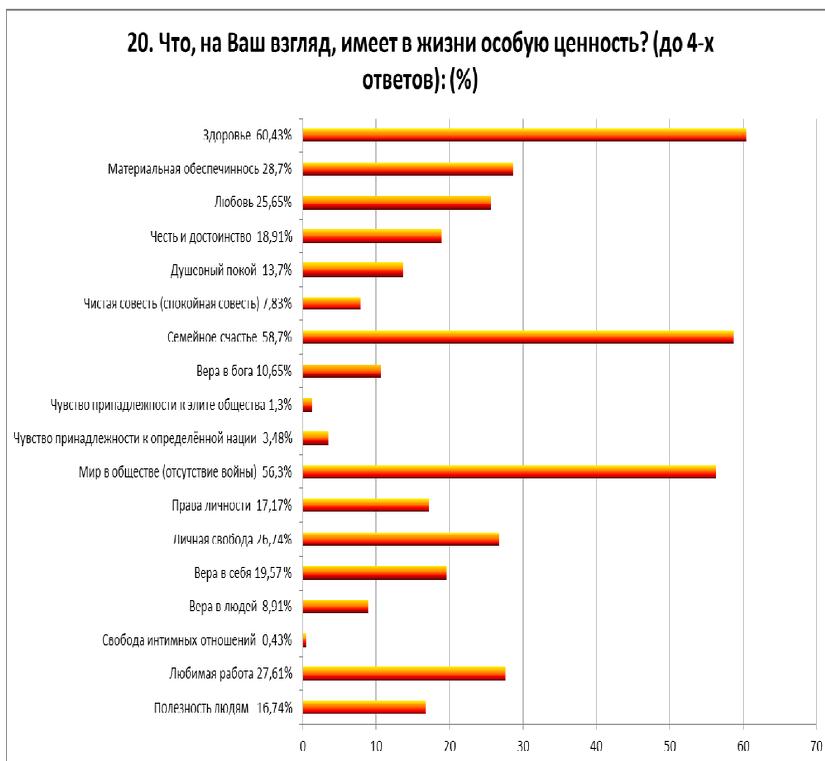

19 Историческим прошлым своего народа гордятся 47,61% и 35,22%. чувствуют моральное удовлетворение за приобщенность к истории Беларуси и ее культуре

На вопрос «Что, на Ваш взгляд, имеет в жизни особую ценность?» получены следующие результаты:

Главной жизненной ценностью считается здоровье, семейное счастье и мир в обществе. Только 3,48% отметили важной ценностью чувство принадлежности к определенной нации, что подтверждает полученные ранее ответы из таблицы №1.

Таким образом, современная молодежь слабо знает историю своего прошлого и белорусский язык. Это негативно влияет на её национальную самоидентификацию и историческую память. Вызывает тревогу низкая оценка роли белорусско-российских интеграционных процессов. Молодежь не проявляет интерес и не следит за состоянием приграничного сотрудничества между Беларусью и Россией. Это свидетельствует о недостаточной информационной и идеологической работе в этом направлении государственными структурами обеих стран и СМИ, тогда как социокультурная среда по обе стороны белорусско-российской государственной границы при согласовании идеологических усилий может стать надежной основой для реанимации всего ценного в нашем общем культурно-историческом наследии, и соединения разорванного после распада СССР путем диалектического отрицания недалекого исторического прошлого.

СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИГРАНИЧЬЯ

Е.О. Далимаева
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, evadali@mail.ru

Цель статьи – анализ эмпирических данных, характеризующих специфику понимания факторов жизненного успеха в контексте культуры и менталитета белорусов, их взаимосвязи с уникальной ситуацией русско-белорусского приграничья.

Ключевые слова: социология, приграничье, культура, традиция, молодежь, ценность, фактор успеха.

В XX веке основными процессами, определяющими развитие общества, стали глобализация и модернизация. Однако в противовес стремительно глобализирующему миру возник и оформился научный интерес к изучению проблем регионов, оказавшихся на стыке государств или, шире, на стыке цивилизаций. «Парадоксально, но тема границ привлекает больше внимания, чем раньше, во время существования железного занавеса», — писал в 1998 г. австрийский исследователь границ и приграничных территорий Йозеф Лангер [1, 25]. И действительно, всплеск интереса к исследованиям границ в социальных науках, обозначившийся на Западе буквально лет десять назад, а ныне и на постсоветском пространстве, поражает: исследования приграничья становятся все более и более популярными, в университетах начинают читать специализированные курсы, а в библиотеках множатся полки с соответствующей тематикой. Однако парадокса тут нет. Это лишь показатель неких социальных перемен, которые срочно требовали своего научного осмысления. И дело не только в том, что границы в современном мире стали более открытыми и легко пересекаемыми людьми, товарами, информацией, идеями и пр. Границы оказались «номадами», изменяющими свое местоположение. Более того, они изменяют свои статусы и смыслы, что, в свою очередь, значительно трансформирует статусы и смыслы, приписываемые приграничным территориям. В результате как новое явление и новый объект научного исследования возникли понятия приграничья и трансграничья. Одним из направлений изучения этого нового феномена социокультурной реальности является анализ ценностных ориентаций и особенностей менталитета населения, существующего на стыке двух культур. Ведь только глядя на себя глазами иной культуры, мы приближаемся к пониманию как своей уникальности, так исторической общности, преодолевая тем самым односторонность и ограниченность идеологических установок. Интерес к специфике собственной культуры подогревается политическими и экономическими проблемами, существующими между соседними государствами. Безусловная и очевидная близость двух культур – русской и белорусской – нередко приводит к спекулятивным заявлениям о несуществовании белорусского народа как самостоятельного, отдельного субъекта мировой истории. Показательно, что подобные заявления более или менее публичных лиц совпадают, как правило, с очередным витком напряжения в отношениях между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, вызванных как раз стремлением руководства Беларуси проводить самостоятельную политику. К примеру, в декабре 2016 года МИД Беларуси заявил протест советнику-посланнику посольства России Вадиму Гусеву в связи с появившейся в интернете записью выступления главы аналитического центра при Администрации президента России Леонида Решетникова, в котором он заявляет, что белорусский язык придумали всего 90 лет назад, а Беларусь – это историческая часть великой России [2]. Таким образом, мы видим, что вопрос ценностей, основ и специфики национальных культур становится все

более актуальным в современном обществе, несмотря на расширяющуюся мировую интеграцию и глобализацию в политической и экономической сферах.

Возможно, в ситуации «нового» (постсоветского) приграничья национальные идентичности теряют свою территориальную и этническую компоненты. Кроме того, они связаны не столько с гражданской лояльностью, сколько с выбором жизненных стратегий. Поэтому исследование идентичностей жителей приграничья должно быть связано, прежде всего, с исследованием жизненных стратегий — образовательных, трудовых, брачных и т. д. Одним из направлений подобного исследования является анализ социальных ценностей и представлений молодежи, в первую очередь, получающей высшее образование в условиях приграничья.

Один из признаков жизненной философии современных людей и на Западе, и в нашей стране — это их стремление к успеху. Достижение успеха связано с проблемой его понимания. Успех чаще всего понимается как достижения человека во внешнем мире, как успех материальный, денежный, карьерный, связанный со славой и получением земных удовольствий. Сегодняшняя эпоха характеризуется массовым устремлением людей к материальным ценностям и разнообразным видам комфорта. Отсюда и культ внешнего успеха, стремление к обладанию большим количеством денег, достижению высоких постов, непрерывному получению разнообразных удовольствий, культ наслаждения, реализующий господство принципа количества над принципом качества. В наше время именно количество признается мерилом успеха. Однако количество материальных благ на земле ограничено, поэтому возникает конкуренция, битвы и сражения, принимающие грубые, а порой и изощренные формы.

Несмотря на свое желание, огромное количество людей успеха не добиваются. А многие из тех, кто приходит к внешним достижениям, не испытывает при этом и малой доли ожидаемого удовлетворения или даже испытывает чувство разочарования. Объяснение этого феномена заключается в том, что люди чисто эмпирически стремятся к успеху, зачастую не понимая, что такое успех, какова его природа и механизмы достижения. Между тем очевидно: чтобы достичь чего, надо отчетливо понимать цель собственной деятельности. Понять природу успеха — значит, в первую очередь, найти его основания, факторы, лежащие как в философии деятельности, так и во вне-философской сфере, в сфере психологических, социально-психологических (коммуникативных) и обыденных смыслов. На наш взгляд, категория успеха с известными оговорками может быть отнесена к разряду общенаучных, поскольку ее понятийно-смысловой каркас формируется в нескольких научных областях. Конкретное проявление обоих аспектов можно обнаружить в категориях активности, личности, деятельности, коммуникации, самооценки.

В 2014-2015 уч. году кафедра философии ВГУ имени П.М. Машерова провела исследование социального самочувствия студентов. В исследовании приняли участие 484 студента ВГУ, обучающихся на 9 факультетах вуза. Среди прочих составляющих категории «социальное самочувствие» мы попросили студентов проранжировать факторы, способствующие достижению жизненного успеха. В представлении студентов ВГУ иерархия данных факторов выглядит так: на первом месте находится такой показатель, как «умение упорно трудиться, личная инициатива» — его выбрали 58% опрошенных; на втором — «материальный достаток семьи» (50%), на третьем месте — «интересная работа» (45%). Ближе к третьему месту размещены «высокая профессиональная подготовка» (35%); пятую позицию занимает «удача, везение, стечение обстоятельств» (29%); шестую — «предрасположенность; способности, данные от природы» (25%); седьмую — «умение устраивать свои дела любым способом» (24%). Закрывает иерархию такие показатели, как «возможности родителей и родственников» (13%) — восьмое место и «умение угождать начальнику» (1%) — девятое, последнее место в иерархии. Предложенные варианты ответа можно сгруппировать в несколько основных поведенческих стратегий:

1) достижение успеха через труд. Успех зависит от собственных усилий человека. Эту стратегию описывают варианты, попавшие в списке на 1, 4 место, частично – 3;

2) успех при помощи другого человека. Эту стратегию описывают варианты 2, 8 и 9;

3) успех как стечение обстоятельств, результат более высокой одаренности от природы. Эту стратегию описывают варианты 5 и 6;

4) успех как свидетельство наличия определенных негативных качеств: «ловкачества», беспринципности, подхалимажа, «умения крутиться». Эту стратегию описывают варианты 7 и 9.

Одним из главных факторов успешной деятельности человека философско-психологические науки считают сознательную волю. О воле писали такие философы как Аристотель, Д. Скотт, У. Оккам, М. Лютер. Особое место занимало понятие воли в трудах идеологов протестантизма Ж. Кальвина и У. Цвингли и в наследии всего корпуса работмыслителей, развивавших свои идеи в рамках направления протестантской этики, а также в работах мыслителей Нового Времени, занимавшихся социальными проблемами. Воля, существующая в форме практического разума, интересовала представителей немецкой классической философии.

И студенты ВГУ, выбирая факторы, способствующие личному успеху, на первое место поставили «умение упорно трудиться, личную инициативу», что можно так же интерпретировать как «волю к победе». Наиболее подробно о воле именно в связи с успехом говорили американские философы, начиная еще с Б. Франклина. Прежде всего, это представители философии прагматизма - Ч. С. Пирс, У. Джемс, система которого пронизана идеями волюнтаризма («воля к вере», метод закрепления веры, названный «методом упорства»), Д. Дьюи. Именно они заложили основную базу под понятие успеха. В современной философской и философско-психологической литературе сложилось устойчивое представление о воле, как о начале, объединяющем в себе когнитивные и побудительные стороны. Практическое целеполагание, предполагающее сознательную активность человека в выборе цели, принятии волевого решения и его практическое осуществление, является стержневым элементом деятельности, прямым образом влияющим на ее успешность.

Однако результаты эмпирического исследования демонстрируют определенное противоречие в понимании факторов жизненного успеха, поскольку на второй позиции оказалась категория «материальный достаток семьи», которую, скорее, можно интерпретировать как отсутствие свободы воли и веры в личную инициативу, убежденность в том, что успех передается по наследству и вероятность его достижения более зависит от стартовых возможностей семьи, чем от личных усилий и умения упорно трудиться самого индивида.

Таким образом, мы видим, что трудолюбие, воля к победе стоит на первом месте в иерархии средств достижения жизненного успеха, но вовсе не является самоценностью. Значимость профессионализма – добродетели человека, заинтересованно относящегося к своей специализированной высококвалифицированной деятельности – особенно велика среди молодежи. Это означает, что выбор жизненных ценностей ассоциируется с выбором профессии, усовершенствовании в ней и успешном труде в рамках выбранной специальности. Стратегию жизненного успеха современные молодые люди во многом связывают именно с профессиональной подготовкой.

Список использованной литературы

1. Langer J. Towards a Conceptualization of Border: The Central European Experience // *Curtains of Iron and Gold* / Ed. by H. Eskelinen, I. Liikanen. New York; Dehli, 1998. P. 25.
2. <https://news.tut.by/economics/524798.html>

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВИТЕБСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Двойнев

г. Смоленск, СмолГУ, vassilidvoinev@yandex.ru

Цель статьи – социологическое изучение информационного поля и доверия студенческой молодежи Витебской и Смоленской областей средствами массовой информации как источнику информации о положении дел в Белоруссии и России.

Ключевые слова: студенческая молодежь; белорусско-российское приграничье; информационная культура; доверие; Интернет; социологические исследования.

В апреле 2016 года научно-образовательные центры Смоленского государственного университета «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» и «Социальные трансформации» при участии университетской социологической лаборатории организовали социологическое исследование «Россия и Беларусь глазами студенческой молодежи». В рамках опроса было проинтервьюировано 1812 учащихся белорусских и российских вузов. Отбор респондентов производился методом многоступенчатой выборки. На первом этапе были отобраны регионы Белоруссии и России, на втором – применялась кластерная выборка: в каждом регионе выбирались высшие учебные заведения, далее в каждом вузе использовался метод квотирования (пол, курс, направления подготовки). Ошибка выборки составляет не более 4%. Результаты исследования представлены широкой общественности и опубликованы [1, с. 44–48; 5, с. 52–59; 7, с. 71–81].

В данной статье представлены результаты интервьюирования учащихся университетов Витебска и Смоленска. В выборочную совокупность смоленского кластера вошли Смоленский государственный университет и филиал Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт». В Витебске опрашивались студенты следующих вузов: Витебский государственный медицинский университет, Витебский государственный университет искусств, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. Для сравнения были отобраны ответы студентов, обучающихся на втором, третьем и четвертом курсах гуманитарного и естественнонаучного циклов направлений подготовки бакалавров. Всего в опросе приняло участие 103 респондента из Витебска и 149 респондентов из Смоленска.

В интервью витебским и смоленским студентам предлагалось ответить на вопрос об использовании источников информации о России и Белоруссии и о роли сети Интернет в поиске такой информации. В статье анализируются ответы респондентов на этот вопрос, которые пополняют багаж социологических знаний, касающихся социокультурного портрета белорусско-российского приграничья [2, с. 71–78]. Исследования по данной проблематике организуются и во всероссийском масштабе [6 и 9]. Интерес также представляют вопрос доверия информации [3 и 4], получаемой из глобальной сети и изучение роли слухов в коммуникации и интеракции в виртуальной среде [8, с. 264–267].

Результаты опроса (таблица 1) свидетельствуют о том, что Интернет является для смоленских студентов главным источником получения информации о положении дел в России (92,6%). Сведения о ситуации в Белоруссии они черпают в основном из телепередач (почти 82% ответов респондентов), при этом Интернет, как источник такой информации, занимает вторую позицию в рейтинге.

Витебские студенты в поиске сведений о том, что происходит и в России, и в Белоруссии абсолютно полагаются на Интернет-контент. Все опрошенные, среди

прочих вариантов ответа выбрали именно «Интернет» (100% ответов), однако роль телевидения здесь тоже значительна (95% ответов).

Таблица 1

Источники получения информации о положении дел в Белоруссии и России, используемые смоленскими и витебскими студентами
(возможно несколько вариантов ответа), %.

Источники информации о положении дел в ...	Смоленские студенты		Витебские студенты	
	Белоруссии	России	Белоруссии	России
Телевидение	81,9	89,9	95,1	95,1
Радио	8,1	16,8	7,8	7,8
Газеты	8,7	19,5	8,7	8,7
Интернет	76,5	92,6	100,0	100,0
Рассказы родственников, знакомых	59,1	57,0	0,0	3,9
Другое	0,7	0,0	0,0	0,0

Следует отметить роль рассказов родственников и знакомых как источника информации о ситуации в России и Белоруссии. Для смоленских студентов они занимают третье место в рейтинге, тогда как для витебских студентов данный источник не имеет практически никакого значения (таблица 1).

В контексте полученной статистики ответов обращают на себя внимание собранные данные о доверии СМИ и прочим источникам информации (таблица 2). Глобальная сеть заслуживает полного доверия со стороны витебских студентов: об этом свидетельствуют 97% ответов учащихся вузов города. У респондентов из Смоленска Интернет и телевидение пользуются практически одинаковым доверием (47% и 45,6% соответственно).

Таблица 2

Доверие источникам получения информации о положении дел в Белоруссии и России
(возможно несколько вариантов ответа), %.

	Ответы смоленских студентов	Ответы витебских студентов
Телевидение	45,6	81,6
Радио	12,1	10,7
Газеты	18,1	37,9
Интернет	47,0	97,1
Рассказы родственников, знакомых	32,9	6,8
Другое	8,1	0,0

На третьем месте по уровню доверия у смоленских студентов вновь находятся рассказы родственников и знакомых (32,9% ответов). Витебские студенты намного меньше доверяют данному источнику информации (всего 6,8% ответов).

Продемонстрированные результаты социологического исследования диктуют следующие выводы. Смоленские студенты получают информацию о происходящем в Белоруссии главным образом по телевидению и через Интернет, не последнюю роль здесь также играют рассказы родственников и знакомых. О положении дел в России они узнают в первую очередь из глобальной сети и только потом из телепередач, рассказы родственников и знакомых находятся на третьем месте. Слабые позиции радио обусловлены, скорее всего, большим количеством музыкальных радиостанций, ново-

сти на которых подаются очень сжато, а доля новостных радиоканалов настолько мала, что они остаются незамеченными. В связи с этим уместно предположить, что смоленские респонденты в меньшей степени намеренно ведут поиск информации о положении дел в Белоруссии, используя контент всемирной паутины, а в большей степени ограничиваются информацией, получаемой по телевидению, а также от знакомых и родственников. Представляется целесообразным выдвигание гипотезы о том, что сведений о ситуации в Белоруссии, непосредственно попадающих на глаза, осознаваемых и запоминаемых студентами, меньше чем информации о том, что происходит в России.

Витебскиестуденты активнее, чем смоленские пользуются сетью для получения информации как о положении дел в своей стране, так и о происходящем в Российской Федерации. Телевидение занимает вторую позицию, вплотную примыкающую к сети Интернет, при этом радио и рассказы родственников и знакомых играют роли второго и даже третьего плана. Интересной в этом контексте может быть гипотеза о том, что витебские студенты чаще воспринимают и запоминают интернет-информацию о положении дел в России, чем смоленские о положении дел в Республике Беларусь. Возможно, что такие сведения чаще попадают им на глаза. Также обоснованным представляется предположение о большем интересе учащихся витебских вузов к ситуации в РФ больше, чем у учащихся смоленских вузов к тому, что происходит в РБ.

Витебские и смоленские студенты в большей степени доверяют материалам из сети Интернет. Вероятно, многие из них уверены, что в виртуальной среде информация не так нагружена идеологически и носит не такой ярко выраженный характер пропаганды, как на телевидении. Характер информации также может зависеть от источников, формирующих контент всемирной сети. В ней она может быть более разносторонней и не представлять исключительно официальную точку зрения.

Список использованной литературы

1. Двойнев В. В. Интернет как источник информации о положении дел в России и Белоруссии: результаты социологического исследования российского и белорусского студенчества//Социальные трансформации. 2016. № 26. С. 44–48.
2. Двойнев В. В., Винокуров А. И., Перекрест С. С. Социологический анализ в методологии составления исторического и социокультурного портрета Смоленской области//Архивариус. 2016. № 9(13). С. 71–78.
3. Доверие российским СМИ. 30.04.2015 [Электронный ресурс]//Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. URL: <http://fom.ru/smi-i-internet/12140>
4. Доверие СМИ и цензура. Пресс-выпуск от 18.11.2016 [Электронный ресурс]//Левада-центр: официальный сайт. URL: www.levada.ru
5. Егоров А. Г., Сухова Е. Е. Ценностные ориентиры российского и белорусского студенчества// Социальные трансформации. 2016. № 26. С. 52–59.
6. Завершено независимое социологическое исследование «Открытое мнение – Крым. Пресс-релиз № 4 от 20.07.2016 [Электронный ресурс]//Открытое мнение. Независимое содружество социологов: официальный сайт. URL: http://openopinion.ru/content_res/articles
7. Кичев Г. И. Трансформация моделей идентичности студентов Беларуси//Социальные трансформации. 2016. № 26. С. 71–81.
8. Куликов Е. М. Слухи как фактор дисфункциональности вертикального сегмента системы массовой коммуникации начала XXI века//Общество и право. 2013. № 4(46). С. 264–267.
9. Опрос молодежи: источники информации. 26.09.2016 [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. URL:<http://fom.ru/SMI-i-internet/12873>

ТРАНСФОРМИЦИЯ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ ДОМИНАНТ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

А.Г. Егоров, Е.Е. Сухова
г. Смоленск, СмолГУ

Цель статьи – определить характер и выявить трансформации смыслообразующих доминант ценностных ориентаций учащейся молодежи России и Беларуси.

Ключевые слова: российское и белорусское студенчество, смысложизненные ориентации, смыслообразующие доминанты.

В апреле – мае 2016 года в рамках реализации проекта «Россия и Беларусь глазами студенческой молодежи» изучались смыслообразующие доминанты обучающихся в российских и белорусских вузах. Для их выявления использовался инструментарий, разработанный немецкими исследователями и широко применяемый для изучения ценностных ориентаций молодежи Германии [1, с. 23-93]. Данный инструментарий был адаптирован и апробирован в исследовании российской и белорусской молодежи, проведенном на базе Смоленского государственного университета в 2001 году [2, с. 32-36].

Студентам было предложено выбрать одну из предложенных альтернатив. Выявлено, что в целом, российские и белорусские студенты *ориентированы на достижения*, даже если они труднодоступны и требуют значительных усилий (соответственно 75,2% и 92,1%). Анализ корреляции выборов в этой паре альтернатив со структурой образа желаемого будущего, установил, что достижения связываются российскими и белорусскими студентами в равной степени с профессиональным и карьерным ростом, повышением материального благополучия и созданием семьи.

Гедонистические ориентации в большей степени присущи российским студентам, чем белорусским. Об этом свидетельствуют выборы в альтернативе 13А: среди российских студентов каждый четвертый опрошенный (24,8%) считает, что нужно «наслаждаться своей жизнью и не утомлять себя, в конце концов, живёшь только один раз, ведь главное – иметь что-то от своей жизни, а среди белорусов эту точку зрения разделяют лишь 7,9%. Это прослеживается и при ответе на другой вопрос (14): 26,7% россиян и 8,7% белорусов предпочитают «наполнить свою жизнь отдыхом, путешествиями и развлечениями».

Выборы студентов в следующей альтернативе указывают на то, что подавляющее число белорусских студентов и немногим более половины российских опрошенных своих действиях ориентированы на то, что рассчитано на *длительную перспективу*, чтобы позже в жизни не просто что-то иметь, а долго пожинать плоды своего труда» (соответственно 59,4% и 94,9%). Вместе с тем, среди *российских студентов* весома доля тех, кто нацелен на *непосредственный результат*, который можно получить «здесь и сейчас»: («Я устраиваю свою жизнь так: делаю то, что мне сразу и непосредственно даёт результат, и в чём я вижу пользу или нахожу удовольствие») – 40,6%.

В целом полученные результаты свидетельствует об оптимистическом (позитивном) ожидании будущего, которое присуще большинству россиянам и подавляющему числу белорусов. Очевидно, что исходя из этой довольно распространенной среди российских и зарубежных исследователей трактовки восприятия будущего, наличие среди россиян весомой доли тех, кто ориентирован на непосредственный результат, может расцениваться как пессимистические ожидания будущего, что может быть вызвано его неопределенностью. Немецкие исследователи, занимающиеся изучением ценностных ориентаций молодежи, в свою очередь, объясняют выбор такой альтернативы тем, что отложенные на длительную перспективу результаты теряют

для молодежи свое значение вследствие того, что в современных условиях временной горизонт извлечения пользы становится короче [3, с. 185]. Сложно сказать, насколько данная интерпретация применима к восприятию будущего российской молодежи, так как временной горизонт извлечения пользы отдельно не был задан в рамках настоящего опроса, что также требует дальнейшего изучения. К тому же в число студентов, ориентированных на непосредственный результат, входит группа гедонистически настроенных опрошенных.

В следующей паре альтернатив первое высказывание демонстрирует ориентацию молодежи на **социальную интеграцию**, которая выражается в таких понятиях как *человечность, толерантность, готовность прийти на помощь*, второе высказывание – ориентацию на **социальную автономию**, которая проявляется в стремлении к *независимости, креативности, а также может свидетельствовать о склонности к конфликтам* [4, с. 99]. Выявлено, что подавляющее большинство *белорусских студентов* (95,8%) и только немногим более *половины российских студентов* (53,8%), выбрав вторую альтернативу, разделяют **гуманистические ценности** (считаю важнейшим то, что я в жизни при принятии решений уважаю интересы и цели других людей), демонстрируя тем самым стремление к социальной интеграции. При этом почти половина *российских студентов* тяготеют к социальной автономии, отстаивая собственную самостоятельность и приоритет личного над общественным (46,2%).

В последней из предложенных пар альтернатив **акцентирование собственной индивидуальности** противопоставляется **подчеркиванию общности** с другими людьми.

Белорусской учащейся молодежи в большей степени свойственно **ощущение общности, схожести с другими людьми** («Я считаю важным устроить свою жизнь так, чтобы показать, что у меня много общего с другими людьми и что мы похожи» – 71,3%), в то время как *российская молодежь* в большей степени стремится продемонстрировать **собственную индивидуальность, непохожесть на других** [3, с. 183] «устроить свою жизнь так, чтобы доказать: я особенный человек, который отличается от всех других людей моего окружения» – 59,5%.

Именно в этой альтернативе зафиксированы максимальные расхождения в ценностных выборах российской и белорусской молодежи. В этой связи проведен анализ корреляции ответов в двух последних парах альтернатив. В результате обнаружено, что **коллективистские ценности** в большей степени распространены среди *белорусской студенческой молодежи* (38,4%) (россияне - 11,5%), в то время как *российские студенты* тяготеют к **индивидуалистским ценностям** (14,1%) (среди белорусских студентов таковых всего лишь 1,1%). При этом зафиксирована примерно одинаковая доля толерантно ориентированных среди российских и белорусских студентов (12,4% и 14,8%).

Сравнение данных исследования смыслообразующих доминант студенческой молодежи в 2016 и 2001 гг. выявило следующее. Налицо существенные расхождения в смыслообразующих доминантах российской и белорусской молодежи по сравнению с 2001 годом. Согласно результатам проведенного в 2001 году опроса для молодежи России и Беларуси характерно сходство ценностных выборов: в целом российские и белорусские студенты были ориентированы на достижения, проектировали жизненные цели на длительную перспективу, тяготели к социальной интеграции, уважая при принятии решений интересы и цели других людей, обладали более выраженным чувством общности с другими по сравнению с ощущением собственной индивидуальности.

Результаты исследования, проведенного в этом году, выявили весомые расхождения в ценностных выборах по всем предложенным альтернативам. Зафиксированные расхождения являются результатом смещения смысложизненных доминант российской и белорусской студенческой молодежи, произошедших за последние 15 лет. Симптоматично то, что векторы зафиксированных смещений имеют противоположную направленность.

Так у российских студентов несколько снизилась ориентация на достижения и одновременно усилились гедонистические настроения, сместился временной горизонт при проектировании жизненных целей в пользу получения результата здесь и сейчас, возросла ориентация на социальную автономию, которая проявляется в преследовании собственных интересов без учета интересов других, обозначился приоритет личного над общественным.

Противоположная картина расстановки смыслообразующих доминант выявлена у белорусских студентов: существенно возросла ориентация на достижения, на выбор целей, рассчитанных на длительную перспективу, усилилось стремление к социальной интеграции и чувство общности с другими людьми.

Интерпретация зафиксированных изменений смыслообразующих доминант, их характера и направленности, несомненно, требует проведения дополнительных исследований.

Список использованной литературы

1. Fuchs-Heinritz W. Zukunftsorientierungen und Verhältnisse zu den Eltern // Jugend 2000. 13. Schell Jugendstudie. Bd. 1. S. 23-93.
2. Егоров А.Г., Еврасова В.В. Трансформация ценностного сознания молодежи // Социальные трансформации: материалы международного colloквиума (23 ноября 2001 г.). Смоленск: СГПУ, 2001. С. 32-36.
3. Fritzsche Y. Modernes Leben: Gewandelt, vernetzt und verkabelt // Jugend 2000. 13. Schell Jugendstudie. Bd. 1. S. 182-219.
4. Fritzsche Y. Moderne Orientierungsmuster: Inflation am "Wertehimmel" // Jugend 2000. 13. Schell Jugendstudie. Bd. 1. S. 94-156.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ

*Р.В. Загорулько, А.Л. Дединкин
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, ZaqorulkoR.V. @tut.by
г. Витебск, Международный университет «МИТСО», Витебский филиал*

Цель статьи – раскрыть специфику ценностных ориентаций в сфере профессиональной деятельности у старшеклассников и студентов в современной социальной ситуации, выявить влияние отдельных факторов на их формирование.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценности, профессиональная деятельность, профилизация обучения, профессиональные намерения

Ценностные ориентации личности – это направленность ее определенных предпочитаемых ценностей. Ориентация личности в мире ценностей предполагают осведомленность, умение разобраться во всей их совокупности, определить свое место и роль, что определяет позицию личности, направленность ее деятельности.

Ценностные ориентации личности в совокупности представляют собой сложную иерархическую структуру, обусловленную ценностями социума и индивидуальными особенностями личности. Являясь субъективным, индивидуализированным отражением в сознании человека ценностей окружающего мира, пережитые и прочувствованные в процессе жизненного опыта в конкретном социуме, ценностные ориентации личности ранжируют объекты социальной действительности по их значимости и отличаются не только индивидуальным набором и иерархией ценностей, но и различаются по степени их принятия и освоения. Система принятых и осознанных ценностей динамична и находится в постоянном развитии.

Как важнейшие элементы внутренней структуры личности, ценностные ориентации тесно связаны с видением собственных жизненных перспектив, проявляются в особенностях целеполагания и способах достижения поставленных целей и задач, являются регуляторами социального поведения индивидов [1,68].

Период интенсивного формирования оценочных суждений, а, следовательно, и ценностных ориентаций исследователи соотносят со старшим подростковым и юношеским возрастом, когда направленность личности характеризуется устремленностью в будущее, необходимостью принятия решений о выборе своего пути самореализации.

Значимое место в жизни человека занимает его трудовая деятельность по своей профессии и специальности в определенной сфере и отрасли производства. В процессе профессиональной деятельности создаются материальные и духовные блага, приобретаются средства для жизни человека и общества, осуществляется преобразование окружающей среды, происходит общее и профессиональное развитие личности и окружающих.

В связи с ролью, значимостью данной составной жизнедеятельности человека нами была предпринята попытка проанализировать ценности и ценностные ориентации профессиональной деятельности у старшеклассников и студентов высших учебных заведений.

Возвращенное в 2015/2016 учебном году в учреждениях общего среднего образования профильное обучение на III ступени предусматривает изучение отдельных учебных предметов на повышенном уровне и проведение факультативных занятий профессиональной направленности. Профилизация обучения побуждает учащегося определиться в предпочтении учебных предметов того или иного цикла, что подразумевает достаточную сформированность к 15-летнему возрасту системы устойчивых интересов и предпочтений, а, следовательно, и ценностных ориентаций учебной деятельности и профессионального выбора.

Допрофильная подготовка и профориентационная работа на II ступени общеобразовательной школы, являющиеся обязательным подготовительным этапом профилизации на III ступени, призваны содействовать оптимальному выбору старшеклассника. Но как показал наш опрос, выбор профиля учащимися и их родителями осуществляется не только с учетом интересов и потребностей, но и учебных достижений на предыдущем этапе, конкретных региональных возможностей учреждений образования и других обстоятельств. Профессиональные намерения у большинства пока выражены неявно, ориентации на ценности учения сочетаются с ценностями межличностных отношений, общественной деятельности и т.д.

Старшеклассника характеризует ценностно-ориентационная активность: направленность на продолжение образования, выбора его вариантов в зависимости от избранной профессии, осознание жизненных перспектив и возможностей. Необходимость выбора диктуется самой жизненной ситуацией, инициируется родителями, актуализируется учебными заведениями. Но выбор профессии, следовательно, и становление выпускника школы как субъекта будущей трудовой деятельности, у значительной части откладывается. Доминирует подготовка по «нужным» профильным предметам, результаты по которым пригодятся при поступлении в выбранное учебное заведение, ориентация на получение конкретных необходимых знаний. Направленность учения на освоение знаний вообще, безотносительно их необходимости, характеризует в этом возрасте очень немногих.

Только около 20% настроены на достижение цели получения избранной профессии (получить профессию врача, ветеринарную специальность), готовы обучаться в колледже, но по избранной специальности, перепоступать на следующий год, т.е. отличаются сформированными профессиональными намерениями, профессиональным самоопределением. Большинство выпускников школ остаются в поле своего профиля

до получения результатов централизованного тестирования и рассматривают доступные варианты продолжения образования, причем предпочтение отдается вузу.

Вариации выбора профессии при этом могут быть самыми разнообразными – от «не прохожу на бюджет в медицинский, пойду на биоэкологию» с изменением типа профессии «Человек-человек» на «Человек-природа». Т.е. ценностные ориентации старшеклассников в профессиональной сфере отличает рассредоточенность, мобильность, преимущественно горизонтальная, направленность на получение высшего образования. Явно занижена ценность профессионализма рабочих специальностей.

Опрос абитуриентов показал, что значимым фактором выбора специальности и профессии является ее престижность, популярность, прежде всего в молодежной среде (отметили 17 респондентов из 30). Так, многие выпускники готовы в дальнейшем искать работу по юридическим, экономическим специальностям и в условиях перенасыщения рынка.

В лидерах востребованности у абитуриентов мировая экономика; бизнес-администрирование; информатика и технологии программирования; стоматология и фармация; лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (2015г.); информационные системы и технологии; программное обеспечение информационных технологий; актерское искусство; дизайн (коммуникативный); электроснабжение; промышленное и гражданское строительство; техническая эксплуатация автомобилей; психология (2016г. - конкурс более 6 человек на место). Востребованность же на рынке труда сегодня коррелирует лишь с некоторыми из выше указанных: IT-специалисты; специалисты в сфере медицины. Вместе с тем, средства массовой информации, интернет-ресурсы предоставляют актуальную соответствующую информацию. Профориентационная работа в школе так же предполагает информированность школьников о востребованных на рынке труда специальностях. Так, например, страничка «Выпускнику» сайта ГОСШ №30 г.Витебска наряду с рекомендациями по выбору профессии содержит ТОП-7 самых востребованных профессий Беларуси, в том числе и рабочих специальностей [2]. И как подтвердили результаты нашего опроса, рынок труда является значимым, но не определяющим фактором выбора профессии, и влияет на профессиональное самоопределение абитуриентов преимущественно посредством бюджетных мест для обучения. Будучи актуальной на рынке труда сегодня, ситуация может измениться. Поэтому необходимым является прогнозирование тенденций, дефицита и переизбытка кадров на ближайшие 4-5 лет.

В перечне мотивов выбора профессии престижность, оплата труда, условия труда, возможность работать в престижной кампании, доступность получения образования (возможность получения бесплатного образования) преобладают над содержанием труда, желанием решать интересные сложные проблемы. А ведь именно интерес к содержанию деятельности может быть ведущим в успешном профессиональном развитии и становлении личности.

К тому же информация об избранной специальности, в том числе и содержании профессиональной деятельности, у 67% опрошенных студентов была поверхностной, неполной и идеализированной. В представлениях студентов о выбранном виде деятельности недоставало знаний о требованиях, которые предъявляет профессия, об условиях профессиональной деятельности. Справочники для абитуриентов, справочные ресурсы для поступающих (например, АБИТУРИЕНТ.ВУ) не содержат такой информации.

В 16-17 лет сложно осуществить выбор на всю жизнь, тем более, что он часто осуществляется путем связи школьного предмета с профессией. Около 30% опрошенных нами студентов не уверены в правильности выбора будущей профессии. Поэтому заслуживают внимания опыт приема в вузах на специальности по направлениям (например: специальность 31 04 01 «Физика (по направлениям)») и последующий выбор

студентами подходящего направления из множества сопутствующих физике специальностей уже в процессе обучения.

Если мобильность, гибкость в период выбора профессионального пути уводит личность от ситуации непоступления в вуз, то трудности с трудоустройством, работа по случайной, неподходящей специальности может быть тягостным бременем. 28% опрошенных старшекурсников получают второе высшее образование, осуществляют свои нереализованные намерения в выборе профессии, что несомненно содействует общекультурному развитию личности, но замедляет время становления профессионала.

Список использованной литературы

1. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. — 376 с.
2. Кем быть: ТОП-7 самых востребованных профессий Беларуси. – <http://school-30.oct-vit-roo.by/?page=for-final-year-pupil>

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Е.Ф. Ивашкевич

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, elena.ivashkevich@bk.ru

Цель статьи – основные научно-концептуальные подходы к определению свободы совести и вероисповедания и её конституционное оформление.

Ключевые слова: веротерпимость, свобода совести, свобод вероисповедания.

Базовым понятием правового регулирования государственно-конфессиональных отношений является свобода совести и вероисповедания. Этот юридический институт включает в себя наряду с нормами, определяющими его содержание, меры гарантирования и защиты. Проявлением религиозной свободы надо считать фиксацию в отдельных основных законах, принятых в XVIII–XIX ст., свободы вероисповедания. Еще раньше свобода вероисповедания была признана как естественное право. В наши дни она закреплена в большинстве основных законов, причем по их содержанию просматриваются отличия между свободой вероисповедания и свободой совести. Последняя имеет более широкий смысл и предполагает, что индивид может не только исповедовать любую религию, но и не исповедовать никакой.

В Международной декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, провозглашенной резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г., предусматривается, что каждый человек имеет право на свободу мысли, слова и религии. Это право согласно ст.1 включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и исповедовать свою религию и выражать убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору. Свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц [1, с. 320]. Аналогичные подходы содержатся в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [2, с. 109].

Понятие совести можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В философии совесть определяется как «способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [3, с. 620]. Известная латинская поговорка «Совесть – тысяча свидетелей» отражает приоритет публичных ценностей в морально-нравственной оценке человеком своих мыслей, действий и поступков. Итак, совесть – это нравственная оценка сознанием человека содержания и последствий собственных и чужих поступков. Законодательство определяет только формы и границы внешней реализации свободы автономной совести.

Автор Б.С. Эбзеев отмечает: «Свобода вероисповедания имеет два аспекта, без учета которых невозможно составить целостное представление об этой свободе и оценить конституционность проверяемых им актов. Во-первых, коллективный, рассматриваемый через правовое положение религиозных организаций: по своей природе права религиозных организаций, конкретизирующие свободу вероисповедания, есть коллективные права, поскольку они реализуются гражданином совместно с другими гражданами посредством создания религиозного объединения. Во-вторых, индивидуальный, включающий права, реализуемые гражданином непосредственно, а не через религиозную организацию, пользующуюся правами юридического лица [4, с. 200].

В зарубежной и отечественной правовой науке существует точка зрения, согласно которой свобода религии и свобода вероисповедания – синонимы. Например, «... свобода религии (вероисповедания) необходимый элемент свободы совести, право человека выбирать и исповедовать любую религию» [5, с. 15-16]. Однако подобные представления приводят к искажению правовых терминов. Как отмечает А.С. Бурьянов, «широкое, объёмное понятие свободы совести и связанное с ним правовое регулирование отношений, касающихся «каждого», было сведено почти исключительно к свободе вероисповеданий и даже более того – к проблемам деятельности религиозных объединений» [6, с. 23].

То, что свобода религии и свобода вероисповедания – категории, входящие в понятие свободы совести, с одной стороны, согласуется с общеустоявшимися представлениями о свободе совести. Но между понятиями «свобода религии» и «свобода вероисповедания» имеются характерные различия, связанные с историей их формирования и развития. В древних обществах нигде не встречается представлений о свободе религии (эта проблема не была актуальной, что подтверждают многочисленные исторические свидетельства), тогда как представления о свободе вероисповедания, ненасилия в делах религиозной веры уже были (в рамках традиции естественной веротерпимости). Они сосуществовали с идеями о свободе мировоззренческого выбора и идеями свободы проявления убеждений в обществе. Именно в такой интерпретации эти идеи получили впоследствии политико-правовой статус в буржуазных конституциях.

Таким образом, по определению исследователя И.Ю. Рыковой свобода религии – это возможность личности реализовать свободу мысли и совести путем принятия того или иного религиозного вероучения. Ее обеспечение предусматривает отделение церкви от государства и школы от церкви, отрицание государственных привилегий одной конфессии перед другими, свободу прозелитизма.

В свою очередь, свобода вероисповедания – возможность верующих свободно исповедовать свою религию, единолично или сообща с другими, публичным либо частным образом отправлять культ и религиозные обряды. Различие между категориями «свобода религии» и «свобода вероисповедания» заключается в том, что в первом случае речь идет о выборе того или иного религиозного вероучения, а во втором – о деятельности, связанной с удовлетворением религиозных потребностей [7, с. 11-13].

Российский правовед А. Ловиных выделяет три основные степени выражения свободы совести, устанавливаемые государственной властью: веротерпимость, свобода вероисповедания и свобода совести, принимая в качестве критерия деления один из основных элементов свободы совести, равенство всех граждан перед законом независимо от их мировоззренческой ориентации.

Веротерпимость – это установление господствующего вероисповедания, подерживаемого государством, при условии терпимости к другим официально признанным вероисповеданиям. Выход из господствующего вероисповедания и религиозная гетеродоксия внутри его (ересь) подлежат законодательному преследованию или ограничены, в то время как переход из терпимого в господствующее вероисповедание влечет расширение правоспособности граждан. Вневероисповедное состояние юридически не признается.

Свобода вероисповедания – установление равенства всех официально признанных вероисповеданий, хотя некоторые из них в силу определенных причин (например, принадлежность большинства верующего населения, историческая традиция) могут наделяться специальными правами. Вероисповедная принадлежность, как правило, не влияет на правовой статус личности. Вневероисповедный статус личности юридически не признается.

Свобода совести – признание равенства всех вероисповеданий и вневероисповедных мировоззренческих объединений перед законом и юридического равенства всех граждан независимо от их мировоззренческого выбора, если он не связан с нарушением государственного законодательства. Изменение мировоззренческой позиции не влечет за собой никаких юридических последствий.

На практике упомянутые способы осуществления религиозной и мировоззренческой свободы в чистом виде встречаются крайне редко, а свобода вероисповедания выступает в качестве переходного состояния от веротерпимости к свободе слова. С предлагаемой классификацией стоит согласиться. Однако следует отметить, что юридическое положение еще не тождественно фактическому состоянию. Законодательство и правоприменительная практика в совокупности отражают степень гарантированности конституционных прав и свобод. Поскольку свобода совести и свобода вероисповедания могут выражаться как в индивидуальной, так и в коллективной форме, то юридически гарантированное равенство граждан и религиозных объединений перед законом как условие соблюдения свободы совести – более точный критерий.

Свобода совести, по мнению О.Н. Петюковой, может быть осознана как признание государством не только мировоззренческого плюрализма своих граждан, но и права человека на служение высшим целям и ценностям, аккумулированным в религии. Понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» соотносятся друг с другом как общее и частное. В понятие свободы совести входит свобода вероисповедания, которая, по существу, выступает как частный вариант, связанный с религиозным мировоззренческим выбором человека. Свобода вероисповедания – устойчивое международно-правовое понятие, подразумевающее право человека свободно следовать своим религиозным убеждениям и выполнять вытекающие из них ритуалы и обряды, открыто заявлять о своей вере, то есть исповедовать ее («свидетельствовать о вере») [8, с. 22-28].

В современном конституционном праве элементы религиозной свободы фактически сводятся к трем основным вероисповедным правам: исповедовать религиозные ценности; действовать в соответствии с ними; распространять их. Невозможность реализации этих прав в рамках закона свидетельствует об отсутствии не только свободы совести, но и свободы вероисповедания.

Институциональное отделение религиозных объединений от государства выступает в качестве гарантии свободы совести. Идея о несводимости вероисповедного со-

общества и государства друг к другу вследствие их иноприродности, а соответственно, разграничения решаемых ими задач разработана как в религиозно-философской, так и в правовой науке. Философские суждения об отделении религиозных организаций от государственных институтов имеют важное значение для методологии конструирования гармоничной модели государственно-конфессиональных отношений, созвучны взглядам на природу государства и Церкви, изложенным, например, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» [9].

Государство не должно вмешиваться в жизнь церкви, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику и т.д., равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь сохраняет лояльность власти, но выше этого ставит дело спасения людей. Если власть принуждает верующих к отступлению от веры или другим тяжким грехам, то Церковь может отказать ей в поддержке вплоть до призыва к мирному гражданскому неповиновению. Термин «светский», введенный в оборот Мартином Лютером в трактате «О светской власти» 1523 г., означает «мирской, гражданский, нерелигиозный». естественного и позитивного права, является комплексным правовым институтом, включающим личные (гражданские права) верующих индивидов, а также политические, социально-экономические и культурно-духовные права религиозных объединений.

Для ряда государств Центральной и Восточной Европы в связи с социалистическим прошлым своеобразие современных реалий в сфере свободы совести заключается в следующих характеристиках:

- растущая индифферентность населения как следствие крушения атеистической идеологии, с одной стороны, и воцерковление, принятие религиозных убеждений в качестве мировоззренческой позиции определенной части российских граждан – с другой;
- рост конфессионального многообразия;
- религиозная активность граждан и конфессиональных объединений;
- низкая экономическая обеспеченность и недостаточная богословская база религиозных организаций;
- накопленный опыт позитивного государственно-религиозного сотрудничества.

За последние годы в странах данного региона наблюдаются укрепление материальной базы религиозных организаций, активизация их социального служения, усиление их роли в общественной жизни как фактора духовно-нравственного воспитания. Однако сохраняются проблемы в области государственно-конфессиональных отношений. Утверждение западного стандарта религиозной свободы, включающего принципы свободы совести и отделения религиозных объединений от государства, которое отражено в международно-правовых документах и национальном законодательстве, привело к секуляризации социальной и духовной жизни.

Основными проблемами современного конституционного законодательства и правоприменения в религиозной сфере являются следующие.

Во-первых, это терминологические неточности и пробелы в законодательстве. Понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» нередко рассматриваются как равнозначные. Естественно, что в юридической науке категории «свобода вероисповедания» и «свобода совести» рассматриваются в неразрывном единстве, но, как известно, подмена широкого понятия более узким может негативно сказаться на законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Во-вторых, децентрализация нормативного регулирования государственно-конфессиональных отношений выражается часто в тенденции к устойчивому сокращению удельного веса федерального вероисповедного законодательства по сравнению с региональными нормативными массивами в федеративных государствах необходимостью перехода функций управления на региональный и местный уровни, повышением активности и инициативы местных законодательных и исполнительных органов власти.

В-третьих, на фоне высокой активности и инициативности верующих и религиозных объединений во многих странах наблюдается отставание в развитии законодательства в сфере свободы совести. Недостаточным является формирование политики в области религиозного просвещения, осуществляемое совместно с региональными и муниципальными органами образования с учетом местной специфики.

В-четвертых, проблема несоответствия нормотворческой инициативы государства и религиозных организаций осложняется недостатком толерантных и квалифицированных кадров. Изучение религиозных измерений международного и национального права позволит преодолеть идеологическую тенденциозность в принятии государственных решений.

В-пятых, наблюдается отсутствие четкой концепции перспектив развития государственно-конфессиональных отношений. Например, среди ведущих российских юристов нет единого понимания сущности светского характера государства, степени его отделения от религиозных объединений, пределов секуляризации общественной жизни. К примеру, предложения о необходимости придания Русской Православной Церкви особого конституционно-правового статуса, о возврате религиозного имущества и предоставлении дополнительных преференций трактуются как попытки теоретически обосновать клерикализацию российского общества вопреки конституционным принципам светского государства [10, с. 173].

Список использованной литературы

1. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. Т.2. / Сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – С. 320.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕТS№5) // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. Т.2. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – С. 109.
3. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф.Ильичёва. – М.,1983. – С.620.
4. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. Б.С. Эбзеев: В 2-х т. – М.: Юристъ, 2001. – Т.2 – С.200.
5. Фурман, Д.Е. Религия, атеизм и перестройка / Д.Е. Фурман // На пути к свободе совести. – М., 1989. – С.15-16.
6. Бурьянов, А.С. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести / А.С. Бурьянов // Государство и право . – 2001. – №2. – С.23.
7. Рыкова, И.Ю. Соотношение свободы вероисповеданий с другими правовыми категориями / И.Ю. Рыкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – №3. – С.11-13.
8. Петюкова, О.Н. Правовое содержание религиозной свободы в России: опыт, проблемы, тенденции / О.Н. Петюкова // Государство и право. – 2009. – №4. – С.22-28.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, 2000.
10. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М., 2008. – С.173.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Т.А. Капитонова

г. Минск, Институт философии НАН Беларуси, tanuk@rambler.ru

Цель статьи – выделить основные философско-методологические принципы, лежащие в основе изучения динамики исторического сознания.

Ключевые слова: историческое сознание, философско-методологические принципы, самоидентификация общества.

Одним из основоположников концепции «исторического сознания», зародившейся в XIX веке в немецкой философии, является В. Дильтей, который ввел в научный оборот термин «Geschichtsbewusstsein». В силу разных причин данное направление исследований не было востребованным в исторической науке того времени и развивалось исключительно с философской перспективы. Так, последователь В. Дильтея немецкий философ Г.-Г. Гадамер разработал теорию «действенно-исторического сознания», в которой историческое сознание понималось как способ самопознания, ставящий вопросы о смысле истории и роли традиции в реализации исторической преемственности. Лишь начиная с 70-х гг. XX века концепция «исторического сознания» начинает рассматриваться в контексте исторической науки. Первые работы в данном направлении представили немецкие ученые: Б. фон Боррис, Й. Рюзен, К.-Э. Джейсман, Х. Ю. Пандель.

На сегодняшний день в научной литературе можно выделить два основных подхода к пониманию феномена исторического сознания. Один из них историческое сознание трактует как отражение прошлой истории, формирующееся преимущественно на основе исторической науки. Во втором подходе историческое сознание интерпретируется более широко: его предметной областью выступает исторический процесс в единстве трех модусов времени – прошлого, настоящего и будущего; и формируется оно не только средствами исторической науки, но и всех форм общественного сознания. В рамках данной интерпретации историческое сознание предстает как важный компонент общественного сознания и духовной культуры. Так, российский социолог И.С. Кон определяет историческое сознание как «осознание обществом, классом, социальной группой своей идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим» [1, с. 9 - 10]. В свою очередь, его коллега Ю.А. Левада отмечает, что понятием исторического сознания «...охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [2, с. 192]. Таким образом, значимость концепта исторического сознания определяется не только его местом в системе категорий философии истории в целом, но и его ролью в исследовании общественного сознания и духовной культуры.

В исследовании Л.Н. Бровцовой историческое сознание рассматривается как «ядро социальной жизни; как звено, опосредующее воздействие материальных и духовных факторов. История предстает как процесс объективирования сознания в различных формах, как самовыражение и, одновременно, как самопознание, самопонижение человека» [3, с. 3].

При изучении исторического сознания следует выделить такой важный фактор его динамики как изменения в структуре социальной реальности, которые трансформируют сложившийся в историческом сознании субъекта образ прошлого. Говоря другими словами, историческое сознание подвержено постоянному воздействию как

внутренних, так и внешних социальных реалий, которые указывают на необходимость социальной переоценки пройденного пути и потребность в выборе дальнейшего варианта развития общества.

Подобная динамика исторического сознания, позволяя корректировать имеющиеся исторические представления на основе вновь поступившей информации, выступает условием как самоидентификации общества, его ориентации в мире, так и его самосохранения и обеспечения своей жизнеспособности. Так, Э.Дюркгейм выделяет следующие функции динамики исторического сознания: потребность общества в интерпретации истории для развития общественных отношений, в том числе для укрепления органической солидарности общества; тонкая подстройка исторического сознания выступает как способ массового самопознания и самооценки общества [4, с. 29].

В современной постклассической социологии историческое сознание и его динамика понимается либо как социальный ресурс личности (по П.Бурдьё), либо как алгоритм рефлексивного или практического знания (Э.Гидденс), как способ формирования компетентности личности. Историческое сознание выступает особым способом соединения личностного и институционального; табутом, представленным системой устойчивых и переносимых диспозиций, связывающих индивида с историей (П.Бурдьё). Если для западной социологии историческое сознание является способом дефиниции современного общества и рационализации общественной жизни, то российские социологи видят в историческом сознании, прежде всего, обоснование необходимости общественной солидарности и взаимопомощи, реализации нравственного идеала.

В числе основных философско-методологических принципов изучения динамики исторического сознания следует выделить следующие. Прежде всего, это исходные принципы научного исторического исследования: принцип объективности и принцип историзма, успешно дополняемые диалектическими принципами развития, единства логического и исторического, всеобщей взаимосвязи. А также: принцип опосредованности, предпосылочности познания различных форм культурно-исторического опыта; и принцип процессуальности его динамики, подчеркивающий текучий и непрерывный характер данного опыта.

Принцип объективности обязывает рассматривать динамику исторического сознания в целом, опираясь на изучение объективных закономерностей, которые определяют процессы духовно-исторического развития; указывает на необходимость основываться на фактах в их истинном содержании, на важность рассмотрения каждого феномена в его многогранности и противоречивости, изучения всех фактов в их совокупности. Специфика формирования объективной истины в изучении динамики исторического сознания может быть осмыслена с точки зрения трех уровней – уровня объективности истории (содержательная истинность), уровня субъективности историка и уровня философской субъективности (оценочная истинность).

Принцип историзма предусматривает изучение общественных явлений в развитии, а также во взаимосвязи с другими, тоже развивающимися во времени явлениями; оценку явления, процесса, факта исходя из конкретных исторических условий того времени и определение характера их влияния на дальнейшее развитие общества.

Принцип единства логического и исторического применительно к исследованию изменений исторического сознания отражает процесс логизации динамики духовно-исторического опыта при помощи диалектической триады «тезис-антитезис - синтез», позволяющей вычлнить такое содержание, в котором становится явным процесс развития.

Принцип развития в общей своей формулировке провозглашает направленное, закономерное изменение изучаемых объектов в качестве универсального их свойства; поступательное движение от низших форм материи к высшим, движение по спирали: через противоречия, отрицания, повторение предыдущих этапов, но на более высокой ступени развития. Данный принцип применительно к исследованию исторического сознания указывает на постоянную изменчивость историко-культурных

феноменов в пространстве и времени; а также на специфическую направленность процесса развития, задаваемую единством объективных и субъективных сторон. Кроме того, принцип развития подчеркивает «необходимость исследования духовно-культурных форм исторического сознания в развитии, с позиций единства моментов прерывности (качественной целостности) и непрерывности (исторической динамики)» [3, с. 11]. Так, структурализм, отвлекаясь от динамики исторического становления и утверждая примат синхронии над диахронией, абсолютизирует момент прерывности в исследовании исторического сознания. Герменевтическая же традиция, напротив, абсолютизирует момент непрерывности, раскрывая историческую динамику становления новых духовных феноменов из предшествующих.

Принцип всеобщей взаимосвязи подчеркивает важность учета всесторонней взаимосвязи и взаимодействия объектов. Согласно данному принципу, возникновение, изменение, развитие невозможно в изолированном состоянии, оно предполагает связь внутреннего и внешнего. Данный принцип ориентирует на изучение динамики исторического сознания во взаимодействии, взаимосвязи его форм, уровней и других структурных элементов. С этих позиций историческое сознание является «сложно-структурированным образованием, включающим уровни непосредственного переживания, истолковывающего реконструирования и моделирующего конструирования «исторического», а также уровень исторического мышления» [3, с. 6 - 7].

Принцип опосредованности, предпосылочности познания различных форм культурно-исторического опыта указывает не только на собственно гносеологические компоненты (будь то аналитическое и синтетическое априори, априорные основоположения, регулятивные принципы и «максимы разума»), но также и на «исторически сложившиеся формы ценностных и исторических ориентиров, отражающих социально-культурную детерминацию знания и выполняющих нормативные – философско-методологические и мировоззренческие функции» [5, с. 319]. Помимо концептуального уровня (философские принципы, идеалы и нормы, общенаучные методологические регулятивы, а также научная картина мира, стиль мышления и концепты здравого смысла) в предпосылочном знании существует и доконцептуальный уровень, который составляют положения здравого смысла, переживаемые образы воображения, идеалы, этические нормы и т. п., преобразующие и оценивающие действительность.

И наконец, *принцип процессуальности* динамики историко-культурного опыта, подчеркивает его текучий и непрерывный характер; континуальную природу историко-культурных феноменов, их качественную и количественную изменчивость в пространстве и времени.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г15-106).

Список использованной литературы

1. Кон, И.С. Социология личности. – М., 1967.
2. Левада, Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы науки. – М., 1969.
3. Бровцева, Н.Л. Историческое сознание как предмет исторического познания / автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. филос. наук. – Киров, 2003.
4. Столяренко, Л.Д., Фролов, В.А. Методологические основания исследования исторического сознания // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2.
5. Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М., 2005.

РОЛЬ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Н.А. Карпенко
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова, nata_ka@mail.ru

Цель статьи – выявление фундаментальных нравственно-эстетических ценностей, определение их места и роли в условиях трансформации общества.

Ключевые слова – ценность, мораль, эстетическое, искусство, калокагатия, прекрасное, безобразное, добро, зло, насилие.

Характер современной эпохи заключается в меняющихся социальных, политических, экономических и экологических условиях. Общество приобретает новые черты в соответствии требованиям времени. Осуществляются изменения в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях людей. В таких условиях особую роль играют духовные ориентиры позволяющие помочь человеку оценить действительность, понять смысл собственного существования, решить дилемму между должным и желаемым, добром и злом, прекрасным и безобразным, справедливым и несправедливым.

Ценность – это то, что значимо, то, чем человек дорожит и ради чего готов жертвовать чем-то другим; это то, в безусловную важность чего, он верит, ради чего живет, к чему стремиться и чем руководствуется в своем выборе [1, с.663-664].

В современном обществе четко прослеживается противостояние двух диаметрально противоположных ценностно-мировозренческих установок – технократизма и гуманизма. Технократизм отдает ведущую роль техники и технологии, как главному фактору мирового прогресса. Это приводит к формированию культа инструментального знания и прагматического действия, где человек приобретает статус средства. И, как следствие – дискредитация и игнорирование подлинно человеческих взаимоотношений, доминирование таких антиценностей как насилие, выгода, потребительство. В таких обстоятельствах линия взаимосвязи человек–человек приобретает форму субъектно–объектных отношений. Гуманизм же напротив, человека рассматривает как главную цель. Стремление гуманизма – это установление субъектно-субъектных отношений, то есть признание самости и самоценности другого. Такой подход не только позволяет вывести человека из тупика потребительства, но и возродить гуманистические ценности.

Нравственно-эстетические ценности занимают особое место в системе ориентационно-регулятивных ценностей человечества. Еще древние греки отмечали глубокую связь этического начала с эстетическим в человеке, которое фиксировалось в понятии калокагатия. Это понятие объединяло в себе прекрасное и хорошее, красивое и доброе и являлось ориентиром воспитания человека. Гармоничное сочетание физических (внешних) и нравственных (душевных, внутренних) достоинств способствовало гармонизации отношений людей в обществе [2, с. 135]. Величие души невозможно без калокагатии – так считал Аристотель.

Без глубоких эмоций нет нравственных исканий людей, нет благородных дел и поступков. Поэтому формирование эстетического сознания, то есть глубокого эмоционального мира личности, ее идеалов, вкусов, пристрастий, стереотипов красивого, поведения в обществе и семье; эстетики общения; стремления к эстетизации социальной среды; отношения к природе и человеку; раскрытия творческого потенциала человека является главным вектором духовного развития человека. Эстетическое можно определить как чувственно-художественное, одухотворенное нравственное бытие, аморальное – то, во имя чего существует эстетическое.

Искусство, как опосредованный механизм воздействия на духовное начало че-

ловека, по своему потенциалу осмысления и преобразования действительности не уступает другим видам деятельности человека, например, науке. Искусство раскрывает эстетическое многообразие действительности и новое в обыденном и привычном.

Единство морали искусства обнаруживается в мировоззренческих подходах, идеалах, целях, оценочных характеристиках. В своей главной сути совпадают добро и красота, правда и эстетически зафиксированное явление, критерии высоконравственного и художественного совершенства, воспитательная функция морали и искусства. Различие же между моралью и искусством состоит, прежде всего, в их познавательных возможностях. В искусстве воплощается живая и неживая природа, человеческое общество, мир фантазий и грез людей, несуществующие абсолюты; в морали лишь человеческие отношения и общественное бытие. Отражение в искусстве происходит в художественных, конкретно-чувственных, наглядно-ощутимых, на слух воспринимаемых образах и в знаковых изображениях, в морали в категориальной системе (добро, справедливость, благо, долг, достоинство). Мораль как система требований и оценок базируется на закрепленных представлениях о добре и зле. Поэтому в этических оценках больше рациональных начал, чем в эстетических, где субъективность базируется на чувствах и переживаниях.

В XX веке искусство отказалось от попыток создания универсальных канонов эстетических ценностей и норм. Главным принципом художников этого времени становится тезис – «все разрешено!» – что лишает искусство нравственных границ. Идеальное не выдерживает испытания комфортом, душа проигрывает сексу, возвышенное – низменному, вечное – сиюминутному. Творчество утрачивает свою сакральность и становится художественным производством. По мнению немецкого эстетика Т. Адорно, одной из основных причин актуализации антиценностей в искусстве, безобразного в частности, является технический прогресс. Бездумное развитие науки и техники приводит к угнетению природы и человека: «... «Несвобода» нового уровня – зависимость от техники – является одной из главных причин торжества безобразного в искусстве XX века. Смакование анатомических мерзостей, физического уродства, отвратительных и абсурдных отношений между людьми ... – свидетельство бессилия «закона формы» перед лицом безобразной действительности, но и внутренний протест против нее». [3, с.72]. Безобразное представляется как «крайняя степень отрицательных качеств бытия, уродливых, дисгармоничных явлений действительности» [1, с.46].

Одной из важных черт функционирования искусства XX века является его гедонистическая направленность. Тезис о том, что произведение искусства должно доставлять эстетическое наслаждение, в XX веке претерпевает трансформацию. Какой изображаемый объект вызывает такие переживания? Вот так на этот вопрос отвечает Т. Адорно: «Мрачные стороны действительности в качестве антитезы обману, совершаемым чувственным фасадом культуры, манят к себе также силой чувственного обаяния. Больше наслаждения приносит диссонанс, нежели созвучие» [3, с. 62]. Проникновение технологий в искусство способствовало усилению его развлекательного начала. Художник кокетничает со смертью, играет со злом, в порок окунается с головой, в добродетелях не видит ничего хорошего, нарочито разрушая бином: добро-зло, используя «эффект отсутствия» добра [4, с.44]. Это приводит к духовной глухоте: притуплению чувства нравственного негодования, сострадания чужому горю, отчуждению.

Искусство не только зеркало души художника, его мироощущения и миропонимания, его нравственности или порочности, но и отражение духовной жизни общества, его экономических проблем, социальных противоречий, личных и общественных интересов. Искусство, всегда соответствуя уровню своего времени. Однако оно также является великой преобразующей силой этого времени. На наш взгляд, правомерно рассматривать искусство как социальный регулятор бытия людей, так как в определенных видах и формах искусства всегда кодируются различного рода моральные ценности.

Безусловно, технический прогресс влияет на нравственно-эстетическое бытие человека, расширяя его границы, в то же самое время подрывает его основание – девальвирует вечные ценности. В этой связи ставятся задачи перехода от технократизма и потребительства к гуманизации общества, где человек становится целью, сохраняя свое «человеческое лицо». Только глубочайшее осознание нравственно-эстетических ценностей поможет решить проблему сохранения человека как личности.

Обозначенная нами проблема является, конечно, лишь небольшим фрагментом видимой части проблемного поля – противостояние технократизма и гуманизма, и требует более детального изучения.

Список использованной литературы

1. Словарь философских терминов / Науч. ред. профессор В.Г. Кузнецова. – М., 2005. – 731 с.
2. Эстетика: Словарь. / Под общ. ред. Беляева и др. – М., Политиздат, 1989. – 447 с.
3. Адорно Т. В. Эстетическая теория./ Т.В. Адорно; [Перевод с нем. А.В. Дранова] – М., 2001. – 528 с.
4. Искусство и массы в современном буржуазном обществе / под ред. Д.В. Житомирского. – М., 1989. – 319 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Н.С. Колядко

г. Слуцк, Слуцкий государственный колледж, ya.nikolai17@yandex.by

Цель статьи – раскрыть пути формирования и содержание традиционных ценностей как квинтэссенции духовной культуры белорусской нации, определить их роль в становлении национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: традиционные ценности, глобализация, модернизация, идентичность, развитие.

Феномен глобализации обнажил фундаментальное противоречие современности между традиционными ценностями цивилизации и нетрадиционными ценностями постцивилизированного глобального мира. В основе этого культурного конфликта лежит противоречие между двумя типами цивилизационного развития – либеральным, гуманистическим и нелиберальным, религиозно-традиционалистским. Стратегия цивилизационного развития Беларуси зависит от идеологического выбора гражданским обществом и государством одной из этих ценностных парадигм. Сущность проводимой государственной политики Республики Беларусь в области образования и культуры заключается в передаче новым поколениям традиционных ценностей, составляющих основу национальной самобытности белорусов, взаимодействия традиционных ценностей с модернизационными процессами в обществе.

Тема традиционных ценностей и их столкновение с миром глобализации является ключевой в повестке дня диалога цивилизаций. Можно констатировать глубокий и системный кризис между традиционными ценностями цивилизаций и постлиберального глобализирующегося мира. Исключительная важность проблемы сущности традиционных ценностей, их роли и места в мировом развитии, в настоящем и будущем Республики Беларусь определяется рядом обстоятельств. Прежде всего тем, что все более явственно обозначился крах попытки глобализации мира на основе западных, выдаваемых за универсальные, цивилизационных ценностей.

Перед странами не западного мира стала задача определения своего пути, выработки видения своего будущего и перспектив мирового развития. В целом оно сводится к тому, что в политике должен сохраняться суверенитет, равноправие в отношениях, свобода выбора, взаимовыгодное сотрудничество, в духовной сфере – отсутствие идеологического диктата, сохранение национальной, цивилизационной идентичности, опора на традиционные ценности. Это привело белорусское общество «в состояние необходимости выбора не абстрактной методологии, позволяющей выстраивать ценностные системы, а нового идеологического пути» [1, с. 86].

В Беларуси осуществление такого подхода будет сопряжено с определенными трудностями, вытекающими из особенностей нашего исторического развития. В первую очередь, это связано с тем, что по своим историческим корням Республика Беларусь в большей степени европейская христианская страна, но со значительной долей присутствия католической и иных культур. Это предостерегает от абсолютизации возврата к этническим ценностям как основы формирования идентичности белорусов. Вместе с тем, понимание нашей общности в христианских корнях не должно затушевывать грани, отделяющей восточно-православные ценности от западных католических и протестантских. На протяжении веков соборность, коллективизм, возможность личной реализации только в процессе общего дела, противостояли западным ценностям индивидуализма, верховенства ценности личности и личного спасения.

Проблемой является и то, что Беларусь в конце XX – начале XXI вв. пыталась вписаться в западный цивилизационный проект. Произошел, по сути, отказ от своих духовных завоеваний, внедрение в образование и воспитание, в информационную среду далеко не лучших западных образцов, слепое копирование и перенос их на отечественную почву. Не отрицая необходимости взаимодействия, взаимообогащения цивилизаций и культур, необходимо отделять зерна от плевел, тем более, что много чуждое нашей традиции уже проросло и требует соответствующих действий.

Обращаясь к проблеме опоры на традиционные ценности, необходимо определиться в том, какие ценности считать традиционными. Очевидно, что здесь нельзя ограничиться лишь их перечислением, необходимо выявить их сущность, место в системе ценностей, связи и взаимообусловленности, детерминированность природно-географической средой, особенностью становления белорусского и других этносов, своеобразием развития белорусского общества, государственности, всей великой и трагической историей нашей страны. Каждый этап исторического развития и становления вносил свою лепту в ценностные представления.

Осмысление традиционных ценностей, практическая ориентация на них в воспитании требуют также учета современного момента мировой истории, места и роли в нем нашей страны и народа. Наше участие в духовном противостоянии в далеком не лучших экономических условиях требует опоры на исторический и духовный опыт, мобилизации духовных сил народа в фактически идущей где-то явно, где-то скрыто войне, в которой мы должны выйти победителями. Поэтому необходимо выбрать «исконно народные традиции и обычаи, язык и религию, национальное достоинство и духовность белорусского народа, историческую память отцов и дедов» [2, с. 176].

Приступая к определению того, что такое традиционные ценности, можно выделить несколько подходов, которые помогут выявить сущность и раскрыть содержание этого явления.

Традиционные ценности можно определить как ценности консервативные, выражающие идеологическую приверженность традиционным порядкам, социальным и религиозным доктринам. За главную ценность при таком подходе принимается «сохранение традиций общества, его институтов и ценностей» [3, с. 2]. При этом не отрицаются и изменения, но эти изменения, если они назрели, должны осуществляться крайне осторожно.

Другой подход к понятию традиционных ценностей – это ценности религиозные. Они являются ориентиром поведения верующих людей, определяют их действия и поступки, выходят далеко за рамки религиозных общин и являются примером для людей нерелигиозных, влияя на общество в целом и на деятельность органов государства. Религия и религиозные организации являются хранителями и охранителями традиционных ценностей, в том числе тех, которые не имеют непосредственного религиозного истока и напрямую не связаны с религиозной верой. Это «непреходящие ценности, которые зафиксированы в генетическом коде белорусского народа» [4, с. 181]. Поэтому, не сводя традиционные ценности только к религиозным, следует учесть, что ценности традиционных для общества религий являются важной составляющей традиционных ценностей. Религиозные институты традиционных религий играют важную роль в сохранении, поддержании и укреплении всей системы традиционных ценностей.

О важности сохранения традиционных ценностей как цивилизационного развития общества говорит и Патриарх Кирилл (Гундяев): «В первую очередь мне кажется, что ценности традиционные – это те, что создаются традицией, и те, которые традицией сохраняются. И это не одно и то же. К ценностям, которые создаются традицией, относятся национальная культура, фольклор, обряды, обычаи, которые возникают в недрах народной жизни под влиянием множества факторов, включая опыт человека и кончая влияниями внешней среды. Эти ценности обретают статус ценностей именно потому, что они включаются в традицию. Традиция придает им смысл и значение в первую очередь для следующих поколений» [5, с. 5].

Еще один подход к традиционным ценностям – это ценности национальные, народные, национально-этнографические. Конечно, нельзя отрицать принадлежность к традиционным ценностям совокупности «духовных идеалов и поведенческих традиций тех или иных этнических общностей, в которых находит отражение их историческое своеобразие» [6, с. 43]. Но нельзя отождествлять традиционные ценности с ценностями национальными, что может вести к национализму. Это крайне опасно в нашей полиэтнической стране, поэтому необходимо сверять эти ценности и вытекающие из них поступки и поведение с реальными интересами нации, с отношениями с другими нациями. Неверно было бы и сводить традиционные ценности к внешним этнографическим проявлениям в одежде, праздниках и т.д., что будет недопустимым упрощением, особенно в плане формирования традиционных ценностей как целей воспитания.

Очевидно, что традиционные ценности противопоставляются нетрадиционным и новационным ценностям. Отнесение тех или иных ценностей к традиционным, нетрадиционным либо новационным должно соотноситься с достаточно определенными критериями, которыми может быть то, что несет конкретная ценность для человека, семьи, общества, культуры, моральных устоев общества: развитие и духовное возвышение либо регресс и деградацию. Существующее сейчас острое противостояние в ценностной сфере нетрадиционным трактовкам связано именно с борьбой за сохранение и духовное возвышение человека. Традиция не исключает изменений, появления нового, но выступает противником слепого заимствования и копирования, механического перенесения на общественную почву чуждых, неприемлемых ценностей, тем более – против их насильственного насаждения.

Поэтому, к основным характеристикам традиционных ценностей можно отнести следующие: это ценности, имеющие истоки в прошлом, результат исторического развития ценностной системы этноса, нации; это базовые, фундаментальные, системообразующие ценности; это ценности, обеспечивающие идентификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций; это национальное своеобразие понимания, принятия общечеловеческих ценностей; это национальное, цивилизационное выстраивание иерархии и системы ценностей.

Список использованной литературы

1. Грицанов, А.А. Консерватизм [Электронный ресурс] / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 1999. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/612. – Дата доступа: 15.11.2015.
2. Кирилл (Гундяев), патриарх МП РПЦ. Традиционные ценности и современный мир / Кирилл (Гундяев) // Высшее образование сегодня. М.: Изд-во «Логос», 2013. – № 2. – С. 5.
3. Котляров, И.В. Идеология белорусского государства как важный фактор движения вперед / И.В. Котляров // Неман. – 2006. – № 11. – С. 174-178.
4. Котова, С.А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / С.А. Котова. – М., 2014. – 23 с. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/21102014_177393_kotova. – Дата доступа: 15.11.2015.
5. Криштапович, Л.Е. Аксиома идеологии / Л.Е. Криштапович // Неман. – 2006. – № 11. – С. 179-183.
6. Крысько, В.Г. Ценности национальные [Текст] / В.Г. Крысько // Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ, 1999.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ АВТОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, ТЕЗИСЫ И ОЦЕНКИ

*В.А. Космач
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова*

Цель статьи – авторские оценки такой сложной исторической категории как «историческая ответственность» на примерах исторического прошлого и настоящего стран Европы и России в XX веке.

Ключевые слова: историческая ответственность, историческая память, историческая реальность, прогресс, регресс.

Тезисно наши наблюдения и размышления сводятся кратко к следующему:

1. Есть реальная, действительная история, которая творима людьми, человечеством в целом и которая объективна и действительно реальна, ибо не подвластна корректировке или субъективным желаниям изменить её в свою пользу со стороны её творцов. И есть историческая наука об этой объективной и творимой людьми исторической реальности (реальной исторической действительности), которая возникла ещё в древности и которую древние римляне называли «учительницей жизни» («*Historiaestmagistrevite*»)[15, с. 72–96; 16, с. 65–107].

2. Чем ближе к действительной, объективной и реально творимой людьми истории приближается «учительница жизни», тем объективнее и правильнее оценки прошлого и настоящего, а также моделирование будущего. В этом и заключается историческая ответственность настоящего историка-профессионала. Но не только его. Данное обстоятельство должно осознаваться и пониматься политиками, дипломатами, журналистами, политологами, всеми, кто призван к политическому или иному лидерству в реальной истории своих стран, народов и цивилизаций или к оценке реальной истории опять же собственных стран, стран, народов, цивилизаций, мировой истории в целом. Но прежде всего это основное профессиональное призвание, обязанность и «тяжёлый хлеб» одновременно специально подготовленных людей: историков-профессионалов. Однако об исторической ответственности следует не забывать каждому, даже когда «оценивается» история «шёпотом на кухне» или в «геройских и

смелых» разговорах или беседах с друзьями или на публике. Историческая ответственность в этих случаях часто пропадает напрочь и может вызвать, как минимум, скепсис у историка-профессионала. Аналогичные чувства у профессиональных историков могут вызвать «историческое творчество» журналистов, «историческое фэнтези» политологов и «пропагандистский зуд» аппаратных идеологов. Слава Богу, что и первых, и вторых, и третьих не так уж и много, но почему-то становится всё больше.

3. Что же изучает историческая наука? Каковы объект и предмет её исследования? Ответим кратко. История как наука – это важнейшие отрасли научного знания и учебная дисциплина одновременно, которые изучают действия и поступки людей, в том числе великих исторических личностей, которые они совершают в реальном историческом пространстве и реальном историческом времени, начиная с глубокой древности и до наших дней [5, с. 3-8; 14, с. 18-25]. В своей реальной действительной истории человечество прошло, на наш взгляд, не три, а четыре великие исторические эпохи – Древность, Средневековье, Новую историю и Новейшую историю, которая, опять же с нашей точки зрения, завершилась на рубеже XX-XXI вв. Мир стал другим. Человечество в целом, страны, народы и цивилизации реально переживают очередную, пятую великую и бурную историческую эпоху. Лучше всего её называть «Современной историей» или «эпохой Современной истории». Историки-профессионалы в будущем найдут ей своё и, будем надеяться, правильное и адекватное название. В этом тоже их историческая ответственность [3, с. 103-117; 6].

4. На наш взгляд, историческая ответственность может быть как массовой, коллективной, так и индивидуальной, личной, персональной. Наиболее ярким примером коллективной, массовой исторической ответственности может быть раскаяние немцев за те злодеяния, которые совершили А. Гитлер, НСДАП и все те немцы, которые состояли и служили в национал-социалистических партийных и государственных структурах или добровольно приняли фашизм как спасение от кризиса и во имя семейного благополучия в 1930-е гг. и в годы Второй мировой войны [1, с. 67]. Индивидуальная, личная, персональная историческая ответственность, с нашей точки зрения трёхтипа. Первая – это персональная историческая ответственность каждого гражданина той или иной страны. Она сводится к патриотизму, любви к Родине, уважению и почитанию исторических традиций и обязательно к изучению и освоению истории, прежде всего, истории своей страны, своего народа и своей «малой родины» – места рождения и места жительства родителей и семьи.

Второй тип исторической ответственности – это работа историков-профессионалов, которые должны быть, во-первых, объективны и беспристрастны в оценке исторических событий прошлого и настоящего, и, во-вторых, в своих исторических изысканиях служить Родине и Правде. В российской исторической науке сегодня в этом плане происходят весьма позитивные сдвиги. Ушли в прошлое многие догмы и стереотипы советской исторической науки, но лучшее и позитивное из её наследия сохранено. Однако больше стало исторической правды, в том числе в освещении истории России. В официальный статус в новом Стандарте по истории, например, возведена Российская революция 1917 года, а не две, как было ранее. Правда ещё не ясны её хронологические рамки и характер, о чём можно и нужно дискутировать [4, с. 391-423]. Аналогичная ситуация с таким понятием как «монголо-татарское иго», и так далее. Но главное явно ощутимо везде и во всём: служение Родине и России. И в этом плане есть прекрасные примеры работ современных российских историков-профессионалов (В.А. Никонов, В.Р. Мединский, Н.А. Нарочницкая, В.М. Фомин, А.Ю. Дворниченко, О.Ю. Пленков, Б.Н. Миронов, Н.В. Стариков и другие).

Третий тип исторической ответственности связан с государственной исторической политикой правящей номенклатуры, т.е. государственных чиновников во власти всех уровней и разномасштабности. Именно она определяет бюджетирование образования

и науки, а через парламент и министерство образования – всю государственную политику и стандарты в области исторического образования и всех гуманитарных наук. Если сегодня, и это очевидно, финансирование и иная поддержка исторической науки и исторического образования со стороны государственных структур всех уровней в России (Белоруссия и другие страны СНГ аналогично) будут снижаться, это есть и будет историческая безответственность Федерального собрания и правительства РФ, всех профильных министерств, всех региональных администраций и структур РФ на местах. Нужна по нарастающей иная тенденция. Следует собирать Россию, русские земли снова воедино, а для этого всему российскому чиновничеству, а также бизнес-сообществу, всем друзьям и сторонникам России на постсоветском пространстве и за его пределами необходимо объединиться как можно быстрее. Ключевую роль в этом ответственном деле играет Русская Православная церковь. «Мужам государственным» следует показать именно историческую ответственность за прошлое, настоящее и будущее России, оказав моральную, юридическую и финансовую поддержку исторической науке и историческому образованию в Российской Федерации. Учебные часы по истории в учебных заведениях всех уровней следует не сокращать, а увеличивать. Нужны, как воздух, новые исторические факультеты и специальности, институты истории и геополитики, различные фонды и проекты, общества и объединения историков и всех, кто ценит историю и интересуется ей. А «мужам торговым» давно пора проявить себя в меценатстве, хотя бы так, как это делал некогда небезызвестный Савва Морозов.

Список использованной литературы

1. Альперина С. Фашизм приходит не страшно. Он проникает в жизнь людей под маской доброго волшебника // Российская газета. Неделя. 2016. 12 мая (четверг). – С. 6-7.
2. Дворниченко А.Ю. Россия. Загадки империи. М.: Издательство «Весь мир», 2015. – 240 с.
3. Космач В.А. Некоторые дискуссионные вопросы современной отечественной исторической науки // Метаморфозы истории. Научный альманах. Псков: ПсковГУ, 2015. Вып.6. – С. 103-117.
4. Космач В.А. Великая Российская революция 1917-1922 гг. и её последствия: опыт сравнительно-исторического анализа // Метаморфозы истории. Научный альманах. Псков: ПсковГУ, 2014. Вып.5. – С. 391-423.
5. Космач В.А. История как наука: предмет и проблемное поле, специфика исторических законов и периодизация // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2001. №-1. – С. 3-8.
6. Левинтов Н.Г. К методологическому анализу учебной литературы: Что такое история новейшего времени?: В помощь учителю. Ульяновск: ИПК ПРО, 2001. – 88 с.
7. Мединский В.Р. Скелеты из шкафа русской истории. М.: ОЛМАМедиагрупп, 2015. – 528 с.
8. Мединский В.Р. Особенности национального права. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. М.: ОЛМАМедиагрупп, 2014. – 608 с.
9. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII-начало XX века. М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 848 с.
10. Нарочницкая Н.А., Фомин В.М. и другие. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. – 416 с.
11. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Издательство «Э», 2015. 672 с.
12. Никонов В.А. Российская матрица. М.: «Русское слово – учебник», 2014. – 992 с.
13. Пленков О.Ю. Истоки современности (динамика и логика развития Запада в Новейшее время). СПб.: «Восход», 2014. – 671 с.

14. Рыбаков С.В. О смысловой структуре понятия «история» // Вопросы истории. 2015. – № 4. – С. 18-25.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время в поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. – 800 с.
16. Смехович Н.В. История и метод. Мн.: РИВШ, 2004. – 287 с.
17. Стариков Н.В. Хаос и революции – оружие доллара. СПб.: Питер, 2011. – 330 с.
18. Стариков Н.В. Кто убил российскую империю? Главная тайна XX века. М.: Язуз, Эксмо, 2006. – 512 с.

ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧЬЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБРАЗ СТРАНЫ

А.Н. Костючков
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, a.n.kostyuchkov@gmail.com

Цель статьи – рассмотреть влияние поведения жителей приграничных регионов на формирование международного образа своей страны, выявить направления, по которым поведение граждан влияет на представления о своей стране мирового сообщества в целом и соседних стран в частности.

Ключевые слова: международный образ, приграничье, поведение граждан.

В современных международных отношениях чётко прослеживается разделение средств воздействия на две группы: *softpower* (мягкая сила) и *hardpower* (жёсткая сила). Международный имидж как средство из группы *softpower* получил всеобщее признание в качестве инструмента внешней политики. Международный имидж – это образ субъекта международных отношений, целенаправленно формируемый в сознании других субъектов международных отношений. Имиджем обладают государства, нации, международные организации, политические лидеры. Актуальность проблемы международного имиджа в настоящее время обусловлена тем, что имидж – это феномен, значение которого возрастает с ростом роли информационно-коммуникационных технологий в жизни общества.

Международный имидж может формироваться с помощью политических, экономических, культурных и других средств. В этом контексте влияние поведения граждан на образ страны не подлежит сомнению. Поведение граждан может быть отнесено к культурным средствам и каналам формирования образа. Однако эта проблема не разработана в научной литературе. В этой связи представляется необходимой попытка систематизировать каналы влияния поведения граждан, обобщить международный опыт в этой сфере. Поведение граждан по отношению к представителям других стран и народов в условиях современного уровня развития средств коммуникации часто и быстро становится достоянием международной общественности, а значит и фактором формирования международного образа страны. Материалом данного исследования служат модели поведения граждан, отдельные акты поведения рядовых граждан и официальных представителей государства.

Прежде чем говорить о формировании имиджа, необходимо отграничить понятия «имидж» и «образ». В русском языке слова «имидж» и «образ» не могут в полной мере использоваться как взаимозаменяемые. Слово «имидж» изначально пришло в русский язык как термин, означающий именно искусственный (*целенаправленно формируемый*) образ, то есть одна из разновидностей образа [1]. В данной работе рассматриваются как целенаправленно формируемый образ (имидж), так и образ, формирующийся естественным путём. Поэтому, как правило, будет применяться термин «образ», который шире по своему содержанию.

Поведение граждан по отношению к представителям других народов, формирующее позитивный международный образ страны, должно отвечать следующим требованиям: *нормальность, успешность, доброжелательность.*

Нормальность. Основной вопрос состоит в том, насколько поведение представителя одного народа отклоняется от представлений о правильном поведении представителей других народов. Естественно, что люди близких культур, цивилизаций практически не будут отличаться своим поведением. Как пишет С. Хантингтон, «цивилизации – это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома» [2, с. 52]. Жители приграничных регионов, как правило, относятся к одной цивилизации, и поэтому межцивилизационных барьеров в случае приграничного общения не возникает. А вот между представителями разных цивилизаций может возникнуть непонимание, например, по причине того, что женщина ходит в короткой юбке, находясь в мусульманской стране. В соседних странах, относящихся к одной цивилизации, такого непонимания не возникнет. Для них нет оснований. Жители соседних регионов разных стран выступают носителями одинаковых моральных и религиозных норм, обычаев.

Успешность. Признаками успешности выступает внешний вид граждан. Если они хорошо выглядят, хорошо одеты, находятся в хорошей физической форме, то, естественно, они будут формировать позитивный образ своей страны.

Признаком успешности выступает и величина расходов граждан за рубежом. Граждане страны пребывания, особенно работники сферы торговли и обслуживания, замечают, на что и сколько тратят гости из соседней страны. Большими расходами они демонстрируют свою финансовую состоятельность, а предметами покупок показывают свой вкус.

Доброжелательность. Прибывающие в страну иностранцы взаимодействуют с множеством граждан страны пребывания. Они судят о стране не только по красоте природы, чистоте на улицах, архитектуре городов, но и по поведению граждан.

Жители приграничных территорий, как правило, не нуждаются в получении визы для въезда, и поэтому они не общаются с работниками консульских служб. Однако на въезде они могут общаться с представителями пограничной охраны, таможенной службы.

Во время нахождения в стране в круг общения входят работники сферы обслуживания в столицах (диспетчеры и водители такси, работники железнодорожных касс и пассажирских вагонов, администраторы сферы общественного питания и гостиничного бизнеса), работники сферы культуры (экскурсоводы), сотрудники ОВД, работающие на массовых мероприятиях международного масштаба (Евровидение, спортивные мероприятия) и в паспортно-визовых службах. Этим людям необходимо безукоризненно придерживаться правил этикета, чтобы показать гостям свой высокий культурный уровень. Кроме того, представители государства носят форму государства (дипломаты, пограничники, таможенники). По их поведению судят и о народе, и о государстве.

Что касается языка, то в приграничном общении знание иностранного языка не нужно, так соседи, как правило, говорят на одном языке или, по крайней мере, очень близких языках.

Большое значение играет поведение граждан за рубежом, в других странах. Выезд за рубеж может быть индивидуальный и массовый. В случае индивидуального выезда человек, как правило, не замечен в массе местного населения. А вот в случае массового выезда, например, в составе туристических групп, выезжающие сразу замечаются представителями страны пребывания, и поведение гостей сразу получает оценку принимающей стороны.

Представительство может быть государственное и негосударственное. Как уже было сказано, представители государства (пограничники, таможенники, сотрудники милиции/полиции) носят форму государства и уже этим выделяются на фоне других людей. Поэтому можно сказать, что их поведение во много раз пристальнее оценивается теми, с кем они общаются по долгу службы.

Негосударственное представительство также развито в современном мире. Современный мир – это мир постоянных человеческих потоков, часто не регулируемых или слабо регулируемых государствами. Люди едут в туристические поездки, люди мигрируют из страны в страну, спортивные болельщики передвигаются вслед за любимыми командами.

К русским туристам за рубежом в настоящее время сформировалось отношение как к пьяницам. Но началось это не в «лихие 90-е» XX века. Вот как певец Ф. Шаляпин вспоминал о своём пребывании в Париже в начале XX в. «Однажды, на каком-то бульваре, российский человек... влез на стул у ресторана, вынул из кармана бутылку коньяка и закричал, размахивая ею. Сбежались люди... Господин в поддёрвке воткнул горлышко бутылки в свой волосатый рот и единым духом высосал всё её содержимое, очевидно, желая продемонстрировать мощь и силу своего желудка. Французы ахали, находя что это – поистине удивительно! Но мне стало не по себе, я думал, что Русь не только этим должна быть интересна для Европы» [3, с. 153]. Государство должно способствовать правильному с точки зрения закона и морали поведению своих граждан. Например, МИД Российской Федерации призвал граждан РФ, находившихся в Таиланде в дни национального траура, вести себя сдержанно в связи со смертью короля Таиланда [4].

Массовый наплыв мигрантов всегда даёт пищу для размышлений гражданам страны их пребывания. Особенно если ими совершаются правонарушения, особенно массовые. Здесь можно вспомнить новогодние ночи 2015-2016 гг. в Германии, июльские 2016 г. атаки мигрантов на граждан Германии, которые совершали выходцы из Афганистана (несовершеннолетний), Ирана (по паспорту – гражданин ФРГ), Сирии. Мигрантов часто воспринимают не как представителей конкретной страны, а как представителей иной цивилизации. Лишь при длительном общении люди могут различать представителей разных этносов. В приграничных регионах более развита трудовая миграция, чем миграция по политическим мотивам.

Массовые выезды связаны и со спортивными мероприятиями. Например, в 2016 г. во Франции на чемпионате Европы по футболу российские и английские болельщики. Особенно бурным нравом отличаются английские болельщики, известные в этом плане ещё с 1980-х гг.

Черты национального характера, проявляющиеся в поведении, также значимы для формирования международного образа. Например, белорусы воспринимаются соседями как люди весёлые, простые, спокойные, работающие, добрые [5, с. 20-21]. Определённую роль играют и гостеприимство белорусов, и чистота на улицах.

Список использованной литературы

1. Касцючкоў, А.М. Палітычны імідж: паняцце, прыметы, віды / А.М. Касцючкоў // Весті БДПУ. – 2007. – № 2. Серыя 2. – С. 67-71.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 640 с.
3. Шаляпин, Ф.И. Страницы моей жизни: Повести / Ф.И. Шаляпин. – Москва: Кн. палата, 1990. – 464 с.
4. Вести // Телеканал «Россия» (Россия). – 2016. – 14 октября. – 20.00 мск.
5. Комиссарова, Т. Как сформировать имидж бренда на основе национального характера / Т. Комиссарова // Рекламные технологии. – 2008. – № 1. – С. 16-22.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧЬЯ

Е.Э. Кривоносова

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Маашерова, crielena@yandex.ru

Цель статьи – анализ уровня патриотического самосознания студенческой молодежи и актуальных задач его формирования.

Ключевые слова: студенческая молодежь, патриотизм, национальное самосознание, учебно-воспитательный процесс.

Проблема патриотического воспитания молодежи становится сегодня особенно актуальной, ибо без патриотизма не может быть становления личности в качестве субъекта общественных отношений. Личность – это человек, развившийся в лоне истории и культуры своего народа. Человек вне патриотизма – это человек вне духовного бытия. Без патриотизма личность ущербна, а государство лишается объединяющих и скрепляющих общество духовных основ. Поэтому сегодня патриотическое воспитание остаётся наиглавнейшей и задачей общества в целом и отдельных субъектов воспитания.

Затертое в политических играх, понятие «патриотизм» почти утратило точный смысл как социально-политического и нравственного принципа, что отражает чувство любви к Родине, заботу о ее интересах и готовность к ее защите от врагов [см. 2, с. 244]. В философской литературе выделяются два аспекта патриотизма: моральный и политический. Последний связан с отстаиванием государственных интересов, данного социально-экономического строя, определенных общественных идеалов. Политический аспект патриотизма выражается в идентификации на уровне государства; в преобладании не столько этнокультурной составляющей, сколько институциональной; в объединении людей не «против» (чужих), а «за» (Родину, государство); в уважении прав человека, возвышении личности; принятии интернационализма, поисках баланса между национальной гордостью и толерантностью, открытостью в отношении чужих традиций и нравов. Философия патриотизма отражает диалектику национального и общечеловеческого, этнического многообразия и политического единства. Как определенная идеология патриотизм является частью теоретического уровня общественного сознания и находит отражение в работах философов и политических деятелей.

Ключевым словом в определении **патриотизма** как принципа морали является «любовь» (**к своей Родине**). Любовь – это жизнь, организованная во благо объекта любви, подтверждающаяся и в будничных мелочах и судьбоносных ситуациях. Патриотизм не может быть абстрактным, он всегда опирается на определенный образ Родины, «малой» и «большой», который складывается в сознании человека и участвует в процессах становления социальной идентичности человека, в формировании его личностной связи с обществом. Патриотизм – это то главное и сокровенное, что связывает человека с историей его страны, что заставляет его благоговейно относиться к Отчизне. Патриотизм органически связан с осознанием исторического бытия народа, ибо Родина – это не только сегодняшняя страна, но и вся ее история, культура, процесс ее духовного становления во времени. Но это не означает, что патриот смотрит в «зеркало заднего вида», романтизируя доуровнянарциссизма историческое прошлое, национальные символы и национальных героев; патриотизм сочетает здоровый пиетет к исторической памяти с адаптацией к меняющимся обстоятельствам. Это любовь к ее прошлому и настоящему, это вера в ее будущее и ответственность за него.

О патриотизме судят не по словам, а по делам каждого человека. Выражение патриотизма – образ жизни, направленный на приумножение достоинств и завоеваний страны. Для сохранения и приумножения тех благ, которыми гордится страна, нужно трудиться всем вместе и каждому в отдельности. Это понимание долга как исполнения конкретных дел, честный и добросовестный труд, законопослушание, общественно значимые поступки, такие как, например, благотворительность и спонсорская поддержка, ведь Родина – это прежде всего люди. Поэтому любовь к Отечеству означает и любовь к соотечественникам. Настоящим патриотом можно считать человека, постоянно укрепляющего свое физическое и нравственное здоровье, образованного, почитающего своих предков, растящего и воспитывающего детей в лучших традициях своих потомков, постоянно улучшающего свой образ жизни и культуру поведения, работающего во благо своего отечества, чувствующего свою сопричастность всем окружающим его «оболочкам» бытия: природе, месту рождения, народу, государству.

Поскольку патриотизм является нравственной и идейной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, важно определить степень его сформированности у молодого поколения. В целях изучения патриотических ориентаций студенческой молодежи в нашем вузе было проведено социологическое исследование, которое выявило достаточно высокий уровень гражданской зрелости и нравственного здоровья студенческой молодежи. К примеру, 70,65% респондентов указали, что предпочли бы не западный образ жизни, а опору на национальные традиции и ценности. 82,83% опрошенных гордятся великими свершениями народа, испытывают чувство морального удовлетворения за приобщенность к истории и культуре Беларуси. Каждый третий (29,57%) из опрошенных согласен с мнением, что Родина там, где жить хорошо. Показательно, что при ответе на вопрос-фильтр по поводу планируемого отъезда за рубеж 32,83% респондентов согласились бы покинуть Беларусь при гарантированном благополучии за границей. Вместе с тем данные показатели не могут не настораживать: ведь это каждый третий респондент.

Формирование патриотизма идет рука об руку со становлением идентичности и развитием национального самосознания народа. Как известно, самосознание белорусов прошло сложный путь развития. Белорусские земли на протяжении многих веков входили в состав различных государственных объединений: Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Северо-Западного края Российской империи. Отсутствие длительное время собственного национального государства, многовековое пребывание под властью различных государств, политика, направленная на отрицание самобытности белорусов, столкновение с языковыми, культурно-бытовыми особенностями представителей других народов наложили отпечаток на процесс понимания белорусами своей национальной идентичности. Белорусы долго постепенно переходили к осознанию своего национального имени. «Когда белорусы стали думать и говорить о себе как о людях, которые в чем-то отличаются и от древних русичей, и от украинцев, что живут на юге, и от литовцев на севере, и от русских на востоке, причем отличаются не по одной только территории расселения, но и по обычаям, языку, чертам быта, они перевели на уровень субъективный некоторые объективные показатели своего существования, осознали их» [1, с. 120]. Национальный характер, национальные особенности психологии, культуры, которые сформировались на основе общности исторической судьбы ряда поколений, материальные атрибуты (территория расселения, экономические связи), которые отразились в сознании белорусов, дали толчок развитию национального самосознания, большей привязанности к «своему». Самосознание населения проявлялось неодинаково в различных социальных, конфессиональных,

территориальных группах и существовала в формах локально-территориального самосознания («полешуки», «чернорусы»), конфессиональной («католики», «православные»), землячкой («полочане», «туровцы»), этноцентричной («гутэйшыя», «наськяя»). Самосознание значительной части народа под влиянием ассимиляционных процессов колонизации и русификации не имело четкого этнического содержания («здешние»). «Калі б маглi запытаць беларуса пад канец забору Расеяй Польшчы, хто ён, то пачулі б цвёрды яго атказ, што ён «гутэйшы»... «Гутэйшы» – гэта значыць, што ён ня паляк, ня расеяц, ня ўкраінец, а сын сваіх родных палёў, лясоў, вёсак, мястэчак, сын таго народу, каторы гаворыць «простай», «гутэйшай» мовай, сын усяго таго, што дало грунт яго псыхічнаму разумаванню, на каторым яно ўзрасло» [3, с. 10]. В «здешности» («гутэйшасці») нашла свое выражение социально-политическая индифферентность, отсутствие в массовом народном сознании стремления к национальной независимости и собственной государственности, несформировавшееся национальное самосознание, вплоть до отсутствия психологического ощущения «большой родины» – Беларуси.

С усилением социально-экономических, общественно-политических, культурных связей начало формироваться общенациональное самосознание («литвины», «русины», позже «белорусы»). Этноним – это внешняя форма проявления национального самосознания. Перепись 1897 г. засвидетельствовала, что большинство жителей Беларуси уже усвоило название «белорусы» и держалось его. Название Беларусь появилась на карте Российской империи в конце 18 ст., правда, касалось оно только восточной половины Беларуси. Изменения в национальном самосознании белорусов означали изменения и в ее составной части – патриотизме. В прежних исторических условиях содержание патриотизма не могло быть тождественным современному пониманию этого термина. В обществе, где царило социальное неравенство и смена государственных форм, патриотизм простого народа не отражал общегосударственных интересов и ограничивался главным образом его моральным аспектом. Вместе с тем проведенное нами в студенческой среде социологическое исследование показало превалирование политической составляющей в содержании патриотизма и национального самосознания. Самоидентификация на уровне «я – белорус» респондентами объяснялась в первую очередь гражданством Республики Беларусь (61,09%) и только во вторую – чувством привязанности к родной земле, любовью к отечеству, к культуре предков и т.п.

Отзвуки сложного, противоречивого пути становления национального самосознания мы наблюдаем и сегодня. Так, 45,43% студентов, принявших участие в социологическом опросе, признались, что родным языком считают одновременно и белорусский, и русский, а каждый третий (32,17%) – только русский. Только 5,65% респондентов считают русских и белорусов разными, неродственными народами. Остальные указывают на общность наших народов, благодаря истории (82,17%), общему происхождению (50,43%), культуре (40,87%), особенностям характера (32,17%), религии (22,61%), интеграционным политическим образованиям на постсоветском пространстве (21,09%). Контрольный вопрос о качествах, присущих белорусам и россиянам, выявил любопытное различие при ранжировании (таблица 1).

Таблица 1

	Белорусы	Россияне
1	Гостеприимство - 79,13%	Патриотизм - 64,78%
2	Толерантность, уважительное отношение к представителям других наций и народов - 61,52 %	Деловитость, предприимчивость - 53,48%

3	Трудолюбие - 57,61%	Умение приспособиться к изменившейся ситуации - 47,61%
4	Патриотизм - 52,39%	Свободолюбие - 46,96%
5	Доброжелательность - 51,3%	Общественная активность - 43,26%

Вопрос этнической самоидентификации в последние десятилетия значительно обострился, что связано с современными глобализационными процессами, с усилением влияния средств массовой коммуникации и информации, с нарушением привычных культурных связей, со стандартизацией социокультурной сферы. Важную роль в процессе воспитания патриотизма играет государственная идеология. Если государство устраняется от решения этой проблемы, то общество оказывается без «руля и ветрил», в умах людей образуется вакуум. Причем последний быстро заполнит чуждая нам шкала ценностей.

Все это говорит о необходимости совершенствования всего комплекса идейно-воспитательной работы вообще и патриотической, в частности, с учащейся молодежью; повышения квалификации тех, кто занимается воспитательной работой, увеличения количества и качества историко-культурных, аналитических, просветительских передач на телевидении.

Список использованной литературы

1. Бромлей, Ю.В. Человечество – это народы / Ю.В. Бромлей, Р.Г. Подольный. – М.: Мысль, 1990. – 391 с.
2. Словарь по этике /Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона.– 6-е изд.– М.: Политиздат, 1989.– 447с.
3. Шантыр, Ф. Патрэбнасць нацыянальнага жыцця для беларусаў і самаадзначэння народу / Ф. Шантыр.– Слуцк: Друкарня З. Барнака, 1918.– 21 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г.)

*Е.Э. Кривоносова, Э.И. Рудковский
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова, edw.ru@yandex.ru*

Цель статьи – раскрыть методологические основы интерпретации октябрьских событий 1917 г.

Ключевые слова: историческое сознание, революция, государственный переворот, интерпретация прошлого.

Будущее общества во многом зависит от того, как мы распорядимся историческим наследием, сохраним ли память о великих событиях прошлого или последнее превратим в прах. В современном мире резко возрастает острота «баталий за историю». Важнейшим способом познания прошлого является интерпретация истории, которая неразрывно связана с философией истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно является мировоззрением, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит определение смыслов исторических событий. Более того, интерпретации прошлого неразрывно связаны с проводимой в стране политикой. Вот почему смена политических вех часто сопровождается сменой оценок исторических событий и эпох. Недаром, то ли в шутку, то ли всерьез,

говорят, что история в России непредсказуема. «Политики настолько вошли во вкус исторических перелицовок, что спорят даже о, казалось бы, давно устоявшихся оценках». [1] Сказанное особенно убедительно проявляется в оценке революционных событий 1917 г., которые неолиберальными политиками, историками, политологами объявляются нелегитимным большевистским переворотом. На наш взгляд, порой велик соблазн подменить объективный анализ определенных исторических событий оценочными характеристиками. Поскольку перевороту придается негативная окраска, а революции как прогрессивным переменам - положительная, то некоторые исследователи посредством термина «переворот» выказывают тем самым свое предвзятое отношение к реалиям прошлого. Пора научиться относиться к великим и трагичным событиям прошлого с должным уважением и перестать их рассматривать через призму идеологии.

В этой связи следует уточнить суть ключевых понятий.

Во-первых, когда речь идет о нелегитимности произошедшего, то надо различать понятия «легитимность» и «легальность». Любые революции (английская, французская и т.п.) были нелегальными, т.к. нарушали установившийся правовой порядок. Но если они были поддержаны народом, то, стало быть, были легитимными. В данном случае мы имеем дело с азбучными истинами политической науки.

Во-вторых, необходимо учитывать, что государственный переворот – это лишь смена политического режима, когда не затрагиваются базовые устои государства. Переворот совершается частью элиты, не имеющей значительных полномочий и влияния на принятие политических решений, но желающей повысить свой властный статус. Организаторы переворота ловко используют как предлог недовольство народа накопившимися проблемами, но не ставят задачу разрешения социальных противоречий, их действия не приводят к качественному скачку, переустройству общества. Парадоксально, что этимология понятия «революция» (от позднелат. *revolutio*) отсылает нас к значению «поворот, переворот». Вместе с тем содержание категории «революция» гораздо глубже и не тождественно перевороту. Революция означает не только изменение духовных, идеологических ценностей и приоритетов, но и широкомасштабную, коренную, качественную трансформацию всей системы общественных отношений: экономических, социальных, политических. Новый субъект власти не просто ломает старые порядки и сеет хаос, но оказывается способным к созиданию и управлению обществом нового типа, стабилизации жизнеустройства. Революция – не столько «таран» сложившихся устоев, сколько, по меткому замечанию К. Маркса, «локомотив», влекущий за собой глубокие общественные изменения. К тому же в революционные события вовлечены широкие народные массы, а не узкая группа политических сил, как при перевороте. В этом контексте и следует оценивать все то, что произошло в октябре 1917 г. и последующие годы. (К слову, с этой же точки зрения следует давать и оценку так называемой «революции достоинства» в Украине.)

Некоторые авторы ссылаются на то, что В.И. Ленин в характеристике событий 25 октября 1917 г. употреблял наряду с «революцией» и категорию «переворот». Однако важно учитывать, что целью переворота является, как уже отмечалось, лишь насильственная, как правило, ротация во власти, смена методов осуществления власти. В данном же случае цель большевиков была иной: кардинальное изменение всей системы общественных отношений, всех сфер жизни общества. А это называется революцией. Вот как поэтично описал ее сущность А. Блок в работе «Интеллигенция и революция»: «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым... Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их пути и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, — это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное — называется мятежом, бунтом, переворотом. Но это называется революцией.

[...] Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — о великом». [2]

Возникает вопрос: произошло ли впоследствии такое фундаментальное изменение? Ответ очевиден. Если бы не было всего того, что произошло после 25 октября 1917 г., то можно было бы говорить о государственном перевороте. Можно спорить о том, необходима ли была революция, какую роль она сыграла в жизни страны и мира в целом. Однако произошедшее в октябре и последующие события иначе как революцией назвать нельзя. Мы неслучайно указали на последующие события. Речь идет не только о социально-экономических преобразованиях, но и о последовавшей за Октябрем (пусть и не сразу) гражданской войне. На наш взгляд, ее следует рассматривать как составную часть революции. Это было формой острейшей классово-борьбы, когда решался вопрос «кто кого». Как нельзя французскую революцию, длившуюся 5 лет, свести к событиям 14 июля 1789 г., так и Октябрьскую революцию нельзя ограничить лишь 25 октября 1917 г.

В широком смысле революцию нельзя ограничить политической акцией: штурмом Бастилии, Зимнего дворца, казарм Монкада и т.д. Это всего лишь «выстрел», который вызывает сход лавины социальных потрясений. Гражданская война — это составная часть революции. Если революцию объявить переворотом, который совершила горстка заговорщиков, тогда возникает резонный вопрос: почему большевики победили в гражданской войне? Они не смогли бы победить, если бы не было необходимых условий и предпосылок, которые были «созданы» неэффективной политикой правящего класса. Никакая финансовая помощь из-за границы и никакие импортные политтехнологии не могут привести к революции, если внутри страны нет предпосылок для социальных потрясений; искусственно спровоцировать революцию нельзя. Сегодня многие историки говорят о том, что большевики фактически развязали в стране гражданскую войну. Однако исторический опыт свидетельствует о том, что гражданские войны развязываются классами, потерявшими власть и общественные привилегии. Можно вспомнить хотя бы, из-за чего начинались гражданские войны в США, Испании. Так было и в России. Кстати в одной из своих работ Ленин в апреле 1918 г. отмечал, что гражданскую войну в России можно считать оконченной. А она между тем была еще впереди.

Наше видение произошедшего не исключает и того современного подхода исследователей российской истории, который рассматривает все события 1917 г. как единую российскую революцию. И в этом смысле Октябрь — это этап в генезисе данной революции, который привел к переустройству всего общественного организма. Историю следует понимать, а не мстить ей. Можно по-разному оценивать необходимость того, что произошло. Но здесь, как отмечал классик философской мысли, надо не плакать и не смеяться, надо понимать. Свершилось то, что свершилось: тектонический сдвиг в системе общественных отношений, который на протяжении практически всего XX столетия оказывал существенное влияние на всю систему международных отношений, а не только бывшего СССР.

Историческая память не может быть избирательной. Она призвана хранить все в полном объеме, а не выделять одно и умышленно замалчивать, фальсифицировать другое. Интерпретация истории является мощным средством реализации политических интересов управления сознанием людей. Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [см. 3, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще

большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, бытийствовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Список использованной литературы

1. Костиков, В. Ремонт истории / В. Костиков // АиФ. – 2016. – № 47. – С. 4.
2. Блок, А. Интеллигенция и революция / А. Блок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://e-libra.ru/read/324971-intelligentiya-i-revoljuciya.html> – Дата доступа : 17.12.2016
3. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКАЕ ПРЫГРАНІЧЧА: ДА ПРАБЛЕМЫ АГУЛЬНЫХ РЫС КУЛЬТУРНАГА АРХЕТЫПА

*С.П. Кулік
г. Віцебск, ВДМУ
В.С. Сайганова
г. Мінск, БДУ*

Цель статьи – актуализация проблемы общих ценностных структур архетипа белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности.

Ключевые слова: культурный архетип, белорусская культура, русская культура, бинаризм и тернаризм, архетип восточно-славянской культуры.

Сённяшні час у развіцці сусветнай культуры азначаны ўзрастаннем працэсаў глабалізацыі, калі “граніцы, якія надае геаграфія сацыяльнай і культурнай прасторы, слабеюць, а людзі такое паслабленне ўсё больш усведамляюць” [1, с. 2–3], калі павышаецца ўзровень трансгранічных перамяшчэнняў, расце “транспарэнтнасць граніц” [2, с. 74–77].

Аднак, многімі даследчыкамі заўважана, што тэндэнцыя да агульнага міжнароднага стылю жыцця дапаўняецца магутнай супрацьдзеючай тэндэнцыяй – тэндэнцыяй да адраджэння і падтрымання нацыянальных культур. Фарміраванне глабальнага светаўспрымання, дастойны ўваход у адзіную, цэласную агульначалавечую культуру магчымы толькі на аснове “зберажэння ўласнай культурнай, нацыянальнай, рэлігійнай, моўнай і расавай самасвядомасці... Чым больш падобнымі становяцца нашы стылі жыцця, тым больш упарта мы прытрымліваемся глыбокіх каштоўнасцей, якія адлюстроўваюцца ў рэлігіі, мове, мастацтве і літаратуры. Па меры ўсё большага збліжэння нашых “знешніх светаў” мы ўсё больш цэнім тую традыцыю, якія бяруць пачатак у нетрах нашага ўласнага свету” [3, с.120]. Дыялектычны тэзіс “адзінства праз многалікасць” сёння ўсё больш супрацьпастаўляецца ментальнасці “ашчасліўлення” чалавецтва з боку адной, альбо некалькіх, дзяржаў ці ідэалогій. Цікаўнасць да айчынай гісторыі, каштоўнасцей і сваеасаблівасцей нацыянальнай культуры зусім не супярэчыць, а, наадварот, садзейнічае разуменню агульных для чалавецтва інтарэсаў і мэт. Таму ўсебаковае даследаванне архетыпаў нацыянальных культур садзейнічае пошуку “агульнага”, як сярэдзіннага элемента ў супрацьлегласці “сваё – чужое”, што дэтэрмінуе сучасную і

будучую гісторыю чалавецтва. Найбольш яркава гэты агульны сярэдзінны элемент праўляе сябе ў культурных архетыпах пагранічча.

Беларуска-расійскае прыгранічча – вельмі спецыфічная сацыяльна-культурная рэчаіснасць ў гісторыка-палітычных, сацыяльна-эканамічных і культурных адносінах. Гэта абумоўлена прыналежнасцю асноўнай часткі насельніцтва да ўсходне-славянскага этнасу, агульным гістарычным лёсам, доўгім знаходжаннем у адзіных дзяржаўных утварэннях у мінулым і ўдзелам у міжрэгіянальных і міждзяржаўных інтэграцыйных працэсах сёння. Таму даследаванні культурнага архетыпа беларуска-расійскага прыгранічча набываюць у наш час асобую актуальнасць і значнасць.

Архетыпы (ад грэч. *αρχή* – пачатак, і *τύπος* – вобраз) як першасныя вобразы, структуры, ідэі, каштоўнасці культуры, што апрыорна фарміруюць актыўнасць светапогляду і дзеяння, праўляюцца ў міфалогіі, веравызнанні, творах літаратуры і мастацтва і г.д. Адметнай рысай культурных архетыпаў якраз з’яўляецца апрыорнасць гэтых першасных структур мянтальнасці народаў. Культурны архетып – гэта вобраз, які вынікае не з надзённага вопыту (*a posteriori*), а з гістарычнага (*apriori*). Прычым, культурны архетып – гэта не змястоўная існасць, якая нададзена народу Творцай, ці Рокам вызначальна пры ўзнікненні, нараджэнні, а форма самасвядомасці і светаўспрымання, абумоўленая прыродна-кліматычнымі, сацыяльна-палітычнымі, эканамічнымі, духоўнымі і іншымі абставінамі і акалічнасцямі гістарычнага вопыту існавання народаў. Культурны архетып выконвае ролю аперцэпцыі – уздзеяння, накладвае адбітак на ўспрыманне наяўнай рэчаіснасці.

У айчыннай навуковай літаратуры, за рэдкім выключэннем, пакуль няма работ, прысвечаных выяўленню, значэнню і аналізу архетыпаў усходнеславянскай культуры ўвогуле. У той жа час даволі падрабязна прааналізаваны архетыпы заходнееўрапейскай і рускай культур, адзначэння якіх, у сілу памяжоўнасці сярод іх Беларусі, мы і паспрабуем зыходзіць у пабудове гіпотэзы архетыпаў культуры беларуска-расійскага прыгранічча.

Аналіз глыбінных структур культуры прыводзіць многіх даследчыкаў да значэння рускай культуры як культуры антыноміка-дыссананснага тыпа, у адрозненне ад заходнееўрапейскай культуры – культуры “тэрнарнага” тыпа [4]. Яны зыходзяць з таго, што ў рускай самасвядомасці антынамічны дыкурс закладзены першапачаткова, прычым у форме разарванага, не ведаючага сінтэзу антынамізму. Так, па сцвярджэнню Ю. Лотмана, для рускай культуры характэрны бінарныя структуры, якія вызначаюць спосаб мыслення і самавыражэння нацыянальнага духу, тады як для заходнееўрапейскага менталітэту ў большай ступені ўласцівы тэрнарныя, траічныя структуры. У тэрнарных структурах самыя глыбінныя культурныя выбухі ніколі не ахопліваюць усяго багацця сацыяльных пластоў, заўсёды застаюцца некаторыя каштоўнасці папярэдняга перыяду, якія перамяшчаюцца з перыферыі культуры ў цэнтр. Ідэалам жа бінарных сістэм аб’яўляецца поўнае разрушэнне і пагібель усяго існуючага як заганага. Тэрнарная сістэма імкнецца прыстасаваць ідэал да рэчаіснасці, бінарная – ажыццявіць на практыцы нерэалізуюмы ідэал [5, с. 257]. У гэтым бачыцца адрозненне рускай і еўрапейскай культур, пры гэтым лічыцца, што “дысананс”, які закладзены ў рускую культуру, з’яўляецца неабходнай крыніцай яе жыццяздольнасці. Аўтаматычна ўсю ўсходне-славянскую культуру, у тым ліку і беларускую, адносяць да такога антынамічнага архетыпа.

Пры ўсёй прыцягальнасці і, на першы погляд, тлумачальнай здольнасці вышэйназваных поглядаў, з імі ўсё ж нельга пагадзіцца. Па-першае, наўрад ці можна адносіць заходнееўрапейскую культуру да “чыста” тэрнарнага, а рускую – да адназначна бінарнага культурных архетыпаў. Па-другое, вызначэнне архетыпа беларускай культуры, на наш погляд, з’яўляецца, мякка кажучы, не зусім карэктным.

Тэрнарызм і бінарызм – гэта хутчэй за ўсё полюсы, у розным прыбліжэнні да якіх існуюць культурныя архетыпы наогул. Перавага таго ці іншага з іх часта прыводзіць да непрадказальных сацыяльна-палітычных і культурна-гістарычных наступстваў, якія ў сваю чаргу могуць пагражаць існаванню самой культуры.

Справа ў тым, што полюсная арганізацыя культурных архетыпаў можа прывесці да прабуксоўкі закладзеных у чалавечай культуры “машын часу” і тым самым да парушэння законаў самой думкі. Вядома, што свядомасць, думка якраз і азначаюць любое яўленне як культурнае. Згодна з Мамардашвілі М.К., здзяйсненне думкі ў самых крайніх межах сацыяльнай, публічнай прасторы культуры наогул верагодна, але гэта будзе думка, якая не выконвае законаў думкі. Так, напрыклад, не перажыўшы, не паспрабаваўшы ў свой час такія еўрапейскія з’явы, як капіталізм, грамадзянскае грамадства і г.д., Расія кінулася ў нейкае пасляеўрапейскае становішча. Прабуксоўка “машын часу” ў культуры прывяла да таго, што думка, якая жыве толькі ў сваёй публічнай прасторы, у другой публічнай прасторы існуе толькі ў літары, у знаку. Адсутнасць публічнай прасторы канчаткова “дыскрэтызуе” думку, зводзіць да мінімуму магчымасці яе выкарыстання, здзяйснення і развіцця. Рэальнае здзяйсненне думкі замяняецца толькі імітацыйнай жыццям думкі дыскрэтнымі сродкамі, знакамі знакаў. Дыскрэтная думка, якая ўяўлялася раней толькі як абстрактная, становіцца рэальнасцю, але рэальнасцю, пазбаўленай якога-небудзь сэнсу. Такое здумленне можна параўнаць толькі з дыз’юнктыўным “інтэлектам” сучасных камп’ютэраў, дзе любое змяненне, якое здарылася толькі зараз, ужо абазначана, ужо як бы выканана раней, і мы арыентуемся на знак знака. Магчымасць вяртання да здзяйснення жывой думкі патрабуе наладкі ў культуры “машын часу” [6, с. 75–81]. Каб пераадолець разбуральныя тэндэнцыі, вярнуць жыццяздольнасць культуры, патрэбен адыход ад полюсных, гэта значыць пагранічных, сітуацый. У той жа рускай культуры спроб такога выхаду за полюсныя граніцы антынамічных структур архетыпа існуе дастаткова многа: “Сафіанская” ерась рускіх філосафаў, ідэі месіянізму, Богачалавецтва, касмізму, наасферы, канцэпцыя еўразійства і многія іншыя). У сваёй працы, прысвечанай бінарнай арганізацыі культуры Увараў М.С. справядліва адзначае: “Жыццяздольнасць рускай культуры, магчымасць яе пасіянарнага існавання ў плыні гісторыі азначаецца не анталогіяй пагранічных станаў, а магчымасцю выхада за межы падобных стэрэатыпаў свядомасці” [7, с. 9].

Таму, робячы першасную выснову, дакладней будзе сказаць, што *заходнееўрапейская культура існуе бліжэй да тэрнарнага полюса, а руская – бліжэй да бінарнага полюса, што ў архетыпе заходнееўрапейскай культуры тэрнарныя структуры дэманструюць большую здольнасць да аперцэпцыі, чым бінарныя, а ў архетыпе рускай культуры – наадварот.*

Цяпер, што тычыцца архетыпа беларускай культуры і культуры беларуска-расійскага прыгранічча.

У вытоках беларускай культуры ляжыць кумуляцыя каштоўнасцей многіх культур, пастаянны і пладатворны працэс узаемаўплыву культур Захаду і Усходу, Пойначы і Поўдня. З гэтага вынікае асімілятыўная здольнасць культуры, талерантнасць, цяжкіласць у менталітэце народа. Асімілятыўныя здольнасці забяспечылі таксама выжыванне і захаванасць гэтай культуры і, спадзяюся, забяспечаць у далейшым яе адраджэнне і росквіт. Такая кумулятыўная і асімілятыўная традыцыя ў культуры Беларусі закладзена ў геапалітычных і гістарычных абставінах існавання насельніцтва беларускіх зямель як поля ўзаемапранікнення самых розных культур, у першую чаргу захонееўрапейскай і рускай. Па гэтай прычыне беларускую культуру ніяк нельга аднесці да культур, набліжаных па свайму архетыпу да антынамічна-дысананснага (бінарнага) полюса.

У той жа час, адваротным бокам асімілятыўна-кумулятыўнай здольнасці беларускай культуры, яе талерантнасці з'яўляецца эклектызм, перапыннасць культурных традыцый, драматызм і супярэчлівасць развіцця, што можа прывесці і прыводзіла ў гісторыі да самаадмаўлення і нізкапаклонства перад чужым. Таму гэтую культуру нельга аднесці і да культуры тэрнарнага, траічнага архетыпа.

Архетыпам як беларускай культуры, так і культуры беларуска-расійскага прыгранічча можна лічыць форму ўзаемадзеяння бінарнага і траічнага архетыпаў, што адкрывае магчымасць новых тыпаў развіцця, у якіх традыцыя з'яўляецца фундаментам пераемнасці культуры і адначасова дапаўненнем вопыту памежных культур.

Гісторыя дае мноства прыкладаў такога дапаўнення бінарнага і траічнага архетыпаў у жыццядзейнасці беларускай культуры і культуры беларуска-расійскага прыгранічча: агульныя асаблівасці этнагенезу, доўгае суіснаванне паганства і хрысціянства, разбуральныя войны і сумеснае супрацьстанне знешнім ворагам, узаемадапамога і каштоўнасці прыярытэт мірнага жыцця, і г.д. Вельмі часта ў культуры Беларусі і беларуска-расійскага прыгранічча пераплятаюцца дыктат бінарнай гістарычнай стуктуры з яе крайнімі культурнымі вымярэннямі і траічнасць еўрапейскага культурнага архетыпа. Нават самыя трагічныя палітычныя і сацыяльныя выбуховыя працэсы ў гістарычным лёсе беларускага і расійскага народаў не змаглі разбурыць глыбінныя пласты культуры. Часцей мела месца адначасовае спалучэнне выбуху ў адных культурных сферах і паступовага развіцця ў другіх.

Карэнныя змены ў сучаснай гісторыі Беларусі і Расіі даюць магчымасць актуалізацыі тэрнарных культурных структур і, тым самым, садзейнічаюць адмаўленню ад ідэала разбураць “стары свет да асновання, а потым” на яго руінах будаваць новы. Адна з магчымасцей выяўлення рэальнай асновы для пераемнага развіцця і прагрэсу беларускай і расійскай культур знаходзіцца ў русле адраджэння і росквіту сваіх лепшых нацыянальных традыцый і агульных каштоўнасцей. Гісторыя і каштоўнасці патэнцыял усходне-славянскай культуры наогул утрымліваюць у сябе магчымасць актуалізацыі тэрнарных культурных структур і, тым самым, ствараюць асновы для пераемнасці развіцця, для росту інтэграцыйных працэсаў у рамках рэгіянальных і міждзяржаўных аб'яднанняў, у тым ліку на шляху “інтэграцыі інтэграцый”, і для росквіту культуры сваіх краін і народаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Waters M. Globalization. — L.—N.Y., 1995. — P.3. Цит. по: Фурс В.Н. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории (к постановке проблемы) // Общественные науки и современность. — 2000. — № 6.
2. Катценштейн, П. «Международная организация» и исследования вопросов мировой политики / П. Катценштейн, Р. Кохэн, С. Краснер // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей. — М., 2001.
3. Naisbitt I., Fburdene P. Meqatrends 2000. The New Directions for the 1990's, — N.Y., 1990.
4. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М., 1992. — С. 269–270; Шестов, Л. Дерзновения и покорности / Л. Шестов. // Афоризмы нежитейской мудрости. — Л., 1990. — С. 95; Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой. — М., 1994. — С. 66.
5. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М., 1992.
6. Мамардашвили, М.К. Мысль в культуре / М.К. Мамардашвили // Философские науки. — 1989. — № 11.
7. Уваров, М.С. Бинарный архетип / М.С. Уваров. — СПб., 1996.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ И ИХ СВЯЗЬ С ИСТОРИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ

Л.В. Маршук, Ю.О. Брукса
г. Минск, Институт национальной безопасности Республики Беларусь,
Jud_101@mail.ru

Цель статьи – анализ ценностных ориентаций населения приграничных районов.

Ключевые слова: ценностные ориентации, нравственные ценности, гражданские ценности, общественная направленность, население приграничье.

В современном мире масштабных изменений и реформ, подвергается трансформации и общественное сознание. Главным образом это выражается в изменении содержания ценностных ориентаций и установок как в обществе в целом, так и в отдельных социальных группах, у конкретной личности в частности. Являясь важнейшей составляющей характеристикой личности, ценностные ориентации определяют ее отношение и особенности взаимодействия с окружающими людьми, т.е. детерминируют и регулируют поведение.

Основой ценностных ориентаций личности является многообразие потребностей, мотивов, целей, идеалов, интересов, убеждений, мировоззрений микро- и макро социума социально и индивидуально детерминирующее отношение личности к обществу.

Ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, всегда обладают личностным смыслом, отражая то значимое, что детерминирует его поведение. В работах К.А. Альбухановой-Славской [1] и А.В. Брушлинского [3] анализируются функции смысловых представлений, проявляющихся в принятии (или отрицании) и реализации определённых ценностей; усилении (или снижении) их значимости; удержании (или потере) ценностей во времени, в организации ценностных ориентаций. Б.С. Братусь [2], определяет личностные ценности как «осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни». Личные ценности как осознанные смыслы жизни отделяются им от декларируемых, «называемых», внешних по отношению к человеку ценностей. Г.Л. Будинайте и Т.В. Корнилова подчёркивают, что «личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект определился» [4], акцентируя внимание на необходимости для личности не только осознания смыслов, но и принятия решения об их принятии или непринятии. Н.Ф. Наумова [6] выделяет ценностные ориентации как один из механизмов целеполагания, так как они ориентируют человека среди объектов природного и социального мира, создавая упорядоченную и осмысленную, имеющую для человека значение, картину мира. Ценностные ориентации дают основание для выбора из имеющихся альтернатив целей и средств, для порядка предпочтений, оценки и отбора этих альтернатив, определяя «границы действия», т.е. не только регулируют, но и направляют эти действия.

Ценности жизни, ориентиры поведения, интериоризируются личностью в процессе воспитания, в соответствии с культурой, религией, языком микро- и макро социума, поэтому ценностные ориентации личности, детерминированы как объективной материальной жизнью, так и идеальной составляющей – мировоззрением и миропониманием человека.

Носителями особой культуры и нравственности являются жители приграничья. Образ жизни населения проживающего вблизи границы смежного государства связан с институциональными требованиями границы, правовой компетентностью. Значи-

мыми являются и нравственные качества, так как жители приграничья активно привлекаются к оказанию помощи пограничникам и милиции в обеспечении пограничной и общественной безопасности.

Общественная направленность поведения, призванная оказывать содействие в обеспечении национальной безопасности, предъявляет особые требования к моральным ценностям (верность, добро, долг, дружба, порядочность, патриотизм) человека, проживающего вблизи линии границы. Жители приграничья – носители двух культур: своей страны – страны проживания и соседней, с жителями которой они постоянно контактируют как в социальном (профессиональном, экономическом), так возможно в родственном плане. Личность – человек как носитель общественного сознания обладает и индивидуальным сознанием – хранилищем интериоризированных им ценностей социума, преломляющихся в нем в ценности индивидуальные, обусловленные его личным опытом.

Сознание как высшая интегративная форма психического отражения выступает системообразующим фактором психики человека – трех (психические процессы, психические состояния и психические свойства личности) или многокомпонентной (если рассматривать каждый из компонентов по отдельности) системы, механизмом обратной связи выступит развитие психики. Повторим, что каждый компонент также представляет собой систему (субсистему). Система самосознания личности состоит из 3 взаимосвязанных и активно влияющих друг на друга компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого.

Функциональным содержанием первого из них является самопознание, второго – самоотношение (самооценка), третьего – способность к саморегуляции и взаимодействию с другими людьми.

Первые два структурно рядоположены, третий зависит от уровня развития каждого из них и, одновременно, выступает в качестве их регулятора.

В качестве системообразующего фактора выступает активность субъекта, прямой связи – процесс формирования, обратной связи – результат – уровень сформированности самосознания [5].

Коль скоро речь зашла о сознании и самосознании, следует остановиться на когнитивном компоненте сознания, включающем субсистему правосознания, содержание и развитие которого отражает материальные условия, иначе общественные отношения и детерминированы ими. Правосознание реализуется через вторую сигнальную систему его механизм – речемыслительная деятельность, отражающая систему правовых знаний, регулирующих общественные отношения. Правовое самосознание включено в поведенческий компонент самосознания, ибо связано не столько с правовыми знаниями, сколько с правопослушным поведением (несомненно, с ними связанным, но принявшим форму убеждения). Развитое правосознание определяет приоритет нравственных ценностей личности, общественного над личным, добра над злом. Оно формируется в процессе воспитания и обучения выбору нравственных критериев, в основе которых лежат гуманистические идеалы.

Восточная граница нашей страны пролегла по живому, но граница, определяющая контуры суши, вод, недр и воздушного пространства, во все времена, была ключевым атрибутом территориальной целостности и символом независимости государства. Жители приграничья, вероятно, первыми осознали этот факт, что обусловило ряд трансформаций в их ценностных ориентациях. Именно поэтому гражданские ценности имеют для жителей приграничья приоритетное значение.

Гражданские ценности населения реализуются в процессе практического осуществления провозглашаемых государством целей и принципов внутренней и внешней политики, в том числе в правовой, экономической и социальной сферах.

Гражданские ценности, составляют своеобразную подсистему нравственных ценностей (готовность к защите Родины; единство поколений на основе национальной идеи; историческая память и уважение к истории народа; любовь к родной культуре, языку, традициям). Одновременно, в силу аккультурации, гражданские ценности жителей приграничья, выступают ценностями наднациональными. Характер гражданских ценностей и уровень их принятия большинством служат мерилем гражданской зрелости и гражданской активности населения приграничья.

Гражданские ценности как компонент нравственных выходят за рамки общественно-политической активности. Их содержание – уважение Закона, ответственность перед обществом (микро- и макро социумом), собственной совестью, принятие обязательств, вытекающих из прав и свобод других людей, уважение чужих национально-культурных ценностей, толерантность. Под толерантностью мы понимаем качество личности, актуализирующееся в ситуациях несовпадения взглядов, мнений, оценок, ценностей, поведения людей, если они не угрожают микро- и макро социуму и личности. В случае угрозы в виде физического воздействия, нарушения информационной безопасности границы толерантности сужаются, личность вправе проявить принуждение в рамках существующих законов. Именно в приграничных районах соблюдение категории меры в проявлении толерантности особенно важно. Находясь в обстановке возможных угроз, исходящих из противоправной деятельности контрабандистов, население приграничья должно проявлять бдительность и быть готовым к различным изменениям обстановки. Исторически сложилось так, что обеспечение национальной безопасности, охрана государственной границы осуществляется компетентными органами во взаимодействии с населением.

Центральной гражданской ценностью выступает патриотизм, понимаемый в давние времена как высшая добродетель, а ныне как любовь к отечеству, его культуре, соотечественникам, благам, объединяющим, а не разделяющим народы мира. Воспитание патриотизма осуществляется в семье, учреждениях дошкольного и среднего образования, в которых создаются патриотические классы. Воспитание представляет собой процесс формирования установок, на основе яркого эмоционального воздействия на когнитивную сферу личности ребенка либо спонтанного, либо целенаправленного, а лучшим методом воспитания, как известно, является воспитание личным примером. Такой личный пример предьявляется жителями приграничья, ежедневно и ежечасно оказывающими содействие компетентным органам. С раннего детства формируется в приграничье осознание ответственности за обеспечение национальной безопасности и сохранения целостности государства. Ответственность же – важная составная часть правосознания и как подсистемы гностического компонента сознания, так и поведенческого компонента самосознания.

Проблема ценностей и ценностных ориентаций разрабатывалась в лоне теологии и философии, психологический взгляд на ценности требует их анализа как информационно-отражательного явления, субъективной реальности, которая объективно проявляется в активности, реализующейся в организации собственной жизнедеятельности, детерминированной ответственностью за свою жизнь, свое место в обществе, потребность в самоактуализации.

Список использованной литературы

1. Альбуханова-Славская, К.А. Стратегия жизни/ К.А. Альбуханова-Славская. – М: Мысль, 1991. – 158 с.
2. Братусь, Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь// Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 98–101
3. Брушлинский, А. В. Субъект: мышление, учение, воображение: Избранные психологические труды. – 2-е изд., испр. / А.В. Брушлинский. – М.: Изд-во Моск.

- психолого-педагогического ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 438 с.
4. Будинайте, Г. Л. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта / Г.Л. Будинайте, Т. В. Корнилова // Вопросы психологии. – 1993. – № 5.– С. 99–106
 5. Маришук, Л.В. Культура и психологическая культура личности – синонимы?/ Л.В. Маришук// Психология обучения. – 2008. – № 2. – С. 8–23.
 6. Наумова, Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н.Ф. Наумова. – М: Академия, 2010. – 199 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

*А.Т. Павлова,
г. Минск, БГУ, anitwela@tut.by*

Цель исследования – выявить методологические основы формирования системы ценностей у студенческой молодежи белорусско-российского приграничья.

Ключевые слова: ценностные ориентации, социальные ценности, структура ценностей молодежи.

Изменения, происходящие в политической, экономической, духовных сферах общества в последнее десятилетие, отражаются на формировании структуры ценностей молодого поколения. Человечество вступило в фазу серьезных сдвигов в общественном сознании, неизбежно ведущих к переоценке ценностных ориентиров, к смене нравственных императивов. От того, какими будут ценностные ориентиры нынешней молодежи, от ее мировоззренческих позиций во многом зависит завтрашний день нашей страны. Необходимо разумно использовать потенциал молодежи, так как молодое поколение – это огромная инновационная сила, важный субъект социальных трансформаций. Процесс образования должен строиться на основе ценностно-ориентированного подхода к будущей профессиональной деятельности. Это обеспечит успешность самореализации молодежи. Следует учитывать, что молодежь – это не однородная масса, а представители различных социальных групп, имеющие неодинаковую направленность на образование, различный уровень воспитания и культурной подготовки.

Становление современной молодежи проходит в сложных условиях, когда разрушаются старые ценности, идет формирование новых социальных отношений. Многим молодым людям свойственна растерянность, пессимизм, неверие в настоящее и будущее.

Цель нашего исследования – выявить методологические основы формирования общечеловеческих ценностей у студенческой молодежи вузов Беларуси. Мы исходим из того, что формирование ценностных ориентаций у студентов будет успешным, если процесс образования строится на основе ценностно-ориентированного подхода к будущей профессиональной деятельности, что обеспечит успешность самореализации молодежи.

Современные студенты – это особая социальная общность, не имеющая реального положения на социальной лестнице, находящаяся в стадии становления. С одной стороны, молодые люди – это в целом сформированные личности, с другой стороны, их ценностные ориентации пока еще неустойчивые, гибкие, легко подвергаются раз-

личным влияниям. Небogatый жизненный опыт этой группы, неопределенные взгляды о нравственно-этических представлениях затрудняют поиск жизненного пути.

Индивидуальные ценности, сформированные в процессе становления человека, это явления коллективные, общественные. Поэтому при характеристике ценностных ориентаций молодежи важно учитывать, в каком коллективе живет молодой человек, в каком виде деятельности он реализует себя, каков диапазон и количество его социальных ролей. Общечеловеческие ценности для многих молодых людей являются лишь потенциальными ценностями, носят для них характер довольно абстрактных идей. Выбор ценностей из «веера возможностей» связан часто с уровнем развития сознания, воспитания, культуры молодых людей, а также тем социальным окружением, в котором они живут и идеалами которого они руководствуются.

Ценности – понятие социальное, это то, что полезно, ценно, ради чего люди живут. Фундаментальные ценности, это те, которые не зависят от сферы жизнедеятельности. Ценность того или иного явления (предмета) возникает только в объективно-субъективном отношении, в процессе оценивающей деятельности субъекта. Ценность – это значение объекта для субъекта, насколько значим тот или иной объект для данного субъекта. Причем в качестве субъекта может выступать не только единичный человек, субъект, но и социальная группа, коллектив, общество в целом. Объектом ценностно-ориентационной деятельности может служить все многообразие предметов человеческой деятельности, природных явлений. В результате такой деятельности объект приобретает для субъекта определенное социальное значение.

Необходимо учитывать связь системных ценностей молодежи с потребностями того или иного субъекта. Мы исходим из понимания ориентации как целостной системы установок, в свете которых индивид воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ действий. Ценностными ориентациями называются ориентации, направленные на какие-либо социальные ценности.

В структуре личности ценностные ориентации являются важнейшим компонентом, в них реализуется весь жизненный опыт личности. Все жизненные вопросы решаются с точки зрения этих ценностных ориентаций. Именно установившаяся система жизненных ценностей и характеризует зрелость человека.

Система ценностей каждого человека постоянно развивается, изменяется вместе с изменением социальных условий, сменой общественных ценностных ориентиров. Ценностные ориентации являются конкретизацией мировоззренческих взглядов и в виду этого приобретают функцию регуляторов социального поведения индивидов. По состоянию и направленности развития ценностных ориентаций можно говорить о качественных характеристиках сознания молодежи. Представления о ценностях у молодых людей имеют индивидуально личностное направление. Часто они связаны с достижением материального положения и высокого социального статуса. Это обеспечивает направленность на получение определенной профессии, карьерный рост. В.Е.Семёнов выделяет такие главные жизненные ценности современной молодёжи: семья, друзья, здоровье, интересная работа, деньги, справедливость, религиозная вера.[1, с. 37]. Система ценностей молодежи лежит в основе мотивов поведения. Отсюда различные векторы направленности: гедонизм, стремление к власти, конформизм. В системе ценностей наиболее высокий ранг значимости занимают здоровье, любовь, материально обеспеченная жизнь. Наиболее значима для молодежи личная жизнь, любовь, уверенность в себе. Следует отметить ориентацию молодежи на материальные ценности. Это связано с нестабильным состоянием экономики страны. К сожалению, последнее место в иерархии ценностей современной студенческой молодежи занимают такие ценности, как красота природы, счастье других, творчество, общественное признание. В настоящее время заметно активизировалась значимость образо-

вания, духовного развития, свободы. Студенческая молодёжь белорусско-российского приграничья осознаёт, что в современных условиях всё большее значение приобретает человеческий капитал. Энциклопедический словарь отмечает: «Человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, умений, навыков, здоровья, которые позволяют человеку посредством инвестиций получать более высокие доходы в будущем [2, с.176].

Заметны трансформационные сдвиги в базовых ценностях по сравнению с концом XX го – началом XXI века. Большая часть молодых людей ориентирована на получение высшего образования, осознают его ценность. Но вузы, не могут принять всех желающих. Многие поступают на платную форму обучения. Сейчас платное обучение очень дорогое, отсюда у молодежи возникает много разочарований. Получив высшее образование, желаемую профессию, молодые люди не всегда могут получить интересную, хорошо оплачиваемую работу, соответствующую тому уровню образования, который они получили, отсюда новые огорчения. Средства массовой информации постоянно навязывают модель красивой, богатой, успешность личности, добившейся всего беспринципной предприимчивостью, модель «жизнеспособной личности», сильной, прагматичной. Поэтому предприимчивость, поиск нового – более всего ценится современной молодежью. Для многих молодых людей жизнь за границей более привлекательна, они считают, что там больше возможностей состояться профессионально. Можно отметить, что у современной молодежи активизировались процессы вытеснения ценностей духовно-нравственного характера и замещение их материально-прагматическими ценностями. Современная молодежь предпочитает величину оплаты за труд, нежели творческий, содержательный характер работы.

Молодежь поддерживает более жесткие методы управления. Среди молодых людей возросла значимость сильной личности, обладающей сильной харизмой. Именно такая личность, по мнению большинства молодежи, способна вывести страну из кризисного состояния.

Мы живем в колоссальном информационном потоке. Растет доступ не только к интернету, социальным сетям, но и к оружию. Угроза распространения оружия массового поражения растет, как и терроризм, нестабильность государств. Жизнь становится все сложнее. растет количество людей, безработных, молодежи. Все это неизбежно повышает социальное напряжение. Теракты совершают молодые экстремисты, зачастую европейски образованные, использующие интернет и западные технологии. Недостаточное внимание к молодому поколению превращает его в мощнейший фактор дестабилизации общества. Изучение ценностных ориентаций молодежи позволяет более эффективно осуществлять социальную поддержку молодежи в процессе ее становления. Знание системы ценностных ориентаций позволяет выявить инновационный потенциал молодого поколения, от которого во многом зависит будущее состояние общества.

Список использованной литературы

1. Семёнов В.Е. Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодёжи // Социологические исследования. – 2007. – № 4.
2. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М: ПЕР СЭ, 2006.

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТНАЯ КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

*А.Б. Погребняк
г. Витебск, ВГУ имени П.М.Машерова*

Цель исследования – поиск новых подходов, форм и методов осуществления процесса патриотического воспитания, определения ценностных ориентиров этой деятельности.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, патриотические ценности, программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 года»

Характеризуя современное общество, многие ученые отмечают, что прежние духовные ценности и ориентиры утрачены, а новые ещё только определяются и утверждаются в общественном сознании. Это в полной мере относится и к понятию патриотизма.

Патриотизм в понимании коммунистической идеологии, определяющей на протяжении многих десятилетий общественное сознание всего населения бывшего Советского Союза, был основан на голой идеологизации как истории, теории, так и практики государственного строительства. Патриотическое воспитание превращалось в пафосное прославление достижений страны, ее успехов и достижений. И за это, ее, Родину, нужно было любить и гордиться.

Современный этап развития общества характеризуется чрезмерным навязыванием приоритетов земных интересов над духовными и нравственными ценностями, а также патриотическими чувствами [1, с. 85].

В основе методики патриотического воспитания лежит понятие патриотизма. Существует множество определений этого понятия. Одно из них. Патриотизм – это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите.

Патриотизм на макроуровне это значимая часть общественного сознания, которая проявляется в коллективных настроениях, чувствах, оценках. в отношениях к своему народу, его образу жизни, истории, культуре, государству. Но зарождение этого чувства происходит на личностном уровне, где патриотизм проявляется и выступает как важнейшая, устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения.

Патриотизм – это такое чувство и состояние души, о котором не кричат и не выставляют напоказ, иначе оно сразу становится фальшивым и неискренним. Понятие «Родина» огромно и многогранно, а также противоречиво. Человеческое сознание не в состоянии его охватить и осознать разумом. Для этого нужна душа. Оно сродни понятию «мама», отсюда и наиболее часто употребляемое словосочетание «Родина – мать». За что мы любим маму? За то, что она просто ЕСТЬ! Со своими достоинствами и недостатками, слабостями и особенностями, строгостью и нежностью.

Патриотизм исходит от осознания неразрывности собственной судьбы, будущего детей и внуков и судьбы общества, страны. Зарождаясь из любви к своей «малой Родине», патриотические чувства, пройдя через ряд этапов, приходят к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему отечеству.

Непримиримость к недостаткам общественной жизни, критическое отношение к происходящим в обществе процессам и изменениям, стремление к совершенствованию и улучшению общественных отношений тоже необходимо рассматривать как

проявление патриотизма и любви к Родине. Равнодушие и безразличие к тому, что происходит в стране намного опаснее конструктивной критики, так как разрывают внутреннюю взаимосвязь человека со страной, её заботами и трудностями, победами и неудачами.

Некоторые исследователи отмечают, что патриотические ценности в системе ценностных ориентаций современной молодежи занимают не лидирующее положение, а патриотическое воспитание в основном сводится к военно-патриотическому [2, с. 39]. Здесь важно понять, что патриотизм проявляется в поступках и деятельности человека. Он всегда конкретен и направлен на реальные объекты. Деятельная сторона патриотизма является определяющей. Именно она способна преобразовать чувственное начало в конкретные для отечества и государства дела и поступки. Патриотизм включает в себя и такие виды деятельности как изучение национальной литературы, музыки, спорта и других достижений своей страны.

Поэтому важно заинтересовать молодежь новыми видами и направлениями патриотической деятельности, разработать соответствующие планы на государственном уровне, что позволило бы придать этой деятельности комплексный и системный характер. Примером может служить отношение к этой проблеме в Российской Федерации.

По поручению президента России была разработана и утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2020 года». Эта программа является продолжением аналогичной, рассчитанной на 2011-2015 гг., что подтверждает ее преемственность и долгосрочность. Госпрограмма состоит из 5 разделов, и ориентирована на все социальные слои и возрастные группы граждан, при сохранении приоритета патриотического воспитания детей и молодежи. Здесь важно отметить долговременный характер этой деятельности, комплексный подход к ее осуществлению.

В утвержденной госпрограмме определен и основной координатор при ее осуществлении: Росмолодежь. Немаловажную роль играет и значительное финансирование госпрограммы из федерального бюджета в размере 1,66 миллиарда рублей. Однако наиболее значимым, на наш взгляд является то, что наряду с традиционными формами патриотического воспитания, большое внимание уделяется таким ее направлениям как, привлечение интереса молодежи к национальной литературе, музыке и гуманитарным наукам. Для осуществления этой задачи привлекаются известные артисты, литераторы и ученые, выделяется время на радио и телеэфире.

Другое направление патриотического воспитания связано с популяризацией государственной символики: флага, герба и гимна страны. Исполнение гимна во время всех торжественных мероприятий, линеек и сборов в школах и других учебных заведениях должно стать обязательным.

Современный этап развития общества, процессы глобализации, происходящие в мире, а также угрозы, исходящие от различных террористических и экстремистских сил требуют повышения уровня консолидации общества на основе патриотических ценностей. Наряду с сохранением традиционных форм патриотического воспитания молодежи, необходим поиск новых, чтобы идейная направленность, проблематика и содержание воспитательных мероприятий носили опережающий характер, обеспечивая поиск и активное внедрение новых технологий воспитательного процесса.

Список использованной литературы

1. Лутвинов В.И. В патриотизме молодежи – будущее России / В.И. Лутвинов. – М.: «Фонд Андрея Первозванного». – 1999. – С. 93.
2. Белоусов Н.А. Патриотическое воспитание студентов как проблема педагогического образования / Н.А. Белоусов, Т.Н. Белоусова // Патриотическое воспитание: история и современность. Сб. науч. стат. – Мн., 2004. – С. 38–41.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ

М.А. Слемнев

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, mihail_slemnev@mail.ru

Цель статьи – раскрыть природу исторической памяти и обосновать ее роль в национальной идентификации белорусского народа и развитии отношений с Россией.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, синергетические символы Беларуси, белорусско-российская интеграция.

Потребность погружения в историческое прошлое существует на любом этапе развития общества. Но особенно остро она ощущается при прохождении социума через так называемые «точки бифуркации». При выборе путей дальнейшего развития начинается активное осмысление как достижений, так и ошибок, допущенных предшественниками. Происходит своеобразное проецирование прошлого на настоящее. Все это приводит к возрастанию научного интереса к феномену исторической памяти.

Вначале о понятии «историческая память». В последнее время оно стало активно использоваться в философском, социологическом, культурологическом, политологическом и иных видах социогуманитарного дискурса. Имеется множество его определений (Я. Ассман, М. Хальбакс, П. Нора, М.А. Барг, Ю.А. Левада, Ж.Т. Тощенко и др.). Большинство из них отличается друг от друга только языковым выражением природы рассматриваемого социального явления. Встречаются и такие, которым свойственна некоторая семантическая уникальность.

В качестве рабочей, описательной дефиниции историческую память можно охарактеризовать как совокупность идей, взглядов, представлений, чувственных образов, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим как обществу в целом, так и его различным социально-демографическим, профессиональным и этно-социальным группам, а также отдельным индивидам [1]. Источником формирования исторической памяти являются жизненный опыт людей, устные предания, широкий круг нарративных материалов (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография и др.), коммеморации (праздники, посвященные различным историческим событиям, юбилеи, дни памяти и др.), монументальные памятники, аудиовизуальные средства передачи информации (кино, радио, телевидение, Интернет) и т.п.

Многообразие форм и уровней организации исторической памяти, наличие разнообразных носителей и каналов ее трансляции дают основание для выделения различных видов исследуемого феномена. В частности, можно указать на существование идеальной, неопредмеченной и объективированной, материализованной исторической памяти. Историческая память бывает интересубъективной, обезличенной и индивидуальной, личностной. В свою очередь, индивидуальную историческую память часто разделяют на элитарную «память ученого-историка» и память неонаученного, обычного человека. Главным источником последней является личный опыт, повседневное общение с членами родственной социальной группы. Говорят и о таком виде памяти, как официальный исторический дискурс, который политизирован и идеологизирован. В качестве особого вида исторической памяти называют также внедренную в массовое сознание с помощью системы образования и СМИ официальную трактовку исторического прошлого своего и других народов. Все названные виды памяти органически переплетаются и в своей совокупности образуют историческую память общества.

Оживленные дискуссии ведутся о соотношении понятий «историческое сознание» и «историческая память» [2]. Сравнение исторической памяти и исторического сознания явно, или, что чаще всего наблюдается, косвенно, в скрытой форме осуществ-

вляется по следующим параметрам: непосредственность – опосредованность, спонтанность – сконструированность, формируемое внутри социальной группы – привнесенное извне, устный – письменный характер, увиденное – заученное. Иными словами, речь обычно идет о различных способах формирования у личности или социальной группы представлений о прошлом. Но ведь то, что и как люди помнят, обусловлено той культурой, в которой они существуют. Если отталкиваться от этой позиции, то настаивать на жестком разграничении исторической памяти и исторического сознания некорректно. Ни личной, ни коллективной «чистой» памяти нет и быть не может. Различие между исторической памятью и историческим сознанием не онтологическое и эпистемологическое, а связано с контекстом рассмотрения и «исследовательской традицией», которая, в свою очередь, сформировалась на основе определенных эпистемологических предпосылок» [2, с.187].

Историческая память выполняет ряд социальных функций. Важнейшая среди них – интегративная. Суть ее заключается в том, что историческая память как сознание, сфокусированное на знаковых событиях прошлого, формирует смысловую основу национальной и гражданской идентичности, объединяет множество разрозненных «Я» в рамках определенного хронологического, пространственно-временного континуума в целостное этно-психологическое и социокультурное «Мы».

После распада СССР потребность поиска подобных объединяющих «исторических аттракторов» остро встала практически перед всеми молодыми государствами, появившимися на постсоветском пространстве, в том числе и перед государством белорусским. Эпизоды исторического прошлого, способные стать синергетическим притягательным центром, должны соответствовать ряду требований. Основное среди них – быть выразителем ментального духа народа и, как следствие, приниматься в качестве общезначимых символов если и не всеми, то, по меньшей мере, абсолютным большинством носителей исторического сознания. При этом очень важна их одинаковая привлекательность как для молодого, так и старшего поколения людей.

Первые шаги в поиске ключевых событий и знаковых персоналий в истории Беларуси, которые могут выполнять функции объединительных национальных символов, сделаны. В первую очередь следует назвать материалы специального социологического исследования, проведенного сектором социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси в 2008 году [3]. Заслуживают также внимания результаты, которые получены при разработке в 2009 году международного проекта «Восприятие населением новых независимых государств истории и постсоветского периода». В Беларуси за эти исследования отвечала социологическая лаборатория «Новак». В этом же году данная лаборатория в кооперации с Белорусским институтом стратегических исследований и инициативой «Будзьма» успешно занималась разработкой темы «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?». Определенный интерес в контексте обсуждаемой проблемы представляет исследование, проводимое в 2012-2014 гг. кафедрами философии Витебского госуниверситета им. П.М. Машерова и Смоленского госуниверситета в рамках реализации совместного проекта по выявлению образов России и Беларуси у жителей приграничных регионов. Имеются и другие научные разработки, в которых затрагиваются интересующие нас вопросы (С.А. Кизима, Ю.В. Чернышова, П.Ф. Черненко и др.).

Остановимся на некоторых результатах, полученных в процессе изучения исторической памяти жителей Беларуси, в том числе, и в белорусско-российском приграничье. Так, при проведении социологического опроса респондентам различных возрастных категорий и уровней образования (Институт социологии НАН РБ, 2008 год, республиканская выборка 1147 человек) предлагалось дать оценку значимости ряду исторических событий и деятельности известных личностей по шкале «позитивное - негативное», «вызывающее гордость – стыд и огорчение». Выяснилось, что самым

рейтинговым событием, которое вызывает чувство гордости за белорусский народ, является победа над фашизмом в Великой отечественной войне. Оценочная память о ней среди жителей нашей страны (в отличие от таких важных событий в истории Беларуси как, например, Октябрьская революция 1917 года, образование БНР и БССР, принятие Декларации о Независимости и Конституции Республики Беларусь и др.) является достаточно целостной и не порождает противоречивых интерпретаций. В массовом сознании и старшего, и молодого поколения она выглядит как тяжелейшее испытание белорусского народа, который проявил в это время свои лучшие ментальные качества, чудеса стойкости и героизма.

Укреплению таких представлений способствует весь официальный исторический дискурс страны. Огромный вклад в символизацию героики этого эпохального события вносит объединение двух главных государственных праздников – Независимости и Освобождения страны от немецко-фашистских оккупантов в один. Приданию символу Победы национального колорита помогает концентрация исторической риторики на подчеркивание особой роли белорусского народа в разгроме немецкого фашизма. И это дает ощутимые результаты. Как отмечает А.Л. Ластовский, «историческая память о Великой отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси» [3, с.93].

Для оценки персонального вклада известных исторических личностей в развитие белорусской государственности и культуры предлагались имена Всеслава Чародея, князей Витовта и Ольгерда, Ефросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Кириллы Туровского, Тадеуша Костюшки, Кастуся Калиновского, Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа, П.М. Машерова и др. Обнаружено, что наиболее положительно население Беларуси воспринимает историческую роль выдающихся просветителей Франциска Скорины (85%) и Ефросиньи Полоцкой (84 %). Причем их восприятие практически полностью лишено негативных коннотаций как у «отцов», так и «детей». Все это говорит о том, что именно данные исторические персоналии могут быть одним из важных объединительных символов, конституирующих национальную идентичность современных белорусов.

В данной связи отметим следующий факт. При проведении всероссийского конкурса «Имя России» победителями последовательно стали Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. В Германии соответственно – Иоганн Гете, Мартин Лютер и Карл Маркс. Во время пребывания патриарха Кирилла в Витебске в 2009 году ему был задан вопрос: «Кого бы Вы назвали первым именем Беларуси?». После небольшого раздумья патриарх ответил: «Пожалуй, Ефросинью Полоцкую». К сожалению, для увековечения памяти выдающихся белорусских просветителей и популяризации их идей сделано недостаточно. В Польше, например, в каждом крупном городе, да и во многих населенных пунктах районного уровня, есть улица, названная именем Николая Коперника. А ведь наш земляк Франциск Скорина, личность и дела которого популяризируются не столь масштабно, как он этого заслуживает, ничуть не уступает по моще своего таланта гениальному польскому ученому. Так, белорусский философ Владимир Агиевич, который значительную часть своей творческой жизни посвятил расшифровке символики известной гравюры Скорины, пытается доказать, что «великий Полочанин» на эзотерическом языке (возможно, опасаясь гонений инквизиции) изложил основы гелиоцентрической системы мира. И сделано это было намного раньше Николая Коперника [5]. Не исключено, что это пока что интересная гипотеза, но знать ее было бы весьма полезно всем белорусам, особенно учащейся молодежи.

При исследовании специфики исторической памяти современной Беларуси выявлено крайне слабое знание ее жителями досоветского периода развития общества. И это касается не только старшего, но и молодого поколения, в том числе и студентов

белорусско-российского приграничья. Около 70% опрошенных на вопрос анкеты: «С историей какой страны, на Ваш взгляд, переплетается история Беларуси в наибольшей степени?» ответили – с Россией [4, с. 53]. То, что белорусские земли около 350 лет входили в состав ВКЛ, а затем 250 лет являлись частью Речи Посполитой, для них осталось незамеченным. Это обстоятельство должно настораживать, ибо слабое «знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XXвека можно трактовать как «чистую доску», которая может быть заполнена сконструированной памятью...» [3, с. 98].

На пустом «историческом поле» при соответствующей идеологической обработке, особенно в кризисные времена, может взойти весьма опасный «синергетический-аттрактор». Наполнение его с помощью новейших политехнологий деструктивной социопсихологической энергией масс в состоянии круто изменить траекторию общественного развития. Яркий тому пример – события в соседней Украине, в которой за относительно короткое время с помощью переписанных учебников истории и активной работы СМИ удалось создать в лице России образ врага украинского народа во все времена его существования.

Символы антироссийской направленности в принципе можно сконструировать и в Беларуси на материале таких эпизодов ее истории, как, допустим, известная битва под Оршей, походы князя Ольгерда на Москву, восстание под предводительством Т. Костюшко, казнь в Вильно К. Калиновского, репрессии «белорусских нацдемов» в 30-е годы XX века и др. В соответствующих социально-политических условиях и активной пропагандистской «раскрутке» они могли бы самым негативным образом повлиять на интеграционные процессы Беларуси и России. Поэтому взятый курс двух государств на всестороннее единение братских народов, конечно, если это, как говорил известный политик, задумано «всерьез и надолго», нуждается в обстоятельном историко-идеологическом обеспечении. Особую роль здесь должны сыграть школьные и вузовские учебники истории. Разработчики медийного проекта «Союзный вектор: образ России и Беларуси в учебниках гуманитарного цикла» исходят из правильной установки: «Чтобы быть эффективным, Союзное государство должно опираться на прочный исторический фундамент, лишенный недоговоренностей и ложных стереотипов...» [6].

При реализации совместного белорусско-российского научно-исследовательского проекта «Образы России и Беларуси в контексте приграничья как специфической социокультурной реальности» (2012-2014 гг.) проводился контент-анализ белорусских школьных и вузовских учебников по истории. Была поставлена задача выяснить, не способствуют ли они, как это произошло в Украине, появлению в молодежной среде русофобских настроений, или, по меньшей мере, не свойственна ли им прозападная ориентация? Поводом для такой постановки вопроса явилась статья белорусского историка А. Гроньского [7]. В ней обращено внимание на один интересный нюанс. Речь идет об особенностях позиционирования в учебных курсах истории Беларуси и всемирной истории государств, частью которых до 1991 года являлись белорусские земли, на «свои» и «чужие».

Подмечено, чтоесли белорусы проживали совместно с русскими (Российская империя, Советский Союз) или даже однозначно являлись одним народом (Древняя Русь), тогда эти «общие» государства не рассматриваются в белорусских учебниках как «свои». Когда же белорусы жили в одном государстве совместно с балтами-литовцами, украинцами или поляками, но отдельно от русских (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая), тогда такое государство рассматривается именно в курсе истории Беларуси, т.е. является «своим». Если столицей государства, в которое входила современная территория Беларуси, являлись Киев, Москва, Санкт-Петербург, такое государство воспринимается как «не своё». А вот когда столицей были «нерус-

ские города» (Вильно, Варшава), тогда государство представляется как «свое». В итоге, как замечает автор, у потребителей подобной информации формируется убежденность в том, какие государства были для белорусов чужими. Эти представления затем переносятся на современные межгосударственные отношения.

Российские эксперты сняли эту озабоченность. После изучения белорусских учебников истории, которые отражают точку зрения официальной историографии и государственной идеологии, они сделали следующие выводы. Во-первых, в них отсутствует националистическая истерия и антироссийская риторика в изложении и интерпретации основных исторических периодов и событий. Во-вторых, не подтвердилась идея, о «прозападной» ориентации историко-дидактического материала: большинство событий с участием России оцениваются либо положительно, либо нейтрально. В-третьих, хоть и спорными, но вполне объяснимыми являются стремления белорусских историков найти истоки белорусской государственности в глубокой древности. Все это, как заметили эксперты, «должно свидетельствовать о вполне здоровых процессах развития национального самосознания и самоидентификации. Тем более, что это делается с оглядкой на исторические факты, без резких оценок и эмоций, взвешенно и в то же время критично, что так свойственно белорусскому характеру и менталитету» [4, с. 47]. Ими же было отмечено, что поскольку Россия является огромной многонациональной страной с необычайно сложной и богатой историей, то возможно она «заслуживает отдельного изучения в курсе именно всемирной истории» [4, с. 42].

Сказанное, конечно, не означает, что белорусские учебники истории, как впрочем, и российские, не нуждаются в содержательном и структурном совершенствовании.

В процессе строительства Союзного государства, передним краем которого является белорусско-российское приграничье, также очень важна согласованная государственная политика в области культуры, обладающей такими мощными инструментами воздействия на сознание и подсознание людей, как печатные СМИ, телевидение, Интернет и др. Их роль, равно как и роль всей системы исторического образования, в формировании адекватной исторической памяти двух братских народов и защите ее от «идеологической коррозии», чрезвычайно велика. И каким бы в итоге по своему типу и форме не оказалось создаваемое Союзное государство, да и будет ли оно построено в ближайшей перспективе – в принципе не столь уж и важно. Главное – сохранить от разрушения общий генокод культуры, который, в конечном счете, является основой духовно-нравственного единения народов двух суверенных государств.

Список использованной литературы

1. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] / Ж.Т.Тощенко // Новая и новейшая история – 2000, № 4 – Режим доступа: [http // vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/НМЕМ.НТМ](http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/НМЕМ.НТМ). – Дата доступа: 23.10.2016.
2. Сыров, В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования /В.Н.Сыров// Вестник Томского государственного университета. История. - 2013. № 1 (21). – С.183-190.
3. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой/ А.Л. Ластовский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. № 4(102). – С.88-99.
4. Образы России и Беларуси в контексте приграничья: монография – Смоленск: Изд-во СмолГУ. – 2013 – 236 с.
5. Агіевіч, У.У. Сімволіка гравюры Скарыны / У.У.Агіевіч // Беларуская навука. – Мінск, 1999 – 319 с.

6. В МГУ обсудили российские и белорусские учебники истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urokiistorii.ru/print/2846>.
7. Гронский, А. Какими функциями наделена история в Белоруссии /А. Гронский [Электронный ресурс]. URL: www.rusedin.ru/2012/07/30/kakimi-funkciyam-nadelena-istoriya-v-belorussii-iii. 15.

МНОГОГРАННОСТЬ ФЕНОМЕНА СЛАВЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

О.Л. Сташкевич

г. Минск, Институт философии НАН Беларуси, stashkevich.olha@rambler.ru

Цель статьи – анализ феномена славы как сущностного свойства сознания и поведения личности.

Ключевые слова: слава, чувство исторической памяти, патриотизм, гражданственность.

Слава как сложный многоаспектный феномен, являющийся одним из сущностных свойств сознания и поведения личности, редко является предметом самостоятельного изучения, рассматриваясь, как правило, вскользь, контекстно, неразрывно от изучения других личностных характеристик. В последние годы исследователями изучаются психологические и социологические основы данного феномена (Л.Е. Гринин), паблицитный капитал личности, популярность личности (Т.В. Иовлева, В.Ю. Ямбушев и др.), разрабатываются представления о славе с позиций гражданских, семейных и личностных суждений о ней (И.А. Калинина, Л.Б. Шнейдер).

В первую очередь, необходимо определиться с понятийным аппаратом. Что такое «слава»? С какими другими феноменами она состоит в «родстве»? Слава малоизученный феномен, практически не представлен в современных энциклопедических изданиях, но определение данного понятия можно найти в толковых словарях белорусского и русского языков.

В толковом онлайн-словаре «Скарнік», разработанном на основе пятитомного академического словаря 1977–1984 гг., издававшегося под редакцией К. Крапивы (К. Атраховича), понятие «слава» имеет пять значений: «шырокая, ганаровая вядомасць, усеагульнае прызнанне чых-н. заслуг, гераізму, таленту і пад.», «вядомасць у якасці каго-н., у якіх-н. адносінах», «агульная думка аб кім-н., рэпутацыя», «чуткі, размовы, погаласка» [1].

В толковом словаре Даля понятие «слава» раскрывается более подробно: «слава – как кто слывет, прослыл в людях, молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству; слух, молва вообще, вести, говор; похвальная молва, общее одобрение, признание достоинства, заслуг; самые почести, хвала по ним; хороший, отличный, добро-го качества; славить себя, хвалиться, превознося заслуги свои» [2].

Словарь Ушакова дает следующее толкование славы: «1. Почетная, широко распространённая Известность, как свидетельство всеобщего и безусловного признания чых-н. высоких качеств, общественных заслуг, дарований и т.п. 2. Слухи, молва, толки. 3. Общепринятое мнение, отзыв, репутация (как в хорошем, так и в дурном смысле). 4. Известность в качестве кого-чего-н.» [3].

Итак, в понятии «слава» можно выделить несколько основных сущностных составляющих, характеризующих данное понятие достаточно полно. Характеристика понятия «слава» в каждом из словарей начинается с определения, что слава – это по-

четная известность, признание чьих-нибудь заслуженных качеств, дарований, талантов, героических поступков, свидетельство всеобщего уважения. Будем считать данный уровень славы высшим.

На второй уровень мы поместим славу в значении известности (в качестве когнитивной, в каком-либо отношении: быть лучшим в профессии или лучшим в своих личностных характеристиках («слава добросердечного человека», «прославленный космонавт» и т.п.). Здесь уже проявляется амбивалентность, к славе, как положительной характеристике личности, добавляется дополнительное значение – слава как отрицательная характеристика личности. На этом уровне феномен славы тесно переплетен с такими психологическими феноменами, как известность, популярность, «звезда», знаменитость, селебрити.

Вышеназванные характеристик определяют славу через внешнее отношение к ней, но есть третье значение данного слова, которое является внутренней личностной характеристикой: «славиться, славить себя, превозноситься свои заслуги» («дославился человек до позора», «прославился искусством»). Слава как внутреннее самоощущение также амбивалентна, но не как внутренняя личностная характеристика (для личности, которая стремится снискать славу любыми путями, зачастую снижены морально-нравственные устои), а по отношению общества к обладателю славы.

Для раскрытия основной цели данной работы подробнее остановимся на рассмотрении первого уровня значения понятия «слава», как положительного свойства и качества личности. То есть, личность, заслужено наделенная обществом данным качеством, характеризуется как личность, достойная подражания, пользующаяся авторитетом, жизненный путь прославленной личности зачастую мифологизирован, наделен качествами, которыми обычный человек не обладает. Здесь следует отметить, что у прославляемых ныне личностей были свои образцы для подражания: «... их жизнь была наполнена значимостью других фигур, которых они пытались перевоплотить в реальность своей жизни» [4].

Героическая слава всегда связана с подвигом, честью, доблестью. Очень часто заслужить высший уровень славы можно совершив героический поступок, выдающееся открытие, внося достойный вклад в развитие науки и культуры. На примерах героической славы построена современная система гражданско-патриотического воспитания. Здесь интересной проблемой для углубленного изучения выступает проблема формирования гражданских и семейных представлений о славе. Этот аспект исследования славы как сущностной характеристики личности неразрывно связан с проблемой формирования чувства исторической памяти, преемственности поколений и уважения к традициям.

На формирование чувства исторической памяти белорусской нации оказывает определенное воздействие геополитическое положение нашей страны – в эпицентре «столкновения цивилизаций». Так, общезначимые цели и ценности мы стремились перенимать с «запада», а образ жизни и мысли – преимущественно близок восточным традициям.

Кроме геополитических предпосылок, способных, в конечном счете, привести к атрофии чувства исторической памяти, преемственности поколений, уважения к традициям, преданию забвению славного героического прошлого существуют и предпосылки исторические – многочисленные политические разделы, индустриализация и коллективизация, распад Советского Союза, обретение независимости и другие исторические коллизии представляют собой вехи, за которыми всякий раз начиналась эпоха, имевшая с прежними мало общего. Как следствие, общественное сознание наполнялось деструктивным содержанием, радикализмом, цинизмом, неким отрицанием заслуг предшествующих поколений. Эти процессы особенно обострились в современную эпоху. Поэтому неудивительно, что ценности и идеалы новой эпохи плохо «ус-

ваиваются» большинством населения (гражданские и семейные представления о славе также не являются исключением). Наоборот, слава становится, в первую очередь, не общим гражданским или семейным свойством, чувством, а индивидуальным. Эгоистично личностное стремление к славе делает этот феномен превращенной формой сознания: путь к обретению славы становится не главным: определяющим для личности становится сам факт индивидуального обладания славой. Этому весьма способствует современная информационная среда и массмедиа, символом которой можно назвать короля поп-арта Энди Уорхола с его любимым высказыванием: «Каждый имеет право на свои пятнадцать минут славы!».

Для формирования гражданских представлений о славе необходима активизация воспитательной работы, направленной на формирование чувства исторической памяти, преемственности поколений, уважения к традициям. Формирование таких чувств у подрастающего поколения можно осуществлять, прежде всего, в системе образовательных учреждений (в первую очередь обширными возможностями в решении данной задачи располагают предметы гуманитарного цикла: история, обществоведение, отечественная и всемирная литература; разнообразные формы внеклассной работы; проведение «уроков мужества»).

Также интересной формой осуществления воспитания чувства исторической памяти является поисковая работа, направленная на нахождение неизвестных героев, павших в боях за Отечество. Такая работа содействует укреплению среди молодежи идеалов гуманизма, милосердия, преданного служения Родине, обогащению духовности подростков и молодежи.

Эффективным воспитательным средством являются и школьные музеи. Сбор документов, материалов, вещественных экспонатов для них, встречи с участниками событий, о которых повествуют музейные фонды, а также работа по оформлению экспозиций музея, проведение экскурсий самими учащимися – все это оказывает определенное воспитательное воздействие на личность. В свое время философ, религиозный мыслитель Л.Ф. Федоров полагал музей тотальной концентрацией памяти: «Собирая все памятники борьбы и мира от книг до простейших орудий, музеев, то есть младшее поколение под руководством старшего, воспроизводит по этим памятникам мысленные образы борющихся в былые дни...» [5].

Необходимо обратить пристальное внимание на бережное отношение к культурным сооружениям, местам захоронения, осуществлению ухода за памятниками, недопущению осквернения могил. Задача общества – объяснить подрастающему поколению значимость «мест памяти» и необходимость их сохранения, поспособствовать формированию у личности представлений о себе и своей роли в формировании истории.

На формирование семейных представлений о славе основное влияние оказывает сложившаяся семейная традиция, заложенные в раннем возрасте основные социальные знания, приобретенные духовно-нравственные ценности. Семья в формировании представлений о славе может выполнять ряд функций, а именно:

- формировать знания о своих генетических корнях. Это весьма значимое качество для полноценной духовной и общественной жизни личности;
- прививать чувство гордости за героическое прошлое своего Отечества, в первую очередь, на примере своей собственной семьи.

Формирование чувства исторической памяти, преемственности поколений, уважения к традициям является важным звеном в формировании гражданских и семейных представлений о славе. Подрастающее поколение должно иметь четкие ценностно-мировоззренческие ориентиры, сформированные научные представления об общественном устройстве. Нужно помнить свою историю, свои корни, любить свою родину, уважать народ, чтобы не превратиться в «тутэйших».

Список используемой литературы

1. Слава // Скарнік. – Режим доступа: <http://www.skarnik.by/tsbm/77887> – Дата доступа: 22.11.2016.
2. Слава // Толковый словарь живаго Великорусского языка. – Режим доступа: <http://slovardalya.ru/description/slava/38000> – Дата доступа: 22.11.2016.
3. Слава // Дмитрий Николаевич Ушаков, Большой толковый словарь современного русского языка. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=70802> – Дата доступа: 22.11.2016.
4. Эпштейн, М. Слава и семиосфера. Фамилическая функция знаков / М. Эпштейн // Критика и семиотика. Вып. 17., 2012 г., С. 99.
5. Федоров, Н.Ф. Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» / Н.Ф. Федоров // Вопросы философии. – 1993. – № 1, С. 133, 143.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА

*А.А. Фоменко, О.В. Капитонова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, kpedagog@vsu.by*

В статье определена сущность процесса воспитания профессионально-значимых ценностей, рассмотрен механизм перевода педагогических ценностей в личностные ценности.

Ключевые слова: ценности, личностный смысл, профессионально-значимая ценность.

Современная система профессионально-педагогической подготовки студентов, реализующая личностно-ориентированную парадигму образования, призвана обеспечить целостное профессионально-личностное развитие личности будущего учителя, обладающего личностным смыслом педагогической деятельности.

Междисциплинарный анализ научной литературы по проблеме показал, что проблема формирования профессионально-значимых ценностей у студентов педвуза является многоаспектной и связана с формированием у них личностного, субъективного отношения к педагогической деятельности.

Для решения поставленной задачи необходимо создать такую вариативную, потенциально насыщенную образовательную среду, которая бы способствовала переводу общественно-педагогических и профессиональных ценностей в личностную систему будущего учителя, созданию условий для осмысления того, «что подлинно значимо» (С.Л. Рубинштейн) в избранной профессии, обеспечивала ситуацию самоопределения и самореализации в ней. Учителя, у которых осознанность педагогических ценностей достигает уровня личностного смысла, активно и творчески подходят к решению педагогических проблем, мобильно реагируют на потребности общества и учащихся, находятся в постоянном творческом саморазвитии, быстрее достигают высот профессионализма.

Педагогические ценности – это те ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. Это своего рода средства, обеспечивающие личностный социально значимый результат. Они выполняют роль внутреннего эмоционально освоенного регулятора деятельности, который предопределяет отношение к окружающему миру, к самому себе, моделирует содержание и характер выполняемой профессиональной деятельности. Безусловно, именно на их основе образуется ценностное сознание педагога, которое является итогом не

только его эмоционального отзвука на явления жизни и профессиональной деятельности, но и их осмысления, глубокого понимания и личного принятия; осуществляется становление гуманистического мировоззрения, системы профессионально-ценностных ориентаций на общение с учащимися, на их развитие и личностное становление, творчество в работе, реализацию высокого социального назначения своей профессии и т.д.

Мы не ставили своей целью рассматривать различные подходы к определению сущности понятия педагогические ценности. Отметим лишь то, что для нас наиболее важно. В данном исследовании за основу мы взяли классификацию профессиональных ценностей педагога (И.Ф. Исаев), которая выстроена на идее комплексного осмысления педагогической деятельности как базиса педагогической профессии. В частности, в рамках своей классификации автор рассматривает ценности-цели (значение и смысл целей профессионально-педагогической деятельности); ценности-средства (значение способов и средств осуществления профессионально-педагогической деятельности); ценности-отношения (значение и смысл отношений как основного механизма функционирования целостной педагогической деятельности); ценности-знания (значение и смысл психолого-педагогических знаний в процессе осуществления педагогической деятельности); ценности-качества (значение и смысл качеств личности преподавателя) [1]

Вышеперечисленные педагогические ценности распредмечиваются в целях и средствах педагогической деятельности. Эти ценности приобретают лично значимый статус в процессе осмысления и взвешивания студентами смысловых содержаний деятельности относительно из близости к собственному Я, результатом чего является их решение о личностных предпочтениях. Выбор будущими учителями предпочитаемых целей и средств педагогической деятельности, реализация мотивов и потребностей в избранной позиции способствуют трансформации педагогических ценностей в ценности личности. Поэтому сущность процесса воспитания профессионально-значимых ценностей характеризуется нами как создание условий для обогащения субъектного опыта будущего учителя мотивами и навыками личностного самоопределения и самореализации в различных видах педагогической деятельности.

Основными задачами должны являться: стимулирование интереса к педагогической деятельности, создание условий для выбора будущими учителями ее целей и средств, формирование навыков ее целостной самоорганизации.

В основу реализации вышеназванных задач должны быть положены как общепедагогические принципы профессионального обучения, так и частные, отражающие специфику данного процесса: субъективности, сообразно которому студент ставится в позицию активной, самостоятельной, деятельностной личности, познающей и преобразующей себя; ситуативности обучения, согласно которому образовательный процесс должен строиться на основе учебно-педагогических ситуаций, активизирующих духовную деятельность, выявляющих смысловые барьеры у студентов и активизирующие их профессиональное смыслоопределение; рефлексивности, предполагающей постоянное разностороннее осмысление, осознание студентом собственного отношения к педагогической деятельности, позволяющее сознательно и ответственно выстраивать свои образовательные цели в процессе профессиональной подготовки.

Основными этапами, обеспечивающими перевод профессиональных ценностей педагога в личные нами избранные: обогащения педагогического опыта, самоопределения и самореализации. Каждый этап способствует постепенному погружению будущих учителей в образовательное пространство через индивидуальные маршруты: «Я и мой выбор профессии учителя», «Я и мои первые шаги на пути к профессии учителя», «Я и мои первые успехи и трудности в роли учителя».

Обогащение педагогического опыта является идеальной предпосылкой в определении способов личностного самоопределения и самореализации студентов в педагогической деятельности. Не овладев знаниями, умениями организации и осуществления различных видов педагогической деятельности, будущий учитель не имеет возможность занять активную позицию в ней. В этой связи под обогащением опыта нами понимается совокупность процессов накопления, обработки и присвоения информации о психолого-педагогической деятельности, ее значении, ценностях, особенностях, видах деятельности через актуализацию ценностей-переживаний, ценностей-отношений, ценностей-творчества. Механизм обогащения опыта связан с построением личностных смыслов и ценностей в логике «знания-умения-интерес». В этом случае опыт педагогической деятельности оценивается, переживается, осмысливается и становится достоянием личности.

Этому этапу соответствует маршрут «Я и мой выбор профессии учителя», который предназначен для студентов 1 курса. Его основная цель – развитие эмоционального и познавательного компонентов личностного смысла педагогической деятельности, создание условий для рефлексивного освоения и личностного присвоения студентами педагогических знаний и ценностей на материале курса «Педагогика». Основной задачей учителя на данном этапе является - оказание помощи студенту в осознании роли образовательного пространства (вуза, школы) как «личностного поля» для достижения профессионально-личностного роста; целостного постижения им нового опыта, «проживания» событий в реальном образовательном пространстве.

Самоопределение как таковое является генеральной способностью, базовым компонентом педагогической культуры личности, проявляющимся в осознанном выборе ею своего места в системе социальных отношений. В контексте нашей методики акт личностного самоопределения мы рассматриваем как процесс и результат выбора будущим учителем собственной позиции в различных видах педагогической деятельности. Внутриличностными механизмами такого акта является самоидентификация. Последняя является способом самопознания, способом осознания личностью собственных предпочтений, своей избирательности в целях, содержании, формах и методах различных видов педагогической деятельности. Самоопределение связано с осознанием студента своей аксиосферы, способностей и возможностей по отношению к выбранной профессии, образовательному пространству и времени жизни («Я» вчера – сегодня – завтра) и выбором таких целей и средств этой деятельности, которые в большей степени удовлетворяют их потребности в саморазвитии и самореализации.

Данному этапу соответствует маршрут «Я и мои первые шаги на пути к профессии учителя» который направлен на работу со студентами 2 курса. Он может быть реализован в рамках курса «Педагогические системы и технологии» (практические и лабораторные занятия) и посещения различных мероприятий в образовательных учреждениях. Цель маршрута – формирование когнитивного компонента профессиональной компетентности. Этот маршрут должен быть максимально приближен к условиям будущей профессиональной деятельности. С этой целью необходимо проектировать условия, таким образом, в которых студент получит возможность осознать сущность и личную значимость психолого-педагогических, методических и предметных знаний; познакомиться с основными видами деятельности учителя – предметника (классного руководителя); обогатить опыт педагогического взаимодействия и работы в сотрудничестве; развить способности самостоятельно осмысливать и трактовать педагогические процессы; обосновывать действия в образовательных ситуациях, оригинальность выбора и сочетания средств, форм и методов деятельности, сравнивать результаты самопознания с имеющимися представлениями о профессиональных требованиях, выдвигаемых со стороны выбранной профессии и др.

В результате создаются условия для целенаправленного формирования в себе таких качеств, которые необходимы для успешного выполнения будущей профессиональной деятельности.

Самореализацию мы рассматриваем как фундаментальную способность человека и основной механизм самоосуществления будущего учителя в различных видах педагогической деятельности. Самореализация выступает источником поиска оптимальных и целостных способов самоосуществления в образовательном пространстве и направляет студента на непрерывную работу над самораскрытием своих способностей и возможностей.

Особую актуальность приобретает разработка и реализация этапа в период педагогической практики. На это нацелен образовательный маршрут «Я и мои первые успехи и трудности в роли учителя», содержание которого должно быть наполнено вариативностью заданий, предлагаемых студентам с учетом их уровня теоретической готовности и этапа образовательной подготовки. Задачей преподавателя (учителя школы) в рамках данного ИОМ является: закрепление профессионального выбора и развитие профессионально-педагогической компетентности студента. Поставленная задача может быть достигнута за счет включения студента в то профессиональное пространство, в котором происходило осмысление себя как профессионала и выбор наиболее подходящих профессиональных позиций, начальное формирование своих профессиональных планов и стратегий.

Таким образом, личностный смысл профессионально-значимых ценностей является развивающим образованием личности, соответственно его формирование достаточно сложный и длительный процесс, осуществляемый поэтапно в контексте их образовательной деятельности в педвузе. Особым образом организованная образовательная деятельность студентов, предусматривающая смещение акцентов с предметной деятельности на усиливающую субъектную позицию студента, значительно повышает уровень сформированности профессионально-значимых ценностей у будущих учителей.

Список использованной литературы

1. Исаев, И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя/ И.Ф. Исаев. - М.: Академия, 2002. – 131 с.
2. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сб.: пер. с англ. и нем. / В. Франкл; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1990. – 367 с.

ГЕНДЕРНЫЕ ЦЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

О.И. Чеснокова

г. Витебск, ВГТУ, olgabersen@rambler.ru

Цель статьи – анализ генезиса гендерных ценностей современной белорусской молодежи в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: духовные ценности, гендерные ценности, социокультурные перемены, гендерные стереотипы.

Во второй половине XX века в развитии техногенной цивилизации обнаружались фундаментальные проблемы и противоречия. Глобальные кризисы (экологический, антропологический, социокультурный и др.) заставили философов, историков, политологов критически отнестись к прежним идеалам прогресса и классическим ценностям. В начале третьего тысячелетия еще более актуализируется потребность в пере-

осмыслении фундаментальных духовных начал человеческого бытия, обоснования новых мировоззренческих ориентиров и ценностей. Этот поиск осуществляется в различных областях человеческой культуры — в науке, искусстве, религии. Существенную роль в этом процессе призваны сыграть такие фундаментальные дисциплины как история и философия. Данные науки исследуют диахронные и синхронные процессы, идущие и сфере глубинных оснований человеческого существования, прогнозируют появление новых идеалов и ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания челония человечества и дальнейшего его самосовершенствования [1, с. 26].

Перед новым поколением стоят вопросы: как в условиях выполнения многообразных социальных ролей и ломки традиционной системы ценностных приоритетов сохранить целостность человеческой личности, особенно личности молодого человека? Как сдерживать агрессивные устремления человека и сформировать потребности в единства, открытости, диалоге в глобализирующемся и трансформирующемся мире? Современное общество как западное, так и постсоветское (белорусское не исключение) переживает кризис духовных ценностей. Эти противоречия отражаются на формировании ценностного сознания современной молодежи вообще и гендерного сознания в частности?

Ценности выступают как желательное, предпочтительное состояние социальных связей, как критерий оценки реальных явлений; смысл целенаправленной деятельности; регулятор социального взаимодействия; внутренний побудитель к деятельности. Экономические, нравственные, правовые, политические, религиозные, эстетические, гендерные, семейные ценности формируются в целостные системы. Основаниями систем являются нравственные ценности, в которых представлены желательные, предпочтительные варианты взаимоотношений людей (мужчин и женщин), их связей друг с другом, с обществом в такой форме как благо, добро, долг, ответственность, честь, счастье, любовь [2, с. 138].

Немалыми различиями могут характеризоваться системы ценностей различных социальных слоев, существуют аксиологические различия и между поколениями. Современная цивилизация взорвала такие традиционные структуры, как передача вечных ценностей от дедов и отцов к потомкам (ценность труда, контроль общества за нравственным поведением человека, мужские и женские роли и т. п.). Человек включен сегодня во многие системы социальных отношений. Данные противоречия отражаются на формировании гендерного ценностного сознания современной белорусской молодежи [3, с. 35].

Белорусские студенты, родившиеся в конце XX века в условиях информационного бума, социально-экономических трансформаций, отличаются от своих предшественников, от своих родителей. В результате проведенных нами социологических исследований по теме «Ценностные ориентации студентов УО «ВГТУ» можно констатировать появление у современной молодежи следующих жизненных ориентиров: потребительство, инфантилизм и одновременно целеустремленность и практичность. Молодые предпочитают заниматься несколькими делами одновременно, многие из них сочетают учебу и работу и не испытывают трепета перед авторитетами. Они часто выбирают социальную, академическую и профессиональную мобильность и уверенно ведут себя в условиях неопределенности. При ответе на вопрос: «какие ценности определяют Ваши цели и поведение?» респонденты в 2015 году отметили три основные ценности – более 70% назвали в качестве определяющей ценности благополучную семью, более 60% - здоровье и около 50% - материальное благополучие. В УО «ВГТУ» с 2005 года работает студенческий научный кружок «Проблемы гендерного воспитания и образования студенческой молодежи». На его заседаниях обсуждаются проблемы существования гендерных стереотипов и пути их преодоления; проблемы семейного насилия и торговли людьми; барьеры гендерной коммуникации; традици-

онные и современные семейные ценности с учетом белорусских культурных традиций и др. Так, одно из занятий было посвящено рассмотрению взаимоотношений между полами в исторической ретроспективе. Студенты в форме эссе отвечали на два взаимосвязанных вопроса: оцените известные вам факты истории 70-х годов 20 века, когда ваши родители были молодыми и сравните с современными временем; как вы считаете, какими были отношения между мужчинами и женщинами в то время и изменились ли они сегодня? Так студентка 2 курса художественно-технологического факультета Аня Ш. неоднозначно оценила такое благо современной цивилизации как электронная связь: «В наше время существует мобильная связь, Интернет... Я думаю, что в советское время тяжело было с кем-то связаться, но с другой стороны, когда ты пишешь письмо, идешь на почту, отправляешь его, ты с трепетом ждешь, пока оно дойдет до человека, и он напишет тебе ответ. Люди с интересом переживали это время». Отвечая на второй вопрос, она очень романтично и даже наивно оценила отношения между полами в эпоху молодости своих родителей: «Можно с точностью сказать, что в советские времена отношения между мужчиной и женщиной были чистыми. Мужчина никогда не мог позволить первым зайти в транспорт, сидеть в нем, когда женщины стоят. Сейчас же наши мужчины позволяют себе абсолютно все». Может быть это потому, что абсолютно все позволяют себе и некоторые современные женщины и дело даже не в возрасте, а скорее в атмосфере вседозволенности.

Андрей С. обращает внимание на законопослушность и ответственность граждан советской эпохи: «Еще 15 лет назад в автобусах были компостеры, правда, я не знаю для чего они, но все равно эту процедуру выполняли все граждане... Сегодня людям дали свободу, демократию, но очень многие путают демократию с анархией. В наши дни женщина уравнила права с мужчиной. Мужчины стали женщиной, мягко говоря, не уважать и смотреть на них «как хорек на курицу», желая удовлетворить свои гедонистические потребности».

Конечно, из уст студентов было много критики советского тоталитаризма, очередей, дефицита и другого. Но было и много ностальгии по тому времени, которого они почти не знали, по времени, когда их родители были юными. Может быть это была ностальгия по умению не торопиться и ждать, о терпении, о чистоте отношений между полами, взаимном уважении, заботе, дружбе, о нежности и трепетности, о чистой, искренней любви, другими словами, ностальгия о вечных ценностях.

Оценка нашего времени также была неоднозначна, но обратим внимание на критические слова молодых, это была критика и в свой адрес. Белорусские студенты часто говорили о распространенном неуважительном, потребительском отношении между полами («нет тайны, нет восхищения, все напоказ, наружу, один расчет»). Их видение современных отношений: «увеличилось количество разводов, ссор, отношения между людьми изменились в худшую сторону», «в настоящее время женщина имеет больше прав, чем раньше, а мужчины стали слабее и беспомощнее. Думаю, что через 30-40 лет будет полный матриархат», «сегодняшнюю молодежь, в частности мужчин, портят всякие «грязные» каналы телевидения и сайты Интернета», «большинство женщин рожают детей для себя и живут в свое удовольствие», «у нас много свободы и для плохого и для хорошего».

Следует констатировать, что мировоззрение современной белорусской молодежи регионального вуза противоречиво, порой «размыто», мифологизировано в контексте исторических перемен, в нем сочетается ностальгия по традиционным ценностям с мирознанием и мироощущением ломки и нивелирования этих исторических традиций. Думается, что разрешение противоречий гендерного сознания современной молодежи возможно в процессе формирования ценностного отношения к представителям обоих полов, преодоления гендерных стереотипов; ценностного отношения к любви, браку, материнству и отцовству.

Список использованной литературы

1. Семенов, В.С. О перспективах человека в 21 столетии / В.С. Семенов. Вопросы философии. – 2005. – № 9. – С. 26–37.
2. Зинкевич-Евстигнеева, Т.А. Семь дорог женственности / Т.А. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб: Речь, 2012. – С. 138.
3. Смотряцкая Г.Е. Гендерная социализация учащихся в условиях современной белорусской школы // Адукацыя і выхаванне. – 2004. – № 8. – С. 35.

**«ПОГРАНИЧЬЕ» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ**

*И.Р. Чикалова
г. Минск, БГПУ*

Цель статьи – рассмотрение концептов «фронтир» – «граница» – «пограничье» и выявление их методологическим возможностей при исследовании процессов формирования нации и государства.

Ключевые слова: фронтир, граница, пограничье, Беларусь

Один из основателей геополитики Фридрих Ратцель в своей двухтомной книге «Антропогеография» (1882, 1893), исходя из понимания пространства как политического ресурса и географической обусловленности внешней и внутренней политики государств, указал на значение в процессе образования государства естественной границы. Взгляды Ратцеля оказали влияние на американского историка Фредерика Тернера. В докладе, представленном на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго в 1893 г., он обратился к обсуждению роли в американской истории подвижной границы между поселениями белых жителей Северной Америки и ещё не занятой ими территорией.

Эта подвижная граница у Тернера получила название *фронтира* (англ. *frontier* – «граница, рубеж»). «Именно фронтиру, – пишет он, – американский интеллект обязан своими потрясающими чертами. Эта грубость и сила, соединяющиеся с пронизательностью и любознательностью; этот практический, изобретательный склад ума, быстро находящий средства для достижения результатов; это мастерское понимание сути материального мира, лишённое артистизма, но мощное в достижении великих целей; эта неутомимая нервная энергия <...> – все это особенности фронтира или же свойства, которые оказываются нужны в других местах в связи с его существованием» [1, с. 39]. На протяжении последующей четверти века Тернер на примере историко-культурного развития США развивал теорию *фронтира*, тем самым способствуя, несмотря на критику, интересу к истории открытия и освоения малообжитых пространств и определению значения этих процессов в формировании нации и государства.

Концепт *фронтир* начали применять не только по отношению к истории США, но и к другим странам, которые имели колониционный опыт (Канады, Бразилии, Аргентины, Австралии). Такой опыт был и у России.

С полем исследования границы/фронтира, связано понятие – *пограничье*, которое может рассматриваться не только как экономико-географический, но и как социокультурный и социально-антропологический феномен. Его особенности в определенной степени детерминированы типом государственной границы, ведь границы государства одновременно, отмечает О. А. Филиппова, могут быть по отношению к одному соседу «мягкими», «открытыми», «коммуникативными», «инклюзивными», выступать «соединительными мостами», а по отношению к другому – «жесткими» [2, с.

396]. В то же время, «человеком границы» может называться не только индивид, живущий на границе двух государств, а так же тот, кто вынужден постоянно отстаивать свою культурную идентичность в окружении идеалов и паттернов иной культуры. Поэтому пограничье можно трактовать как особое состояние «человека границы», существующего в рамках как минимум двух культур, двух языков. Таким образом, на формирование человека *Пограничья* оказывают влияние не только государственные, но и культурные и этнические границы.

Все это обуславливает актуальность исследования не просто феномена пограничья, егосоциокультурной специфики, а человека и черт его сознания в ситуации пограничья, когда происходит интенсивное взаимодействие с иными культурами и задействуются основные коммуникативные стратегии: *ассимиляция*, которая в качестве варианта *аккультурации*, приводит к полной идентификации с новой культурой; *сепарация*, представляющая собой отрицание иной культуры при сохранении своих социокультурных особенностей, *маргинализация*, означающая потерю исходных культурных качеств и необретение нового социокультурного багажа, чужеродность как для исходной, так и для новой культуры; *интеграция*, характеризующаяся идентификацией личности как со старой, так и с новой культурами. Почти всегда «человек границы» – это личность трагическая, болезненно реагирующая на окружающий мир и борющаяся с ним. Подобное мироощущение придает особую значимость пограничным диалогам. Столкновение взглядов, постоянное соотнесение «своего» и «чужого», бесконечный обмен культурным опытом – все это способствует культурному обогащению личности, давая возможность существовать на границе пересечения культур. С точки зрения продуктивности коммуникации пограничье становится передовой областью, авангардом межкультурного общения. В свое время М.М. Бахтин высказывал мысль, что каждая культура живёт только во вопрошании другой культуры, великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, в точке их пересечения.

Пограничье выступает как «область особого культурного, политического и экономического взаимодействия, обуславливающего готовность резидентов пограничья к культурному транзиту, а следовательно, способных выступать в бинарной роли посланников своей культуры, посредников, живущих на границе, и в тоже время реципиентов чужой культуры, в первую очередь испытывающих на себе культурное влияние пограничного народа и несущих далее усвоенные ценности в глубь своей территории» [3, с. 188]. Пограничье выступает как канал межкультурной трансляции, как территория активного диалога и сотрудничества между носителями различных культурных традиций. Но не только. Оно становится и «зоной культурного риска, в которой не только реализуется межкультурный диалог, но и имеет место соперничество за контроль над культурным и социальным пространством».

Оформившись в новую междисциплинарную область, исследования пограничья-приобрели столь значительно-разнообразие и популярность, что в научную повестку, естественно, вошла идея попробовать рассмотреть сквозь призму концепта «пограничье» историко-социокультурный ландшафт Беларуси. И, действительно, впоследствии несколько лет в сообществе белорусских интеллектуалов концепт «пограничье» не просто стал востребованным, но в его левой фракции возникла и в определенной степени закрепились позиция, предлагающая обратиться к Беларуси как к своеобразно-социально-культурному пограничью или части регионального пограничья [4; 5; 6].

Итак, является ли пограничье *периферией*, что такое белорусская культура в контексте пограничья, и какова белорусская национальная и культурная *идентичность* в ситуации пограничья? Философ И. Бобков, отметивший одной из первых исследовательских разведок методологических возможностей концепта для изучения Беларуси (1999), считает, что Беларусь как государство вся целиком является такой

зоной пограничья, но при этом не является периферией. Белорусская культура «как цельная и полная» «может *состояться* – в сегодняшних условиях – только как *культура пограничья*, как культура внутренней разграниченности, встречи и перехода отличных (разнонаправленных, конфликтных) культурных частей» – пишет Бобков [4, с. 136], и успешность этого заключается в осознании и в принятии транскультурности в качестве не только ситуации и существования, но и определения самого себя, присутствия «в культурном пространстве многочисленных Других, наличие разнообразных границ, вынужденность практик перехода этих границ» [4, с. 133].

Первичная концептуализация Беларуси как своеобразного «пограничья» сравнительно быстро завоевала популярность, чтобы из гипотезы и точки зрения превратиться в одну из моделей осмысления социально-культурной ситуации, а также «переосмысления и концептуализации социальных связей, объединяющих белорусское общество» [7]. Сама же ситуация пограничья выступила в качестве контекста и/или структурного элемента политики национальной идентичности, в частности, *белоруской идентичности*. Она в большинстве работ предшествующего периода рассматривалась с точки зрения становления белорусской нации как коллективного социально-госубъекта и ее самоопределения в качестве социальной общности; это – важный тренд, сохранивший и сегодня сильные позиции. В то же время появились работы, в которых белорусская идентичность рассматривается через выявление белорусской самобытности и уникальности, которую следует обнаруживать и развивать. Предлагается приостановление диалога белорусской и европейской культуры [8], возрождение белорусской культурной традиции через исследование «подлинного этнического субстрата» [9]; обращение к «тутэйшасці» как к основанию этно-культурного самоопределения [10]. Выдвигается идея рассматривать белорусскую идентичность как компонент социальной идентичности, как осознание отдельным человеком своей принадлежности к белорусам. Так, О. Шпарага рассматривает идентичность как культурно-исторический смысл, возникающий в рамках того или иного сообщества, который «индивид может себе присвоить» [11], предлагая, таким образом, версию национальной идентичности, фактически несвязанную с этно-культурными, территориальными или политическими границами Беларуси, ведь современная культура все очевиднее представляет собой пространство смещения любых границ – территориальных, политических, социальных и цивилизационных.

Таким образом, концепты «фронтир» – «граница» – «пограничье» стали удобными инструментами для организации дискуссии, в центре которой находятся проблемы национально-культурного состояния современного общества и социальной идентичности. Такое обсуждение перспективно разворачивать с участием историков, культурологов, социологов и антропологов тоже на *границе*, но – научных областей, на междисциплинарном, культурно-символическом *фронтире* производства нового знания.

Список использованной литературы

1. Тернер, Фр. Значение фронта в американской истории // Тернер Фр. Фронтир в американской истории / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2009. – 303 с.
2. Филиппова, О. А. «Граница» и «пограничье» в контексте политик идентичности / О. А. Филиппова // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сб. науч. работ. – Вып. 16. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. – С. 394–401.
3. Воронченко, Т. В. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации / Т. В. Воронченко, Н. Н. Сокольских // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – 2012. – № 3. – С. 187–192.
4. Бобков, И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки. – 2005. – № 3–4. – С. 127–136.

5. Филатов, А. Беларусь как пограничье: несколько замечаний о судьбе исследовательского направления / А. Филатов // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2007. – № 3–4. – С. 5–24.
6. Филатов, А. Идея «пограничья» как политика идентичности / А. Филатов // Палітычная сфера. – 2008. – № 10. – С. 39–47.
7. Водолажская, Т. К постановке проблемы белорусской идентичности [Электронный ресурс] / Т. Водолажская // Методология.by [Режим доступа]: <http://methodology.by/?p=693>
8. Екадумов, А. Бездомная нация из европейского дома / А. Екадумов // АРСНЕ. – 1999. – № 1 (2). – С. 199–205.
9. Санька, С. Традыцыяналіскі погляд на традыцыю: «прэзюмпцыя аўтахтоннасці» й «дэканструкцыя традыцыі» / С. Санька // Анталёгія сучаснага беларускага мыслення. – СПб.: Невский простор, 2003. – С. 46–63.
10. Насута, А. Харызма тутэйшасці / А. Насута // Druvis. – 2005. – № 1. – С. 163–173.
11. Шпарага, О. Поиск идентичности в контексте пограничья: белорусская версия (первое приближение) [Электронный ресурс] / О. Шпарага // <http://belintellectuals.com/discussions>

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ И СТАТУС БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

О.А. Шершнёва

г. Минск, БГУ, olgashershnyova@yandex.ru

Цель статьи – проанализировать статус границы как пространство порождения новых смыслов, аккумуляции и приращения ценностного опыта и условия для конструктивного диалога между культурами разных цивилизаций, а также раскрыть социокультурную специфику белорусского приграничья.

Ключевые слова: граница (пограничье), транскультурность, диалог культур, глобализация, геополитическая нестабильность, реконфигурация.

В условиях геополитической нестабильности и реконфигурации современного мира актуализируется философско-методологический интерес к феномену границы.

Тема границы является референтной и одновременно символической в современном философском дискурсе. Феномен границы возникает на пересечении экзистенциальных, феноменологических, антропологических, герменевтических и других проекций, символизируя собой ситуацию рубежа разных жизненных центров, перехода их из одного качественного состояния в другое. С одной стороны, граница проводит линию водораздела между старым и новым, своим и чужим, традицией и инновацией, классическим и авангардным, тем самым подчеркивает уникальность и неповторимость каждой составляющей бинарной оппозиции. С другой стороны, граница – это место встречи и коммуникации противоположностей, пространство их одновременного соприсутствия, взаимообогащения, и в этом смысле граница не только способна разъединять, но и объединять, синтезировать опыт диалектических разнородностей.

Тема границы есть отражение полярности реальности, уходящей своими корнями в древнекитайскую и древнегреческую философию. Так, в древнекитайской философии полярные силы бытия Инь и Янь, обозначая женское и мужское начало, находятся в состоянии противостояния и обуславливают течение всех мировых процессов. В античной философии полярность мира выражалась греческим словом «агон», которое находит свое выражение в мифологическом сознании, в идее военного противостояния в историческом понимании Геродота, Фукидида и Ксенофонта, в философ-

ской проблематике досократиков, в космополитических идеях Гесиода, в учении Гераклита о логосе и диалектике перехода в противоположное, а также в философии бытия и не-бытия Парменида, в апориях Зенона и в космологии Эмпедокла.

Выражая идею поляризации мира как его имманентной атрибутивной характеристики, граница проявляет себя в многообразных бинарных оппозициях, противоположность которых снимается их единством. В ранних философских учениях акцент ставился на борьбе противоположностей как взаимодействующих сторон единства, которые характеризуются взаимоисключающими направлениями и изменениями. В этом смысле тема границы есть отражение диалектики бытия, где одновременно сосуществуют внешнее и внутреннее, гармония и хаос, целое и часть.

Особое звучание тема границы получила в неклассической философии экзистенциалистов (К. Ясперс, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер), которые актуализировали смысл пограничной ситуации человеческого бытия в категориях заброшенности, тревоги, скуки, тоски, абсурда, свободы. Бытие границы здесь соотносится не столько с центром и периферией, сколько с серединным, промежуточным существованием человека в условиях своего всегда незавершенного проекта. Экзистенциалисты проникают в бытие *на* границе, которое само по себе самобытно, но при этом предполагает перевоплощение, взаимопереход одних состояний в другие, именно потому человек с точки зрения экзистенциальной философии – это «проект, который переживается субъективно» [6, с. 323].

Нужно сказать, что сегодня внимание к теме границы максимально обострилось, что связано с быстро набирающими оборот дивергентными процессами глобализации, касающихся как жизненного пространства отдельного человека, так и человечества в целом. Поскольку нынешнее состояние мира квалифицируется не без оснований как рискогенное, противоречивое, то граница становится средоточием узловых проблем кризисных явлений, ценностных переориентаций. Все великое рождается на сломе, стыке событий, эпох, поэтому граница – это начало нового состояния, фундирующее незавершенность и вечное становление, а значит развитие человеческой цивилизации.

Уникальность границы в условиях глобализации определяется ее амбивалентным статусом. С одной стороны, глобализация как процесс становления единого унифицированного пространства, стирающий всякие территориальные, социально-культурные, экономические, политико-идеологические барьеры, приводит к размыванию границ, когда граница теряет свой онтологический статус (граница в значении отмежевания своего, подлинного, самобытного, родного от чужого, вражеского, инакового, другого). Очевидно, что универсализация и стандартизация социальной среды под воздействием процессов глобализации сделали жизненное пространство однородным, усредненным, где, как отмечал М. Маклюэн, «каждому приходится жить в условиях предельной близости с другими» [5, с. 43]. С другой стороны, тесная близость с другим позволяет расширить горизонты устоявшегося, привычного, заимствовать положительный опыт отличного от своего, тем самым содействует качественному обновлению социальной среды, способствует реконструированию социальной реальности на новых началах.

Век социальной дестабилизации и глобальных рисков превратили границу в линию политических разломов, культурных травм, социальной напряженности, при этом она же стала линией контактов, которые фиксируют перманентное увеличение степени взаимосвязанности и взаимозависимости мира, необходимости поиска новых возможностей социокультурного диалога. Граница, будучи местом порождения новых смыслов, напоминает балансирование «*между*», она положительно ангажирована, предполагает включение в свое поле инвариантов, составляющие единое целое, где чужое становится своим и наоборот. Неслучайно Гегель в свое время отмечал: «...Граница как рефлектированное в себя отрицание /данного/ нечто содержит в себе

идеально моменты нечто и иного, и в то же время они как различные моменты положены в сфере наличного бытия как реально, качественно различные» [3, с. 159]. Речь идет о том, что граница заключает в себе еще иное, другое (граничащее с ней, находящееся с ней во взаимосвязи), что позволяет ей быть большим, нежели часть бытия, быть самим бытием, обладающим статусом самодостаточности. Ощущение близости с другим – это не только путь к построению новых отношений, но и возможность увидеть себя другими глазами, не зря М. Бахтин говорил: «Когда мы глядим друг на друга, два разных мира отражаются в зрачках наших глаз» [2, с. 32].

В эпоху глобализации актуализируется как никогда эвристический потенциал границы, поскольку она является тем местом, где рождается истина, которая заключается в формировании новых смысложизненных ориентиров, направленных на диалог культур с целью предотвращения глобальных катастроф. Если мы говорим о межкультурном взаимодействии, это не значит, что речь идет стирании геополитических границ и культурных барьеров, о превращении мира в однородную массу, скорее наоборот, выстраивается ориентация на новый универсализм, когда «особенное обладает собственной логикой, а не предстает эманацией всеобщего и целого; целостность мира не сводится ни к некой единой «сущности», ни к сумме многих «сущностей», но выступает как совокупность взаимосоотносимых сущностей. Видеть глобальность плюральной значит признавать множественность разнообразий или разнообразие различий, когда всеобщее больше не довлеет над единичным и уникальным, но при этом соотносимо с ним.

Нужно отметить, что феномен границы/пограничья являет собой Республика Беларусь как регион, самоидентификация которого происходила всегда на границе между Востоком и Западом. С одной стороны, приверженность к утилитарным ценностям и практическому расчету определяет западное влияние на белорусов, с другой стороны, предельные формы самовыражения и пренебрежение к материальной стороне жизни являются характерными чертами восточного человека. При этом И. Абдиралович отмечает: «Ваганье паміж Захадам і Ўсходам і шчырая няпрыхільнасць ні да аднаго, ні да другога зьяўляецца асноўнаю адзнакаю гісторыі беларускага народу»[7].

Становление белорусского происходило на границе с польским, российским посредством смешения разнообразных культур или в пространстве транскультурности. Это балансирование между культурным разнообразием является предпосылкой вычленения подлинно своего, однако границу в данном ключе нельзя рассматривать как отмежевание от других культур, но скорее как диалог с ними, или транскультурный полилог. Транскультурация – это пространство, где различия не выступают поводом для конфликта, а являются основой для диалога, развития. Транскультурация подчеркивает асимметричность, неоднородность культур, оставляя за ними право на различие и право на взаимодействие. И. Бабков, говоря о ситуации белорусского пограничья, подчеркивает: «Цэльнай і поўнай беларуская культура можа адбыцца — у сёньняшніх умовах — толькі як культура памежжа, як культура ўнутранай разьмежаванасьці, сустрэчы і пераходу адрозных (апрычыных, канфліктных) культурных частак [1, с. 77].

Таким образом, феномен границы является симптоматичным явлением в сфере историко-философской мысли. Границу можно понимать как особую форму реальности, где рождаются новые смыслы, свершаются эпохальные события, происходит реконфигурация социальной реальности, это пространство «гуманитарных смыслов, событие личностей, сотворчество или смыслотворчество» [4, с. 48]. Границу не следует понимать как крайность, поскольку в таком контексте блекнет ее мировоззренческий потенциал, фундирующий единство разнообразий, их генерацию, качественное обновление. Граница – это не начало и конец, а место, пространство, поле, где выкри-

сталлизовываються основания для конструктивного диалога, партнерских отношений, сотрудничества и кооперации.

Список использованной литературы

1. Бабкоў І. Этыка памежжа: транскulturнасьць як беларускі досвед // Анталёгія сучаснага беларускага мыслення. – Спб.: Невский простор. 2003. – С. 64–77.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С. Г. Бочаров. – СПб.: Азбука, 2000. – 226 с.
3. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. : Наука логики.-М.: Мысль, 1975. – 452 с.
4. Куликова Т. В. Философия «границы» в контексте гуманитарного познания / Т. В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1(3). – С. 47–54.
5. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Гиперборея, 2007. – 462 с.
6. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж. П. Сартр // Сумерки богов / сост. И общ. Ред. А. А. Яковлева: перевод. – М.: Политиздат, 1990. – 398 с.
7. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviecnym_slacham.html. – Дата доступа 27. 12.2016.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПРИГРАНИЧЬЯ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Т.И. Адуло

г. Минск, Институт философии НАН Беларуси, tadoul@mail.ru

Цель статьи – показать значимость исследования феномена социальности для понимания сущности и динамики исторического процесса, раскрыть вклад древнегреческих философов в его теоретическое осмысление.

Ключевые слова: общество, социальность, исторический процесс.

В системе понятийно-категориального аппарата философии имеется немало понятий с корнем «социо». Но при этом в философской литературе не так часто встречается понятие «социальность» – оно как бы выпало из поля зрения исследователей, и, фактически, остается невостребованным. Да и само содержание понятия «социальность» не зафиксировано четко, как того требует формальная логика. Между тем, это понятие, является одним из ключевых, и без уяснения его содержания а, тем более, без понимания его сущности, без его использования в процессе мыслительной деятельности не представляется возможным понять ход человеческой истории, в том числе современного ее этапа, включая его антропологическую составляющую. Исходя из когнитивной значимости, понятие «социальность» следует отнести к базовым категориям философии истории.

Социальность – это система исторически складывающихся и воспроизводящих себя взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса.

Человеческую историю можно рассматривать, по крайней мере, в четырех измерениях: а) в виде объективного процесса формирования социальности, человеческого общества как такового; б) в виде реконструкции исторического процесса археологами, антропологами, историками на основе выявленных артефактов; в) в виде философского осмысления и описания с помощью соответствующего понятийно-категориального аппарата субъекта, движущих сил, законов развития человечества и т.д., что, собственно, можно отнести к «общей теории исторического процесса» [1, с. 3]; г) в виде философского осмысления логики формирования и развития философских учений об обществе, законах и путях его развития. Два последних «измерения» непосредственно относятся к области философии истории, у истоков которой стояли древнегреческие мыслители.

Социальность как объективное явление, как объективный процесс формирования и развития социума значительно опережало теоретическое осмысление этого процесса. Лишь после того, как человек преодолел стадию варварства, появилась возможность теоретически воспроизводить эмпирический путь формирования социальности. И теоретическое осмысление этого процесса длилось на протяжении многих веков. А начали его античные философы. Отделив себя от природы, вернее, осознав себя как что-то иное по сравнению с природой, древний человек – естественно, не раб,

а свободный гражданин, имевший возможность заниматься умственным трудом, – пытается осмыслить это иное, и таким образом у него постепенно формируются представления о самом себе и окружающих его людях, т.е. складывается круг вопросов, которые можно отнести к проблеме социальности. Первоначально древний «мыслитель» не улавливал сущности связей и взаимоотношений между собою и другими подобными на него особями, не пытался выяснить их причины, и тем более онтологические основания этих отношений. Но, тем не менее, он уже начинал осознавать то, что между людьми устанавливаются не подвластные ему, не поддающиеся его прямому контролю какого-то рода взаимосвязи, взаимоотношения. Он их представлял как какой-то рок, как закон. Эту идею попытались осмыслить и на теоретическом (философском) уровне изложить в своих работах первые древнегреческие философы. Уровень их размышлений был ограниченным, как и сам используемый понятийно-категориальный аппарат. Но, несмотря на упрощенную трактовку проблемы, они все же поднимались над чувственным восприятием окружающего мира и пытались, насколько позволяла им та историческая эпоха, представить его с позиции абстрактного мышления, используя для этого идеальные конструкции – понятия. Гераклит в своих работах использует понятие «логос» (греч. λόγος – речь, слово, высказывание, понятие, основание, мера), трактуя его как «разумный принцип, управляющий миром» [2, с. 445]. Другой греческий философ Эпихарм говорит о том, что логос правит (κυβερνῶν) людьми и спасает их, но расчет (λογισμός) человека происходит от божьего логоса [2, с. 446].

Более высокая ступень осмысления социальности связана с именем Демокрита и Эпикура. У Демокрита, впрочем, как и у Эпикура, она обрела вид этического учения, в котором рассматриваются такие важные проблемы, как цель человеческого существования и конкретные способы ее достижения (таковую он видит в хорошем расположении, спокойствии духа, свободном от страха состоянии души, а достигается она путем заботы только об «умеренном приобретении материальных средств» [3, с. 155]. Главная заслуга Демокрита видится в том, что проблему взаимоотношения между людьми он первым из древних греков перенес с антропологического на социальный уровень. Несомненный интерес даже в наши дни вызывают рассуждения древнегреческого философа о путях гармонизации интересов различных групп людей в государстве. Он считал, что «интересы государства должно ставить выше прочего, и должно заботиться, чтобы оно хорошо управлялось» [3, с. 167–168]. Демокрит был противником гражданской войны, считал ее бедствием «для той и другой враждующей стороны. Ибо и для победителей и для побежденных она одинаково губельна» [3, с. 168]. Одним из действенных инструментов согласия в обществе он называл «взаимное сочувствие» [5, с. 168]. Понятно, что все эти меры по консолидации общества не касались рабов. Среди рабов как бы и не существовало социальных связей и отношений, поскольку они были для Демокрита, как и для других представителей рабовладельческого класса с их типовым мышлением той эпохи, всего лишь механическими орудиями труда, не более. Не утруждает себя Демокрит и выяснением причин существования неимущих. Деление граждан на имущих и неимущих понимается им как естественное состояние общества, как данность. Впрочем, и сама бедность не такое уже зло. Главное, чтобы в государстве торжествовала демократия. «Бедность в демократии, – полагает Демокрит, – настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства» [3, с. 168].

Но еще в большей степени этическую окраску обретает феномен социальности у Эпикура. Как отмечает В.Ф. Асмус, «Эпикур характерен для эпохи, когда философия начинает интересоваться не столько миром, сколько судьбой в нем человека, не столько загадками космоса, сколько попыткой указать, каким образом в противоречиях и бурях жизни человек может обрести столь нужное ему и столь желанное им ус-

покое, безмятежность, невозмутимость и бесстрашие» [4, с. 424]. Рассуждая о судьбе человека, древнегреческий философ ставит вопрос о договорных отношениях в обществе. «Справедливость, происходящая от природы, – указывает он, – есть договор о полезном – с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» [3, с. 217]. Это дало основание многим исследователям отдать Эпикуру лавры первенства в обосновании так называемой договорной теории происхождения государства, вернее, причислить его к мыслителям, которые стояли у истоков этой теории, получившей в дальнейшем системную разработку в трудах Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и П. Гольбаха.

Платон продолжил рассмотрение проблемы взаимосвязи и взаимоотношения людей в этическом аспекте в процессе разработки модели идеального государства. Основным принцип такого государства – справедливость [5, с. 326]. И все же модель Платона была абстрактной и совершенно оторванной от социального бытия древних греков, т.е. лишена прочного онтологического основания.

Иным путем шел Аристотель, именно он дал более полную картину социальных связей и отношений в древнегреческом обществе, заложил фундаментальные философские основы исследования социальности как инструмента постижения человеческой истории. Прежде всего, ученик Платона представил человека как политическое существо, обосновал теорию естественного происхождения государства, описал вместе со своими учениками 158 форм государственного устройства, выдвинул критерии их оценки, разделил их на правильные и неправильные с позиции их эффективности. В процессе осмысления общества он не предложил новой модели государства (выделенные им различные виды государственного устройства в качестве правильных и неправильных не следует принимать в расчет, так как это всего лишь оценка конкретных форм «человеческого общения»). Более того, его вполне устраивала существующая рабовладельческая система, а поэтому он оправдывал и защищал наличные общественные устои – частную собственность, рабство и т.п. – как разумные [6, с. 382]. Но, в отличие от Платона, Аристотель попытался разобраться по существу в государстве как таковом, как социальном институте. В своих трудах он исследовал важнейшие социально-политические вопросы – природу и сущность государства, власть (господство и подчинение), сословную структуру общества, качественную характеристику человека как субъекта политического, организацию семьи, собственность и «искусство наживать состояние», военное искусство, домохозяйство, обмен и торговлю. Таким образом, детально выясняя «внутренние пружины» государственного механизма – его социально-экономические основания, необходимые условия его устойчивости, Аристотель, в конечном счете, подошел к анализу проблемы социальности как таковой и фактически заложил основы философии истории.

Помимо этого, в отличие от Платона, который был противником семьи и не считал нужным ее сохранять в идеальном государстве, Аристотель, напротив, выступал активным защитником семьи, видел в ней главную экономическую ячейку государства. Поэтому считал необходимым исследовать семейные отношения как важнейший элемент социальности. Важно отметить и то, что Аристотель одним из первых попытался теоретически обосновать идею формирования среднего класса – идею гармоничного взаимоотношения «высокопоставленных» и «средних» людей [6, с. 286]. Идею формирования среднего класса Аристотель подкреплял идеями справедливости, занимавшей в его этическом учении центральное место.

Подводя итог, отметим следующее. Хронологически философское осмысление социальности начинается лишь тогда, когда у исследователя имеется для этого сформированная система понятий и категорий, а также солидная база эмпирического (в первую очередь исторического) материала, позволяющая ему воспроизвести в мышлении логику развития социума и спроцировать его будущее. За точку отсчета исторического процесса *философского* осмысления социальности как своеобразного

сложного феномена следует принять творчество Аристотеля. Именно он создал *систему* философских категорий и, используя их, описал механизм функционирования общества и основных его институтов.

Список использованной литературы

1. Семенов, Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семенов. – М.: «Современные тетради», 2003. – 776 с.
2. Доброхотов, А.Л. Логос / А.Л. Доброхотов // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 2010. – С. 445–447.
3. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М.: Госполитиздат, 1955. – 238 с.
4. Асмус, В.Ф. Античная философия. Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. / В.Ф. Асмус. – М.: «Высш. школа», 1976. – 543 с.
5. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–420.
6. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

ПАРАТЭАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСАЎ ЗАХОДНЯГА ПАОЗЕР'Я: НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАМІНАЛЬНЫХ ГАЛАШЭННЯЎ

І.А. Алексініна

г. Мінск, БДУКМ, inna.aleksnina.70@mail.ru

Целью статьи является изучение паратеатральных форм белорусской театральной культуры: на примере похоронных плачей жителей Белорусского Поозерья.

Ключевые слова: Белорусское Поозерье, региональная культура, дотеатральные формы, паратеатральные формы, народное драматическое творчество, семейно-бытовая обрядность, похоронные плачи, древнегреческая трагедия.

Фальклорныя запісы, зробленыя беларускімі даследчыкамі ў канцы ХХ стагоддзя, сведчаць аб даволі ўстойлівым захаванні так званых “датэатральных формаў” творчасці народа, асабліва ў невялікіх паселішчах Беларусі, дзе і па сённяшні дзень не існуе ні прафесійных, ні аматарскіх калектываў. Таму аўтар артыкула лічыць, што разглядаць гэтыя з’явы толькі як першапачатковую ступень развіцця больш дасканалых формаў, відаў і жанраў мастацкай творчасці не правамоцна і прапануе замест тэрміна “датэатральныя формы творчасці” выкарыстоўваць паняцце “паратэатральныя формы народнай культуры”.

У яго (у адрозненне ад паратэатральных дзействаў “сармацкага барока” ХVIII ст., даследаваных і апісаных Г.І. Барышавым [1, с. 85–98]) мы ўключаем тэатральныя элементы ў сямейна-бытавой абраднасці; “каляндарныя святкаванні карнавальнага тыпу” (па М.М. Бахціну) з пераапраананнямі, калядаваннем, валачобніцтвам; святочныя ігрышчы тыпу “Жаніцба Цярэшкі”; парадыйныя сцэнікі пераапраанутых; фальклорна-гульнявое выканальніцтва – адным словам, усе віды і формы творчасці народа, якія ўзнікаюць на хісткай мяжы рэчаіснасці, абраду і тэатра.

Сярод спецыфічных асаблівасцей народнай драматычнай творчасці можна вылучыць 1) дзеянне; 2) неабходнасць пераўвасаблення ў той ці іншы вобраз з выкарыстаннем вядомых народнай традыцыі сродкаў ігры; 3) зараджэнне эстэтычнай функцыі дзеяння і пераўвасаблення чалавека (у адрозненне ад практычнай, рытуальна-магічнай ці культывай функцыі), якая выяўляе сябе ў элементах мастацкай

вобразнасці [2, с. 5; 3, с. 52]. Усе гэтыя рысы, на наш погляд, можна знайсці і ў пахавальных галашэннях беларусаў.

Пахавальныя звычаі і рытуалы з'яўляюцца завяршальным звяном у сямейна-бытавой абрадавай творчасці народа. Іх вывучэнне (і ў прыватнасці, даследванне памінальных галашэнняў), маюць вельмі глыбокія гістарычныя карані. Сярод навукоўцаў, якія спачатку вывучалі, а пасля і сістэмазавалі пахавальныя абрады (у тым ліку, і галашэнні), можна назваць прозвішчы Я. Ласіцкага, К. Фалютынскага, Л. Галэнбоўскага, А. Рыпінскага, Я. Тышкевіча, П. Шпілеўскага, М. Дзмітрыева, Ю. Крачкоўскага, П. Шэйна, Е. Раманова, А. Шлюбскага, А. Катлярэўскага, У. Сысова, Т. Варфаламеевай і іншых. Тым не менш, пахавальныя галашэнні разглядалася імі пераважна з пункту гледжання этнаграфічна-фальклорнай традыцыі беларусаў, а ніяк не як частка элемента народнай драматычнай творчасці народа, якая ўваходзіць у сістэму паратэатральнай культуры нашага народа.

Завяршальным звяном у сямейна-бытавой абраднасці з'яўляюцца, як вядома, жалобныя звычаі і рытуалы. Неад'ёмнымі кампанентамі пахавальнага і памінальнага абрадаў былі плачы з імправізаваным прыгаворам, так званыя галашэнні. Слёзныя галосныя імправізацыі на пахаваннях і памінках уяўляюць поўную супрацьлегласць смехавой культуры, тым не менш, калі апошняя спрыяе своеасабліваму катарсісу душы праз станоўчыя эмоцыі, то першыя былі скіраванымі на той жа катарсіс, толькі праз узмацненне драматызму, трагічнасці.

Вядомы беларускі даследчык гэтай традыцыі Змітрок Бядуля называў галашэнні на хаўтурах аднымі з першых формаў у паэзіі, таму што галашэнне "... творыцца не штучна, а ліецца з набалелай душы, з гаротнага сэрца проста, не задумваючыся аб тым, як сказаць свае словы, каб яны выходзілі прыгажэйшымі" [4, с. 26].

Трэба заўважыць, што гісторыя пахавальных плачаў паходзіць са старажытнага Егіпту і Індыі, а вобраз плакальшчыцы сустракаецца ў антычнай літаратуры, эпасах Скандынавіі, Францыі, рускіх летапісах [5, с. 41]. На першы погляд, можа падацца, што пахавальныя галашэнні не маюць ніякага дачынення да народнай драматычнай творчасці. Тым не менш, давайце прыгледзімся да іх больш уважліва.

Шматлікія даследчыкі фальклорнай традыі пахавальных галашэнняў на Беларусі сцвярджаюць, што спецыяльных "прафесійных" плакальшчыц на Беларусі не было: жанчын у беларускіх вёсках вучылі галасіць з дзяцінства. Галашэнне – такое тонкае майстэрства, якое патрабавала таленту, прадуманай унутранай лініі дзеяння, майстэрства валодання словам, пэўных артыстычных здольнасцей, спалучэння традыцыі з імправізацыяй. Патрабаванні да выканальніцтва такога тыпу народных твораў вельмі высокія, прадиктаваныя глыбокім пачуццямі мастацкасці і меры, якія заўсёды жывуць у нашым народзе.

Ужо ў пералічаных рысах галашэння можна знайсці элементы тэатра, тым больш, што жанчыны вучыліся галасіць у больш вопытнай вясковай галосніцы, што вельмі нагадвае устойлівую традыцыю фальклорнага тэатра падрыхтоўкі акцёра "з голаса" (як, напрыклад, у народных драмах "Цар Ірад", "Цар Максімільян"). Але, тым не менш, нас больш цікавяць выключэнні з правіл, калі найбольш здольных да гэтай справы жанчын аднавяскоўцы спецыяльна запрашалі. Напрыклад, так было ў вёсцы Германавічы Шаркаўшчынскага раёна Віцебскай вобласці. Гэтых жанчын тут называлі "галосніцамі", таму што плакалі "на голас" (мелодыю), мелі свой спецыяльны сцэнарый, але ў залежнасці ад асобы нябожчыка, яго чалавечых рыс і якасцей, імі выкарыстоўваліся і імправізацыі. У апошні час (канец 90-х гг. XX стагоддзя) у гэтай вёсцы галасіць не прынята [6].

Традыцыя пахавальных галашэнняў (у параўнанні, напрыклад, з рэкруцкімі ці вясельнымі) на Беларусі з'яўляецца найбольш распаўсюджанай і ўстойлівай і не выяўляе значных рэгіянальных адрозненняў. Выключэннем можна назваць толькі тое,

што ў Пастаўскім і Браслаўскім раёнах сучаснай Віцебскай вобласці працягвалі галасіць і пасля заходу сонца, што не было характэрна для іншых рэгіёнаў Беларусі. Тут не мела значэння і месца галашэння – ці то ў хаце, ці то ў хляве, ці то на полі – у залежнасці ад псіхалагічнай неабходнасці плакальшчыцы (у дадзеным выпадку, блізкай нябожчыку радні).

Нягледзячы відавочную суб'ектыўнасць пахавальных галашэнняў, дзе кожная галосніца імкнулася да выражэння сваіх пачуццяў, шукала ўласныя словы, энсавыя іінтанацыйныя ацэнкі [5, с. 71], і ў выпадку галашэння па родным чалавеку, і ў выпадку запрашэння “прафесійнай” плакальшчыцы, гэта абрад публічнага выражэння гора. Лічылася, што чым больш людзей прысутнічала на хаўтурах, тым лепш. Многія хадзілі на пахаванне не толькі праводзіць у апошні шлях знаёмага ці аднавяскоўца, але і паслухаць галашэнні.

Менавіта гэты факт дазваляе выказаць меркаванне, што пахавальныя галашэнні аказалі даволі значны ўплыў на развіццё сусветнага тэатральнага мастацтва. Гэта відавочна ў адносінах да старажытнагрэчаскай трагедыі. Звернемся, напрыклад, да тэксту трагедыі Эсхіла “Персы”, а менавіта, да сцэны вяртання цара Ксеркса пасля разгрому яго войска афіянамі: Ксеркс: Вздохни, вздохни, о горе и домой иди! / Хор: Увы, вздыхаю и скорблю! / Ксеркс: Моим стенам стоном вторь! / Хор: Делаю плачевным отзыв – плач. / Ксеркс: С моим ты согласуй свой плач! / Хор: Увы! Увы! / Ксеркс: О, бремя горя тяжкое! / Хор: Боль неизбывной скорби! / Ксеркс: Бей в грудь! Бей в грудь руками! Обо мне восплачь! / Хор: Сам слёз достойный, плачу я. / Ксеркс: Громкий подыми, взывай! / Хор: Увы! Увы! ... [7, с. 6-7]. На наш погляд, прыведзены дыялог красамоўна сведчыць аб безумоўным уплыве пахавальных галашэнняў старажытнай Грэцыі на фарміраванне і развіццё яе драматургіі і тэатральнага мастацтва.

Што тычыцца нашай краіны, то пытанне непасрэднага ўплыву паратэатральных форм народнай творчасці (у тым ліку, і значнай часткі сямейна-бытавой абраднасці беларусаў – пахавальных плачаў) на фарміраванне драматургіі і прафесійнага тэатральнага мастацтва пакуль што застаецца адкрытым, як і пытанне вывучэння паратэатральных форм народнай культуры беларусаў у пачатку XXI стагоддзя, якія асабліва ярка працяўляюць сябе ў тых культурна-этнаграфічных рэгіёнах Беларусі, дзе няма ніводнай прафесійнай тэатральнай установы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Барышев, Г.И. / Г.И. Барышев / Театральная культура Белоруссии XVIII века. – Минск: Наука и техника, 1992. – 293 с.
2. Гусев, В.Е. / В.Е. Гусев / Народные игры, драмы и театр // Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. – М., 1987. – С. 45.
3. Гісторыя беларускага тэатра: У 3 т. / Гал. рэд. У.І. Няфёд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – Т.1.: Беларускі тэатр ад вытокаў да кастрычніка 1917 года. – 496 с.
4. Бядуля, З. / З. Бядуля / Беларускія інтэрмедый і інтэрлюдыі да школьнай драмы і камедыі ў XVII – XVIII стагоддзях // Вестник народного комиссариата просвещ. БССР. –Мінск, 1922. – Вып. 11. – С. 26;
5. Пахаванні. Памінікі. Галашэнні / Рэд. А.С. Фядосік; – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 615 с. – (Беларус. нар. творчасць / АН Беларусі. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору).
6. Інфармацыя запісана аўтарам артыкула ў 1997 г. ў вёсы Германавічы Шаркаўшчынскага раёна ад Антаніны Бярнардаўны Аляхновіч (1920 г.н.).
7. Эсхил, Софокл. Трагедии. – Пер. с др. Гр. – М.: “РИПОЛ КЛАССИК”, 2001. – 752 с.

УПЛЫЎ РУСКАЙ КУЛЬТУРЫ НА ІНТЭРТЭКСТ МАСТАЦКІХ ТВОРАЎ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

Г.А. Арцямёнак, І.М. Турава
г. Віцебск, ВДУ імя П.М. Маашэрава, winger@vitebsk.by

Цель статьи – выявіць разнавіднасці тэкставых і мастацкіх рэмінісценцый і цытат з рускіх крыніц, устаноўваць іх функцыі ў творчых працах В. Караткевіча.

Ключевые слова: інтэртэкстуальнасць, інтэртэкст, аллюзія, рэмінісценцыя, цытаты.

У мове мастацкай літаратуры надзвычай пашырана з’ява інтэртэкстуальнасці. Гэта паняцце было ўведзена ў навуковы ўжытак французскай даследчыцай Ю. Крысцевай (1967) падчас аналізу дыялагічнай тэорыі М. Бахціна, створанай на працягу 1929 – 1963 гадоў. Інтэртэкстуальнасць актыўна даследуецца пачынаючы з 60-х гг. XX ст. і разумеецца як сукупнасць спасылкаў на папярэднія тэксты, г. зн. уключэнне ў твор або цэлых тэкстаў, або нейкіх іх фрагментаў у выглядзе аллюзій, рэмінісцэнцый, цытат, прэцэдэнтных імёнаў. Асноўным крытэрыем вызначэння інтэртэкстуальнасці з’яўляецца тое, што гэтыя “спасылкі” павінны быць вядомы шырокаму колу прадстаўнікоў грамадска-культурнай супольнасці.

Мастацкае выкарыстанне рэмінісцэнцый і цытат амаль ніколі не бывае выпадковым. Яны з’яўляюцца вельмі дзейным і эфектыўным сродкам узабагачэння сэнсу твора. Вядомы мовазнавец А.Я. Супрун прапанаваў наступную дэфініцыю: “Тэкставыя рэмінісцэнцыі (ТР) – гэта ўсвядомленыя vs. неўсвядомленыя, дакладныя vs. пераўтвораныя цытаты ці іншага роду адсылкі да больш ці менш вядомых, раней створаных тэкстаў у складзе больш позняга тэксту. ТР могуць уяўляць сабой цытаты (ад цэлых фрагментаў да асобных словазлучэнняў), “крылатыя словы”, асобныя, пэўным чынам афарбаваныя словы, уключаючы індывідуальныя неалагізмы, імёны персанажаў, назвы твораў, імёны іх аўтараў, асаблівыя канатацыі слоў і выразаў, прамыя або ўскосныя напамінкі пра сітуацыі” [2, с. 17]. Грунтуючыся на гэтым класічным азначэнні, паспрабуем пэўным чынам пашырыць разуменне рэмінісцэнцый як асноўнай разнавіднасці інтэртэкстуальнасці ў паэзіі і мастацкай прозе У. Караткевіча.

Выдатны беларускі пісьменнік Уладзімір Караткевіч у сваіх творах часта звяртаўся да сусветна вядомых твораў літаратуры, музыкі, дойлідства, жывапісу, антычных і біблейскіх сюжэтаў. Мастак слова выдатна ведаў багатую і блізкую беларусам рускую культуру, творча перапрацоўваў яе духоўныя здабыткі, ахвотна выкарыстоўваў разнастайныя адсылкі да вядомых культурных рэалій. Літаратура братняга народа была для Караткевіча і школай высокага прафесіяналізму, і крыніцай натхнення, і скарбніцай пісьменніцкай практыкі. Вылучаюцца наступныя групы цытат і рэмінісцэнцый рускага паходжання ў яго творчасці.

1. Літаратурныя рэмінісцэнцыі ў форме адсылак да назваў вядомых твораў, іх аўтараў і герояў. Многія вершаваныя радкі Караткевіча насычаны спасылкамі на тэксты, твораў і персанажаў рускай літаратуры: *Лермантай тут. І таго не кахалі, / Хто ж тады варты гэтага больш?... І не рука, што “Мицеры” стварыла, / А пясчарня, што рубіны ўзяла, / Песціла рукі адзінай і мілай, / Доўгія косы яе распляла...* (“Фантазія”) [1, т. 2, с. 38]; *Кот пярэсты, спадчына Казакова / (Значна горшая за яго апавяданні)* (“Таруская віла”) [1, т. 2, с. 46]; *Сумесь Бураціна з Аэлітай, / Зорка незгасальная ў акне...* [1, т. 2, с. 76]. Аэліта – герціня аднайменнага фантастычнага рамана А.М.Талстога. У перакладзе з выдуманай марсіянскай мовы яе імя абазначае

“бачнае ў апошні раз святло зоркі”, у гэксце выступае сімвалам вечнага кахання. Рэмінісцэнцыі ў кантэксце выконваюць азначную функцыю.

Шэраг твораў пісьменніка ранняга перыяду напісаны на рускай мове і пад уплывам рускай класічнай літаратуры, у іх адпаведныя рэмінісцэнцыі выглядаюць асабліва арганічна: *Кажется, за один ее поцелуй я не смелал бы только родины. Не помню, у кого, кажется, у Полонского я читал...* (“Рябина”) [1, т. 3, с. 5]. *Мне было около шестнадцати лет. Возраст Митрофанушки и Гринёва. А на ребенка в шестнадцать лет никогда не обращают внимания, хотя натура такого ребенка гораздо более сложна натуры взрослого человека* (“Рябина”) [1, т. 3, с. 6]. Мітрафан – галоўны герой камедыі “Недаростак” (“Недоросль”) Дзяніса Фанвізіна, Грынёў – персанаж рамана “Капітанская дачка” Аляксандра Пушкіна. Гэтыя вобразы аб’ядноўвае тое, што абодва яны падлеткі, у абодвух былі дзрэнныя настаўнікі, якія, па-сутнасці, не звярталі ніякай увагі на сваіх вучняў. Такім жа адзінокам адчувае сябе і герой навелы “Рябина”. Не патрабуе спецыяльнага тлумачэння для шырокага кола чытачоў наступная рэмінісцэнцыя: *Доўгі не мог абараняцца. Па-першае, ён не быў архітэктарам і яго спаймалі на чужой дзялянцы, па-другое, ён быў чалавек мяккі і нерашучы, з тыповымі абломаскімі рысамі ў характары* (“Госць прыходзіць на золкім сьвітанні”) [1, т. 3, с. 165].

Некаторыя кантэксты дэманструюць шырокую літаратурную эрудыцыю аўтара і для адэкватнага ўспрымання вымагаюць ад чытача не меншай дасведчанасці ў галіне рускага “прыгожага пісьменства”. *Яна ў мяне хоць і любіла Шчадрына, але ціхая была, як мышка* (“Аліва і меч”) [1, т. 3, с. 230]. *Аднойчы пад гэтым самым акном спыніцца вечарам Паэт. У яго будуць доўгія залацістыя валасы, блакітныя, як мора, вочы... Ён будзе станісты і ў дзесяць разоў прыгажэйшы за Блока* (“Маленькая балерына”) [1, т. 3, с. 333]. *Пабываў у наваколлі Рязні... гаворыў з людзьмі на паромах, са старымі вартунікамі сенажацяў, з бабамі, якія гаманілі на смявучай мове Ясеніна... Наведаў ён у Салотчы і дом графёра Пажаласціна, які Паўстоўскі атісаў у “Тэлеграме” і “Мяшчорскай старане”... У доме жыву пісьменнік Фраерман, аўтар “Дзікага сабакі Дзінга” (“Барвяны шчыт”) [1, т. 3, с. 369–370]. Гаворыць так праўдзіва, што хоць ты яго на неба жыўцом бяры, а ўчынкі – дрэнь і гільі, і не камсамольцам ад яго пахне, а Тарцофам под камсамольскай лічынаю. Мімікрыя! “Вова прыстасаваяўся”. Словы якія, а сам, як крылоўскі манах, у хаце яйкі на свечцы пячэ... (“У снягах драмае вясна”) [1, т. 4, с. 226]. У байцы І. Крылова “Дарэмшчына” (“Напраслина”) персанаж Брамін у посны дзень употай пячэ яйка на агеньчыку свечкі. – Што ты, такі прыгожы звер! Не! А будынкі такія, што дух сціскае, высокая, блакітныя: шкло, мрамур, золата. Бактэрыі ніякіх. І, вядома, ніякіх пабеданоскавых (“У снягах драмае вясна”) [1, т. 4, с. 227]. Тут аўтар згадвае вобраз карыкатурнага чыноўніка, персанажа сатырычнай камедыі Маякоўскага “Лазня” (“Баня”). Але ж і не любілі Холадава! Уся прыязнь да Маркевіча ператварылася ў адносінах да Холадава ў дыяметральную процілежнасць. Яму не маглі дараваць бяздарнасці і з жорсткасцю, уласцівай у такіх выпадках маладосці, называлі “адукаваным мясам”, “Балалайкіным нашага часу”... (“У снягах драмае вясна”) [1, т. 4, с. 253]. Балалайкін – персанаж Салтыкова-Шчадрына, сімвал прадажнага гаваруна.*

Караткевіч можа пэўным чынам трансфармаваць літаратурныя цытаты згодна з мастацкай задачай. Так, парадыйна-іранічна скарыстаны змененыя радкі верша Ясеніна “Устал я жить в родном краю...”: *Пойду в аспирантуру я, // Чтобы иметь излишек пицци, // И друг любимый на меня // Наточит нож за голенище* (“У снягах драмае вясна”) [1, т. 4, с. 238] (у арыгінале: *Пойду по белым кудрям дня // Искать другое жилище. // И друг любимый на меня // Наточит нож за голенище*). Актуалізавана эстэтычная функцыя інтэртэкстэмы.

Часам назіраецца нават своеасаблівая літаратурная “гульня” цытатамі. *Не думайце, аднак, што мы ў той час толькі і рабілі, што крычалі: “Не магу маўчаць!” і пыталі музыкка: “Чаго бяжыш, мужычок?” і “Ты проснешся ль, исполненный сил?”* (“Дзікае паляванне караля Стаха”) [1, т. 4, с. 321] (назва памфлета Льва Талстога і радок з верша Някрасава “Развагі ля параднага пад’езда”). – *Ідзіце вы саімі анархізмам ведаце куды?.. Во ён у мяне дзе сядзіць... На Беларусь! В глушь! В Саратов!* (“Легенда аб бедным д’ябле і аб адвакатах Сатаны”) [1, т. 5, с. 85] (словы Фамусава да Соф’і з камедыі Грыбаедава “Гора ад розуму”). – *Кліча муза вандраванняў. Севярын Баўтрук выправіўся шукаць экспедыцыю Лівінгстона... “Із дальніх странствий возвратясь, какой-то дворянин, а может быть, и князь...”* – *Ясна, – сказаў Паўлаў. – Севярын Бахрым мелі ласку закахацца. “Ты, што мора трымаеш і сушу нерухома тонкай рукой...”*...*Голас у Севярына затрымцеў. Васіль уважліва глянуў на сябра, уздыхнуў і пачаў здымаць “лінкольн”. – “Дровы ў вагоны грузім мы – на працоўным суботніку...”* (“Чазенія”) [1, т. 5, с. 227]. У адным кантэксце бачым цытату з байкі Крылова “Хлус” (“Лжец”), пераклад радкоў верша “Вступление” Блока і іранічную перафразіроўку часткі штрафы з паэмы Маякоўскага “Хорошо!”.

Сустрэкаюцца і рэмінісцэнцыі на агульнавядомыя, хрэстаматычныя вобразы. *“Што гэта мне нагадвае? – падумаў я. – Ага, пушкінская Тацяна сярод пачвар у шалашы. Абклалі небараку, як лань падчас палявання”* [1, т. 4, с. 369]. – *Ведаю, – жартаўліва адказаў я. – Гэта тутэйшы “зубр”, помесь Наздро́ва і...* (“Дзікае паляванне караля Стаха”) [1, т. 4, с. 375]. *Затое высунулася на першы план наша “бедная Ліза”. Наша ранейшая напялушка.* (“Лісце каштанаў”) [1, т. 5, с. 363]. Ім уласцівы параўнальная і характаралагічная функцыі.

2. Музыкальныя рэмінісцэнцыі. Творчасці Караткевіча ўласціва своеасаблівая “міжкультурная” інтэргэстэуальнасць, калі літаратурныя творы пераклікаюцца з вядомымі творамі і творцамі музычнага ці іншых відаў мастацтва. ...*Адсябяны Шаляпін басам шалёным // Лямантуе з-пад матчынай жорсткай рукі* (“На паўстанках, засыпаных лісцем бярозавым...”) [1, т. 1, с. 96]. *Але затое так яскрава бачу: // Пакой, Чайкоўскі хмуры на сцяне...* (“Зімяня элегія”) [1, т. 1, с. 102]. *Что стоішь, качаясь, // Тонкая рябина, // Голову склонила // До самого тына?* (“Рябина”) [1, т. 3, с. 8]. *Беспорядно и бесчувственно бьются о стены холодные войны-звуки Скрябина и Рахманинова...* (“Руки”) [1, т. 3, с. 45]. *“Ты меня не любишь, не жалеешь”* (песня на словы аднайменнага верша Ясеніна) (“У снягах драмея вясна”) [1, т. 4, с. 237]. – *О музыка! Музыка души и сфер!.. I ўявіце сабе, што на зямлі яшчэ няма Мусаргскага!* (“Легенда аб бедным д’ябле і аб адвакатах Сатаны”) [1, т. 5, с. 78].

3. Кіназатральныя рэмінісцэнцыі сустракаем, напрыклад, у “Тарускай Віле”, “Легендзе аб бедным д’ябле і аб адвакатах Сатаны”, апавяданні “Лісты не спазняюцца ніколі”. *Ён даводзіць мяне Станіслаўскім і Хемінгуэем, // Выклікаючы ціхую ярасць у сэрцы маім...* [1, т. 2, с. 47]. – *Як па-твойму, “Браняносец Пацёмкін” новае слова ў кіно ці не?* [1, т. 5, с. 98]. – *А... якой вы думкі пра “Баладу аб салдаце” Чухрая? – падазрона пытае ён* [1, т. 5, с. 121]. *I, галоўнае, Верка, калі ён сказаў ёй, што скончыў курсы і працуе паштальёнам апошні месяц, згадзілася пайсці з ім пасля ў кіно, – глядзелі дружную серыю “Вайны і міра”...* [1, т. 3, с. 281]. Рэмінісцэнцыі маніфестуюць пэўныя каштоўнасці арыенціры пільменніка.

4. Прэздэнтныя антрапонімы. Сюды адносяцца імёны рэальных гістарычных асоб, якія дазваляюць акрэсліць пэўны храналагічны адрэзак і выклікаюць адносна ўстойлівыя ўяўленні ў чытача. *Непадалёку ад стала вядомы ўсяму гораду маляр-жывапісец Піня Райхер, загрунтаваўшы напалову партрэт Кацярыны Другой, маляваў з нейкай паперкі Маркса* (“Аліва і меч”) [1, т. 3, с. 207]. – *Хрыстом-Богам,*

якога, вядома, няма, прашу вас, браткі. Паразмаўляйце асабіста з **Уладзімірам Лычом**. Рабіце што хочаце, але каб зброя была (“Аліва і меч”) [1, т. 3, с. 210]. А для вас гульба яшчэ не скончана. І давядзеца яшчэ **Ваську Шуйскаму** перад камарынскімі хлопамі с... носам рэпу капаць (“Лісты не спазняюцца ніколі”) [1, т. 3, с. 284]. – Ім, пэўна, вельмі страшна было тут жыць. Кажуць, у **Івана Грознага** некалькі жэнак атруцілі (“Маленькая балерына”) [1, т. 3, с. 339].

Творчасць Уладзіміра Караткевіча прасякнута тэкставымі, мастацкімі, культурнымі рэмінісцэнцыямі, якія выяўляюць адраджэнскі энцыклапедызм пісьменніка, высокі інтэлектуальны пачатак, імкненне далучыць беларускую літаратуру да найлепшых узораў чалавечага духу, культурных здабыткаў і мастацкага таленту рускага народа. Ступень інтэргэксуальнасці паэзіі і прозы Уладзіміра Караткевіча вельмі высокая. Мастак слова выдатна ведаў багатую і блізкую беларусам рускую культуру, творча перапрацоўваў яе духоўныя здабыткі, ахвотна выкарыстоўваў разнастайныя адсылкі да вядомых культурных рэалій. Ужыванне ў мастацкіх творах рэмінісцэнцый, алюзій і цытат дазволіла аўтару паведаміць новую інфармацыю з апорай на папярэдні слоўны і тэкставы вопыт, выказаць ацэнку аб’екта, эфектыўна ўздзейнічаць на чытача. Прыкметна пераважаюць тэкставыя рэмінісцэнцыі як упамінанні імёнаў, герояў, твораў літаратуры і мастацтва. Дакладныя або трансфармаваныя цытаты сустракаюцца радзей, пераважна ў прозе. Рэмінісцэнцыі рускага паходжання падзяляюцца на 1) тэкставыя (літаратурныя), 2) мастацкія (музычныя, кінаатэральныя), 3) анамастычныя (прэцэдэнтныя імёны). У кантэксце канкрэтнага твора яны выконваюць шэраг мастацкіх функцый: ацэначную, апелятыўную, характаралагічную, параўнальную, культуралагічную, эстэтычную.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Караткевіч, У.С. Збор твораў. У 25 т. Т. 1–5 / Уладзімір Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 2012–2013.
2. Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА УСПЕШНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

*А.М. Бельский
г. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, ksander_mogilev@mail.ru*

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать влияние социокультурной среды Беларуси и России на успешность трансформационных процессов в государствах, в условиях расширенного использования информационно-коммуникационных технологий и построения информационного общества.

Ключевые слова: социокультурная среда, трансформационные процессы, информатизация, информационно-коммуникационные технологии, национальная культура, идентичность.

Общество, на современном этапе развития, характеризуется расширенным использованием информационно-коммуникационных технологий, которые пронизывают все сферы жизнедеятельности социальных субъектов, трансформируя их. Информатизация является тем процессом, который предопределяет эффективность и устой-

чивость развития любого государства, что обуславливает необходимость отведения достаточного количества внимания выстраиваемой в этой области политике.

Очевидно, что на успешность реализуемой политики информатизации будет влиять как детальная ее проработка, так и стартовые условия ее реализации. Рассматривая последние, стоит уделить внимание такому понятию, как социокультурная среда, понимая под ней конкретное и непосредственно данное каждому гражданину государства пространство, посредством которого он имеет реальную возможность включаться в культурные связи общества. По сути, это комплекс макро- и микро- условий его жизнедеятельности и социального поведения, который складывается посредством влияния исторического прошлого и действительности. Это пространство хаотических и глубинных взаимодействий, это конкретное локализованное предметное окружение. Обобщая можно отметить, что это культура и социум на конкретном этапе развития, где живет и развивается каждый социальный субъект и где, соответственно, проходят процессы, обусловленные широким использованием информационно-коммуникационных технологий.

Взаимодействие информационных технологий и традиционной культуры рождает новый конструкт, который можно назвать электронной культурой (e-culture). Рассуждая далее, целесообразным видится отметить, что культурные особенности того или иного региона в силах предопределить успешность информатизации. В этом направлении стоит рассмотреть анализ формирования информационного общества в России [1, С. 12], который произвел М. Кастельс и обозначить ситуацию, складывающуюся в Беларуси.

Россия испытывает ряд объективных трудностей в развитии информационных технологий. М. Кастельс отмечает, что причины запаздывания в развитии кроются глубоко в советском прошлом и его продолжающемся отголоске. К ним исследователь относит «полное доминирование в промышленности военных потребностей, связанная с этим изолированность советской промышленности от технологических ресурсов и от обмена с остальным миром, ограничения на распространение технологических знаний и информации в гражданской промышленности и обществе» [2, С. 35]. В отличие от опыта Финляндии, к которому также обращается М. Кастельс в своей аналитике [3], программа информатизации в современной России имеет ряд весомых пробелов и характеризуется отсутствием системности. Это имеет следствием то, что она сталкивается с неприятием на местах, обосновываемым различием положений программы и их недостаточной четкостью. Выше обозначенное сопрягается с консерватизмом и нежеланием прикладывать усилия ряда лиц, задействованных в реализации и внедрении информационных технологий, и некоторыми сложностями в финансировании (хотя более вероятным видится нецелесообразное использование средств). Многое из этого является следствием такого важного фактора как национальный менталитет, характеризующийся как способ восприятия и понимания реальности, который определяется через совокупность когнитивных стереотипов той или иной нации, сформировавшихся в ходе исторического развития. Это все, исходя из логики М. Кастельса, может привести к тому, что весомая часть технологической инфраструктуры российской экономики станет зависимой от импорта, а российские фирмы сократят свои возможности по выходу в сеть производителей электроники из-за отсутствия промышленного ноу-хау.

Вместе с этим, не стоит все рисовать сугубо темными тонами. Следует отметить и то, что виртуальный мир российского Интернета привлекает иностранных инвесторов. Одновременно с этим российское государство, по мере финансовой возможности, стремится догнать частных инвесторов. М. Кастельс отмечает, что, несмотря на это, скорее всего бизнес сектор выступит ведущим игроком в сети Интернет, ведь он уже сейчас стимулирует рост использования сети россиянами для извлечения из этого

прибыли [2, с. 65]. В сети Интернет также растет проявление демократии, гражданской активности, однако важно чтобы она переросла в активность реальную, а не выглядела как бегство в виртуальный мир. В итоге, мы видим, что российская модель во многом отличается от финской. Отсутствие увязки информатизации с прорывом в развитии государства и формированием новых культурных кодов, которые заменили бы собой не способствующие эффективной информатизации советские, повлияли на ее несколько запаздывающий характер в России.

Республика Беларусь идет по пути расширения внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества. Одним из показателей работы в данном направлении является увеличение уровня проникновения интернета. Стоит отметить, что Беларусь здесь имеет средневропейский показатель, нарастив количество абонентов широкополосного стационарного доступа за последние 5 лет на 2 млн. чел., двигаясь к отметке в 5 млн. пользователей. В Беларуси регистрируется весомое увеличение количества жителей, которые рассматривают Интернет как один из ключевых источников информации, в сравнении с такими традиционными источниками как телевидение, печатные средства массовой информации и радио.

Комплекс действий по информатизации в Республике Беларусь до 2016 года основывался на Стратегии развития информационного общества в Беларусь до 2015 года (принята в 2010 году) и Национальной программе ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 года. Также, на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 03.11.2015 года была утверждена новая Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы, которая определяет принципы государственной политики в сфере информатизации и основные направления развития информационного общества.

При этом четко определены основные факторы, замедляющие развитие информатизации в стране: 1) инертность государственных органов и организаций при решении вопросов информатизации; 2) отсутствие мотивации для изменения бизнес-процессов, необходимых при внедрении ИКТ; 3) недостаточный уровень инвестиций в ИКТ, как со стороны государства, так и бизнеса; 4) слабое использование возможностей государственно-частного партнерства, в том числе в области обучения и исследований [4]. Признание на официальном уровне указанных проблем в информатизации позволяет сделать вывод о том, что развитие информационного общества в Республике Беларусь будет совершенствоваться и далее.

Мы имеем возможность наблюдать то, что в отличие от России, в Беларуси складывается несколько иная ситуация. Историческое прошлое страны, как и современная реальность, характеризуется ярким пересечением «европейских» и «славянских» ментальных конструктов. Территориальное положение и позиционирование себя как открытого государства обуславливает наличие элементов воздействия как социокультурных образов, свойственных территории Российской Федерации, так и Объединенной Европы. На данный момент наблюдается устойчивая возможность органично сочетать эти влияния, выстраивая конструктивные дружественные отношения, черпая и апробируя опыт соседних государств.

Стоит отметить, что уход в этом плане сугубо в реализацию на территории страны европейского опыта может повлечь за собой неприятие и сложности в связи с тем, что нахождение в составе такого объединения как Советский союз, значительно повлияло на формирование взглядов и установок, отличных от распространенных в Европейском союзе. Одновременно с этим, упор сугубо на реанимацию советских устоев так же будет губителен, ввиду того, что большинство из них исчерпали свою актуальность еще во времена существования объединения. В связи с этим, для Беларуси

является актуальным здоровый прагматизм во всем, что касается ее развития в целом, и информатизации в частности. Используя сформированные социокультурные особенности, страна имеет возможность выстроить успешную политику в этом направлении, реализуя, например, проект «электронного правительства» по шведскому образцу, придерживаясь идеи построения социального государства и современных реалий.

Для страны удачным примером видится опыт Финляндии, которая совершила небывалый прорыв в области информатизации, несмотря на то, что долгое время была зависима и относилась к числу бедных аграрных стран. Ставка в выходе из кризиса была сделана на позитивную роль информационных технологий. Данные идеи были сформулированы и выстроены в рамках новой национальной идеи, которая заключалась в возрождении и сопрягалась с национальной идентичностью, социальной стабильностью, ростом экономики и благосостояния граждан в условиях расширенного использования информационно-коммуникационных технологий. Это актуально в условиях выбора инновационного пути развития Беларуси, а также построения новой молодой экономики знаний. К слову, успешно функционирующий Парк высоких технологий уже сейчас является мощным стимулом для продолжения уверенного движения вперед. Параллельно с информатизацией Финляндия не сокращала, а расширяла социальные, а главное – культурные программы. Это сформировало у населения веру в то, что культурное наследие и национальную идентичность возможно поддержать с помощью информационных технологий. Более того, финны видели реальный результат, их уровень жизни повышался и это подталкивало их к поддержке государственной культурной политики и, следовательно, информатизации.

Резюмируя вышесказанное можно отметить, что любое государство, желающее продуктивно и устойчиво развиваться, должно уделять внимание детальной разработке политики информатизации. Информационно-коммуникационные технологии пронизывают все процессы, а эффективность их использования предопределяет успешность развития страны. Важным фактором успешности внедрения информационных технологий является их увязка с социокультурными особенностями, ведь данные технологии не только не стирают особенности национальных культур, но и создают предпосылки для их развития.

Список использованной литературы

1. Бельский, А. М. Влияние социокультурного фактора на успешность трансформационных процессов в условиях информатизации / А. М. Бельский // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе [Электронный ресурс]: материалы III междунар. науч.-практ. интернет-конф. (6–7 декабря 2016 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2016. – 4,83 Мб. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); – С. 12–15.
2. Кастельс М. Россия в информационную эпоху. / М. Кастельс, Э.Кисилева // Мир России. – 2001. – №1. – С. 35–66.
3. Кастельс, М Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. / М. Кастельс, П. Химанен//. - М.: Логос, 2002. - 336 с.
4. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiyf-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody.html>. – Дата доступа : 31.12.2016.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ БЕЛАРУСИ В БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

А.В. Гавриков

г. Минск, ИПНК, gavrikov.1990@inbox.ru

Политические партии являются активными выразителями политической воли своих сторонников. Ключевыми вопросами на которое обращают внимание политические партии является как внутренняя, так и внешняя, политика государства. Одним из моментов партийного строительства в Республике Беларусь является отношение партии к вопросу интеграции Беларуси и России. Статья рассматривает эволюцию политического отношения партий к интеграционному процессу Беларуси и России.

Цель статьи – анализ деятельности Белорусских партий в период 1990-2016гг. и их роль в Белорусско-Российских отношениях.

Ключевые слова: Политическая партия, интеграция, дезинтеграция, правящие элиты, трансформация.

Политические партии являются активными выразителями политической воли электората, как во внутривнутриполитических процессах, так и во внешнеполитических вопросах политического развития страны. После распада СССР и провозглашения независимости, бывшие республики стали искать свой путь политического развития. Часть из них сразу и бесповоротно решили идти в сторону интеграции с Западной Европой и США вступая с ними в экономические и военные блоки, другая же сохранила тесные контакты с Россией.

Беларусь после объявления независимости поставила вопрос о многовекторной интеграции в которой на начальном этапе отдавалось большее предпочтение западно-европейским странам. Однако, вскоре Беларусь и Россия начали более интенсивную интеграцию по причине, тесного экономического сотрудничества и разрыва промышленного производства после распада СССР, который отрицательно сказывался на промышленном производстве обеих стран. Политические связи с Россией были во многом утеряны после подписания Беловежского соглашения 8 декабря 1991 г. Хотя договор и был ориентирован на глубокие экономические, политические и культурные связи между независимыми государствами «Высокие Договаривающиеся Стороны будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования. Здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому информационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства. Стороны считают необходимым заключить соглашения о сотрудничестве в указанных областях», он все же был направлен скорее на разрыв интеграционных отношений [1]. Интеграционные процессы между Беларусью и Россией в 1991-1994 гг. были неравномерными и развивались довольно медленно. Белорусские правящие элиты в тот момент отдавали предпочтение налаживанию отношений в первую очередь со странами западной Европы и США.

Политические партии, которые появились после распада СССР в период первой политической трансформации партий в 1991-1994гг. разделились на тех кто лояльно относился к интеграции Беларуси и России и тех кто был против. Условно в 1991-1994гг. ведущими политическими силами были антикоммунистические (национально-демократические) и коммунистические (коммунистические и левые партии). Комму-

нистические и левые партии в период 1991-1994гг. выступали за тесную интеграцию с Россией, национально-демократические партии выступали за умеренную интеграцию с Россией и тесную интеграцию с Европейскими странами и США. Национал-демократическими партиями был разработан военный союз (который так и не был реализован и остался на черновой бумаге) Балтийско-Черноморский союз, который должен был по плану его создателей обеспечить военную независимость новых государств Прибалтики, Беларуси и Украины.

Важным поворотным моментом в интеграционных процессах стал референдум 1995г. Одним из главных вопросов которого стал экономической интеграции Беларуси и России. Политические партии в преддверии референдума мобилизовали своих сторонников: оппозиция призвала не поддерживать вынесенные на референдум вопросы, одним из которых был вопрос «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?» партии поддерживающие правительственный курс призвали прийти своих сторонников на референдум и поддержать инициативу президента.

Вопрос о поддержке действия президента, направленных на экономическую интеграцию с Российской Федерацией.

«Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией»		
Да или нет	Голосов	Процент
✔ Да	4 020 001	83,3 %
Нет	602 144	12,5 %
Действительных голосов	4 622 115	95,8 %
Недействительных голосов	201 337	4,2 %
Всего голосов	4 830 582	100,00 %
Электорат		7 445 820

Источник 2

Референдум показал стремление белорусского электората идти на тесную интеграцию с Российской Федерацией, что соответственно показала реальные силы поддержки партий, поддерживающих правящий кабинет и президента, и силы оппозиции (которые заметно уступали).

Интеграционные процессы все четче разделяли политические партии на тех, кто выступал за дальнейшую интеграцию Беларуси и России и тех, кто выступал против. Стоит заметить, что уже тогда оппозиционные депутаты Верховного Совета и лидеры оппозиционных партий высказывались, что интеграционные процессы с Россией ведут к потере суверенитета страной. Однако политическое большинство видело в интеграционных процессах с Россией приемлемый для страны политический курс, что в долгосрочной перспективе показало возможность дальнейшей интеграции и налаживания военно-политического диалога между странами.

Беларусь в период 1995-1997гг. подписало в области экономического и политического сотрудничества в три раза больше документов чем в 1991-1994гг. Курс на дальнейшую интеграцию был усилен подписанием в мае 1997г. договора Союза Бела-

руси и России. Договор предусматривал поэтапно организуемое единое политическое, экономическое, таможенное, валютное, юридическое, гуманитарное, культурное пространство [3].

Период 1997-1999гг. характеризуется усилением в стране правящего кабинета и президентской власти, что в свою очередь сопровождалось ослаблением оппозиционных партий сокращением их членского состава присутствия их депутатов в парламенте. Это необходимо связывать с стабилизацией политической системы в стране и оправдания надежд большинства электората от интеграционного процесса Беларуси и России. Однако в 1999 г. часть лидеров оппозиционных партий и организаций на фоне создания в декабре 1999 г. союзного государства высказались против такого союза, как заметил белорусский исследователь А.П. Косов «Его строительство трактуется многими представителями оппозиции как первый шаг к поглощению Беларуси Российской Федерацией, имеющей имперские амбиции. Подтверждением возможного развития сценария подобным образом для них стало и публичное предложение В. В. Путина белорусскому руководству в 2002 году войти в состав России на правах субъекта федерации» [4, с. 37].

Период третьей политической трансформации Беларуси 2000 - по н.в. является для политических партий периодом политической стагнации в своем развитии и уменьшении их роли в политической жизни страны, что обусловлено снижении значения как провластных партий, так и оппозиционных партий в общественно-политической жизни, соответственно и в интеграционных вопросах.

Таким образом политические партии на разных этапах своего политического развития довольно слабо влияли на принятия интеграционных решений в отношении с Российской Федерацией. Произошедшие интеграционные процессы являются естественными политическим результатом стремления и интересов электорального большинства и правящей политической элиты и в меньшей степени партий как социально-политического института.

Список использованной литературы

1. Отсканированная копия архива ГАРФ. Ф. 10026. Оп.4. Д. 1303 Л. 1-5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml>. Дата доступа: 18.11.16.
2. Протокол. Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Referenda-1995-Post.pdf>. Дата доступа: 18.11.2016.
3. С.А. Авакьян. Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерации о создании союзного государства: конституционно-правовой анализ / Авакьян С.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kursach.com/biblio/9000000/009.htm>. Дата доступ: 21.11.2016.
4. А. П. Косов. Союзное государство в оценках прозападных политических сил Беларуси / Косов. А.П. Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. = Беларусь усучаснымсвецце: матэрыялы XV Міжнар. навук. канф., прысвеч. 95-годдзю заснавання Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 27 кастр. 2016 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 36-38.

КРАСОТА В РЯДУ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ БЕЛАРУСИ)

Е.Н. Горегляд

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, ylgoregliad@yandex.ru

Статья посвящена изучению функционирования духовной ценности *красота* в заголовках русскоязычных периодических изданий Беларуси. Целью исследования является выявление значимости названной ценности в системе духовных ценностей белорусов и её лингвистической представленности в печатных СМИ.

Ключевые слова: духовная ценность, эстетическая ценность, красота, заголовки.

В современной динамичной жизни, в период интенсивных социальных изменений, когда многое из того, что, казалось бы, неизбежно, оказывается разрушенным, проблема исследования системы духовных ценностей индивида в частности и общества в целом представляется особенно актуальной. Ее изучению уделяют большое внимание философы, культурологи, педагоги, филологи, политики, социологи. И это вполне объяснимо: на нынешнем этапе развития общества важно выявить и зафиксировать те ценности, которые определяют сознание и представления современного человека. Постигнутые человеком духовные ценности, выдвигаясь в качестве целей жизни, становятся ценностными ориентациями. По мнению В.П. Тугаринова, «ценности – это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [1, с. 271].

Всякое общество характеризуется самобытностью культуры, которой свойственна ценностно-ориентационная структура. Мир духовных ценностей каждого из нас многогранен. Каждый из нас сформировал для себя определенную систему ценностей, компоненты которой призваны гармонизировать наше существование. Вместе с тем существуют ценности «глобального» характера, которые являются значимыми для целого народа. Важнейшими духовными ценностями любого общества являются нравственные, религиозные и эстетические.

Завоевание умов и чувств людей происходит в области средств массовой коммуникации. Процесс взаимодействия массовой коммуникации с общественным сознанием выглядит таким образом, что, с одной стороны, массовое сознание влияет на формирование высказываний в процессе общения, с другой же стороны, оно подвергается постоянному воздействию средств коммуникации, в значительной степени ими обусловлено. По определению И.А. Федякина, «массовая коммуникация – целостное явление, представляющее часть человеческих взаимоотношений в современном мире... Массовая коммуникация связана с общественным бытием и общественным сознанием. Она пронизывает такие сферы общественного сознания, как идеология, общественная психология и наука, и во многом определяет его формы – политические, правовые, этические, эстетические, религиозные и прочие» [2, с. 4].

Исследование показало, что *красота* является наиболее распространенной эстетической ценностью, отраженной на страницах печати. Это к тому же одна из самых многогранных ценностей: красота может быть физической, нравственной, эстетической.

Красота – эстетическая категория, обозначающая совершенство, гармоничное сочетание аспектов объекта, при котором последний вызывает у наблюдателя эстетическое наслаждение [3]. *Красота* является одной из важнейших категорий культуры, в том числе славянской.

Мир в представлении человека бесконечно разнообразен. Реальная действительность находит своё отражение в языковых знаках, способных выступать в виде различных лексических, словообразовательных и синтаксических конструкций. В таких языковых формах закрепляется социально-исторический и познавательный опыт людей.

Значимость какой-либо ценности, на наш взгляд, помимо иных количественных характеристик, может оцениваться её представленностью языковыми средствами в средствах массовой информации. Наше исследование, проведенное на основании анализа заголовков статей русскоязычной периодической печати Республики Беларусь, предполагает выявление значимости ценности *красота* в ряду духовных ценностей белорусов. Нами были проанализированы материалы газет «СБ. Беларусь сегодня», «Народная газета», «Витьбичи», «Витебские вести», так как данные издания наиболее приближены к массовому читателю. Отметим, что представленность духовной ценности *красота* в заголовках анализируемых периодических изданий – около 18%.

Важность этой духовной ценности в менталитете белорусов поддерживается морфолого-синтаксическим оформлением заголовков, где преобладают номинативные лексемы, зачастую оформляющие предикативный центр предложения-высказывания. Сильная позиция свидетельствует о важности для журналиста предметно-образной конкретизации описываемой духовной ценности и подчеркивает её значимость для автора статьи, который стремится утвердить эту значимость в сознании читателя:

У каждого дерева своя красота («Віцьбічы»),

Когда в сердце живет красота («СБ. Беларусь сегодня»),

Пусть торжествует красота («Народная газета»),

В мороз согреет красота («Віцьбічы»),

Красота – не роскошь («Витебские вести») и др.

Анализ синтаксической структуры отобранных заголовков выявил преобладание двусоставных конструкций с чётким делением на тему и ремю и частым несоответствием актуального членения синтаксическому, что способствует усилению экспрессии таких предложений. В подобных заголовках концентрированно представлена информация, которая конкретизируется последующим текстом статьи.

В единично представленных номинативных предложениях происходит актуализация данной ценности:

Красота родного города («Витебские вести»).

В подавляющем большинстве случаев ценность *красота* в газетных заголовках представлена субстантивными формами. Являясь отвлеченным, существительное *красота* отличается особой широтой семантики: оно характеризует разнообразные обстоятельства, события, явления, сопровождая их соответственной оценкой. В отдельных конструкциях лексема, маркирующая ценность *красота*, представлена субстантивом в косвенном падеже, выступающим с роли второстепенного члена предложения, что позволяет конкретизировать данное понятие:

Создавая красоту, очищаем среду обитания («Віцьбічы»),

Созвездие красоты («Витебские вести»)

Спешите увидеть красоту! («СБ. Беларусь сегодня»),

Рецепт красоты (Народная газета)

Праздник красоты («СБ. Беларусь сегодня») и др.

Опосредованно данная духовная ценность представлена в заголовках анализируемых изданий однокоренным адвербиальным образованием в функции обстоятельства образа или способа действия:

Поступать нужно красиво («Народная газета»),

Готовить красиво и вкусно («Віцьбічы»).

Одним из наиболее действенных средств привлечения читательского внимания, создания особой экспрессии и смысловой самобытности текста в периодической печати Беларуси является использование в качестве заголовков статей прецедентных текстов. Присутствие «знакомого» текста способствует активизации мыслительной деятельности читателя, подталкивают его к поиску ассоциаций. Употребление журналистами прецедентных текстов свидетельствует об особом подходе авторов статей к выбору вербальных средств с целью привлечения и удержания внимания читателя. Несомненно, всё это возможно при наличии у реципиента-читателя определенных фоновых знаний и общего с автором статьи лингвокультурологического кода. Нами выявлены три прецедентных заголовка, включающих лексему *красота* или её дериваты;

Красиво жить не запретишь! («СБ. Беларусь сегодня») – выражение, ставшее популярным после выхода в 1983 году одноименного фильма режиссера А. Васильева [4];

Красота спасет мир («СБ. Беларусь сегодня») – крылатой фраза князя Мышкина из романа Ф. Достоевского «Идиот» стала источником лексической трансформации, в результате чего появился, например, заголовок *Доброта спасёт мир* (Народная газета);

Красота не требует жертв («Віцьбічы») – трансформированный афоризм, входящий, по некоторым свидетельствам, к французской поговорке.

Красота – одна из основных культурных, эстетических ценностей общества. Это непреходящая духовная ценность, которая необходима для гармоничного развития человека и человечества.

Список использованной литературы

1. Тугаринов, В.П. Избранные философские труды. / В.П. Тугаринов. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988. – 344 с.
2. Федякин И.А. Общественное сознание и массовая коммуникация в буржуазном обществе. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Красота#cite_note-1 Дата доступа: 07.01.2017.
4. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

ЛЕКСІКА СА ЗНАЧЭННЕМ ВЯСЕЛЬНАЙ АБРАДНАСЦІ Ў ГАВОРКАХ ВІЦЕБШЧЫНЫ: ЛІНГВАКРАІНАЗНАЎЧЫ АСПЕКТ

А.С. Дзядова
г. Віцебск, ВДУ імя П.М. Маўэрэва, honey.dedova@bk.ru

Мэта артыкула – выяўленне і аналіз лінгвакраіназнаўчай інфармацыі ў семантыцы назваў вясельнай абраднасці, якія функцыянуюць ў дыялектнай мове Віцебшчыны.

Ключавыя словы: вясельная абраднасць, дыялектная мова, лінгвакраіназнаўчы, семантыка.

Гаворкі Віцебшчыны адносяцца да паўночна-ўсходняга тэрытарыяльнага дыялекту Беларусі і выяўляюць нацыянальную адметнасць жывой народнай мовы паўночнай часткі нашай краіны – Беларускага Паазер'я. Трэба адзначыць, што насельніцтва значнай часткі беларуска-расійскага памежжя (а гэта якраз тэрыторыя Віцебскай вобласці – Віцебскага, Гарадоцкага, Расонскага, Верхнядзвінскага, Лёзненскага, Дубровенскага раёнаў) з прычыны геаграфічнага размяшчэння і

тэрыторыі пражывання, а таксама даволі актыўных побытавых і сацыяльна-эканамічных стасункаў з жыхарамі прылеглых да Беларусі раёнаў Расіі – Смаленскай і Пскоўскай абласцей – найбольш падвергнута перайманню культурных і моўных традыцый сусядняга рускага народа.

З гэтай прычыны ў фарміраванні этнічнай і гістарычнай самасвядомасці беларусаў, іх каштоўнасных арыентаў і далучэння да духоўнай спадчыны сваіх продкаў важную ролю адыгрывае рэгіянальная лексіка, у тым ліку і абрадавая, якая з’яўляецца цікавай крыніцай лінгвакраізназначай і нацыянальна-культурнай інфармацыі, бо дае ўяўленне пра традыцыі і абрады беларусаў, іх гістарычнае мінулае, адлюстроўвае сацыяльныя адносіны паміж людзьмі. Апрача таго, менавіта на ўзроўні дыялектных адрозненняў дастаткова выразна выяўляецца нацыянальная адметнасць элементаў мовы, побыту і традыцыйнай народнай культуры нашага народа. Надзвычай багатым у семантычным плане моўным матэрыялам выступаюць на Віцебшчыне назвы вясельнай абраднасці беларусаў.

Адной з культурных праў кожнага народа як этнічнай супольнасці з’яўляецца наяўнасць пэўных абрадаў, традыцый і звычаяў. Вясельны абрад у беларусаў уяўляе сабой шматэтапны фальклорна-этнолінгвістычны комплекс, які адлюстроўвае духоўную культуру нашага народа і з даўніх часоў традыцыйна падзяляецца на тры этапы – перадвясельны, вясельны і паслявясельны. Значную ролю ў вясельнай абраднасці адыгрывае перадвясельны этап, найбольш важным і адказным эпізодам якога лічыцца сватанне. Здаўна ў сваты ішлі, як правіла, самыя блізкія людзі – хросныя бацька і маці, дзядзька, сястра, брат маладога. Яны бралі з сабою ў пачастунак хлеб або пірог, бутэльку гарэлкі, якую перавязвалі чырвонай стужкай. На Віцебшчыне гэты рытуал называецца **абглядзіны(агляды)**: *Праз нядзелу мая сястра паедзіць ў абглядзіны* (Гута Паст.); *Хутка прыедуць да нас у агляды* (Ігнацішкі Паст.) [1, с. 22] ці **сугледы**: *На сугледах жаніх панравіўся ўсім*. (Верацеі Шарк.) [2, с. 285].

Пасля атрымання папярэдняй згоды на шлюб адбываліся запойны, якія і сёння ў гаворках Віцебшчыны называюцца **запіўкі** ‘перадвясельны этап, калі бацькі маладых дамаўляюцца пра дзень сватання’, падчас якіх яшчэ раз, ужо канчаткова, пацвярджалася згода нявесты на шлюб: *Вот былі запіўкі, а я на печы сядзела* (Літусава Сен.) [1, с. 203]. На запойнах больш блізка знаёміліся, абменьваліся падарункамі родныя жаніха і нявесты. Пасля прыняцця канчатковай згоды на вяселле адбываліся **зазовы** ці **барышы** ‘заручыны’: *У суботу зазовы будуць* (Абольцы Тал.) [1, с. 199]. Гэты эпізод перадшлюбнай цырымоніі называецца ў асобных мясцінах на Віцебшчыне **звядзенне** або **змовіны**: *Былі сёння на звядзенні* (Езяршыча) [1, с. 210]; *На змовінах адразу ўсе і вырашылі* (Шынкава Сен.) [1, с. 210]; *У суботу да нашай суседкі прыедуць у барышы* (Завыдрына Уш.) [1, с. 73]. На гэтым этапе агаворваліся ўмовы шлюбу, абмяркоўваліся матэрыяльныя выдаткі на вяселле з боку жаніха і нявесты.

Напярэдадні вянчання ў царкве адбываліся вчоркі ў доме будучага жаніха і нявесты. Вечар у будучай нявесты (зборная субота) называўся **паненшчына** або **субор**: *Паненшчына – вечар, калі дзеўка замуж ідзець, у суботу моладзь гуляець* (Шаркоўка Леп.) [2, с. 109]; *Танечка субор сабрала – сабрала субор на ўвесь двор* (Дуброўна.) [2, с. 285]. Нявесту апраналі да шлюбу, моладзь да раніцы гуляла, увесь час спявалі песні, якія суправаджалі амаль усе дзеянні маладой. Вечар, які адзначалі напярэдадні вясельна ў доме жаніха, называўся **кавалер**: *А калі ўжэ маліц жэніцца, тады вечар называецца “кавалер”* (Шаркоўка Леп.) [1, с. 221].

Наступным этапам вясельна з’яўляецца шлюбны этап. У гаворках Віцебскай вобласці да сённяшняга часу сустракаецца матываваны назоўнік **шлюбавіны** ‘вяселле’: *Раней у гэтай хаце такія шлюбавіны гулялі!* (Порплішча Докш.) [2, с. 346].

Вясельны этап распачынаўся ў суботу з вельмі адказнага этапу – выпякання каравая. У гэты ж час рыхтавалі вясельны картэж, які складаўся з некалькіх вазоў, убраных рознакаляровымі папяровымі стужкамі і галінкамі елкі. Асабліва пекна ўбіралі вазок, на якім ехалі маладыя. Дугу шчыльна апляталі елкаю, да яе прымацоўвалі **шархоткі** ‘маленькія металічныя бразготкі’: *Даўней шархоткі пацэпняць на каня, здалёку чуваць, што свата нейкае* (Сарокі Глыб.) [2, с. 342]. Вельмі добрым знакам лічылася, калі вясельнаму поезду местачкоўцы некалькі разоў перагароджвалі дарогу. Дадзены этап вясельнага абраду рэпрэзентуюць разнастайныя лексічныя адзінкі з лінгвакраізназнаўчай семантыкай, у іх ліку дыялектызмы **брама** ў вясельным абрадзе перашкода на шляху маладых з частункам дзеля таго, каб маладыя заплацілі грошы: *Мы любілі брамы ставіць на свадзьбах* (Таўкіні Шарк.) [1, с. 9]; **пярыцы** ‘т.с.’: *Маладыя астанаўліваюцца перад пярыламі, ўзкіць сват, канфеты сыпець, грошы* (Замошша Тал.) [2, с. 210]; **рагатка** ‘столік, якім перагароджваюць дарогу вясельнаму поезду падчас сустрэчы маладых’: *На рагатцы стаяў вялікі каравай* (Верацеі Шарк.) [2, с. 216].

У доме жаніха шанюўных і доўгачаканых гасцей сустракалі з радасцю і задавальненнем. Каб маладыя не ступалі на голую зямлю, свякроў засцілала ў варотах **пацірку** ‘ручнік’: *Пацірка з махрам ікрыжавам* (Валынцы В.-Дзв.) [2, с. 129]. Першым на яе становіўся сын, а затым будучая нявестка. Вяселле ў маладога магло доўжыцца два, а то і тры дні – усё залежала ад сямейнага дастатку. Заканчвалася вяселле зноў-такі дзяльбой караваі і здыманнем вэлому з маладой.

Не раней чым праз тыдзень маладыя разам з бацькамі маладога і сватамі ехалі ў **пярэзвы** (**перазоўі**, **пярэзва**, **перазовы**, **перазоўкі**, **перазыўкі**, **пярэзаўкі**) ‘заклучны этап вясельнага абраду, калі бацькі маладой пасля вяселля прыязджаюць у госці да сватоў’: *А ў нас сьгодні перазоў, сам Бог дарожку перайшоў* (Камоскі Беш.); *І на пярэзву грошы трэба: хачу, каб усё было, як у людзей* (Шыліна Шум.); *Ездзілі на перазовы ўчора* (Пугачова Докш., Задоры Шум.); *У перазоўкі да сватоў ездзілі* (Хайсы Віц., Выдрэя Лёзн., Пачаевічы Чаш.); *На перазыўкі паедзім у суботу* (Грынеўшчына Докш., Лужкі Шарк.) [2, с. 136].

Для імянавання нявесты ў гаворках паўночна-ўсходняй часткі Беларусі выкарыстоўваюцца лексемы **вясельніца** (**вясельніца**): *У той год многа вясельніц было* (Рыпіншчына Шум.) [1, с. 119]; **маладóвачка**: *А дзеўкі ўсе й гаворуць: “А сабірайся, маладóвачка, у дарогу”* (Кветча Леп.) [2, с. 16]; **кінягіня**: *І я глядзела, як кінягіню выкуплялі* (Канашы Гар.) [1, с. 250] і інш. Жаніха называюць **маладзёнец** (**маладзён**, **маладзёнак**, **маладзій**, **маладзьян**): *Маладуха красівая, а маладзёнец дрэнь* (Пугачова Докш.) [2, с. 16].

Удзельнікі вясельнага абраду на Віцебшчыне, як, зрэшты, і ў іншых рэгіёнах Беларусі, умоўна падзяляюцца на дзве групы – прадстаўнікоў з боку жаніха і з боку нявесты. У склад кожнай групы ўваходзяць блізкія (кроўныя) родзічы – бацька, маці, брат, сястра, а таксама іншая радня і сваякі. У вясельным абрадзе кожны выконвае сваю, дакладна рэгламентаваную ролю, як гэтага патрабуюць народны светапогляд, мясцовыя традыцыі і агульнапрынятыя народны этыкет. Найбольш паважанымі ўдзельнікамі вяселля здаўна лічыліся ў нас самыя блізкія сваякі, прадстаўнікі старэйшага пакалення. Натуральна, што адным з галоўных вясельных чыноў з’яўляецца сват. Вясельны чын свата прысутнічае ў вясельным абрадзе на Віцебшчыне як з боку маладога, так і з боку маладой. У “дружыне” жаніха на “ролю свата” выбіраецца абавязкова жанаты мужчына старэйшага ўзросту, які ўдзельнічае ў сватанні нявесты, а пасля кіруе вясельным працэсам. У асобных мясцовасцях Віцебскай вобласці на вяселлі сватам могуць называць любога жанатага ўдзельніка з боку жаніха або нявесты – дзядзьку, брата, хроснага бацьку, мужа сястры ці нават

блізкага знаёмага. Таму сярод ўсіх сватоў вылучаўся старшы сват, якога перавязвалі цераз плячо адным або двума ручнікамі, ён меў яркі пояс. Для імянавання старшага свата ў гаворках Пастаўшчыны ўжываецца назоўнік **маршалак**: *Маршалку на вяселлі давалі падарак* (Вялічкі Паст., Груздава Паст.) [2, с. 18] (параўнаем: у старабеларускай мове XIV-XVIII стст. назоўнік *маршалок* шырока ўжываўся са значэннем 'найвышэйшая службовая асоба ў ВКЛ і феадальнай Польшчы' або 'павятовы кіраўнік дваранства'). У Бешанковіцкім раёне для імянавання сватоў і сёння ўжываецца лексема **пазалотнічкі**: *Раней пазалотнічкі, калі прыязджалі, то дамоў усегда другой дарогай вазвращаліся* (Камоскі Беш.) [2, с. 96].

У дыялектнай мове Віцебшчыны для наймення шафера – удзельніка вясельнага абраду з ліку нежанатых хлопцаў, якія ўваходзілі ў склад найбліжэйшага акружэння жаніха (сяброў ці братоў) – сустракаецца вялікая колькасць сінанімічных назваў. Напрыклад, **брацюк** (паходзіць ад агульналітаратурнага слова *брат*, паколькі функцыі шафера нярэдка выконвае малодшы брат жаніха): *Вясёлы брацюк у маладых, кампанейскі* (Баравуха Пол.) [1, с. 91]; **паджанішнік**: *Паджанішнік – хлопец з горада, культурны такі* (Міхалова Чаш., Верацеі Шарк.) [2, с. 84]; **першы**: *Брат ягоны на вяселлі быў за першага* (Мікіціха Шум.) [2, с. 141]; **пытанішнік**: *Пытанішнікам у нас будзе Федзька* (Шыліна Шум.) [2, с. 206] і інш. Разам з тым ў дружыне маладога былі і незамужнія дзяўчаты (сёстры і іншыя сваячкі), якіх называлі **свашкі**: *У маладога дзяўчаты-свашкі бойкія на язык* (Пеуя Глыб.) [2, с. 246].

Са значэннем 'шаферка, дружка, блізкая сяброўка маладой на вяселлі' ў народна-дыялектнай мове Віцебшчыны і сёння шырока функцыянуюць разнастайныя сінанімічныя найменні – **паднявесніца**, **баярка**, **бальшанка**. Дружкай звычайна абіраецца незамужняя сястра маладой (родная ці стрыечная), дачка аднаго з хросных бацькоў або самая блізкая сяброўка. Яна суправаджае маладую падчас перадвясельнага абраду і на працягу ўсяго вяселля: *Паднявесніца прыехала з дарагім падаркам* (Луцік Чаш.) [2, с.88]; *Баярка на вяселлі была самая вясёлая, баявая* (Заазер'е Пол.); *Прышоў Андрэй па яе – і пайшла. Без бальшанак – на вуліцы ўжо тая далучыліся* (Нямойта Сен.) [1, с. 67].

З агульным кампанентам значэння 'вясельны чын, які называе гасцей з боку нявесты' звяртаюць на сябе ўвагу дыялектныя найменні **прыданія** і **паязджане** 'удзельнікі вяселля з боку нявесты, якія ехалі ўслед за ёю ў хату маладога і везлі скрыню з пасагам маладой – кубельнік': *Прыданія кала маладой паселі* (Дзеркаўшчына Глыб.); *З боку маладой заўсёды прыданія павінны ісці* (Камайск Докш.) [2, с. 186]; *Нашы паязджане едуць наканец* (Дрысвяты Брасл.) [2, с. 132]; *Вязуць кубельнік на вазу і перад маладымі ў хату ўносяць*. (Лазічы Глыб.) [1, с. 267].

Такім чынам, дыялектызмы ў гаворках Віцебшчыны, якія рэпрэзентуюць у сваім значэнні вясельную абраднасць, маюць даволі разнастайны семантычны спектр і нясуць у сабе цікавую лінгвакраіназнаўчую інфармацыю пра традыцыйную народную культуру беларусаў як самастоўнага этнасу.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злюбін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА "ВДУ імя П.М. Машэрава", 2012. – 304 с.
2. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. /склад. : Г. К. Семянькова, Т.А. Грачыха, А. С. Дзядова [і інш.]; пад рэд. А.С. Дзядовой. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2014. – Ч. 2. – 358 с.

ФЕНОМЕН РАЦИОНАЛЬНОСТИ И КРИЗИС КУЛЬТУРЫ

И.Н. Колядко

г. Минск, БГУ, expireauto@yandex.ru

Цель статьи – выявить специфику и характер взаимосвязи феномена рациональности с процессами становления, динамики и трансформации европейской модели культуры, определить параметры кризиса «современности» как специфического социокультурного и цивилизационного проекта.

Ключевые слова: ценность, Просвещение, идея рациональности, кризисный модерн.

Идея рациональности является краеугольным камнем, основанием европейской культуры, а в эпоху Просвещения за ней закрепился статус одной из фундаментальных ценностей. Неслучайно кризис современного общества и культуры исследователи проблем социальной и цивилизационной динамики соотносят непосредственно с кризисом рациональности. Системный цивилизационный кризис, по мнению Ю.А. Никиотиной и А.В. Корниенко, является «отражением ещё более глубокого кризиса в сфере сознания, кризиса рационализма, приведшего к утрате миром ощущения его целостности и единства, и оказавшего катастрофическое воздействие на социум, вступающий в новое тысячелетие. Сегодня рациональность эпохи постиндустриализма подвергается серьезным изменениям, а ее основы (демократия, закон, наука) – деформирующему воздействию беспрецедентных по масштабу трансформаций» [1, с. 63].

Симптоматично, что вопросы рациональности в современной социальной философии рассматриваются в контексте экологических, антропологических, социально-культурных рисков и угроз. Вместе с тем, как отмечают О.В. Новикова и В.С. Сайганова, в исследованиях все чаще «артикулируется зависимость кризисных явлений от мировоззренческих установок человека», что непосредственно связано со «своейственной индустриальной цивилизации эскалации научно-технического прогресса, призванного облегчить жизнь человека», результаты которого «обернулись угрозой экологического кризиса, а основанные на вере в могущество человеческого разума масштабные социальные трансформации инициировали затяжной антропологический кризис второй половины XX – начала XXI в.в.» [2, с. 56]. Видоизмененная, существенно трансформированная классическая рациональность как ценность европейской культуры стала «рациональностью кризисной», что, в свою очередь, оказало влияние на формирование общества нового типа – «кризисного модерна».

Понятие «кризисный модерн» акцентирует внимание на состоянии «современности» как типа цивилизационного развития в начале XXI столетия. ««Кризисный модерн», – поясняет Д.Е. Карташов, – представляет собой такую модель общества, в которой основные идентичности и институты модерна продолжают существовать, но в деформированном, разлагающемся состоянии» [3, с. 17]. Кризис рациональности и, соответственно, кризис общества современного типа, проявляются в самых разнообразных аспектах. Во-первых, «обратной стороной роста рациональности оказывается возрастание иррациональности и неразумности, следствием чего стала катастрофа XX столетия»; во-вторых, современное общество – это «тотально управляемый социумом», а тоталитаризм, в свою очередь, являясь продуктом именно современной эпохи, выступает в качестве «такой формы социальной организации, при которой политическая власть контролирует все сферы жизнедеятельности общества и индивида» [4, с. 240]. Связь современности и тоталитаризма является фундаментальной и выражается, в частности, в том, что «рациональность в современном обществе эксплицируется как "тоталитарный разум", "забвение Бытия", "интервенция системных императивов" или "дисциплинарная власть"» [3, с. 9].

Деструктивный характер такого типа рациональности для культуры и общества очевиден, что, в свою очередь, убеждает в необходимости выработки альтернативной стратегии развития современных обществ исходя из иных ценностных приоритетов. «Для преодоления кризиса европейской рациональности, – отмечает Д.Е. Карташов, – следует обратиться к переформулированию ее базисных предпосылок, включая признание относительности рационалистической парадигмы, плюрализма типов и форм рациональности, осуществить переход к парадигме диалогизма и коммуникации» [3, с. 9]. Преодоление кризисных тенденций и рисков оказывается возможным только в том случае, если в основании стратегии посткризисного развития будет положен иной тип рациональности, наиболее соответствующий требованиям и социокультурной специфике эпохи глобальной нестабильности. Таким образом, ориентация цивилизационного развития ставится в зависимость от принятого типа рациональности, что в очередной раз подчеркивает уникальность этой культурной ценности для устойчивой динамики современных модернизирующихся обществ.

Современная социальная философия исходит из признания фундаментальной связи кризиса в динамике европейской культуры с феноменом рациональности, понимаемой в качестве «деятельности в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок» [5, с. 31-32]. Проблема рациональности в истории европейской культуры всегда находилась в тесной связи с вопросом о том, какими сущностными характеристиками наделялся сам разум. Различные ответы на этот ключевой вопрос и стали основаниями различных подходов и стратегий понимания и осмысления феномена рациональности. Своего рода образцовой для европейской культуры, классической стала «логоцентрическая» парадигма. Для этой парадигмы, как отмечает В.Н. Порус, «характерно убеждение в абсолютности и неизменности законов вселенского разума, постигаемых человеком и обнаруживаемых им в собственном мышлении. Это убеждение было связано с культурными универсалиями, доминировавшими на протяжении культурных эпох» [6, с. 24].

Однако с течением времени критерии рациональности, равно как и ее границы стали предметом критики и многочисленных дискуссий, было выявлено, что тот или иной тип рациональности базируется на определенных когнитивных и ценностных предпосылках, не подвергавшихся рефлексивному осознанию и критическому исследованию. Нежелание выйти за пределы этих предпосылок, а, следовательно, неспособность понять уникальность других, неевропейских, культур, их самобытность, вступить в ними в равноправный диалог стало составной частью кризиса классического европейского «логоцентрического» рационализма как системы культурных универсалий. В работах Т.Ю. Сидориной, В.М. Межуева, В.Н. Поруса и др., показано, что одной из ключевых причин кризиса «логоцентрической» парадигмы рациональности является действие и эволюция противоречий, заложенных в основании европейской культуры, всплеск которых пришелся на XIX и в особенности XX вв. под влиянием социальных, экономических, политических факторов. «Одно из таких противоречий, – поясняет В.Н. Порус, – "парадокс свободы": универсалией европейской культуры является свобода индивидуума, но в то же время эта культура требует ограничения свободы ради общественного единства». Вместе с тем «"противоречие свободы" на протяжении веков "разрешалось" благодаря идее Благого Бога; она придавала "свободному подчинению" сакральный смысл, чего было до поры достаточно, чтобы противоречие не приводило к расползанию духовной ткани культуры. Сомнение же преодолевалось усилием веры» [6, с. 24].

Динамика кризиса европейской культуры соответствует динамике трансформаций типов рациональности. Доминирующий в эпоху Нового времени тип рациональности, допускающий и санкционирующий контроль со стороны человека окружающей его природной и социальной среды и, соответственно, понимаемый как способ

человеческого освобождения, породил современный тоталитаризм, метафизическая сущность которого заключается в упразднении дифференциации, т.е. иерархии ценностей и норм. Это, в свою очередь, поясняет С.В. Голубев, «объективно ведет к деструктуризации и аморфизации социума, к атомизации социального бытия, разобщению общества», являясь одним из «глобальных рисков» современности как определенной эпохи развития человечества, своеобразного социокультурного феномена» [4, с. 240-241]. Все эти деструктивные для социального бытия процессы, приводящие к хаотизации, дезорганизации и, соответственно, кризису общественных отношений стали предметом анализа уже в «Диалектике Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно. Исследуя феномен отчуждения и специфику «современности» франкфуртцы пришли к выводу, согласно которому в XX столетии диалектика инструментального разума стремится к одной-единственной цели – господству, осуществлению тотальной власти. Ослабление, вследствие тотального отчуждения, социальных связей, превращение общества в лишенную внутренней структуры, бессвязную массу является одним из предпосылок социальной нестабильности и кризиса, а перманентно неустойчивый социальный порядок выступает наиболее благоприятной средой для различного рода манипуляций. Таким образом, происходит размывание, а по существу упразднение конституирующих социум ценностей, общество вступает в полосу кризиса.

Очевидно, что западный тип цивилизации, получивший импульс для своего развития в эпоху Возрождения и сознающий себя как «современность», «современная цивилизация» базируется на определенных, ценностно-ангажированных, идейных основаниях. Кризис в данном контексте понимается и как трансформация, и в тоже время как смена парадигм рациональности, составляющих ядро, квинтэссенцию европейской культурной модели. В этой связи можно говорить о том, что системные культурно-цивилизационные, парадигмальные кризисы в истории Европы хронологически соответствуют периодам смены типов рациональности. «Каждому этапу истории, – поясняет эту мысль И.А. Ланцев, – соответствует свой образ мира, который непрерывно изменяется. Кризис (греч. – суд, решение, выбор, приговор) рациональности причинно обуславливает трансформационные процессы в сознании и культуре» [7, с. 14]. Картина мира, формирующаяся новым типом рациональности, становится нарративом, определяющим стратегию развития общества.

Сегодня феномен рациональности претерпевает существенные изменения, сталкиваясь с новыми цивилизационными вызовами. В «эпоху перемен» важно своевременно осуществлять профессиональное критическое обсуждение когнитивных и ценностных предпосылок рациональности, оказывающих непосредственное влияние на динамику социокультурного развития и будущее современных обществ.

Список использованной литературы

1. Никитина, Ю.А. Кризис современного рационализма и становление коэволюционно-инновационной рациональности / Ю.А. Никитина, А.В. Корниенко // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – № 6 (том 316). – С. 63-68.
2. Новикова, О.В. Феномен рациональности в современной культуре: антропологическое и когнитивное измерения / О.В. Новикова, В.С. Сайганова // Философия и социальные науки. – 2014. – № 3. – С. 56-60.
3. Карташов, Д.Е. Рациональность как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д.Е. Карташов. – Саранск, 2009. – 21 с.
4. Голубев, С.В. Об одном "глобальном риске" современности / С.В. Голубев // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конф. к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14-15 апреля 2011 года / науч. ред. совет: А.А. Лазаревич и др.; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 240-242.

5. Лекторский, В.А. Рациональность как ценность культуры / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 26-34.
6. Порус, В.Н. Многомерность рациональности / В.Н. Порус // Философия и социальные науки. – 2010. – № 1. – С. 24-29.
7. Ланцев, И.А. Кризис и будущее современного образования. Философия и науки в поисках новой образовательной парадигмы / И.А. Ланцев // FutureHumanImage. – 2014. – № 2. – С. 10-34.

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

А.П. Косов

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова, alekos1979@mail.ru

Целью статьи является рассмотрение имеющихся оценок процесса создания Союзного государства российскими экспертами.

Ключевые слова: Беларусь, интеграция, Россия, Союзное государство, эксперты.

8 декабря 1999 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко и Президент России Б. Н. Ельцин подписали Договор о создании Союзного государства [1]. Еще до его подписания российское экспертное сообщество разразилось шквалом комментариев, оценок и прогнозов запускаемого Минском и Москвой интеграционного проекта. Известно, что среди российских экспертов можно выделить как сторонников, так и противников создания Союзного государства.

В первую очередь, исходя из ограниченного объема настоящей публикации, обратим внимание на мнения достаточно известных российских политологов – С. А. Маркова, В. А. Никонова, К. Ф. Затулина, К. Е. Коктыша, Н. А. Нарочницкой, М. Г. Делягина, А. И. Суздальцева и др. Хотя это никоим образом не означает, что точки зрения не названных экспертов по рассматриваемой проблеме не заслуживают внимания.

Следует отметить, что большинство российских экспертов, как из числа сторонников, так и противников российско-белорусской интеграции, еще в октябре 1999 г. высказало скепсис относительно эффективности Союзного государства. Многие известные политологи, основываясь на практических результатах единения России и Беларуси в 1996–1999 гг., выразили сомнение в успехе нового интеграционного проекта. Так, директор Института политических исследований С. А. Марков подчеркивал, что у политических элит России отсутствует твердая политическая воля к объединению. По его словам: «Этот договор – не столько шаг вперед к объединению, сколько очередная профанация интеграционных процессов» [2]. Президент фонда «Политика» В. А. Никонов высказал сомнение в прорыве в создании российско-белорусского союза. Согласно политологу, Минск в тот момент был готов идти достаточно далеко в процессе интеграции, но Кремль ставил более ограниченные цели [2]. По словам директора Института стран СНГ К. Ф. Затулина, в политической сфере между Россией и Беларусью значительного продвижения не произошло [2]. С точки зрения политолога А. Ч. Касаева, каким бы патристичным и мудрым ни выглядело намерение Москвы и Минска воссоздать единое государство на основе равноправия, разница между экономиками двух стран не позволит этого сделать. Слишком велики различия в стартовых условиях накануне образования союза между двумя государствами. По его мнению, Минск с самого начала, несмотря на все публичные заявления своего руководства, шел на выполнение требований Москвы [3].

Со своей стороны, известный политолог В. Т. Третьяков придерживался более оптимистического взгляда. По его мнению, выгоды объединения для России и Беларуси настолько очевидны, что «если даже воссоединение будет чего-то «стоить» России, то она обязана заплатить любую цену, ибо сумма выигрышей (от геополитического до житейско-бытового) многократно превысит любые издержки» [4].

Как и предсказывали многие эксперты, озвученные в Договоре о создании Союзного государства цели не получили практического воплощения в силу ряда субъективных и объективных причин. В частности, одни политологи из числа сторонников российско-белорусской интеграции, сожалея о проблемах функционирования Союзного государства, обвинили в срыве договоренностей Москву, а другие – Минск. Так, комментируя топтание на месте в деле построения Союзного государства, известный ученый и в то время депутат фракции «Родина» Н. А. Нарочницкая подчеркнула, что проблема не в Лукашенко, а в российских властях. Дело в том, что окружение Ельцина Союза не хотело. По ее словам: «Наша сторона выдвигает заведомо неприемлемые предложения. Идет игра в политический пинг-понг. Все будто заинтересованы в этом вялотекущем процессе. И ни шагу вперед!» [5]. По мнению директора Института проблем глобализации М. Г. Делягина, главными вопросами Союзного государства стали вопросы о привлекательности России и о реальных гарантиях белорусской элите. К сожалению эксперта, нерешенность со стороны российской элиты данных вопросов стала существенным тормозом развития интеграции [6, с. 184]. Кроме того, эксперт указал на наличие личной несовместимости В. В. Путина и А. Г. Лукашенко, делающей реальную интеграцию невозможной [6, с. 185]. А, как известно, на что, кстати, указывают многие эксперты, интеграционное взаимодействие России и Беларуси в решающей мере определяется двумя президентами [7, с. 31].

По словам В. А. Никонова, реальному построению Союзного государства мешает отсутствие четкого ответа на один из ключевых вопросов – что означает Союзное государство для элит двух стран? Поэтому, эксперт уверен, что пока этот вопрос не будет решен, реального Союзного государства построено не будет [8, с. 38].

Достаточно в российском экспертном сообществе и тех, кто обвиняет в нереализованности проекта Союзного государства официальный Минск. Как подчеркивал А. И. Суздальцев из НИУ ВШЭ, «с лета 2002 г. союзная интеграция вступила в стадию неумолимой, но, к сожалению, вполне прогнозируемой деградации» [9, с. 351]. По его мнению, цели инициаторов интеграции оказались диаметрально противоположными, что является нонсенсом для любого интеграционного проекта [10, с. 424, 431]. При этом в срыве интеграции эксперт обвинил официальный Минск [10, с. 436]. Согласно А. И. Суздальцеву, Союзное государство обеспечивает внешнеполитическое прикрытие Беларуси на мировой арене, создает основу белорусской обороноспособности и составляет политическую базу экономической интеграции. При этом оно так и не вышло из стадии стагнации и в ближайшее время, по его мнению, не выйдет [11, с. 379, 394].

По словам А. В. Фадеева из Института стран СНГ, Россия по-прежнему пытается помочь своему союзнику, предоставить ему льготы, преференции и т.д. Но нельзя годами это делать, не получая ничего взамен. Эксперт убежден, что Беларусь не готова идти навстречу России. По его мнению, со стороны Минска есть лишь декларации и рассуждения, а не реальные действия [12].

Для многих экспертов Союзное государство превратилось в мираж. Так, с точки зрения К. Е. Коктыша из МГИМО, в свое время Союзное государство задумывалось как пиар-проект для Б. Н. Ельцина и А. Г. Лукашенко. Российскому Президенту нужно было продемонстрировать хоть какие-то заслуги перед россиянами. Поэтому для России это был вполне значимый проект. Для Беларуси этот проект тоже был пиаром прикрытия, удобной формулой, в рамках которой Москва переводила за транзит нефти гораздо большие суммы, чем нужно. Другими словами, все выигрывали, но ни Ельцин,

ни Лукашенко на первоначальном этапе не вкладывали в союзный проект серьезного смысла. В итоге ничего и не получилось. Десятилетие неэффективного существования Союзного государства позволило российскому эксперту охарактеризовать его в качестве виртуального проекта [13]. Такая же точка зрения и у Ю. Шишкова, указавшего на то, что «Союзное государство уже давно находится в коме и все более напоминает привлекательный мираж, который маячит где-то у горизонта, но при попытке приблизиться к нему отодвигается вместе с линией горизонта» [14, с. 102].

Таким образом, в российском экспертном сообществе преобладают скептические оценки функционирования Союзного государства Беларуси и России. Эксперты, являющиеся сторонниками белорусско-российской интеграции, с сожалением констатируют несостоятельность данного интеграционного образования, указывая на ряд объективных и субъективных причин. При этом одни из них перекладывают большую часть вины за неудачи в построении Союзного государства на Москву, а другие – на Минск.

Список использованной литературы

1. Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/>. – Дата доступа: 30.12.2016.
2. Союз России и Белоруссии вызывает сомнения среди политологов и прохожих [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 09.10.1999. – Режим доступа: <http://www.ng.ru/politics/1999-10-09/union.html>. – Дата доступа: 04.09.2016.
3. Касаев, А. Москва диктует Минску условия интеграции [Электронный ресурс] / А. Касаев // Независимая газета. – 23.02.2000. – Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2000-02-23/1_conditions.html. – Дата доступа: 05.09.2016.
4. Третьяков, В. Тезисы о российском союзе [Электронный ресурс] / В. Третьяков // Независимая газета. – 23.11.1999. – Режим доступа: http://www.ng.ru/editor/1999-11-23/1_union.html. – Дата доступа: 05.09.2016.
5. Наталия Нарочницкая: «Россия не может потерять эти территории» [Электронный ресурс] // Русская народная линия. – 18.04.2006. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2006/04/18/nataliya_narochnickaya_rossiya_ne_mozhet_poteryat_e_ti_territorii/. – Дата доступа: 28.10.2016.
6. Делягин, М. Новая Беларусь для новой России / М. Делягин // Наш современник. – 2008. – № 5. – С. 183–191.
7. Годин, Ю. Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2014 гг.) / Ю. Годин // Россия и новые государства Евразии. – 2014. – № 3. – С. 23–35.
8. Вячеслав Никонов: «Нам нужно больше думать друг о друге» // Белорусская думка. – 2009. – № 7. – С. 34–39.
9. Суздальцев, А. Российско-белорусская интеграция: исторический контекст и проблема периодизации / А. Суздальцев // Безопасность Евразии. – 2006. – № 4. – С. 342–351.
10. Суздальцев, А. Российско-белорусские отношения: как мы потеряли Белоруссию? / А. Суздальцев // Безопасность Евразии. – 2007. – № 2. – С. 424–436.
11. Суздальцев, А. И. Формирование российской политики в отношении Белоруссии (2005–2008 гг.) / А. И. Суздальцев // Россия в глобальном мире: 2000–2011. Хрестоматия в 6 томах / Сост.: И. Н. Тимофеев, Т. А. Махмутов, Е. С. Алексеенкова; под общ. ред.: И. С. Иванова. – М.: Аспект Пресс, 2012. – Т. 5: Россия и постсоветское пространство. – С. 377–396.
12. Политолог: Белоруссия уже находится под управлением Запада [Электронный ресурс] // Материк. – 14.12.2009. – Режим доступа: <http://www.materik.ru/gubric/detail.php?ID=8091>. – Дата доступа: 13.09.2016.

13. Коктыш, К. Российско-украинское потепление. Российско-белорусское похолодание. Почему Москве не удастся дружить со всеми? [Электронный ресурс] / К. Коктыш // МГИМО. – 6.10.2010. – Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document165388.phtml>. – Дата доступа: 02.09.2016.
14. Шишков, Ю. Союзное государство в коме: поиск причин / Ю. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 7. – С. 102–107.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

О.В. Курбачева

Минск, БГУ, Kurbach.ova@gmail.com

Цель данной работы состоит в исследовании возможных перспектив белорусско-российского взаимодействия, с выявлением различных аспектов регионального проекта развития в условиях глобальной нестабильности.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, белорусско-российское приграничье.

Перспективы белорусско-российского взаимодействия, статус геополитического союза в мировом сообществе, его самоидентификация и внутренняя сплоченность во многом зависят от того, какой сценарий и какие приоритеты развития выберут сами геополитические субъекты в период глобальной трансформации мира. Особое значение исследования перспектив развития белорусско-российского приграничья связано с тем, что процесс глобализации стал вызовом для цивилизационной общности восточных славян, обнажив дивергентные ориентации и ценностные установки восточных славян. Поэтому, для того чтобы обозначить потенциальные перспективы развития белорусско-российского приграничья, необходимо, в первую очередь, проанализировать особенности самой региональной модели развития в условиях глобализирующегося мира.

Глобализация предлагает различные сценарии развития, поэтому, преодолевая одностороннее восприятие глобализации, можно идентифицировать ее как сложный и вариативный процесс. В западных, российских и белорусских исследованиях наиболее часто встречаются три основные модели нового миропорядка. Одним из сценариев будущего мироустройства, обнаруживающего свое основание в современных глобализационных процессах, является создание новой полицентричной геополитической карты мира. Такой проект политического миропорядка основывается на приоритетах конструктивного диалога между государствами, региональными союзами и цивилизационными системами. Обнаруживается тенденция к выработке эффективных механизмов взаимопомощи и взаимосотрудничества. Эта стратегия развития находит свое специфическое выражение в теории «глокализации» Р. Робертсона и У. Бека. В соответствии с принципами данной теории в рамках соразмерного принятия глобализационных ценностей не ликвидируются различия между государствами, а осуществляется их трансформация, поиск возможностей соблюдения правил многополярного мира, что позволяет уйти от стереотипизации и нивелирования приоритетов социокультурного развития [1, Р. 33.] Данная категория объясняет парадоксальное сочетание растущей взаимозависимости и бума локальных идентичностей, при этом акцентируется, что глобальные и локальные тенденции взаимодополняемые, но не сводимые друг к другу.

Среди других сценариев нового миропорядка можно выделить сценарий растворения цивилизаций в едином глобализационном пространстве (З. Бжезинский). В со-

ответствии с данными идеями под влиянием ТНК, мирового финансового центра происходит формирование однополюсного мира. Следует отметить, что данный проект зиждется не столько на объективных основаниях, сколько на практике субъективного конструирования, выраженного в политике неолиберального глобализма. В этом контексте глобализация часто отождествляется с процессом американизации, имеющим под собой непосредственно политико-идеологические и финансово-экономические претензии на гегемонию и навязывание собственных приоритетов развития.

Третьим сценарием, в котором в определенной степени продолжают идеи второго, является сценарий столкновения цивилизаций, описанный С. Хантингтоном в работе «Столкновение цивилизаций» [2, с. 429]. Данные тезисы основываются на ряде теоретических допущений, в соответствии с которыми после «холодной войны» цивилизации приходят на смену нациям-государствам и становятся основными субъектами мировой политики. С. Хантингтон выдвигает ряд политических рекомендаций, основывающихся, с одной стороны, на интеграции западной цивилизации и сохранении культурного стержня, так как глобализация стала вызовом не только для стран «третьего» мира, но и для самой Америки, а с другой стороны, политолог ориентирует на союз с Россией для сдерживания китайской и мусульманской угрозы [2, с. 387]. Тезисно данный сценарий можно обозначить как конкуренцию враждебных цивилизаций и формирование «мозаичного» мира.

Моделируя перспективы социокультурной динамики белорусско-российского приграничья, следует исходить из того, что технология включения любой социальной общности в систему международного, глобального сотрудничества непосредственно связана со стратегическими интересами общности на двух уровнях: локальном и универсальном. Любое общество не способно полностью абстрагироваться от данных двух уровней, поэтому отношения и модели социодинамики выстраиваются как исходя из локальных, так и универсальных интересов. Сложность выбора стратегии развития связана с необходимостью избегать и не допускать противоречия между локальным и универсальным уровнями сотрудничества. Выбор, основанный на практике предпочтения субъекта взаимодействия (дальнее либо ближнее зарубежье), то есть на альтернативном решении, ведет к разрушению возможного позитивного диалога между государствами и социальными общностями в целом.

Можно выделить несколько моделей поведения белорусско-российского приграничья на уровне межцивилизационных отношений, являющихся ответами на вызовы глобализационных тенденций: ориентация на западноевропейскую стратегию развития, дезинтеграция, принципиальная регионализация, практика реформизма, выраженная в такой стратегии, как «глокализация» и другие. Однако сегодня представляется наиболее актуальным и значимым остановиться на специфике непосредственно регионального проекта развития, выявляя достоинства и риски такой модели развития.

Региональная модель развития имеет под собой множество оснований для внутренней интеграции стран и культур (А.С. Панарин, Ч.С. Кирвель и др.). Среди таковых можно выделить региональную производственную специализацию, наличие хозяйственных, культурных и политических связей, технологическую взаимозависимость, длительное совместное проживание в рамках единого государства и общемировые тенденции к интеграции. Более того, регионализация будет способствовать синхронизации социального и экономического развития, сближению макроэкономических показателей, углублению взаимозависимости экономик и интегрированности стран, производительности труда, сокращению издержек, образованию региональных рынков торговли [3, с. 218]. Кроме сбалансированного развития различных отраслей экономики, регионализация ориентирована на укрепление социальной стабильности и культурной интеграции. Значимость данной модели развития также обусловлена географической близостью, общими элементами культуры и истории. В результате процесса интеграции возрастает

степень взаимозависимости государств через общность глобальной инфраструктуры, среды обитания и через территориальное разделение труда.

Однако, важно отметить, что модель, ориентированная на принципиальную консолидацию стран, которая концентрируется на приоритетах сугубо регионального и субрегионального характера может привести к замкнутости и отторжению белорусско-российского приграничья от международного сообщества, а также отдаляет перспективу преодоления недостатков стратегии «догоняющего развития».

Риски одновекторной консолидации также связаны со статусом лидера в региональном сотрудничестве, который принадлежит России. Это обусловлено идеологическими, социокультурными, территориальными, финансовыми, религиозными и другими индикаторами. Ориентация российской политической элитой на доминирование в рамках взаимодействия становится отталкивающим фактором для полноценной и равноправной интеграции со стороны других субъектов взаимодействия. Другим фактором, который дополняет амбициозность российского государства и одновременно оттеняет положительные перспективы регионализации, является то, что государство в региональных условиях также должно мириться с ограничением суверенитета и передачей ряда полномочий в надгосударственный орган.

Важную роль в выборе стратегий внутреннего и внешнего развития играет статус цивилизации в международной системе координат. А внутренние и внешние вызовы глобализации ставят перед белорусско-российским союзом эпохальный выбор в самоопределении и идентификации на мировой арене. Поэтому прогнозировать перспективы развития белорусско-российского приграничья необходимо посредством вычленения его исторической роли и места в глобальном мире. Важно сохранять объективную позицию, выявляя как достоинства, так и риски любой стратегии развития. И сегодня перед социогуманитарным сообществом Беларуси и России стоит одна из самых непростых задач – проектирование геополитического развития с учетом влияния глобализирующегося общества.

Список использованной литературы

1. Robertson, R. Globalization or glocalization? / R Robertson // The Journal of International communication. – 1994. – P. 33-52.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: Москва, 2007. – 571 с.
3. Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Логос, 1998. – 389 с.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ПРИГРАНИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

А.А. Лазаревич

г. Минск, Институт философии НАН Беларуси

Цель статьи – анализ новых возможностей белорусско-российского сотрудничества в связи с реализацией стратегических приоритетов постиндустриальной модернизации.

Ключевые слова: белорусско-российское сотрудничество, постиндустриальная модернизация, наука, образование, гуманитарные ценности.

Сотрудничество Беларуси и России имеет глубокие исторические корни, опирается на прочный фундамент общих культурных традиций и гуманитарных ценностей,

подпитывается стратегическими задачами обеспечения региональной и глобальной безопасности. Важнейшее значение в этом процессе принадлежит белорусско-российскому приграничью, которое следует рассматривать в качестве эффективного инструмента развития отношений между двумя братскими странами и народами, строительства Союзного государства, углубления евразийской интеграции в целом.

Формат белорусско-российской интеграции, механизмы ее реализации по-разному оцениваются как отечественными, так и зарубежными специалистами, но не подлежит сомнению главное – идея многоуровневого тесного сотрудничества – синергетическая связь экономик, культур, научных и образовательных систем, гуманитарных проектов. Она фактически безальтернативно воспринимается и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации, и даже в среде оппонентов евразийского вектора интеграции.

Сегодня Республика Беларусь осуществляет внешнеторговые отношения почти со всеми регионами Российской Федерации. Совершенствуется договорно-правовая база белорусско-российского сотрудничества, которая только на региональном уровне включает около 200 договоров, соглашений и протоколов о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном строительстве.

Эффективным инструментом регулирования двусторонних отношений являются Советы делового сотрудничества, а также рабочие группы по сотрудничеству, созданные совместно с администрациями ряда регионов России, включая регион белорусско-российского приграничья. Важная роль отводится Белорусско-Российскому Совету по долгосрочному сотрудничеству областей, министерств, органов государственного управления.

Серьезное развитие получила практика создания на территориях субъектов Российской Федерации в дополнение к торгово-логистическим центрам и торговым домам белорусских товаропроизводителей сборочных производств машиностроительных предприятий Республики Беларусь. Примером эффективного сотрудничества регионов Беларуси и России являются совместные программы, финансируемые из бюджета Союзного государства. Интерес к этим программам постоянно растет. Для широкого информирования деловых кругов и общественности об уже реализуемых и новых программах и мероприятиях Союзного государства Постоянным Комитетом Союзного государства с 2006 г. ежегодно проводится Форум программ и проектов Союзного государства.

В рамках договора о сотрудничестве между РАН и НАНБ ведется работа по углублению совместных научно-исследовательских разработок. Главным направлением наращивания интеллектуального потенциала обеих стран является развитие интеграции науки, образования и производства. Сегодня важно восстановить нарушенное соотношение между научно-техническим потенциалом, финансовыми возможностями его поддержки и объемами коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. Значительное место в этом процессе должен занять комплекс давно назревших мер по охране интеллектуальной собственности, активному продвижению традиционных и вновь создаваемых белорусских и российских брендов в условиях международного разделения и кооперации деятельности.

Нельзя не отметить необходимость углублении белорусско-российского сотрудничества на основе подключения этому процессу инновационных подходов и технологий, науки и образования, т. е. того, что определяет экономику знаний, рынок высокотехнологических продуктов. На сегодняшний день доля и Республики Беларусь, и Российской Федерации, и ряда других постсоветских государств в мировом рынке высокотехнологической продукции менее 1%. Например, доля Европейского союза в нем – 35%, США – 25%, Сингапура – 7%, Китая – 5%.

Не впечатляет и структура экспорта-импорта в системе экономических отношений как между Беларусью и Россией, так и на пространстве ЕАЭС в целом. В ней по-

прежнему доминирует продукция аграрного и индустриального секторов. Понятно, совместный рынок аграрных и индустриальных отношений (товаров) нужно сохранять и развивать. Он объективно будет иметь свое значение. Но, вместе с тем, незамедлительно следует создавать рынок высокотехнологической продукции, что, как известно, является уделом постиндустриальной экономики, или экономики, основанной на знаниях.

Постиндустриальную экономику отличает специфическая отраслевая структура, в которой получают преимущество (а) перерабатывающие, (б) «урбанизированные» и (в) наукоемкие отрасли, а также (г) сфера услуг и особенно (д) информационно-технологическая сфера. Собственно, тенденция (д) и является уникальной характеристикой постиндустриальной экономики, поскольку тенденции (а) – (г) плавно нарастали в течение всего периода существования индустриальной хозяйственной системы [1, с. 50].

По мнению ряда экспертов современная Россия не использовала уникальный шанс, который ей был предоставлен в 1990-х годах: уйти от устаревшей экономики и приобрести к мировым тенденциям инновационного развития и строительства инфраструктуры общества, основанного на знаниях. Показательно, что США еще в 1970-е годы извлекли урок из тогдашнего падения мировых нефтяных цен и стали импортером нефти, хотя и имели технологичную нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность. Уже в наступившем XXI веке даже такая богатейшая «нефтяная» страна, как Катар, имеющая доходы на душу населения в 64 тысячи долларов, решила уйти от «нефтяной» инфраструктуры в пользу инфраструктуры экономики знаний и компьютерных информационно-коммуникационных технологий [1, с. 51].

Переход к обществу, основанному на знаниях, не означает тотальное сокращение индустриального производства и не носит характера общей тенденции. Все зависит от того, на какой стадии развития находится то или иное государство. Есть страны, которые в 1970-е годы вошли в фазу постиндустриального развития и где сегодня удельный вес промышленности довольно высок: в Германии, к примеру, 29% ВВП, в Японии – 32%. В США он очень низок – около 12,5%. Но, как пишет известный теоретик постэкономического общества В. Л. Иноземцев, «вся промышленность Запада, за исключением пошива кофточек, стала высокотехнологической: доля технологических факторов в стоимости конечной продукции варьирует от 30 до 60%... Наступила эпоха, в которой уходит типичное разделение труда, описанное Марксом, производственный примитивизм. В ней гораздо больше проявлений того, что наука становится непосредственной производственной силой, а экономический выигрыш обусловлен тем, сколько интересных инновационных решений применено. Они могут быть технологическими, социальными, организационными. Но общество остается производящим, а производство – оснащенным машинами» [2, с. 8].

Поэтому и Беларуси, и России необходимо искать более перспективные сценарии развития и сотрудничества. Одним из главных показателей приоритетности научного потенциала любой страны является доля затрат ВВП на научные исследования и разработки. В Беларуси она составила: в 2007 г. – 0,96%, в 2008 г. – 0,75%, в 2010 г. – 0,7 %, в 2012 г. – 0,64 %, в 2015 г. – 0,5%. В России в середине 2000-х годов данный показатель был на уровне 1,25 %, к настоящему времени он уменьшился до значения 1,19 % [3].

Как известно, наукоемкость ВВП в Великобритании и Франции составляет более 2%, а в США и Германии – около 3%. Есть страны, где она выше трех процентов. По годовым уровнем эффективности вложений в науку считается величина в 1%.

Важный показатель перехода к обществу, основанному на знаниях, – доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте страны. В Республике Беларусь этот показатель в последние годы начал снижаться, но остается сопоставимым с мировыми значениями (Швеция – 7,8%, Франция – 5,8%, Германия – 4,6%, Канада – 5,5%, Польша – 5%), которые являются порогом эффективности, позволяющим обес-

печивать экономический рост на инновационной основе. В Российской Федерации данный показатель в последние годы находится в пределах 4,1–4,2 % [4].

Исходя из вышеизложенного, следует признать в качестве особой стратегической задачи в пространстве белорусско-российских отношений и евразийской интеграции в целом актуализацию ценности знания и образования как основы компетентности, креативности и безопасности человека и общества. Новая социокультурная функция образования и знания предполагает трансформацию ряда стереотипов в области организации и управления, производства, социальных отношений, межличностных и культурных коммуникаций.

Отрадно подчеркнуть, что постиндустриальная линия модернизации традиционных отношений достаточно явно обнаруживает себя в процессах приграничного белорусско-российского сотрудничества, что находит формальное закрепление в ряде нормативных документов, принятых на уровне приграничных областей и районов Российской Федерации и Республики Беларусь. Контент-анализ этих материалов, отраженный, в частности, в монографическом исследовании “«Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье”, показывает возрастающий интерес («частоту внимания») субъектов белорусско-российского приграничья к ряду постиндустриальных ценностей – научных, образовательных, культурных, спортивно-досуговых, информационно-коммуникационных и др.

Оценка «частоты внимания» к данным направлениям показывает, что в сотрудничестве приграничных регионов доминирует гуманитарная сфера. Это, прежде всего, научные и образовательные коммуникации (150 упоминаний), а также культурное взаимодействие (145 упоминаний). Второе место занимают торгово-экономические связи (77) и взаимодействие в сфере производства (76 упоминаний). Частота внимания к ним почти вдвое уступает гуманитарным связям. Далее следует социальная сфера (64 упоминания). Наименьшее внимание уделяется политико-правовому регулированию сотрудничества (53 упоминания) [5, с. 341].

Приграничье – наиболее показательный и чувствительный процесс сотрудничества и интеграции. Отмеченные эмпирические тенденции свидетельствуют, с одной стороны, о чуткости белорусско-российского приграничного сотрудничества к мировым тенденциям трансформации социально-экономических и культурных отношений, а с другой стороны, они говорят о том, что не только «центр», но и «периферия» в межгосударственных, региональных и глобальных связях может выступать ценностно-смысловым фундаментом стратегии модернизации и инновационного развития.

Список использованной литературы

1. Кулькин А. Общероссийская инфраструктура технологического развития // Свободная мысль. 2011. №3.
2. Иноземцев В. Л. Будущее России в новой индустриализации // Экономист. 2010. №11. С. 3–15.
3. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (дата обращения: 18.10.2016).
4. Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://data.uis.unesco.org/?queryid=181> (дата обращения: 18.10.2016).
5. «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье / Под ред. И. Я. Левяша, А. Г. Егорова. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2012. 436 с.
6. Пограничная политика в условиях глобализации. Регион или регионы? Санкт-Петербург: Норма, 2010. 163 с.
7. Троицкий М. Глобальный регионализм и внешняя политика России // Свободная мысль. 2009. №11. С. 35–46.

СОБСТВЕННОЕ ИМЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Е.Ю. Муратова

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, muratova@iut.by

Цель статьи – рассмотреть личные имена в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и некоторых других как отражение мировоззрения, философии жизни, фактов биографии авторов.

Ключевые слова: поэзия, личное имя, персонификация, духовные ценности, диалог.

Важнейшей составляющей концептуальной картины мира является персонификация культуры и языка, т.е. сфера реальных или вымышленных личностей, через образы которых мы осмысливаем мир. Персонификация – это своеобразная репрезентация когнитивного уровня языковой личности сквозь призму личных имен. И это особенно значимо и важно, если в качестве языковой личности выступает поэт, поскольку его персонификация, имплицитная в творчестве, является своеобразным ключом ко многому – к биографии, внутреннему миру, философии жизни и творчества. Личное имя, по мнению П. Флоренского, в литературном произведении является «категорией познания личности» [1, с. 28]. Силу личностных форм собственные имена имеют не только по отношению к их носителям, но и к автору художественного произведения, поскольку сам выбор личных имен персонажей, способ подачи этих имен в тексте, формы употребления, характер художественного преломления отражают специфическую организацию творческого сознания.

Так, во всем корпусе стихов М. И. Цветаевой [7] фиксируется 117 имен мифологических и библейских героев, 53 имени литературных героев. Только названия отдельных стихов и циклов стихов раскрывают духовные ценности и философию жизни поэта: «Байрону», «Стихи к Блоку», «Дон-Жуан», «Ахматовой», «Анне Ахматовой», «Памяти Г. Гейне», «Лорд Байрон! – Вы меня забыли!..», «Даме с камелиями», «Сказки Соловьева», «Консуэла! – Утешенье!..» и под.

В творчестве А. Вознесенского [3] выявляется значительное количество антропонимов, отражающих русскую и мировую культуру: «Катерина Измайлова», «Манон Леско», «Раймонда», «Васильки Шагала», «Сыграй мне полонез Огинского!..», «Зал Чайковского», «Люб мне Маяковский-Командор», «Б. Пастернак», «Похороны Гоголя Николая Васильевича».

В его стихах наблюдается прямое цитирование чужих текстов (например, стихотворение «Портрет Плисецкой» полностью построено на прямом цитировании разных текстов М. Цветаевой); перефразирование известных текстов (*Ты теперь дама с собачкой...; И из тебя – из Данаи – сыпался дождь золотой* и под.), а также авторская интерпретация инотекстовых включений (*Так Пушкин порвал бы, услышав, / что не ядовиты анчары, / великое четверостишие / и начал сначала!*)

В один из своих последних сборников «Стихи XXI века» Е. Евтушенко [5] включил уникальный цикл «Поэты русские», представленный 100 стихами, в которых отдается дань уважения и восхищения 78 поэтам (в самом широком смысле) русской земли всех времен. Назовем лишь некоторые из них, чтобы передать историческую и художественную глубину восприятия поэзии Е. Евтушенко: *Даниил Заточник, Илларион, Авакум Петров, Антиох Кантемир, ...Василий Тредиаковский, Кондратий Рылеев... Николай Некрасов, Валерий Брюсов... Зинаида Гиппиус, Мережковский, Тэффи, Анна Ахматова, Марина Цветаева... Ольга Берггольц, Маргарита Алигер, Белла Ахмадулина... Эдуард Багрицкий, Александр Межиров, Николай Заболоцкий, Андрей*

Вознесенский». Многие стихи, помимо имени и фамилии поэта, имеют характерные названия, раскрывающие стержневые моменты жизни, творчества, характера поэта. Например: Юлия Друнина. *Санитарка Юля*; Антон Дельвиг. *Лень Дельвига*; Михаил Розенгейм. *Поэт-судья*; Велимир Хлебников. *Хлебниковская наволочка*; Вячеслав Иванов. *Башня*; Игорь Северянин. *Король поэтов*; Борис Пастернак. *Пастернакиада*; Булат Окуджава. *Моя Булатиада*; Иосиф Бродский. *Брат мой, враг мой*.

В стихах удивительным образом отражаются отношения поэтов к собратьям по перу. Это может быть диалог между текстами, включающий элементы биографии авторов и реальных жизненных ситуаций. Так, у А. Вознесенского: *За упокой Высоцкого Владимира / коленопреклоненная Москва, / разгладивши битловки, заводила / его поусторонние слова... / Спи, шансонье Всяя Руси... 2. Скрытымным – это не силлабика. / Лермонтов поэтому непереводем. / Лучшая Марина зарыта в Елабуге. / Где ее могила? – скрытымным. О жизни М. Цветаевой пишет Б. Ахмадулина: Ты перед ней не виноват, Берлин! / Ты гнал ее, как принято, как надо, / но мрак твоих обоев и белил / еще не ад, а лишь предместье ада. / Не обессудь, божественный Париж, / с надменностью ты целовал ей руки, / но все же был лишь захолустьем крыши, / провинцией ее державной муки [2]. Или стихотворение Б. Ахмадулиной об А. Ахматовой: «...Дорога не скажу куда...» / Меж нами так не говорят, / нет у людей такого знания, / ни вымыслом, ни наугад / тому не подыскать названья, / что мы, в невежестве своем, / строкой бессмертной назовем. В свою очередь о самой Б. Ахмадулиной писал В. Высоцкий: Вы были у Беллы? / Мы были у Беллы – / Убили у Беллы / День белый, день целый: / И пели мы Белле, / Молчали мы Белле, / Уйти не хотели, / Как утром с постели. / И если вы слишком душой огрубели – / Идите смягчиться не к водке, а к Белле. / И если вам что-то под горло подкатит – / У Беллы и боли, и нежности хватит [4].*

Через собственные имена в тексте могут быть отражены целые эпохи и культурные пласты жизни. Например: *Приходят и проходят дни / многожеланно, бесталанно. / И только горечь – где они, / Борис, Марина, Осип, Анна?... В круг Мирозданья и Земли, / где жизнь извечно первозданна, / не расплескав, себя внесли / Борис, Марина, Осип, Анна* [6]. Великие имена – Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Анна Ахматова – узнаваемы без фамилий, они, действительно, великая эпоха в поэзии, в жизни, в истории.

Таким образом, собственные имена в поэтическом тексте – это сложные семантические знаки, которые способны репрезентировать идеи, ситуации, характер, поведенческие установки и проч. Через них поэт выражает свое мировоззрение, осмысливает важнейшие категории человеческого бытия.

Список использованной литературы

1. Флоренский П. А. Пути и средоточия // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3: У водоразделов мысли. С. 34–45.
2. Ахмадулина Б. Избранное: стихи. М.: Советский писатель, 1988. 477 с.
3. Вознесенский А. Избранное. М.: Эксмо, 2003. 381с.
4. Высоцкий В. Летела жизнь: стихи. — М.: АСТ [и др.], 2007. — 284 с.
5. Евушенко Е. Стихи XX века. М.: Эксмо, 2007. 352 с.
6. Марина Цветаева в ереванских публикациях 1960–1990-х / сост. Н. А. Гончар. - Ереван: Наири, 1999. 336 с.
7. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Эллис Лак, 1994–1995. 7 т.

КАШТОЎНАСНЫ КАМΠΑНАЕНТ КАНЦЭПТУ ВОЛЯ/СВАБОДА Ў БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ ЛІНГВАКУЛЬТУРАХ

К.С. Півавар
г. Віцебск, eka15580575@yandex.ru

Мэта артыкула – вызначыць і параўнаць каштоўнасны кампанент канцэпту воля/свабода ў беларускай і рускай лінгвакультурах.

Ключавыя словы: канцэпт, воля/свабода, лінгвокультура, параўнальны аналіз, мастацкі тэкст.

Тэрмін “канцэпт”, які атрымаў распаўсюджанне ў мове сучаснай навукі, з’яўляецца адным з цэнтральных паняццяў логікі, філасофіі, кагнітыўнай лінгвістыкі і лінгвакультуралогіі. Разнастайнасць поглядаў на праблему прывяла да з’яўлення ў навуцы некалькіх дзясяткаў азначэнняў канцэпту: “аператыўная змястоўная адзінка памяці, ментальнага лексікона, канцэптуальнай сістэмы і мовы мозга... (А.С. Кубракова і інш.); і “шматмернае культурна значнае сацыяпсіхічнае ўтварэнне ў калектыўнай свядомасці, апрадмечанае ў той ці іншай форме” (У.І. Карасік); і “згустак культуры ў свядомасці чалавека” (Ю.С. Сцяпанав). Мы разумеем канцэпт, услед за Ю.С. Сцяпанавым, В.М. Тэлія, Н.Д. Аруцюнавай, В.А. Маславай, як “паняцце, пагружанае ў культуру”, якое валодае эмагійнасцю, канатацыямі, аксіялагічнае і культурна-спецыфічнае па сваёй прыродзе ўтварэнне. Канцэпт – гэта лінгваментальнае ўтварэнне, вербалізаваны культурны сэнс, які мае імя/імёны ў мове і ўключае ў сябе значэнне, культурныя канатацыі, паняцце і вобраз, што ляжыць у аснове найменавання. Лічым, што менавіта гэтае азначэнне канцэпту найбольш поўна ўбірае яго сістэмаўтваральныя адзнакі, адпавядае сутнасці паняцця. У структуры канцэпту вызначаюцца вобразны, паняццевы і каштоўнасны кампаненты.

Матэрыялам даследавання з’яўляюцца працы беларускіх [1, 2] і рускіх даследчыкаў [3, 4, 5].

Свабода – адно з ключавых паняццяў філасофіі, таму ў кожнай філасофскай школы і асобных філосафаў існуе яе спецыфічнае разуменне. Разуменне свабоды трансфарміравалася з антычнай свабоды чалавека ў полісе (свабоды законнанароджаных) да ўсведамлення неабходнасці роўных правоў для ўсіх людзей у сучаснай палітычнай інтэрпрэтацыі негатыўнай свабоды. Спецыфіка разумення свабоды рускімі філосафамі ў тым, што апошняя звязваецца з найвышэйшымі рэлігійна-маральнымі каштоўнасцямі (М.А. Бярдзязеў, Л.М. Талстой, Ф.М. Дастаеўскі, К.С. Аксакаў, А.С. Хамякоў і інш.).

Заўважым, што ў рускім мовазнаўстве канцэпты *воля* і *свабода* разглядаюцца як самастойныя канцэпты, якія ўтвараюць сэнсавую пару. Н.М. Катаева адзначае: “Даследаванні канцэптуальнай пары воля і свабода дазваляюць сцвярджаць, што ў рускай моўнай свядомасці воля, будучы звязанай са свабодай, амаль заўсёды ёй супрацьпастаўляецца, у адрозненне ад свабоды яна з’яўляецца асобай адзінкай ментальнасці рускага чалавека” [3, с. 42]. На нашу думку, у беларускай моўнай свядомасці няма выразнага падзелу паміж дадзенымі лексічнымі адзінкамі. Лексемы *воля* і *свабода* сінанімічныя, што пацвярджаюць дадзеныя “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы”: 1 ‘свядомае і мэтанакіраванае рэгуляванне чалавека сваёй дзейнасці’; 2 ‘жаданне, патрабаванне’; 3) ‘улада, права’; 4) ‘свабода, незалежнасць’; 5) гіст. ‘вызваленне ад прыгоннай залежнасці’; 6) ‘магчымае дзейнічаць самастойна’; 7) ‘становішча, пры якім жыццё не абмежавана ўмовамі зняволення’; 8) ‘прастор, прыволле, раздолле’ (процілеглае – няволя) [6, т. 1, с. 505]. Свабода – ‘незалежнасць, адсутнасць абмежаванняў, якія звязваюць грамадска-палітычнае

жыццё і дзейнасць якога-н. класа, усяго грамадства або яго членаў [6, т. 5, кн.1, с. 80]. На падставе аналізу мовы мастацкай літаратуры можна сцвярджаць, што лексема *воля* больш распаўсюджаная.

У самай вялікай групе кантэкстаў-вербалізатараў канцэпту *воля* ў беларускай мастацкай літаратуры сцвярджаецца, што свабода – найвышэйшая маральная каштоўнасць, а таму семантычная апазіцыя свабоды – няволя – уяўляецца бядой, цяжкім выпрабаваннем: *Мудрацы розных часоў лічылі, што ў кожнай дзяржаве прыстойнаму чалавеку даражэй за ўсё на свеце яго свабода. Няволя ж настолькі агідная, што ад яе трэба пазбаўляцца ўсімі сродкамі. Таму людзі, якія паважваюць сябе, не павінны шкадаваць ні маёмасці, ні нават свайго жыцця, каб не трапіць пад жорсткую ўладу няволі. А тыя, хто зрабіўся паднявольным, але мае свабодальковы характар, таксама не павінны цярэць над сабой непрыяцеля. І не толькі нейкага чужаземца, да якога трапілі ў палон, але і свайго тутэйшага* (Леў Сапега. Прадмова да Статута 1588 г.); *Бог барані, калі нас перамогуць прышэльцы, / Лепш ужо смерць нам усім без пары, чым такая / Доля – жыццё пад'ярэмнае ў чорнай няволі* (М. Гусоўскі. Песня пра зубра); *Лепш змагацца вольным, браце, / Чым цярэць ды гнуцца!* (Я. Колас. Будзь цвёрды); *За свабоду жыццё б даў бы!* (Ф. Багушэвіч. Дудка беларуская) [2, с. 86]. Адсюль вынікае, што воля асацыюецца з паняццямі лепшай долі, лёсу: *Не чакай долю, здабудзь волю* (Прыказка)[7];

Пры падліку мастацкіх кантэкстаў, у якіх выразна прасочваецца ацэнка канцэпту *воля*, выяўлена, што 62,5% ад агульнай колькасці тэкставых урыўкаў маюць пазітыўную характарыстыку гэтага паняцця. Такім чынам, ацэначны кампанент уваходзіць у ядро канцэпту*воля/ свабода* ў беларускай лінгвакультуры.

Воля ўспрымаецца як каштоўнасць і ў рускай лінгвакультуры, што выразна вывільсся ў парэміялагічным фондзе рускай мовы: *Хоть хвойку жую, да на воле живу, Хоть на хвойке, да на своей вольке*; яе любяць, радуюцца ёй: *Своя волюшка раздолюшка, Своя воля: хочу смеюсь, хочу плачу*. Разам з тым усведамляецца, што воля не вечная: *Воля наволюется волю* (да няволі), таму настолькі жаданія і прыцягальныя заклікі пугачовых і разіных: *Жалую вас крестом (старым), бородой и вечной волей* (В. Шукшын. Пугачоў). Як адзначае Н.М. Катаева, “невypadкова тут з’яўляецца значэнне “вечная”: воля абмежавана ў часе і прадстаўляе сабой толькі моманты, аднак мара пра вечную волю заўсёды жывая у душы рускага чалавека. Увогуле, воля мае ключавое для рускага светапогляду значэнне, такое ж, як і паняцце “мір” [3, с. 49]. У працах рускіх даследчыкаў (Н.М. Катаева, А.С. Салохіна, Р.І. Весялова) адзначаецца, што воля “па-руску” – гэта асобасная і геаграфічная неабмежаваная прастора: *В поле своя воля; жить по воле, умереть в поле*. У гэты ж час у беларускіх парэміях і мастацкіх тэкстах дамінуе паняццёвы кампанент ‘воля абмяжоўваецца законам’: *Дзеля гэтага і створаны законы – Тыя аброць і цуглі, якія будуць стрымліваць кожнага нахабніка ад усякага гвалту і свавольства і не даваць яму магчымасці дзекавацца над слабейшымі... Цыцэрон вучыў, што карыстацца свабодай можа той, хто стане нявольнікам закону. А для прыстойнага чалавека няма большай асалоды, як жыць у свай Аічыне ў поўнай бяспецы, ні з кім не біцца і не сварыцца* (Л. Сапега. Прадмова да Статута 1588 г.) [2, с. 81]. Трэба адзначыць, што значная ўстойлівасць прававых нормаў у пэўным сэнсе яшчэ больш узмацняла схільнасць беларусаў жыць па “законах продкаў”. Вядомая кансерватыўнасць беларускай ментальнасці знайшла адлюстраванне ў працытаванай вышэй частцы Статута Вялікага Княства Літоўскага. У мінулым беларусы ставіліся да законаў і прававых нормаў з павагай, былі законапаслухмянымі грамадзянамі. Іншаземныя падарожнікі па Беларусі адзначалі, што “сярод беларусаў былі адноснай рэдкасцю цяжка злачынствы супраць асобы і грамадства” [8, с. 98].

Парэміі як згорнутыя правы паводзінаў і норм грамадства выражаюць, з аднаго

боку, каштоўнасць волі для чалавека, з другога – указваюць на неабходнасць абмежавання асабістай свабоды кожнага чалавека для мірнага суіснавання ў грамадстве. Сярод рускіх парэмій даволі шмат адзнак, якія станю́ча ацэньваюць пакорлівасць і падпарадкаванне: *Послушание паче поста и молитвы; Всякая власть от бога; Кому служу, того и волю творю* [5, с. 41]. Адзначым, у праведзеным даследаванні парэмій у абедзвюх мовах пацвердзілася думка, што ў роднай мове захоўваецца гістарычная памяць народа, так, у прыказках і прымаўках шырока адлюстраваны грамадскія адносіны падчас існавання прыгоннага права: *Неволя – боярский двор: ходя наешься, стоя выступишься; В земле черви, в лесу сучки, в суде крючки – некуда уйти; Барскую просьбу почитай за приказ* [5, с. 40]; *Бізун ды падаткі – панскія парадкі; Вось табе хамут і дуга, а я табе не слуга; І ў сваёй хаце не вольна* [8, с. 64-65]. Гэтыя гістарычныя акалічнасці яшчэ больш узмацнілі каштоўнасць свабоды ў калектыўнай свядомасці этнасаў.

Такім чынам, нягледзячы на рознае паняццевае напаўненне і вобразны кампанент (у рускай лінгвакультуры воля асацыюецца з асобай С. Разіна і Е. Пугачова, у беларускай – найперш з асобай К. Каліноўскага, каштоўнасці кампанент канцэпту *воля/свабода* вызначаецца як станю́чы і ўваходзіць у ядро разгледжанага лінгваментальнага ўтварэння ў абедзвюх лінгвакультурах. На гэта ўказвае семантычны аналіз парэмій і мастацкіх кантэкстаў, у якіх аб'ектывуецца дадзенае паняцце.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гаўрош, Н. В., Няжковіч, Н. М. Канцэпт воля ў беларускіх мастацкіх тэкстах / Н.В. Гаўрош, Н.М. Няжковіч // Этнакультурны і сацыялінгвістычны аспекты тэорыі і практыкі преподавания языков. - Минск : БНТУ, 2015. - С. 463 - 472.
2. Півавар, К.С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту : манаграфія / К.С. Півавар. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2015. – 155 с.
3. Антологія канцэптов / пад рэд. В.И. Карасіка, И.А. Стерніна. Том 1. Волгоград : Парадигма, 2005. – 352 с.
4. Антологія канцэптов / пад рэд. В.И. Карасіка, И.А. Стерніна. Том 3. Волгоград : Парадигма, 2006. – 381 с.
5. Солохина А. С. Отношение к свободе в русской паремии // Проблемы современной лингвистики. Сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2003. С. 37-42.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977– 1984. – 5 т.
7. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. В. Янкоўскі; прадм. Д.Я. Бугаёва. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – 494 с.
8. Беларусазнаўства : навучальны дапаможнік / пад рэд. П. Брыгадзіна. – Мінск : Завігар, 1998. – 288 с.

ПРИГРАНИЧЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Э.И. Рудковский

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, edw.ru@yandex.ru

Цель статьи – анализ соотношения глобализации и регионализации, их влияние на интеграционные процессы в приграничье. Внимание уделено принципам приграничного сотрудничества в социогуманитарной сфере.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, регионализация, региональная идентичность, приграничное сотрудничество, идеология.

Процессы глобализации в последние десятилетия резко вторглись в жизнь человеческого общества, затрагивают все его сферы, изменяют динамику и содержание экономической жизни, направленность и интенсивность межкультурного взаимодействия, духовную жизнь и устои быта людей. Индикатором глобализации является формирование единого, целостного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира. Национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают свою самодостаточность. Происходит трансформация понятия «государственный суверенитет» в условиях растущей взаимозависимости стран, ограниченных возможностей отдельно взятых государств решить экономические, экологические проблемы и проблемы войны и мира. Заходит речь о «конце географии», отмирании института государства. С. Перегудов отмечает, что в современном мире управляют ТНК, ВТО, ВБ, идеология «минимального государства» обретает свое законченное «идеальное воплощение». [1] Нарастает интенсификация трансграничных экономических, политических, социальных связей. В сфере культуры наблюдается вовлечение национальных культур в качественно новое мировое единство, по самой своей природе являющееся транснациональным, лежащим поверх границ отдельных государств, наций, цивилизаций и имеющее свои собственные, качественно специфические черты функционирования. Часто характерными чертами культурных процессов в условиях глобализации исследователи называют гибридизацию, поляризацию, вестернизацию. Однако не следует говорить, что имеет место только распространение западной культуры. Наблюдается взаимопроникновение и соревнование культур. Идет процесс переработки «чужого» под себя. Нельзя не согласиться с мнением, что глобализация «...более не тождественна вестернизации. Напротив, по мере того, как материальные блага и технологии распространяются на Восток и на Юг, она в возрастающей степени происходит на условиях, устанавливаемых незападными культурами». [2, с.7]

Можно сказать, что глобализация предстает не только как формирование единой общечеловеческой культуры. Одновременно идет процесс разделения человеческого общества по качественно новым основаниям: имеет место усиление локальных культур. Данный процесс Р. Робертсон называл глокализацией. Речь идет о том, что унификация в различных сферах общественной жизни сопровождается локализацией, ростом культурного разнообразия, конструктивным сотрудничеством и взаимообогащением культурных регионов.

Глокализация – противоречивое явление. С одной стороны, отмечается связь глобальных характеристик жизни людей и их локальных проявлений. С другой – нельзя не видеть известного противопоставления глобального и локального. Общечеловеческие ценности могут реализоваться лишь в локальной форме. Для человеческой цивилизации как единого целого важен опыт локальных культур. Глокализация – это сочетание локальных ценностей с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации.

Глобализация не может не затронуть культурные, идентификационные коды нации. Существует проблема адаптивной трансформации идентичности. Многое в духовных приоритетах не может не меняться. С другой стороны, очень важно «не потерять себя» в глобальных процессах.

Таким образом, глобальное развивается за счет локального, а последнее, в свою очередь, оказывает ему противодействие в силу своего потенциала. Глокализация выражает стремление этносов и отдельных регионов, попавших в «жернова» глобализации, сохранить свою идентичность. В более широком плане процессы глокализации связаны с регионализацией международных отношений. Регионы способствуют защите общества, его устоев, ценностей от негативных последствий глобализации и выступают постепенно в качестве самостоятельных субъектов международного сотрудничества. Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более

актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран точноно проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегахцивилизации. С другой – часто региональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, обеспечения государственного суверенитета, а также сохранения, защиты своих привычных социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия «девятого вала» глобализации.

Нельзя негативно определять регионализм как «...образ мышления и действия, исходящий из приоритетности региональных интересов над государственными». [3, с.45] Необходимо использовать потенциал регионов, проводить конструктивную региональную политику. При этом регионализацию нельзя сводить лишь к экономическим ее аспектам. Важно учитывать политические и социокультурные процессы. Нельзя не согласиться с тем, что регионализация выступает как «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион...», а регионализм – как «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона». [4, с. 827]

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни как государства. Примером такой регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. В современных условиях роль приграничных регионов резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, расширением туристических потоков, нарастающей миграцией населения и т.д. Как следствие этого нарастают контрольные функции регионов. Возникают региональные интеграционные образования, в рамках которых приграничное сотрудничество емко описывается словом «сращивание».

Сегодня приграничные регионы – это не просто «оборонительный вал», обеспечивающий безопасность государства, как это было несколько десятилетий назад. Прежде всего, это те зоны, где происходит «сращивание» социумов во всех сферах общественной жизни. Конечно, и сейчас приграничные регионы обеспечивают безопасность государств, но на другой основе – за счет создания на границе полосы добрососедства.

Приграничное сотрудничество помогает смягчить отдельные болевые вопросы межгосударственных отношений, в том числе и такие, которые в силу тех или иных причин затруднительно или пока невозможно урегулировать на более высоком уровне, а также укрепляет и развивает исторически сложившиеся связи. [5, с. 50]

Государство должно создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обуславливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб. Сотрудничество субрегионов не может ограничиваться лишь экономической интеграцией. Важную роль играют взаимосвязи в социокультурной сфере и создание необходимых духовных предпосылок всех иных взаимодействий.

Актуальной проблемой для населения приграничных регионов является, как уже отмечалось, сохранение своей идентичности, традиционных ценностей и уклада жизни, не отделяясь при этом китайской стеной от процессов, происходящих на глобальном уровне, имеющих транснациональный и транслокальный характер. Процессы глокализации и регионализации так или иначе направлены на сохранение региональной идентичности, включая и приграничье.

В литературе встречаются различные подходы к определению понятия «региональная идентичность». К примеру, Е.В. Еремина определяет региональную идентичность как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве... Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум». [6] Автор, как видим, приоритет отдает личности как субъекту региональной идентичности. Однако субъектом данного феномена являются и социальные группы. Региональная идентичность отражает преемственность их самосознания, выражается в совокупности самообразов. Она выступает как комплексное явление, ее нельзя сводить к территориальному, географическому содержанию. К примеру, Р.В. Пеньковцев и Н.А. Шибанова отмечают, что «региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами». [7, с. 177] Это отождествление себя по жизненным интересам, социальным предпочтениям и симпатиям с определенным региональным и социокультурным сообществом людей, осознание своего единства с конкретным местом общественного бытия во всех его проявлениях. Понятие «идентичность» не тождественно понятию «идентификация». Под идентичностью следует понимать некоторое состояние самоотождествления; идентификация – это процесс, ведущий к данному состоянию.

Феномен региональной идентичности имеет различные грани. Если речь идет об осознании индивидом образа региона как культурного пространства, то на первый план выдвигаются историческая память, традиции, нормы, ценности, символы, присущие данному региону. Когда же речь идет о регионе как субъекте многопланового сотрудничества с другими регионами, то акценты смещаются в сторону формирования позитивного имиджа региона. Региональная идентичность зависит от многих факторов: истории региона, географической среды, устойчивости административно-территориального деления, престижности ареала, уровня его экономического и социокультурного развития, характера и эффективности управления, взаимодействия с соседними регионами. Региональная идентичность не статична. Ее содержание и уровень меняются с трансформацией общественного строя, распадом государственных образований, развитием интеграционных процессов и т.п.

Содержание региональной идентичности включает различные элементы. К важнейшим из них можно отнести:

- устойчивые пространственные представления, привязанность к определенной территории;
- совокупность знаний населения региона о своих особенностях, а также оценки места и роли данной территории как субъекта различных форм сотрудничества;
- стиль жизни, совокупность типичных форм жизнедеятельности людей;
- характер духовных ценностей, особенности культуры и межконфессиональных отношений. Важную роль здесь играют традиции, обычаи, особенности быта, система символов, ценностное освоение и репрезентация пространства. К примеру, символическое значение могут иметь памятники истории и культуры, образ жизни, праздники, знаменитые личности-уроженцы региона и т.п. Все это обереги, культурные коды, по которым мы узнаем друг друга, видим себе подобных. Символическая система так или иначе формирует общественное сознание. Не случайно Э.Кассирер представлял

символы как некий универсум, способный самостоятельно контролировать действительность[8];

- доминирующий уклад хозяйственной жизни, структура экономики региона (сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и т.п.)

-референтность. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них;

- общность исторических судеб, историческая память населения региона. Это один из важнейших каналов передачи социального опыта, а также важнейший фактор самоидентификации индивида и социальной группы. Непреходящее значение имеет история региона, с которой связаны люди. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде». [9, с. 15]

Названные выше элементы региональной идентичности влияют на образ региона, их важно эффективно использовать в управленческой деятельности властным структурам с целью повышения привлекательности регионов, разработки принципов приграничного сотрудничества.

В официальных документах стран дальнего зарубежья, государств, входящих в СНГ, публикациях, посвященных данной проблеме, выделяются различные принципы приграничного сотрудничества. К примеру, в рамках Объединения европейских приграничных регионов приняты следующие основные принципы: субсидиарности, партнерства и равноправия, солидарности территорий, совместной разработки стратегии развития приграничных территорий.

В Постановлении Совета межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 29-18 «О модельном законе «О приграничном сотрудничестве» (31 октября 2007г.) выделены такие принципы:

- равенство и взаимная ответственность;

- уважение суверенитета и территориальной целостности;

- неприкосновенность государственных границ;

- мирное разрешение пограничных споров;

- взаимное уважение законодательства государств, выполнение международных договоров и соглашений о приграничном сотрудничестве;

- учет особенностей приграничных регионов, прав и интересов участников приграничного сотрудничества;

- устранение политических, экономических, правовых, административных препятствий для взаимного сотрудничества;

- добровольность и взаимовыгодность сотрудничества;

- обеспечение безопасности и жизни граждан, ненанесение ущерба окружающей среде, экономическим и иным интересам сопредельных государств, уважение прав и свобод граждан приграничных государств.

Белорусский исследователь данной проблемы А.И. Литвинюк выделяют 2 группы принципов приграничного сотрудничества:

1) организационно-правовые: субсидиарности, суверенитета и территориальной целостности, равенства участников, добровольности, законности, самостоятельности, солидарности;

2) организационно-экономические: общности интересов, учета потребностей, иерархичности, ротации, комплексности, дополняемости, системности. [10, с. 82]

Слов нет, вышеперечисленные принципы важны и не могут вызвать возражений. Это – общедемократические принципы, которые регулируют отношения как приграничных регионов, так и отдельных государств, а также принципы, ориентирующие на повышение экономической эффективности сотрудничества. На наш взгляд, данные

принципы целесообразно дополнить принципами, которые относятся к социокультурной сфере, особенно, если речь идет о сотрудничестве в белорусско-российском приграничье:

- гармонизация гуманитарных, экономических и политических факторов и показателей приграничного сотрудничества;
- учет социокультурных особенностей региона, характера сложившихся исторических связей;
- максимальное использование образа и имиджа региона, его идентичности в углублении экономического, социокультурного и гуманитарного сотрудничества;
- формирование единого духовного и правового пространства;
- формирование союзного патриотизма;
- учет менталитета населения приграничных регионов;
- идеологическое обеспечение интеграционных процессов, выработка общих идеологических принципов, ценностей, социальных и политических ориентиров;
- информационное взаимодействие регионов и их населения.

Учет социокультурных факторов в приграничном сотрудничестве чрезвычайно важен. Безусловно, экономическое сотрудничество носит базисный и приоритетный характер. Однако нельзя уповать только на экономические интересы и получаемую хозяйственную выгоду. В строительстве Союзного государства, проекте будущего двух стран необходимо определить идеологические ориентиры.

Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и идеология диалектически взаимосвязаны. Именно идеология, формулирует ориентиры того, как обустроить наш общий дом, включая и экономику. Идеологические ценности являются той «смазкой», которая повышает эффективность функционирования всех звеньев хозяйственного механизма и экономической интеграции. Вот почему вопросы идеологического обеспечения евразийской интеграции в целом и приграничного сотрудничества, в частности, весьма актуальны и требуют обоснованного ответа. Только единое идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы единым содержанием, преодолеть сиюминутный экономический эгоизм по обе стороны границы.

Вопросы места и роли идеологии в жизни современного общества находятся в центре острейших дискуссий политиков, философов, историков. Диапазон мнений весьма широк: от неприятия всяких идеологий до обоснования ее важности и необходимости. К примеру, С. Новопрудский считает, что «постановка вопроса об установленной законом единой государственной идеологии изначально ущербна и даже оскорбительна для людей страны. Выходит, жители такой страны сами не знают, зачем они здесь живут». [11]

Дело вовсе не в юридической, а фактической стороне вопроса. Идеология – это атрибут любого государства. Разве, к примеру, в США нет господствующей идеологии? Могут возразить: существует конкуренция двух идеологий – либерализма и консерватизма, носителями которых являются демократическая и республиканская партии. Но различия между ними тактические, а не стратегические. К тому же эти различия все больше стираются.

Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. Политические стратеги Запада давно пришли к выводу, что с помощью военных средств многие проблемы нельзя решить. Но есть и другие инструменты, более эффективные: разрушение кодов национального бытия. То есть речь идет о разрушении базовых национальных ценностей, традиций и обычаев, исторической памяти народа. По масштабам и агрессивности идеологическая работа западных стран несколько не уступают практике бывшего СССР времен холодной войны. В этой связи нельзя

не согласиться с Н. Нарочницкой, которая отмечает, что «...появление духовного стержня, объединяющего нацию лучше, чем любая отметка в паспорте, ...пробудило бы историческое сознание, интерес народа к исторической жизни».[12, с.84] Сказанное всецело относится к многоплановому белорусско-российскому сотрудничеству.

Духовные ценности, идеологические приоритеты влияют не только на историческую память (интерпретации прошлого), но и на весь комплекс общественных отношений. Общность исторических судеб не может не сказываться на динамике регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни. Пока в сотрудничестве России и Беларуси основной акцент сделан на макроэкономических и финансовых показателях. Но одними материальными стимулами стоящие перед народами стран проблемы интеграции не решить. Без духовных проектов ценностей, идеологии нет смыслов, нет объединяющих целей и символов, невозможно определить стратегию и реализовать ее.

Полагаем, что одной из важнейших идеологических предпосылок единения двух стран является патриотизм. Но что такое союзный патриотизм? Данное понятие нуждается в уточнении, до сих пор нет единого толкования. Если заглянуть в учебники, то увидим, что их содержание не всегда формирует уважение к Союзному государству. Беларусь пока мало представлена в российских учебниках. Существенно разнятся порой оценки отдельных исторических событий. О Союзном государстве говорится вскользь и очень лаконично. Необходимо более настойчиво и последовательно пропагандировать идеи союзного строительства. В этой связи большое значение имеет информационное взаимодействие регионов и людей, которое является многоаспектным и стремится к преодолению каких бы то ни было границ. Однако информационное взаимодействие часто сопряжено с наличием видимых и невидимых барьеров. Один из них – различный характер идеологических принципов, ценностей, социальных и политических ориентиров, культивируемых в странах. Известен тот факт, что население Республики Беларусь в большей мере информировано о событиях в России, нежели россияне о реальных процессах, происходящих в нашей стране. К примеру, доступ белорусского телевидения на российскую территорию по разным причинам ограничен.

Ока наши страны не вышли на тот объем духовного и информационного обмена, который необходим и который существовал в СССР. Решение проблемы упирается в отсутствие соответствующей структуры, некоего нового инструмента, который бы координировал и поддерживал совместные проекты в гуманитарной и социокультурной сферах. Необходимо создать такое духовное и юридическое пространство (наряду с экономическим), которое способствовало бы сотрудничеству. Именно формирование общественного сознания является базой для утверждения тех ценностей, которые необходимы народам в их интеграционных устремлениях и выступают духовным скрепом не только любого интеграционного объединения, но и любого государства.

Список использованной литературы

1. Перегудов, С. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? / С. Перегудов // МЭиМО. – 2002. – №4. – С. 22-28.
2. Дынкин, А. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / А. Дынкин, М. Барроуз // МЭиМО. – 2016. – Т. 60. – №8. – С. 5-25.
3. Марченко, Г.В. Региональные проблемы становления новой российской государственности / Г.В. Марченко. – М., 1996.
4. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1994.
5. Черная, И.П. Приграничный регион в условиях глобализации / И.П. Черная, М.Ю. Шинковский // Пространственная экономика. – 2005. – №2. – С. 46-60.
6. Еремина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа /

- Е.В. Еремина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/781>. – Дата доступа : 16.02.2016.
7. Пеньковцев, Р.В. Компаративный анализ феномена «Региональной идентичности» (Россия – ЕС – США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова // Ученые записки Казанского государственного университета. Кн. 3, Гуманитарные науки. – 2007. – Том 149. – С. 175 – 190.
 8. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Феномен человека. Антропология. – М., 1993. – С. 143-198.
 9. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
 10. Литвинюк, А.И. Формирование организационно-экономического механизма трансграничного сотрудничества Республики Беларусь / А.И. Литвинюк // Весті БДПУ. – Серія 2. – 2014. – № 1. – С. 77-82.
 10. Новопрудский, С. Ахмед Петрович Рабинович / С. Новопрудский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/10385681.shtml>– Дата доступа : 05. 12.16.
 11. Нарочницкая, Н. Россия. Портрет в национальном интерьере / Н. Нарочницкая // Русский журнал. – 2007. – № 10. – С. 82-85.

СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В СИСТЕМЕ ГРАНТОВОЙ ПОДДЕРЖКИ

Д.П. Рыбка

г. Минск, БРФФИ, dina.rybka@mail.ru

Цель статьи – показать роль научных фондов в эффективности приграничного сотрудничества ученых Беларуси и России.

Ключевые слова: фундаментальные исследования, приграничное научное сотрудничество, научные фонды, межрегиональные конкурсы.

Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ) весьма плодотворно взаимодействует с Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), соглашение о сотрудничестве с которыми было подписано еще в 1998 г. РГНФ стал крупнейшим партнером БРФФИ и играл заметную роль в налаживании и расширении двустороннего сотрудничества ученых России и Беларуси. Проводимые Фондами совместные конкурсы были нацелены на консолидацию усилий для финансирования научных исследований по актуальным и взаимовыгодным для обеих сторон научным направлениям.

Особо плодотворным, на наш взгляд, оказалось научное сотрудничество ученых белорусско-российского приграничья, поскольку полученные результаты в фундаментальных и ориентированных исследованиях в системе грантовой поддержки позволили эффективно решать проблемы приграничных районов, создавать там существенный задел для инновационной деятельности.

С учетом общих исторических, культурных и языковых корней Беларуси и России, особенно в приграничных районах, для ученых-гуманитариев были открыты широкие перспективы для выяснения на этих территориях связей и контактов жителей Беларуси и России, особенностей идентичности, изучение общих и региональных черт в культурно-историческом наследии и т.д.

Совместные двусторонние межрегиональные конкурсы «БРФФИ-РГНФ (Приграничный)» в приграничных Витебской, Могилевской, Псковской и Смоленской областях объявляются с 2010 года по целому ряду направлений гуманитарных наук: ис-

тория, археология, этнография, экономика, философия, социология, правоведение и др. За это время всего было проведено 7 конкурсов, в рамках которых была подана 51 заявка и отобрано для финансирования 15 проектов. 13 проектов успешно завершены, по двум работы продолжают.

Исследования в рамках конкурса «БРФФИ-РГНФ (Приграничный)» посвящены широкому кругу проблем. Нашли здесь свое место проекты *экономико-правового характера* (инновационное развитие экономики приграничных регионов России и Беларуси; трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов; городские поселения российско-белорусского приграничья: соразвитие, экономическая диффузия, центры роста; правовая культура молодежи приграничья); *философско-социологического характера* (восприятие имиджа соседнего государства молодежью приграничья; белорусско-российское приграничие: методология анализа, истоки и структура проблем, формы и технологии их решения); *историко-филологического* (Витебщина и Смоленщина в языковых, литературных и культурных контактах; Витебское Подвинье и Смоленское Поднепровье I-м - середине II-го тысячелетия нашей эры); *психолого-педагогического характера* (применение методов математического моделирования и статистики в педагогической теории и практике; поликультурная среда вуза в профессиональном становлении специалиста) и др.

Сотрудничество ученых осуществляется плодотворно в плане обмена опытом, информацией, научными визитами, а также анализа полученных результатов и их дальнейшего продвижения для получения новых знаний и реализации их на практике.

Оценка результатов исследований по закончившимся проектам показывает их высокую научную и практическую значимость. В качестве примеров можно привести следующие: проведен анализ исторически сложившихся предпосылок и структуры белорусско-российского приграничного сотрудничества, также осуществлено прогнозирование и проектирование комплекса мероприятий по его оптимизации в средне- и долгосрочной перспективе (проект выполнялся Институтом экономики НАНБ совместно со Смоленским государственным университетом); разработана концепция регионализации – повышения роли региональных центров в социально-экономическом, демографическом, экологическом и социокультурном развитии регионов на внутри-областном и локальном уровнях, также дан прогноз дальнейшего развития социально-эколого-экономических районов приграничья России и Беларуси под влиянием процессов регионализации (проект выполнялся Могилёвским государственным областным институтом развития образования совместно со Смоленским гуманитарным университетом); проанализированы история и современное состояние Витебщины и Смоленщины в языковых, литературных и культурных контактах (исследования провели Витебский государственный университет им. П.М.Машерова совместно со Смоленским государственным университетом); Институтом экономики НАНБ совместно с Государственным научно-исследовательским учреждением "Совет по изучению производительных сил" Минэкономразвития России разработана концептуальная модель развития приграничного сотрудничества в рамках формирования Единого экономического пространства, включающая три уровня управления: межгосударственный, национальный и региональный (местный), и учитывающая особенности белорусско-российского пограничья и новые условия интеграции двух стран; изучено просоциальное поведение мигрантов и принимающего населения в условиях межкультурного взаимодействия (работу выполнил Витебский государственный университет им. П.М.Машерова совместно со Смоленским гуманитарным университетом).

В рамках празднования 1150-летнего юбилея Полоцка БРФФИ и РГНФ провели совместный тематический конкурс проектов фундаментальных исследований «БРФФИ-РГНФ (Полоцк)» по научным проблемам древнего Полоцка.

На конкурс было подано 12 заявок. Тематика заявленных проектов охватила все

научные направления объявленного конкурса. Для финансирования было отобрано 5 проектов. Все проекты были успешно выполнены, а полученные результаты внесли значительный вклад в изучение истории и культуры древнего Полоцка.

Так, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник совместно с Межобластным научно-реставрационным художественным управлением Министерства культуры РФ провел музейфикацию комплекса настенной живописи XII – XIX вв. Спасо-Преображенского храма Евфросиньева монастыря в Полоцке, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАНБ совместно с Российским институтом истории искусств РАН и Министерства культуры РФ проанализировал историю и современное состояние музыкального искусства и культуры древнего Полоцка, Институт философии НАНБ совместно с Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации изучил опыт историко-философской реконструкции интеллектуальной жизни Полоцка XI – середины XIX вв., исследованием формирования письменной культуры в сферах коммуникации и права Полоцкой земли в XIII – начале XVI вв. занимался Институт истории НАНБ совместно с Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН.

Из представленного материала по научному сотрудничеству в белорусско-российском приграничье видно, что затрагиваемые проблемы актуальны и многоплановы. Проведенные исследования позволили получить научно и практически значимые результаты, обладающие несомненной новизной. В этой связи роль фондов фундаментальных исследований в конкурсной поддержке научных исследований на приграничных территориях представляется исключительной, поскольку дает возможность выполнения инициативных и поисковых проектов, не всегда реализуемых в условиях базового финансирования.

Необходимо специально подчеркнуть, что при выполнении совместных проектов, финансируемых БРФФИ и РФНФ, не только получают новые научные знания, но и формируются коллективы, способные в дальнейшем создавать с использованием этих знаний инновационные продукты.

С большой долей уверенности можно полагать, что межрегиональная (приграничная) научная кооперация будет и дальше усиливаться и способствовать активной интеграции белорусских ученых и их зарубежных коллег в международное научное сообщество.

ДОМИНИРУЮЩИЕ МОТИВЫ УЧЕНИЯ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.В. Селезнева

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова, katin.sel@yandex.ru

Цель статьи – выявление ведущих мотивов учебной деятельности в младшем подростковом возрасте у школьников Республики Беларусь и Российской Федерации.

Ключевые слова: мотивация учения, учебный мотив, младшие подростки, Республика Беларусь, Российская Федерация.

Подростковый возраст представляет собой один из наиболее сложных и противоречивых периодов в жизни человека. По классификации Д.Б. Эльконина, подростковый возраст можно разделить на 2 периода: младший подростковый возраст (11-14 лет) и старший подростковый возраст (15-16 лет) [1, с. 76].

Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенный в

учебную деятельность [2, с. 91]. Учебная мотивация с точки зрения Б.Ц. Бадмаева определяется как совокупность отношений ученика к учению (к различным аспектам учебного процесса) как к средству достижения целей обучения, ориентированность: на процесс познания (познавательные мотивы), на результат (мотивы достижения), на вознаграждение и на избегание наказаний (прагматические мотивы) [3, с. 97].

Исследователи учебной мотивации (А.К. Маркова, Л.И. Божович и другие) выделяют познавательные мотивы, связанные с содержанием учебно-профессиональной деятельности и процессом ее выполнения, а также социальные мотивы, обусловленные различными социальными отношениями студента с другими людьми. Среди познавательных мотивов можно выделить широкие познавательные мотивы, определяющиеся ориентацией человека на усвоение новых знаний, и учебно-познавательные мотивы, характеризующиеся ориентацией на освоение способов добывания знаний, а также мотивы самообразования – направленность на самостоятельное совершенствование способов получения знания [4, с. 98].

К социальным мотивам относят: широкие социальные мотивы – стремление быть полезным обществу; узкие социальные (позиционные) мотивы – желание занять определенную позицию в социуме, заслужить авторитет; мотивы социального сотрудничества – стремление к осознанию, анализу способов и форм своего сотрудничества с окружающими, к постоянному совершенствованию этих форм. На этапе овладения профессией мотивация, связанная с интересом к данной профессии, выступает в качестве ресурса и предпосылки, которые необходимы для развития профессионализма. Иными словами, студенту необходимы устойчивые профессиональные мотивы учебной деятельности и вполне адекватные представления о своей будущей работе. При наличии этих составляющих мотивации у учащихся последние будут стремиться к постоянному развитию креативности, нацеленной на получение нового знания и формирования профессионально важных качеств.

В последние десятилетия получил развитие подход к учебной деятельности как к полимотивированной. Этот подход отражен в работах А.К. Марковой, которая рассматривает становление мотивации как усложнение структуры мотивационной сферы и входящих в нее побуждений, а также иногда противоречащих отношений между ними. В этой связи в психологии используется классификация учебных мотивов с точки зрения их личностной значимости и функции в системе учебной мотивации. При этом выделяются мотивы смыслообразующие, которые не только побуждают деятельность, но и придают ей личностный смысл, и мотивы-стимулы, которые, действуя параллельно с первыми, служат дополнительными побуждениями [5, с. 81].

С целью изучения мотивов учебной деятельности у младших подростков было проведено эмпирическое исследование.

В исследовании приняли участие 217 учеников 5-х классов, из них:

- 1) 117 учеников 5-х классов Республик Беларусь (г. Витебск);
- 2) 100 учеников 5-х классов Российской Федерации (г. Смоленск).

В исследовании была использована методика изучения мотивации обучения школьников при переходе из начальных классов в средние (М.И. Лукьянова, Н.В. Калинина). Учащимся предлагается выбрать 3 варианта ответов, чтобы исключить случайность выборов и получить объективные результаты.

Инструкция: «Дорогой друг! Внимательно прочитай каждое неоконченное предложение и предложенные варианты ответов к нему. Выбери для окончания предложения 3 варианта из предлагаемых ответов, самые справедливые и действительные по отношению к тебе. Выбранные ответы подчеркни».

Мотивы учения по результатам проведения методики изучения мотивации обучения учащихся 5-11 класса (М.И. Лукьянова, Н.В. Калинина) представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Мотивы учебной деятельности у учеников 5-х классов Республики Беларусь и Российской Федерации

Мотивы учебной деятельности	Школьники РБ		Школьники РФ	
	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%
Внешний мотив	104	7 %	95	8 %
Игровой мотив	10	1 %	9	1 %
Получение отметки	113	8 %	46	4 %
Позиционный мотив	764	54 %	601	50 %
Социальный мотив	101	7 %	89	7 %
Учебный мотив	312	22 %	360	30 %
Итого	1404	100 %	1200	100 %

Таким образом, у младших подростков преобладает позиционный мотив (отмечен у 54 % испытуемых РБ и 50 % школьников РФ). Позиционный мотив может проявляться в разного рода попытках самоутверждения, в желании занять место лидера, оказывать влияние на других учеников, доминировать в коллективе и т.д. Мотивы социального сотрудничества состоят в том, что ученик не только хочет общаться и взаимодействовать с другими людьми, но и стремится осознать, анализировать способы и формы своего сотрудничества и взаимоотношений с учителем, товарищами по классу, постоянно совершенствовать эти формы. Данный мотив является важной основой самовоспитания, самосовершенствования личности.

Для 22 % подростков РБ и 30 % испытуемых РФ ведущим мотив являлся учебный. Этот мотив свидетельствует об ориентации школьников на овладение новыми знаниями, учебными навыками, определяются глубиной интереса к знаниям: новым занимательным фактам, явлениям, к существенным свойствам явлений, первым дедуктивным выводам, к закономерностям и тенденциям, к теоретическим принципам, ключевым идеям и т.д. Также учебный мотив говорит об ориентации школьников на овладение способами добывания знаний: интерес к приемам самостоятельного приобретения знаний, к методам научного познания, к способам саморегуляции учебной работы, рациональной организации собственного учебного труда.

У 8 % учеников РБ и 4 % учеников РФ доминировал мотив получения отметки. В таких ситуациях отметка выступает в качестве ведущего побудителя учебной деятельности, то есть ученики стремятся к получению высоких отметок.

У 7 % младших подростков РБ и 8 % младших подростков РФ диагностирован внешний мотив как ведущий мотив учебной деятельности. У этих детей учебная деятельность стимулируется не внутренней потребностью, а воздействием окружающих людей.

Для 7 % школьников РБ и 7 % школьников РФ был характерен социальный мотив учения. При доминировании данного мотива учебная деятельность осуществляется в силу долга, обязанности, ради достижения определенного положения среди сверстников, из-за давления родных, учителя и др.

Игровой мотив учения был характерен для всего 1 % испытуемых РБ и РФ. Игровой мотив – желание пообщаться со сверстниками.

Таким образом, можно говорить о сходности учебной мотивации у младших подростков в г. Витебске и г. Смоленске. И у российских, и у белорусских подростков ведущими мотивами учебной деятельности является позиционный мотив. Менее всего у учеников 5-х классов обеих стран был развит игровой мотив учения. Полученные результаты, безусловно, должны учитываться при построении учебного процесса у младших подростков.

Список использованной литературы

1. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – М: Педагогика, 1989. – 560 с.
2. Асеев, В.Г. Мотивация поведения и формирование личности/ В.Г. Асеев. – М: ЕЕ Медиа, 2012. – 159 с.
3. Бадмаев, Б.Ц. Психология в работе учителя. Книга 1. Практическое пособие по теории развития, обучения и воспитания / Б.Ц. Бадмаев. – М: Владос, 2004. – 233 с.
4. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб: Питер, 2009. – 400 с.
5. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М., 1996. – 309 с.

РАСПАЎСЮДЖАНАСЦЬ ПРОЗВІШЧАЎ, СУАДНОСНЫХ З АПЕЛЯТЫВАМІ, ШТО ЎКАЗВАЮЦЬ НА ЗАНЯТКІ, ПРАФЕСІЮ, НА ТЭРЫТОРЫІ РОЗНЫХ РАЁНАЎ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Г.К. Семянькова

г. Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава, Galina.Semenkova@mail.ru

Агульнавядома, што адна і тая ж прафесія мець рознае гучанне на асобных тэрыторыях. Напрыклад, у Беларусі майстра па апрацоўцы скуры называюць *гарбар*, *аўчыннік*, *кажэўнік*, *кажамяка*, *кушнер*, *шкурат*, *чамбар*, *балтушнік*, *шкурнік* [1, карта № 212]. У артыкуле зроблена спроба высветліць, ці залежаць асаблівасці распаўсюджвання і бытавання прозвішчаў, матываваных рознымі варыянтамі адной назвы, ад прынятых на асобных тэрыторыях моўных традыцый.

Мэта прапанаванай працы – выявіць асаблівасці прозвішчаў, суадносных з апелятывамі, што ўказваюць на заняткі, прафесію, на тэрыторыі Лёзненскага раёна Віцебскай вобласці, які мяжуе з Расійскай Федэрацыяй, а таксама на тэрыторыі астатніх раёнаў вобласці.

Матэрыялам паслужыла картатэка прозвішчаў жыхароў Віцебшчыны, якая складае больш за 8,5 тыс. адзінак. *Аб’ектам* аналізу сталі сучасныя прозвішчы жыхароў Віцебшчыны.

Для дасягнення пастаўленай мэты выкарыстаны наступныя **метады** і прыёмы аналізу – інвентарызацыя матэрыялу, класіфікацыя яго на аснове структурнага, семантычнага і лінгвагеаграфічнага аналізу, апісальны, параўнальна-супастаўляльны, параўнальна-гістарычны, арэальны метады, элементы статыстычнага аналізу.

На Віцебшчыне самымі распаўсюджанымі сярод прозвішчаў названага тыпу з’яўляюцца адзінкі, якія паходзяць ад апелятыва *аўчыннік*. Бытуюць яны не на ўсёй тэрыторыі вобласці, а з поўначы на поўдзень ўтвараюць своеасаблівую лінію, якая размешчана крыху на ўсход ад цэнтральнай часткі Віцебшчыны (2, с. 232). Прозвішчы ж, у аснову якіх пакладзены апелятыў *кажамяка*, фіксуюцца на Віцебшчыне амаль паўсюдна і не ўтвараюць арэалаў, падобных на апісаны вышэй. Антрапонімы, што ўтрымліваюць назву *кушнер*, адзначаны толькі ў трох раёнах – Лёзненскім, Глыбоцкім, Чашніцкім. Прозвішчы, матываваныя назвамі *кажэўнік* і *шкурат*, на тэрыторыі Лёзненскага раёна не зафіксаваны (яны сустракаюцца на Чашніччыне і Шуміліншчыне).

Супастаўляючы сказанае з данымі, што прыводзяцца ў “Лексічным атласе беларускіх народных гаворак” [1, карта №212], заўважаем, што тэрыторыя бытавання прозвішчаў, матываваных пэўным варыянтам назвы, не заўсёды супадае з тэрыторыяй, на якой гэты варыянт выкарыстоўваецца мясцовымі жыхарамі. Так, напрыклад, прозвішча *Аўчыннікаў* шырока распаўсюджана ў Гарадоцкім, Шумілінскім, Ушацкім,

Бешанковіцкім і Чашніцкім раёнах. Аднак, як сведчыць “Лексічны атлас...”, насельніцтва толькі Гарадоцкага і Віцебскага раёнаў ужывае варыянт *аўчыннік*, жыхары ж астатніх пералічаных раёнаў выкарыстоўваюць іншыя варыянты – *кажэўнік* і вельмі рэдка *кажамяка*. Сабраны матэрыял паказвае, што ад апелятыва *гарбар* не ўтворана ні аднаго прозвішча, хоць гэты варыянт назвы прыняты сёння на захадзе Віцебшчыны. Можна меркаваць, што ў той час, калі фарміраваліся прозвішчы, гэтая лексема не ўжывалася.

Прозвішчы, суадносна з назвамі майстра па вырабу драўлянага посуду, матуюцца апелятывамі *бондар*, *бачкар*, *бачар*, *бачкарнік* (2, с. 233). Ступень распаўсюджвання прозвішчаў, утвораных ад прыведзеных варыянтаў, у кожным раёне розная. Самымі частотнымі з’яўляюцца адзінкі, якія ўтрымліваюць апелятыў *бондар*: яны адзначаны амаль на ўсёй тэрыторыі вобласці, а найбольшай канцэнтрацыі дасягаюць на поўначы Лёзненскага і поўдні Чашніцкага раёнаў, у паўночна-ўсходняй частцы Ушацкага, паўднёва-заходніх частках Шумілінскага і Верхнядзвінскага раёнаў. Можна выказаць здагадку, што менавіта на гэтых тэрыторыях у XVII – XVIII стст. (перыяд прозвішчаўтварэння) бондарства было вельмі распаўсюджана.

Характэрна, што зараз практычна на ўсёй тэрыторыі Віцебскай вобласці, як і па Беларусі ўвогуле, для называння майстра па вырабу драўлянага посуду выкарыстоўваецца лексема *бондар* [1, карта №223]. Варыянт жа *бачкар* аўтарамі “Лексічнага атласа...” не адзначаны на Віцебшчыне ўвогуле, больш таго – ён з’яўляецца надзвычай рэдкім і для астатняй тэрыторыі рэспублікі. У прозвішчах жа гэты апелятыў быў скарыстаны неаднаразова (2, с. 233).

Апелятывы *бачкарнік* і *бачар*, якія ў “Лексічным атласе...” нават не ўзгадваюцца, таксама сустракаем у прозвішчах жыхароў Чашніцкага (*Бачараў*), Дубровенскага (*Бачарэнка*) і Полацкага (*Бачкарнікаў*) раёнаў. Заўважым, што Чашніцкі р-н у плане насычанасці і разнастайнасці антрапонімаў з’яўляецца ўнікальным: тры варыянты назвы *бондара* з чатырох магчымых знайшлі адлюстраванне ў прозвішчах жыхароў паўднёва-ўсходняй часткі гэтага раёна. Такая з’ява не адзначана больш нідзе на Віцебшчыне.

З усяго сказанага вышэй напрашваецца вывад, што ў прозвішчах, як неаднаразова адзначалася анастамі, утрымліваюцца звесткі, якія сучаснай мовай ужо страчаны: зараз на Віцебшчыне ўжываецца толькі адзін варыянт назвы майстра па вырабу драўлянага посуду – *бондар*, прозвішчы ж фіксуюць чатыры такія варыянты.

Што да размяшчэння прозвішчаў, асновы якіх утрымліваюць назвы майстра па вырабу колаў, то на тэрыторыі Віцебшчыны бытуюць прозвішчы, матываваныя апелятывамі *калеснік* і *стэльтах*, а таксама фанетычнымі і акцэнтнымі варыянтамі апошняга – *стэльтах*, *стэльтак*, *стэльтак* (2, с. 234). Антрапонімы, што паходзяць ад варыянта *калеснік*, надзвычай распаўсюджаны ў Верхнядзвінскім р-не, прычым большасць зафіксаваных тут прозвішчаў узнікла шляхам анімацыі (*калеснік* > *Калеснік*). Такім чынам, арэал самай высокай на Віцебшчыне частотнасці прозвішча *Калеснік* ахоплівае паўночную частку Верхнядзвінскага і паўночна-заходнюю частку Расонскага раёнаў. Утварэнні ад названага варыянта зафіксаваны таксама не менш чым у двух сельсаветах Лёзненскага, Чашніцкага, Шумілінскага раёнаў.

Прозвішчы, у аснове якіх фанетычныя і акцэнтныя варыянты апелятыва *стэльтах*, даволі кампактна бытуюць на ўсходзе Віцебскага і Лёзненскага раёнаў, ва Ушацкім, паўночнай і паўночна-ўсходняй частках Лепельскага раёнаў. Зрэдку такія антрапонімы сустракаюцца ў Пастаўскім, Мёрскім, Глыбоцкім і Сенненскім раёнах.

На сучасным этапе для абазначэння майстра па вырабу колаў на тэрыторыі Віцебшчыны шырока ўжываецца назва *калеснік*, а таксама яе варыянты *кал’еснік*, *каляснік*, *каляснік*. Назва ж *стэльтах* зараз характэрна для паўднёвай і паўднёва-заходняй Беларусі [1, карта № 222].

Антрапонімы, у аснове якіх назва чалавека, што меле збожжа ў млыне, надзвычай частотныя ў Лёзненскім, Шумілінскім і Чашніцкім раёнах (2, с. 235). Сярод іх прэвалююць прозвішчы, матываваныя апелятывам *пруднік*, а ўтварэнні ад *мельнік* сустракаюцца рэдка (на Лёзненшчыне антрапонімы ад *мельнік* не адзначаны ўвогуле). На астатняй тэрыторыі Віцебшчыны адзінкі, у аснове якіх назва млынара, сустракаюцца нячаста, а ў Расонскім, Браслаўскім і Шаркоўшчынскім раёнах увогуле не зафіксаваны. Заўважым, што тэрыторыя, дзе сёння ўжываюцца варыянты *пруднік* і *мельнік*, амаль супадае з рэгіёнамі, на якіх распаўсюджаны прозвішчы, утварэння ад гэтых апелятываў [1, карта № 213].

Асновы прозвішчаў жыхароў Віцебшчыны фіксуюць яшчэ два варыянты назвы млынара – *прудняк* і *мукамол*, якія, мяркуючы па даных “Лексічнага атласа...”, не ўжываюцца сёння на тэрыторыі Беларусі. Антрапонімы ж “закансервалі” ў сваім складзе адзначаныя варыянты: на Лёзненшчыне гэта прозвішча *Пруднячэнка*, на Шуміліншчыне – *Пруднячэнка*, *Мукамалаў*.

Такім чынам, у працэсе даследавання лінгвагеаграфічных асаблівасцей прозвішчаў, якія паходзяць ад апелятываў, што з’яўляюцца назвамі прафесій і роду заняткаў, выяўлена наступнае: 1) не заўсёды тэрыторыя бытавання антрапонімаў, матываваных канкрэтным апелятывам, супадае з арэалам, дзе гэты апелятыў сёння ўжываецца; 2) супастаўленне вынікаў нашага даследавання з данымі “Лексічнага атласа беларускіх народных гаворак” паказала, што пры ўтварэнні прозвішчаў выкарыстана значна больш варыянтаў назвы прадстаўніка пэўнай прафесій, чым сёння ўжываецца ў мове жыхароў. Прычыны такой з’явы могуць быць наступнымі: а) варыянт назвы страчаны сучаснай мовай, а захаваўся толькі ў прозвішчах; б) прозвішча было ўтворана на іншай тэрыторыі, а на даследаваную трапіла ў працэсе перасялення яго носьбіта. Прыведзенае тлумачэнне ў большай ступені можа быць прыменена да тлумачэння адзінкавых антрапонімаў, якія фіксуюцца на Віцебшчыне адзін-два разы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 т. / пад рэд. Ю.Ф.Мацкевіч. – Т. 3: Чалавек. – Мінск, 1996.
2. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск: Выдавецтва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2006. – 238 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА: СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРИГРАНИЧНАЯ СПЕЦИФИКА

М.А. Слемнев
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Цель статьи – раскрыть структуру социокультурной среды и выявить ее специфику в белорусско-российском приграничье.

Ключевые слова: социокультурная среда, социокультурная реальность, приграничье, белорусско-российское приграничье, трансграничный человек.

Разобраться в ценностных ориентациях и поведении отдельных индивидов и социальных общностей различного типа без выяснения особенностей их социокультурного хронотопа невозможно. Учет таких особенностей крайне необходим при проведении внутренней региональной политики и развитии приграничного сотрудничества со странами зарубежья.

Понятие «социокультурная среда» пока что не получило строгий научный статус. Помочь в этом может его сравнение с другим, родственным по смыслу – «социокультурная реальность». Оба они имеют общий конъюнктивный член – «социокультурное». Именно это подчеркивает их семантическую близость.

В концепте «социокультурное» обращено внимание на органическое единство социальной и культурной граней общества. Социальное указывает на природную обусловленность совместной человеческой активности, которая и как процесс, и как результат обладает над-биологической значимостью. Культурное – на искусственный характер способов, средств и результатов всех видов деятельности, поведения и общения людей как социальных существ. Известная триада «человек – общество – культура» выступает здесь в виде монолитной целостности.

Понятие «социокультурная реальность» является мировоззренческой универсалией. Ее назначение заключается, прежде всего, в том, чтобы обеспечить интегрально-схематическое видение социального бытия, дать его обобщенный абстрактно-понятийный образ. Можно сказать, что это философская категория предельно широкого субъект-объектного звучания. Поэтому всякие «попытки описать социокультурную реальность как таковую имеют смысл в рамках философии, но нецелесообразны в социальных науках» [1, с.163]. И думается, что не только нецелесообразны, но и вряд ли осуществимы.

В социогуманитарном дискурсе актуализируется другое понятие – «социокультурная среда». Масштаб и сфера его действия несколько скромнее, чем у родственного с ним. Оно является более конкретным, заземленным, привязанным к непосредственному жизненному миру человека, к природным, социальным и культурным условиям его существования. Упомянутая ранее триада «человек – общество – культура» наполняется в данном случае «плотью» и «кровью».

Социокультурная среда не является однородным, гомогенным образованием. Как и любая качественная определенность, она имеет свои топологические границы. Они задаются, в первую очередь, разделяемыми людьми социальными символами, ценностями и нормами поведения и общения. В итоге появляется множество локализованных социокультурных пространств, каждое из которых очерчивает контуры социокультурного окружения человека. За их пределами вместо привычных «Мы» и «Свои» живут уже «Они» и «Чужие» с соответствующей степенью ментального, языкового, ценностно-ориентированного и других видов социокультурного удаления друг от друга.

Социокультурная среда и в малых, и в больших локусах структурирована. При системном подходе в ней можно выделить два взаимосвязанных уровня организации: обыденный, повседневный и специализированный, институциональный [1, с. 171-175]. Первый можно условно назвать эмпирическим, второй – теоретическим. В самом общем виде первый, базовый уровень представляет собой совокупность социокультурных форм, финансируемых непосредственными переживаниями и контактами людей в сфере межличностных отношений при удовлетворении их жизненных потребностей и субъективных желаний. Здесь люди действуют по большей части автоматически, не подвергая рефлексивному осмыслению свой жизненный мир. Решающую роль в организации их жизнедеятельности играют устоявшиеся традиции, которые воспроизводятся в каждом новом поколении благодаря коллективному бессознательному, социальной памяти и коду национальной культуры.

Специализированный, институциональный, рефлекслируемый уровень социокультурной среды призван организовать на основе специальных категориально-понятийных матриц хозяйственно-экономическую, политическую, религиозную, научную, технико-технологическую и другие виды совместной жизнедеятельности с учетом внутренних проблем социума и внешних цивилизационных вызовов.

На социетальные структуры общества возложен ряд функций, важнейшими из

которых являются жизнеобеспечивающая, интегрирующая, дифференцирующая и регулирующая. Их поочередно выполняют экономика, духовная культура, социальные институты и властно-политическая система. Каждое социетально-функциональное образование пользуется своими специфическими средствами. «Для жизнеобеспечивающей структуры, – отмечает Н.И.Лапин, – главное такое средство – деньги; для интегрирующей структуры – ценностные ориентации, способы действий (технологий), образцы; для дифференцирующей структуры – социальные требования, нормы, престиж; для регулирующей структуры – власть, социальные программы» [2, с. 10].

В социокультурной среде нередко выделяют вещные, материальные и духовные, идеальные образования. Компонентами первого типа являются представители материальной культуры, техносферы. Предметы материальной культуры играют двоякую роль. Во-первых, они служат практическим целям и в таком качестве их можно считать социальными сущностями. А, во-вторых, являются феноменами культуры, особыми текстами, которые хранят и транслируют социально-значимую информацию. Органическое соединение социального и культурного в «искусственной природе» очевидно.

К компонентам второго типа обычно относят традиции, образцы деятельности и поведения, верования, нормы и идеалы, социальные ценности и др. Если воспользоваться известной марксистской терминологией, это все то, что присутствует на различных уровнях общественного сознания, которое не только зависит от общественного бытия, но в силу своего креативного характера в определенном смысле творит его и регулирует историческую динамику.

Значительный интерес представляет структурирование социальной среды путем выделения в ней следующих системных блоков: а) одухотворенная материя (трудовая, демографическая, экологическая культура); б) духовная культура (языковая, образовательная, этносоциальная и конфессиональная); в) культура регионального управления (экономическая, политическая, правовая, идеологическая) [3, с. 5-12].

Практически в каждой стране можно отыскать относительно автономные социокультурные комплексы. По крайней мере, они отчетливо просматриваются в регионах, непосредственно примыкающих к государственной границе. Ее историческая подвижность и длительные культурные диффузии приводят к возникновению буферного социокультурного пространства, в котором живет «трансграничный человек» как особый культурно-антропологический тип. На его этнопсихологический, духовно-нравственный и, в целом, социокультурный облик влияют история взаимоотношения народов, которая откладывается в их социальной памяти, разделяющая их языковая дистанция, менталитет, религиозная вера, степень прозрачности административных границ в прошлом и настоящем и др. Но при любых обстоятельствах люди приграничья острее других ощущают экономическое, идеологическое и культурное дыхание сопредельной стороны.

Белорусско-российский феномен «приграничного соседства» имеет свою специфику. Государственная граница между Беларусью и Россией в ее нынешнем виде может быть лишь с известной долей условности названа таковой. К ней более подходит проникшее в современный социогуманитарный лексикон английское слово «фронтир», которое в свободном переводе означает «мост», «ворота», «контактная область». В отличие от классической границы «фронтир» является зоной комплементарного взаимодействия во многом схожих политических, экономических и социокультурных практик. Как результат, белорусско-российский «трансграничный человек», несмотря на образование после распада СССР двух суверенных государств, оказался, а, точнее говоря, остался «психологически, социокультурно, этноконфессионально, лингвистически в равной степени адаптирован к Белоруссии и России» [4, с. 134]. В равной сте-

пени – возможно сильно сказано, но что хорошо приспособлены – это несомненно.

Постепенному формированию такой адаптированности способствовало сложное переплетение исторических судеб родственных народов и мобильность разделяющих их административных границ. Взять, к примеру, северный белорусско-русский приграничный регион, который образуют Псковская и Витебская области. Границы между ними часто менялись. Последняя радикальная перестройка произошла в 1924 году, когда территория Псковской губернии была увеличена за счет присоединения трех уездов Витебской губернии: Себежского, Невельского и Велижского.

Включение белорусского населения в русскую социокультурную среду не изменило его конфессиональную принадлежность (здесь доминировало православие), но со временем сказалось на этническом составе и языковой культуре. Так сегодня, например, в Себежском районе только каждый десятый из опрошенных отметил, что может хорошо говорить по-белорусски, еще 8% - не совсем свободно, 19% - в целом понимают язык, но не все слова. При этом 10% респондентов Псковского региона сообщили, что имеют белорусские этнические корни (скорее всего их больше, только не знают об этом). На наличие близких и дальних родственников в Беларуси указало 18%, а друзей и хороших знакомых – 27%. Иными словами, тесные родственно-дружеские связи с жителями соседней страны поддерживают 45% [5, с. 235-249].

Примерно такая же ситуация сложилась в Смоленско-Витебском приграничном регионе. В 1859 году семь западных уездов Смоленской губернии, включая и Смоленский, были почти полностью белорусскими по своему этническому составу. Доля белорусского и смешанного белорусско-русского населения в них превышала 90%. Согласно переписи 1897 года сохранился лишь один, преимущественно белорусский уезд, Краснинский. В остальных доля русского населения уже превысила 90% [5]. Сегодня этот процент характеризует практически все белорусское приграничье Смоленщины. Оно в принципе не отличается от Псковского и по количеству родственно-дружеских связей с жителями сопряженной белорусской территории, и по знанию белорусского языка, и по доминированию православия. Что касается белорусской стороны, то русским языком здесь в той или иной мере совершенства владеют все. И хотя 80% опрошенных жителей белорусско-русского приграничья назвали белорусский язык родным, в быту, общении с друзьями и на работе они обычно пользуются русским языком. Поэтому для переведения билингвизма, законодательно оформленного 20 лет назад, в практическую плоскость необходимо усилить его белорусскую составляющую, прежде всего, с помощью системы образования и культуры. Следует также помнить о том, что реальное двуязычие в приграничье (да и не только в нем) весьма далеко от литературной нормы. Оно особенно в сельской местности часто имеет вид известной белорусской «трасянки».

Этноязыковое родство населения, его принадлежность к православно-славянскому миру, множество смешанных браков, схожие традиции, образ жизни и стиль поведения дают возможность «бикультурному», «андрогинному» человеку белорусско-русского приграничья свободно осуществлять свою жизнедеятельность в современной «стыковой» социокультурной среде, а при пересечении границы «чувствовать себя как дома» (Э.Парк).

Ярким проявлением подобной социокультурной раздвоенности может служить следующий факт. Удельный вес белорусов в Витебской области составляет примерно 85%, русских – 12%. Социологические исследования показали, что около 40% респондентов-русских отождествляют себя с белорусским народом. Как отмечает И.Я. Левяш, это свидетельствует о существовании процессов, противоположных русификации-белорусизации русского населения. Русские, живущие в Беларуси, не просто демонстрируют «лояльность и близость к белорусскому народу, но и общую с ним

социокультурную самоидентификацию» [3, с.10].

Не ощущают себя маргиналами и белорусы, которые постоянно или временно проживают в российско-белорусском приграничье. И не только потому, что они попадают в привычную для них социокультурную среду. Очень важно и сложившееся здесь общественное мнение о белорусах. Российские социологи установили, что «образ белоруса в представлении всех респондентов носит исключительно положительный характер, ни одна из выборок не включила в число модальных характеристик белоруса каких бы то ни было недостатков» [6, с.58].

Безусловно, традиционная оппозиция «Мы - Они» в белорусско-российском приграничье имеет место. Но она не носит конфронтационного характера и, тем более, не является жесткой демаркационной линией социопсихологического, религиозного и языкового отчуждения. Все это является хорошей основой для развития и углубления интеграционных процессов в белорусско-российском приграничном регионе.

Следует, однако, иметь в виду, что достаточно продолжительное нахождение братских народов в различных политических, правовых и идеологических полях, известная разнокачественность экономических укладов не смогли не повлиять на сознание людей, особенно молодежи, которая прошла социализацию после распада СССР уже в разных государствах. Очагов приграничного межнационального напряжения сегодня не наблюдается. Но полностью исключить возможность их возникновения нельзя. Этому, в частности, способствуют, так называемые, газовые, нефтяные и продуктовые «войны», предвзятые оценки в одиозных СМИ внутренней и внешней политики двух государств. Нельзя забывать и о том, что в кризисные времена, когда становится неуютно жить в настоящем, виновников всех бед нередко ищут в историческом прошлом, акцентируя при этом внимание на далеко не лучших страницах взаимоотношений народов и государств. А при желании их всегда можно найти в любой стране. Активисты же радикальных национальных движений, которые стоят на страже своих этнических рубежей, охраняя их чистоту от внешних заимствований, в такие моменты способны нарушить устоявшееся национальное согласие. Можно надеяться, что белорусско-российским отношениям такое вряд ли грозит. Тем не менее, процессы, происходящие в социокультурной среде приграничья, нуждаются в тщательном изучении, отслеживании динамики, и, при необходимости, аккуратной корректировке.

Список использованной литературы:

1. Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия / Э.А.Орлова // Вопросы социальной теории. – 2008. т. II, вып. 1(2). – С.161-175.
2. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И.Лапин // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – с.3–12.
3. Левяш, И.Я. Теоретические вопросы регионологии / И.Я.Левяш // Псковский регионологический журнал. – 2015, № 22. – С. 3-17.
4. Востриков, С.В. Парадоксы национального восприятия в условиях приграничья: исторические особенности развития этноэволюционных процессов / С.В. Востриков // Образы России и Беларуси в контексте приграничья – Смоленск: Изд-во СмолГУ. – 2013. – 236 с.
5. Манаков, А.Г. Историко-культурная детерминация и социокультурная специфика белорусско-российского приграничья (на примере Псковского региона) / А.Г.Манаков // И.Я Левяш [и др.]; под научной ред. И.Я.Левяша. – Изд-во СмолГУ– 2012.– С. 235-249.
6. Сикевич, З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? / З.В.Сикевич // Социологические исследования. – 2007, № 9 – С.59-69.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

*Р.В. Тимофеев
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Цель статьи – дать всесторонний анализ интеграционным процессам в белорусско-российском пограничье.

Ключевые слова: интеграция, пограничье, транспорт, потенциал, реализация.

Транспорт соседних союзных государств, осуществляя интенсивные перевозки грузов и пассажиров, играл и играет уникальную роль в совершенствовании интеграционных процессов белорусско-российского пограничья. Использование и пополнение заложенного ранее транспортного потенциала содействует сегодня участию Республики Беларусь и её приграничных регионов в таких важных проектах как Таможенный союз, Единое экономическое пространство и Евразийский экономический союз. Именно единая транспортная сеть, сформированная в советское время, стала одним из главных факторов повышения темпов интеграции, укрепления взаимовыгодных экономических связей между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

Сохранение и укрепление полученного в наследство от БССР транспортного потенциала даёт возможность сегодня отстаивать нашу экономическую безопасность и укреплять суверенитет, что 1 июля 2013 г. на торжественном собрании по случаю Дня Независимости отметил президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко [1, с. 3]. Использование созданной в XX ст. материальной базы для транзитных перевозок через трубопроводы, железные и автомобильные дороги повышает роль нашей республики и её регионов, например, Витебского в продвижении товаров между Западом и Востоком. Осуществление транспортных связей позволяет пограничью усиливать своё влияние на интеграционные процессы, добиваясь преимуществ для своего развития.

Накопленный опыт транспортной работы, как со стороны ведомств, так и органов управления, даёт сегодня возможность белорусским и российским приграничным регионам более эффективно реализовывать инновационные проекты, нуждающиеся в своевременной и бесперебойной доставке материалов, оборудования и сырья. В итоге транспорт помогает производству качественного продукта в пограничье, его реализации на внутренних и внешних рынках, повышению общей конкурентоспособности экономики. Пройденные приграничем десятилетия послевоенного развития указывают на эффективность усилий органов власти по развитию транспорта.

Положительные результаты создания и модернизации крупных приграничных транспортных узлов, в том числе и на стыке разных видов транспорта, например, в Витебске позволяют сегодня реализовывать на практике проекты транспортно-логистических центров интеграционного плана, необходимых для быстрого и экономически оптимального продвижения товаров. В отличие от многих проектов по созданию промышленных предприятий, совершенствование транспортных объектов чаще является быстрокупаемым, что соответствует задачам развития пограничья.

Сегодня необходимо актуализировать успешные и эффективные методы как управления, так и контроля над деятельностью транспорта, использованных органами власти БССР. Такие методы могут быть применены в регионах пограничья для количественного и качественного подъёма сферы транспортных услуг, предоставления их на экспорт, что могло бы помочь в достижении, сохранении и увеличении общего положительного сальдо, развивать экономику регионов и содействовать интеграции.

Качественное управление, как показала практика, позволяет добиваться высоких результатов при использовании минимума ресурсов, бережно относиться к государственной собственности, в которой находятся транспортные объекты. Необходимо помнить, что успех приходит только к тем, кто соблюдает строгую дисциплину на рабочем месте и чётко выполняет возложенные обязанности. Без подобных усилий выстроить динамично развивающуюся экономику проблематично.

Особая роль в интеграции отводится местному уровню управления, например, Витебской области отвечающему за состояние дел на белорусско-российском пограничье, реализующим региональные инвестиционные программы, где нельзя обойтись без внимания к развитию транспортных предприятий. Только положительный эффект принесёт местным органам власти усиление внимания к транспортным потребностям как экономики, так и населения белорусско-российского пограничья, привлечения внутренних и внешних инвестиций.

Востребованными являются достижения контрольных органов БССР, успешно осуществлявшими на практике мероприятия не только по преодолению недостатков в работе, но и внедрению передовых приёмов в перевозках. Осталось много примеров, когда контроль за реализацией транспортных проектов в пограничье позволяет достигать качественного использования ресурсов.

Полученный опыт свидетельствует, что перевооружение транспортных предприятий на пограничье приводит к увеличению производительности их труда, расширению потока привлекаемых грузов, позволяет лучше использовать удобное географическое положение регионов для экономического роста. Без постоянного внимания к транспорту невозможно решать поставленную задачу проведения комплексной модернизации экономики, создания оптимальных условий для работы малого и среднего бизнеса белорусско-российского пограничья, поступательного развития науки и техники. В свою очередь модернизация с неотъемлемым участием транспортных предприятий позволит повышать производительность труда, а на её основе поднимать жизненный уровень населения пограничья.

Ответственность по отношению к транспорту, это ответственность к реальному сектору нашей экономики, создающему основы для обновления страны. Всё это подчеркнул президент А.Г.Лукашенко в своём послании к белорусскому народу и Национальному собранию 19 апреля 2013 г. [2, с. 2, 3]. Повышение качества грузовых перевозок способствует усилению транспортного фактора в интеграции, позволяет оперативно реагировать на меняющуюся рыночную конъюнктуру, способствует повышению социальных стандартов жизни населения, появлению новых предприятий в белорусско-российском пограничье.

Список использованной литературы

1. Из выступления Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко на торжественном собрании по случаю Дня Независимости Республики Беларусь. 1 апреля 2013 г. День молодости и тысячелетней истории // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2013. – № 8. – С. 2 – 8.
2. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию. 19 апреля 2013 г. Обновление страны – путь к успеху и процветанию // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2013. – № 5. – С. 2 – 30.

ПРИГРАНИЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

*Л.Ф. Трацевская
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Цель статьи – анализ экономического сотрудничества приграничных регионов Витебщины и России как важного фактора становления Союзного государства.

Ключевые слова: экономика, приграничное сотрудничество, регион, Союзное государство.

Мировая экономика на современном этапе развития характеризуется большим разнообразием форм международного сотрудничества, что сопровождается появлением новых участников этих отношений. Среди последних все более заметными становятся регионы как самостоятельные субъекты мирохозяйственных связей. В основе обозначившейся тенденции лежит их стремление к повышению экономической самостоятельности, инициативы и конкурентоспособности. Данное обстоятельство способствует развитию региональных форм экономической интеграции, в частности, экономическому сотрудничеству сопредельных территорий стран. Республика Беларусь, осознавая значимость интеграционных процессов для устойчивого развития национальной экономики, особое внимание уделяет разностороннему взаимодействию своих регионов, граничащих с таким знаковым макроэкономическим партнером, как Российская Федерация. В этой связи активизация приграничного экономического сотрудничества выступает важным фактором становления и укрепления Союзного государства Беларуси и России.

Конкретизируя эту общую закономерность применительно к условиям Витебской области, необходимо отметить, что она граничит со Смоленской и Псковской областями. Взаимодействие с данными российскими регионами занимает особое место в трансграничных экономических отношениях Витебщины с сопредельными государствами. Оно осуществляется в рамках Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ и в соответствии с региональными соглашениями с администрациями Псковской и Смоленской областей, райисполкомов городов Смоленск, Псков, Вязьма, Велиж, Новосокольники, Печоры, Красное. Смоленская область по объему товарооборота и экспорта входит в тройку российских регионов, являющихся основными торговыми партнерами области, уступая Москве и Московской области. Ее доля в межрегиональном внешнеторговом обороте с Витебской областью составляет 80%. Вывозятся в Смоленскую область почти все группы товаров, производимых в Витебском регионе (более 250 наименований). Наибольший удельный вес в экспорте имеют продовольствие (35%), полиэтилен (19%), обувь (9,7%), стройматериалы (9,3%) [1, с. 15]. В качестве дилеров и региональных представителей таких ведущих предприятий Витебской области, как ОАО «Молоко», ОАО «Витязь», СП «Белвест», ЧУП «Марко», ОАО «Витебские ковры», КПУП «Обольский керамический завод», на Смоленщине зарегистрировано более 110 субъектов хозяйствования. В свою очередь, в Смоленской области ООО «Модерн» (г. Орша) закупает пряжу и нити для производства трикотажного полотна и трикотажных изделий. Витебское предприятие «Полимерконструкция» является участником смоленской программы по очистке сточных вод и установке станций обезжелезивания, поставляя оборудование для полного цикла водоподготовки. Экспортируются в Смоленск разнообразные изделия из ПВХ (окна двери, подоконники), сырье для производства которых ввозится из Смоленской области.

Между Витебской и Смоленской областями налажено широкое культурное сотрудничество. Так, в Международном фестивале песни и музыки «Днепровские голоса», проводимом в городе Дубровно, традиционно участвуют творческие коллективы Смоленска и поселка Красный Смоленской области. В свою очередь, исполнители из Витебска и Витебского района принимают участие в Международном конкурсе молодых исполнителей эстрадной песни в Велиже. Кроме того, наблюдается тесное межрегиональное сотрудничество в сфере образования: заключен договор о сотрудничестве между УО «Государственная гимназия №4» города Витебска и гимназией эстетического профиля города Смоленска, продолжают действовать межвузовские договоры о сотрудничестве между УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова» и Смоленским государственным университетом, УО «Витебский государственный медицинский университет» осуществляет совместный проект по дистанционному обучению слушателей ФПК и ПК ВГМУ в качестве регионального центра [2, с. 116].

Что же касается сотрудничества с Псковской областью, то среди экспортируемых в данный регион товаров преобладают мясомолочная продукция, картофель, хлебобулочные изделия, минеральная вода, строительные материалы, изделия из ПВХ, ковровые изделия, стекловолокно и изделия из него, обувь, полиэтилен, телевизоры. С целью наращивания экспортного потенциала в Псковской области созданы дилерские сети Городокской птицефабрики и ОАО «Полоцкое пиво», сервисный центр ОАО «Витязь». Кроме того, на Псковщине регулярно проводятся выставки-ярмарки товаропроизводителей Витебского региона, совместные заседания областных Союзов промышленников и предпринимателей, отделений торгово-промышленных палат, которые сотрудничают на протяжении уже более 10 лет. Особое значение для укрепления трансграничных связей Витебской и Псковской областей имеет сотрудничество в сфере спорта и туризма, чему способствовало совещание «О взаимодействии белорусских и российских министерств и ведомств по развитию туризма, физической культуры и спорта в рамках Союзного государства», проведенное в Витебске. На нем обсуждался вопрос создания трансграничного туристического маршрута по заповедникам данных двух регионов.

Дальнейшему развитию эффективного сотрудничества Витебской области с сопредельными регионами Российской Федерации, по нашему мнению, может способствовать следующее:

- совершенствование механизма валютно-финансового и денежно-кредитного регулирования;
- создание устойчивого правового обеспечения внешнеэкономической деятельности;
- наращивание экспорта в направлении роста доли готовой продукции с повышенной степенью обработки;
- организация в приграничных российских регионах Деловых центров реализации товаров, производимых в Витебской области, и постоянно действующих их экспозиций;
- всемерное расширение и диверсификация экспорта услуг за счет подготовки информационных материалов о возможности предоставления Витебской областью туристических и рекреационных услуг, направление их через Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации в сопредельные российские регионы;
- увеличение объемов строительных работ на территориях Смоленской и Псковской областей путем освоения тендерной практики получения заказов;
- создание и постоянное обновление электронной версии рекламы всей номенклатуры товаров и услуг, производимых и предоставляемых предприятиями и организациями Витебщины.

Данные мероприятия позволят придать больший динамизм развитию трансграничного взаимодействия Витебской, Смоленской и Псковской областей, способствуя устойчивому развитию данных приграничных регионов и их конкурентоспособности, формируя позитивный имидж макроэкономического партнерства между Беларусью и Россией и выступая весомым фактором становления Союзного государства.

Список использованной литературы

1. Социально-экономическое положение Витебской области в январе-декабре 2016 г. / Доклад Главного стат. управления Витебской области. – Витебск, 2017. – 270 с.
2. Трацевская, Л.Ф. Экономическая оценка современного состояния приграничного сотрудничества Витебской области с регионами Российской Федерации / Л.Ф. Трацевская // Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 26-27 нояб. 2013 г. – Витебск: УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2013. – С. 115-117.

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА М.М. БАХТИНА

А.Г. Лисов, Е.Г. Трусова

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, alisov@tut.by, egtrusova@mail.com

Цель статьи – интерпретация ранней витебской автобиографии философа и филолога М.М. Бахтина в свете фактов его подлинной биографии. Документ из фондов Государственного архива Витебской области является ранним образцом автобиографического мифотворчества ученого.

Ключевые слова: Бахтин М.М., автобиография, Витебский институт народного образования, Государственный архив Витебской области

К проблемам освещения ранней биографии философа и филолога М.М. Бахтина обращались многие исследователи [1, 2]. Некоторые из важных моментов интерпретации документов, их оценки в свете сказанного самим Бахтиным точно отмечены Н.А. Паньковым, автором одной из статей на эту тему. Он указывает на то, что Михаил Михайлович «сам "подбрасывал" будущим биографам "следы", которые при ближайшем рассмотрении оказываются ложными» [2]. Рассуждая об этом, Н.А. Паньков говорит, что для подобных мистификаций брались подлинные факты из биографии старшего брата, Николая Михайловича. Убедительность рассказов Бахтина придают те самые мелочи, которые делают каждую версию, казалось бы, неоспоримой. Однако при последующей ее проверке через документальные свидетельства, архивные документы подтверждения не находят.

Одна из таких автобиографических версий появилась в связи с переездом философа из Невеля в Витебск осенью 1920 г. Документ, который говорит о том, что начало пребывания Бахтина в Витебске, как и вообще его витебский период (1920—23 гг.), связаны с такой мистификацией, находится в фондах Государственного архива Витебской области.

В переписке 1921 г. М.М. Бахтина с его невельским приятелем М.И. Каганом мы находим рассуждения о том, что любой провинциальный университет является авантюрой [3]. И во многом такая оценка может быть дана именно из-за недостатка в провинции профессиональных педагогов. Послереволюционные годы, когда перестраивалось образование всех уровней, когда часть интеллигенции, в т.ч. педагогов высшей школы, отказалась от сотрудничества с новой властью, эмигрировала за границу или

была выслана, когда новых кадров еще не было, требования государства к профессиональным качествам педагогов были достаточно низкими и особенно в провинциальных учебных заведениях. Собственно, само представление о высших учебных заведениях, самом смысле понятия «вуз» в новых общественных условиях только формировалось. Государство формально упразднило дореволюционные степени и звания. И все же приход, хотя и нечастый, новых педагогов требовал определенных критериев, мотивации, пусть и формальной, нередко даже не для руководства вуза, ее администрации, но скорее для опытных коллег.

Видимо, поступление на службу в высшие учебные заведения Витебска (сначала в институт народного образования, позднее в консерваторию) побуждает М.М. Бахтина к мифотворчеству, созданию официальной версии автобиографии. Предлагаемый документ — небольшая автобиографическая записка, относящаяся к первым дням работы Бахтина в Витебском институте народного образования [4]. Это один из наиболее ранних документов его пребывания в Витебске в ряду выявленных на сегодня. Он во многих отношениях интересен. Во-первых, это автограф, во-вторых, — произвольное, пусть и очень краткое, изложение основных вех собственной биографии, где Михаил Михайлович сам отбирает то важное, на чем следует, по его мнению, остановиться. В отличие от заполненных им анкет, где даются ответы на стандартные вопросы [5, 6], произвольная форма изложения предполагает некоторую свободу. Но особенно интересно содержание записки.

Как известно, Бахтин приехал в Витебск из Невеля в начале осени 1920 г. Невельский период — знаменательная страница его биографии. Здесь сложился круг общения ученого, достаточно хорошо сегодня очерченный. В нем имена М.И. Кагана, М.В. Юдиной, В.Н. Волошинова, Б.М. Зубакина, Л.В. Пумпянского. Для одних Невель был родным городом, другие приехали из Петрограда, спасаясь от голода. «Невельский кружок» просуществовал недолго, но, несомненно, сильно повлиял на Бахтина, способствовал его становлению как мыслителя, укрепил в нем уверенность в способности к научному творчеству. Уже в 1918 г. в Петроград уехала М.В. Юдина, в августе 1919 г. в Витебск перебрался Л.В. Пумпянский, а вслед за ним — В.Н. Волошинов. Кружок распадался, хотя связи его члены пытались между собой поддерживать [3]. К осени 1920 г. желание перебраться из Невеля возникает одновременно у М.И. Кагана и М.М. Бахтина. Каган едет в Петроград.

Очевидно, предложение приехать в Витебск сделал Бахтину Л.В. Пумпянский. Он жил в Витебске, трудился в созданной в 1918 г. народной консерватории. Его занимала работа над лекционным курсом философии музыки для этого учебного заведения. В Витебске жило немало давних знакомых Льва Васильевича. В это же время он сблизился с группой местной интеллигенции, среди которой были П.Н. Медведев, Н.А. Малько, М.З. Шагал, В.А. Вейгер-Рейдемейстер, многие известные столичные музыканты, актеры, художники, литераторы. Надо полагать, что старые связи и новые знакомства дали ему возможность посодействовать М.М. Бахтину с переездом в Витебск.

В публикуемом документе Бахтин указывает свой первый витебский адрес — улица Суворовская, 63, квартира Бескина. Именно по этому адресу проживал в Витебске Пумпянский, что подтверждают его консерваторские документы [7]. В связи с этим можно говорить, что по приезде Бахтин первоначально просто поселился на квартире Льва Васильевича. Лишь позднее появляется новый адрес Михаила Михайловича, ставший основным на все оставшееся время проживания в Витебске, — улица Смоленская, 61, квартира доктора Алексеевской. Алексеевские, как известно, родственники жены другого невельского приятеля Бахтина — В.Н. Волошинова. В этой квартире Бахтин прожил 3 года.

На заседании Совета Витебского института народного образования от 23 сентября 1920 г. слушался вопрос об избрании М.М. Бахтина преподавателем по кафедре истории

западноевропейской литературы [8]. В связи с избранием и появляется публикуемый документ, на котором нет авторской датировки, но имеется штамп входящей корреспонденции института народного образования с датой — 6 октября 1920 года.

В ноябре 1920 г. Л.В. Пумпянский решил окончательно покинуть Витебск и с 15 ноября оставил должность преподавателя консерватории [7]. Вероятнее всего, по его рекомендации чтение лекционного курса философии музыки предложили Бахтину.

В автобиографической заметке приведена наиболее ранняя из числа известных по витебским документам дата рождения ученого — 1891 год. В то же время в многочисленных анкетах, именных списках преподавателей института и консерватории встречаются даты — 1892-й, 1893-й годы. Ни одна из указанных дат не соответствует подлинной — 1895 г. Для чего Бахтину это понадобилось? В нашем случае, как и в ряде других, объяснение этому видится в одном — желании уложить все свое «университетское образование» в период, предшествовавший первой мировой войне. Требовалось показать несуществующую учебу в университете и даже не диплом, который не предъявлялся и не стал вовсе камнем преткновения при поступлении на работу. Речь идет о дипломе Петроградского университета, которого у Михаила Михайловича попросту не было. При этом все даты данной автобиографической версии сильно сдвинуты в более раннюю сторону. Для сравнения можно рекомендовать обратиться к документам, которые приводят в своих публикациях В.И. Лаптун и Н.А. Паньков [1, 2].

Автобиография Бахтина рождается из основных жизненных вех его брата, трансформируясь во времени. К этому приему Бахтин впоследствии прибегал постоянно, но вот приведенный вариант явно отличается от всех последующих, обнаруживая на себе влияние еще одной замечательной биографии — М.И. Кагана.

М.И. Каган был несколько старше других членов «невельского кружка». Ко времени возвращения в родной для него Невель он был уже сложившимся ученым, за плечами которого оказалась выполненная в университетах Германии диссертация. Рассказы Матвея Исаевича, превратности его научной карьеры, профессиональные контакты увлекли Бахтина. Убеждает в этом многое, сказанное самим Михаилом Михайловичем многие годы спустя [9]. Заимствования также могут быть свидетельством произведенного впечатления. Они становятся для Бахтина своеобразной игрой, граничащей с авантюрой.

В более поздних автобиографических текстах Бахтина отсутствует это извлечение из биографии Кагана и, разумеется, в тех, которые относились к 1930-м — 40-м гг. С определенного момента сведения об учебе за границей могли стать основанием к обвинениям в шпионаже.

Очень типично для авторских вариантов биографии Бахтина витебского периода сообщение об оставлении его после окончания Петроградского университета для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии. Об этом он пишет и в публикуемом документе.

Документ Витебского архива является одним из первых, а, возможно, и первым, в ряду образчиков автобиографического мифотворчества М.М.Бахтина, обнаруживающих в себе явные и весьма смелые заимствования из биографий близких ему людей. Традиционно этот документ находит современную интерпретацию в связи с научными идеями ученого, выразившимися в более поздних трудах, посвященных разработке понятия смеховой культуры, карнавальным формам народной культуры средневековья. Если принять эту позицию, то задолго до написания своей великой книги о Франсуа Рабле, в конкретном случае, на поворотном этапе жизни М.М. Бахтина, когда он пришел к преподавательской работе в вузе, к систематической деятельности ученого, смеховое поведение, антиповедение позволило ему легитимизировать положение педагога. И в дальнейшей его судьбе антиповедение становится причиной, порождающей проблемы, которые хорошо известны специалистам и которые провоцируют горя-

чие споры. Одна из этих проблем – «Бахтин под маской» -- опубликование собственных трудов под именами ближайших коллег в 1920-е гг. Примечательна и история его первой книги «Проблемы творчества Достоевского» (1929), которая открыла неизвестное имя своим выходом из печати. По выражению самого Бахтина, книга о Достоевском должна была стать его исследовательским началом, а стала концом, т.к. в момент публикации он был под арестом, ожидал решения суда и ссылки в сталинские лагеря. Но спустя десятилетия эта же книга стала началом нового рождения ученого Бахтина, оценки его подлинного величия мыслителя, более философа, нежели филолога.

Витебская авантюра стала мифом на всю жизнь. Напомним, что Бахтину удалось без представления диплома о высшем образовании защитить в 1946 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук [10, с.38], работать и затем руководить кафедрой литературы Мордовского государственного университета в г. Саранске, осуществлять подготовку аспирантов, а в начале 1970-х гг. поведать В.Д. Дувакину о «своей учебе» в Петроградском университете в 1915-17 гг. [9, с.56], но главное, написать великие книги.

Автобиография М.М. Бахтина. 6 октября 1920 года

(Государственный архив Витебской области, ф.204, оп.13, д.8, л.44)

Михаил Михайлович Бахтин.

Суворовская ул[ица] д[ом] 63 кв[артира] Бескина.

Родился [в] 1891 г[оду] в городе Орле. В 1908 году окончил Одесскую 4-ю гимназию. [С] 1908 по 1910 год состоял студентом филологическо[го] факультета Новороссийско[го] университет[ета]. С 1910 по 1912 год находился в Германии, где прослушал 4 семестра Марбургско[го] университет[ета] и один семестр в Берлине. С 1912 года по 1914 год состоял студентом Петроградского университета. [В] 1914 году закончил Петроградский универс[итет] с оставлением по кафедре классической филологии Ф.Ф. Зелинским. С 1914 по 1917 год работал при университете, в филологическом обществе и обществе классическ[ой] филологии. С 1917 по 1918 год состоял преподавателем Свенцянской мужской гимназии. [С] 1918 по 1920 [год] состоял преподавателем Ед[иной] тр[удовой] шк[олы] 2-й ст[упени] и Педагогическ[их] курсов г[орода] Невеля.

М. Бахтин

Список использованной литературы

1. Лаптун В.И. К «Биографии М.М.Бахтина» // *«Диалог. Карнавал. Хронотоп»* . 1993, №1, с.67—73.
2. Паньков Н.А. Загадки раннего периода (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М.Бахтина») // Там же, с.74—89.
3. Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива (М.М.Бахтин и М.И.Каган) // *«Диалог. Карнавал. Хронотоп»* . 1992, №1, с.60—72.
4. Государственный архив Витебской области (Далее — ГАВО), ф.204, оп.13, д.8, л.44.
5. ГАВО, ф.1050, оп.1, д.175, л.26, 26об. (датирована маем 1921 г.).
6. ГАВО, ф.1050, оп.1, д.64, л.11, 11об/ (датирована январем 1923 г.)
7. ГАВО, ф.1050, оп.1, д.74, л.57.
8. ГАВО, ф.204, оп.1, д.72, л.63, 63об.
9. Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. Вступ. ст. С.Г.Бочарова и В.В.Радзишевского; закл. ст. В.В.Кожина. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
10. Паньков Н. А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее. ..» (Защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // *«Диалог. Карнавал. Хронотоп»*. 1993. № 2/3.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В.В. Фещенко

г. Брянск, БГУ имени И.Г. Петровского, fetschenko-val@mail.ru

Цель статьи – анализ основных моделей и направлений развития сотрудничества белорусско-российского приграничья в экономической сфере.

Ключевые слова: развитие, приграничное сотрудничество, модели сотрудничества.

Межрегиональное и приграничное экономическое взаимодействие является важным фактором развития межгосударственного сотрудничества государств – участников СНГ, который при проведении совместных скоординированных действий со стороны государственных и региональных органов власти государств Содружества может оказать позитивное воздействие на интенсификацию интеграционных процессов в СНГ.

Для различных субъектов РФ необходима своя модель экономической интеграции на региональном уровне.

Существует три модели экономической интеграции в едином экономическом пространстве Содружества Независимых Государств [1, с. 10]:

Первая из них – модель типа ЕС – может применяться при осуществлении интеграционных процессов между такими регионами, в которых сложились производительные силы, соответствующие развитым рыночным отношениям. Это обеспечивает действенную конкуренцию субъектов хозяйствования, поэтому применение модели ЕС в трансграничной интеграции объединяющихся регионов способствует интенсификации конкуренции субъектов хозяйствования и, соответственно, росту эффективности производства в объединяющихся регионах.

Вторая интеграционная модель – модель типа СНГ – предназначена для трансграничной интеграции регионов, в которых доминируют крупные промышленные предприятия, объединенные межрегиональными технологическими связями. Для таких субъектов хозяйствования характерна не конкуренция, а взаимодополняемость и взаимозависимость. Вместе с тем у данных субъектов хозяйствования велики предпосылки для существования весомых общих целей. Здесь использование модели СНГ обеспечивает межрегиональную согласованность совместных действий интегрирующихся предприятий, что создает объективные предпосылки для трансграничной интеграции соответствующих регионов.

Наконец, третья модель – модель типа ЕС – Содружества – предназначена для трансграничной интеграции регионов с переходной экономикой.

Следовательно, использование моделей интеграции данных трех типов теоретически перекрывает весь спектр возможных трансграничных экономических взаимодействий регионов различного типа: с развитыми рыночными отношениями; с существенно неразвитыми рыночными отношениями; с экономикой переходного типа.

Однако реализация каждого из приведенных выше типов моделей интеграционных процессов связана с большими сложностями, в основе которых объективные возможности как российских регионов, так взаимодействующих с ними регионов стран СНГ.

Для наращивания темпов развития приграничных регионов Российской Федерации возможно, применение всех рассмотренных типов и моделей приграничного сотрудничества, но с учетом специфики каждого субъекта федерации в отдельности.

Речь должна идти, как было рассмотрено выше, прежде всего о создании специфического режима сотрудничества для приграничных областей в виде особого статуса, преференций и полномочий для региональных властей при осуществлении приграничного сотрудничества. Максимальный эффект такая модель может дать, когда по обе стороны границы будет установлен одинаковый режим по полномочиям местных властей и возможным преференциям, который вводится либо на основе международного соглашения (например, межгосударственном соглашении о режиме приграничной торговли), либо унифицированных национальных законов обеих стран (об особом режиме приграничной зоны). Недостатком этой модели является то, что создание особого режима потребует соответствующих изъятий из действующей в странах нормативно-правовой базы. Учитывая большое количество приграничных регионов у России, это может вызвать негативную реакцию внутренних регионов. Поэтому в СМИ должна быть проведена соответствующая разъяснительная работа.

Другая модель предполагает создание в приграничных регионах стран «еврорегионов». Вместе с тем нельзя забывать, что эффективность деятельности «еврорегионов» опирается на высокий уровень межгосударственной интеграции (как минимум через режим свободной торговли), унификацию прав и полномочий местных властей, устойчивую финансовую базу осуществления трансграничных проектов. На российском пограничье пока такая ситуация вряд ли сложилась полностью. Поэтому речь может идти о некоей модификации модели еврорегионов применительно к российским условиям.

Приоритетной задачей стран СНГ становится активизация сотрудничества в сфере инноваций, снижение энерго- и материалоемкости национальной экономики и повышение ее конкурентоспособности. В 2009 г. образован Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах. Утверждены Основные направления долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере. Переводу национальной экономики на инновационный путь развития будет способствовать принятие и реализация Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г. [2, с. 133].

Важным направлением во внешнеэкономической деятельности Беларуси является развитие сотрудничества с регионами России. Из 80 регионов России, имеющих прямые хозяйственные связи с Республикой Беларусь, около 60 осуществляют их на основе соглашений, протоколов о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между правительством Беларуси и административными субъектами России. В 10 регионах России открыты отделения Посольства Республики Беларусь, а 11 регионов открыли свои представительства в Республике Беларусь.

Договорно-правовая база белорусско-российского сотрудничества на региональном уровне включает около 200 договорных документов: соглашений, протоколов, меморандумов. Ежегодно проходят визиты как руководства Беларуси в регионы Российской Федерации, так и руководства регионов России в Республику Беларусь, что, безусловно, способствует развитию торгово-экономического сотрудничества.

Важнейшими задачами развития отношений между регионами является наполнение имеющихся соглашений конкретным практическим содержанием в рамках подписанных протоколов и программ по развитию торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Например, в соответствии с положениями Соглашения между администрацией Смоленской области (Российская Федерация) и Могилевским областным исполнительным комитетом (Республика Беларусь) разработана Совместная программа администрации Смоленской области и Могилевского облисполкома по развитию торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества.

28 июня 1999 г. подписано Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Правительством Республики Карелия (Российская Федерация) и Правительством Республики Беларусь. Определены приоритеты сотрудничества, особенно в сфере торгово-экономических отношений.

В последнее время заметно активизировалась деятельность отечественных предприятий по созданию и повышению эффективности работы товаропроводящей сети на российском рынке. Министерствами и ведомствами разработаны отраслевые программы по развитию и оптимизации структуры товаропроводящей сети в Российской Федерации и формированию структур товаропроводящей сети непосредственно в регионах потребления продукции. Разрабатываются наиболее эффективные схемы продвижения белорусской продукции на российский рынок с учетом отраслевой специфики, повышаются требования при подписании предприятиями дилерских договоров и соглашений по реализации продукции.

В сотрудничестве Беларуси и России начинают играть существенную роль межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации и Республики Беларусь, в рамках которых представляется возможным наряду с использованием сложившихся форм сотрудничества искать новые, адекватные изменившимся условиям. Так, в 2000 г. в члены межрегиональной ассоциации «Центральная Россия» были приняты четыре области Беларуси и г. Минск.

7 сентября 2005 г. в Совете Республики состоялось второе заседание Межпарламентской комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по межрегиональному сотрудничеству. Парламентарии совместно с представителями приграничных регионов обоих государств, министерств и ведомств обсудили вопросы «О состоянии и перспективах развития межрегионального и приграничного сотрудничества между Беларусью и Россией», «О состоянии торгово-экономического сотрудничества регионов двух стран и о парламентском обеспечении его развития», заслушали информацию о совершенствовании национального законодательства, регулирующего создание и деятельность финансово-промышленных групп, лизинговых компаний и других совместных хозяйствующих структур.

В 2003 г. в Гомеле было образовано белорусско-российско-украинское трансграничное объединение – еврорегион «Днепр» в составе Брянской, Гомельской и Черниговской областей, которое продолжает свою деятельность до сих пор, несмотря на сложную экономическую ситуацию и отношения России с Украиной.

Для дальнейшего интенсивного успешного развития международного и сотрудничества приграничных государств в экономической сфере необходимо:

- создание условий, благоприятствующих активизации интеграционных процессов;
- унификация национального законодательства в области межрегионального и приграничного сотрудничества;
- развитие межгосударственной правовой базы в этой области;
- формирование механизма взаимодействия территорий государств Содружества, предусматривающего разработку и реализацию конкретных проектов.

Вместе с тем, как показали результаты исследования, под влиянием мирового рынка в экономическом пространстве Содружества возникли следующие дезинтеграционные тенденции:

- чрезмерное развитие ресурсопроизводящих отраслей промышленности стран СНГ польку ресурсопроизводящим странам экономически нецелесообразно интегрироваться с тоже ресурсопроизводящими странами;
- регионализация экономического пространства Содружества, которая усили-

ла автономность в развитии региональных объединений стран СНГ и сократила хозяйственные связи между ними. Это уменьшило интенсивность интеграционных тенденций по Содружеству в целом.

Список использованной литературы

1. Богомолов, О.Т. Сложный путь интеграции России в мировую экономику / О.Т. Богомолов [текст] // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – №9. – С. 3–12.
2. Фещенко, В.В. Кластерный подход в развитии инновационного потенциала малого бизнеса Брянской области [текст] / В.В. Фещенко // Инновационное развитие Российской экономики / X Международная научно-практическая конференция. – М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд, 2016. - С. 130 - 133.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.В. Фещенко

г. Брянск, БГУ имени И.Г. Петровского, fetschenko-val@mail.ru

Н.Ю. Щеликова

г. Брянск, БГУ имени И.Г. Петровского, shelnat1812@gmail.com

Цель статьи – анализ путей оптимизации регулирования развития международных связей белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности.

Ключевые слова: развитие, приграничное сотрудничество, регилнальное управление.

Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь может осуществляться не только с помощью создания крупных совместных предприятий, концернов, финансово-промышленных групп, но и с помощью налаживания экономических связей между группами средних и мелких предпринимателей. Для этого можно подписать соглашение о сотрудничестве между Брянским и Гомельским областными союзами потребительских обществ [1, с. 15].

Основными приоритетными задачами которого будут являться:

1. Обмен информацией между «Сторонами» по интересующим вопросам.
2. Организация встреч и деловых контактов представителей «Сторон».
3. Обмен опытом по следующим вопросам: организация обслуживания населения, общественного питания, закупка и переработка сельхозпродукции и сырья, производства товаров народного потребления; перепрофилирование и переспециализация предприятий с учётом имеющихся запросов населения, использования излишних торговых, складских площадей (помещений); расширение сферы услуг, предоставляемых населению; сотрудничество с бюджетными учреждениями, участие в тендерах и конкурсах на поставку продуктов бюджетным учреждениям; модернизация материально-технической базы, оснащение и благоустройство рынков; развитие материально-технической базы потребительской кооперации за счёт привлечения внесистемных инвестиций, использование заёмных средств, привлечение в пайщики юридических лиц иных организационных структур

4. Оказание содействия в организации взаимовыгодной торговли между сторонами, создании совместных производств.

5. Содействие сотрудничеству организации потребкооперации области в вопросах торгового обслуживания населения, закупки и переработки сельхозпродукции, производства товаров народного потребления, оказания населению различных услуг.

6. Развитие хозяйственных связей с сельхозпредприятиями, частными подсобными хозяйствами (фермерскими) для увеличения объемов закупок сельхозпродукции, ее переработки и продажи.

7. Содействие деловым контактам предпринимателей регионов, проведению совместных выставок, ярмарок, семинаров, конференций, других мероприятий для ознакомления заинтересованных деловых кругов с экономикой и экспортными возможностями регионов.

8. Организация (на основе отдельных договоренностей) стажировки специалистов в кооперативных предприятиях (организациях).

9. Постоянное освещение в средствах массовой информации вопросов сотрудничества сторон и опыта работы.

Так как закон «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» был принят Государственной Думой только в первом в первом чтении, то основным правовым документом, регулирующим отношения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь является Концепция приграничного сотрудничества. Она носит унифицированный характер, и не раскрывает особенностей сотрудничества конкретных регионов.

Для успешного приграничного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь предлагается на основе Концепции приграничного сотрудничества разработать Концепцию приграничного сотрудничества Брянской области.

В соответствии с Концепцией приграничное сотрудничество Брянской области должно осуществляться в соответствии со следующими принципами:

- соблюдения общепризнанных принципов, норм и правил международного и внешнеэкономического сотрудничества;
- взаимного уважения интересов партнеров по приграничному сотрудничеству;
- систематического совершенствования приграничного взаимодействия в торгово-экономической, экологической, научно-технической, культурной, спортивной, гуманитарной и иных областях.

Приграничное сотрудничество может осуществляться в следующих правовых формах:

- проведение встреч высших должностных лиц сопредельных регионов;
- осуществление взаимодействия уполномоченных органов государственной власти по вопросам приграничного сотрудничества;
- создание уполномоченными органами государственной власти совместных координирующих структур по приграничному сотрудничеству и рабочих групп при них;
- ведение в пределах полномочий переговоров с органами власти административно-территориальных образований сопредельных государств, а в отдельных случаях, с согласия Правительства Российской Федерации, с органами государственной власти сопредельных государств и заключение в установленном порядке соглашений по приграничному сотрудничеству;
- создание рабочих групп по развитию приграничного сотрудничества в рамках межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

К задачам приграничного сотрудничества Брянской и Гомельской областей относятся:

- повышение деловой активности населения и хозяйствующих субъектов, вовлечение их во внешнеэкономическую деятельность с сопредельными странами;
- выравнивание социально-экономического положения различных районов, особенно депрессивных;
- повышения эффективности внешнеэкономической деятельности субъектов сотрудничества;
- создание обстановки доверия, дружбы, взаимопонимания между органами власти, деловыми людьми, населением, в том числе с соотечественниками за рубежом;
- развитие и укрепление хозяйственных, культурных и гуманитарных связей между приграничными территориями сопредельных государств;
- развития взаимного общения заинтересованных органов власти, деловых кругов и групп населения, в том числе этнических общностей, разделенных государственными границами;
- эффективного развития экономической и социальной инфраструктуры на приграничных территориях;
- создание условий, способствующих прекращению оттока населения из приграничной территории;
- содействие взаимодействию систем предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в сопредельных государствах с целью повышения эффективности реагирования на чрезвычайные ситуации, имеющие трансграничные последствия.

Региональные органы государственной власти и местного самоуправления при осуществлении приграничного сотрудничества принимают во внимание следующие основные факторы, определяющие особенности приграничных территорий и сопредельных государств [2, с. 15]:

- исторически сложившиеся связи с сопредельными государствами, традиции и обычаи населения, проживающего на приграничных территориях и сопредельных государств;
- природно-ресурсные, социально-экономические и градостроительные условия развития приграничных территорий;
- характер влияния приграничного сотрудничества на развитие экономической кооперации с сопредельными государствами;
- влияние миграционного фактора на социальные процессы на приграничных территориях, связанное с внешней, в том числе незаконной миграцией;
- состояние общественного порядка на приграничных территориях и особенно его поддержания;
- особенности осуществления государственного контроля за ресурсами приграничной территории;
- наличие природных и техногенных условий для возникновения чрезвычайных ситуаций, имеющих трансграничные последствия;
- наличие территориальных особенностей режима государственной границы и пограничного режима, установленных в целях создания необходимых условий охраны государственной границы и обеспечения национальной безопасности на приграничной территории.

Приграничное сотрудничество Брянской области с Республикой Беларусь включает следующие виды деятельности:

Перспективным направлением развития межрегионального и международного экономического сотрудничества может стать создание на территории Брянской области особой экономической зоны (ОЭЗ). Механизм особых экономических зон открывает значительные перспективы привлечения инвестиций, в том числе иностранных.

Общим направлением ОЭЗ должно стать создание «сухого порта». Приграничное положение Брянской области, развитая транспортная инфраструктура, современ-

ные технологии таможенного оформления, а также имеющийся у экспедиторских компаний уникальный опыт работы с растущими объемами транзитных перевозок являются предпосылками для создания в Брянской области подобной формы особой экономической зоны.

Следующим направлением приграничного экономического сотрудничества между Брянской областью и Белоруссией может стать реализация региональных и субрегиональных программ, в рамках Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации, которые предусматривают совместное организационно-правовое и финансовое участие Федерации и ее субъектов в политических, экономических и социально-культурных мероприятиях.

Все вышеперечисленные изменения позволят гораздо быстрее и эффективнее развиваться внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в целом и Брянской области в частности.

Список использованной литературы:

1. Черковец, О. Возможности и перспективы экономического сближения России и Белоруссии (точка зрения российского экономиста) / О. Черковец // Российский экономический журнал. – 2007. – № 7. – С. 15.
2. Фещенко, В.В. Проблемы и направления совершенствования процесса формирования национальной инновационной системы России / В.В.Фещенко, Н.Ю.Щеликова // Научно-технические ведомости. – СПб.: ФГАОУВО Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2012. – № 1(139). – С. 14–18.

СЛАВЯНСКІ СІНКРЭТЫЗМ У МОВЕ ФАЛЬКЛОРУ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

К.Л. Хазанова

г. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны, hazanova@gsu.by

Цель статьи – анализ рефлексов церковнославянского влияния как этнолингвистической черты народно-поэтического дискурса Гомельщины в актуальной социолингвистической реальности.

Ключевые слова: дискурс, восточнославянские говоры, белорусско-российское пограничье, неполногласие, полногласие.

Сацыялінгвістычная сітуацыя памежных тэрыторый уяўляе сабой адметны моўны феномен, які патрабуе асаблівай даследчыцкай увагі. Вывучэнне моўных рыс гаворак насельніцтва прыгранічных тэрыторый у этналінгвістычным напрамку выяўляе суадносіны мовы і этнасу, мовы і культуры, мовы і народнага менталітэту. У гэтых адносінах багаты фактычны моўны матэрыял прапануюць тэксты паэтычных жанраў вусна-народнай творчасці, выяўленых на тэрыторыях беларуска-расійскага памежжа ў раёнах Гомельскай вобласці.

Актуальнасць этналінгвістычных даследаванняў народна-паэтычнага дыскурсу абумоўлена тым, што гэты пласт народнай духоўнай культуры кадзіруе інфармацыю аб паводзінах, звычаях, каштоўнасцях асобы на працягу гісторыі народа, які насяляе пагранічныя тэрыторыі, а ўспрыняцце духоўнай прасторы чалавека з'яўляецца адным з важнейшых складнікаў нацыянальнай мадэлі свету. Аналіз унутранай формы асобных абрадавых лексем дазваляе высветліць заканамернасці светаўспрымання і светасузірвання носьбітаў дадзенай этнічнай культуры ў канкрэтны гістарычны перыяд на асобна ўзятай тэрыторыі.

Актуальная сацыялінгвістычная сітуацыя на беларуса-расійскім памежжы адпостроўвае не толькі вынікі пастаяннага і трывалага беларуска-рускага моўнага кантактавання, але і вынікі працяглага гістарычнага развіцця ўсходнеславянскіх гаворак на базе праславянскай прамовы, агульнага продку для сучасных славянскіх гаворак. Рэфлексіі ўказаных працэсаў актыўна функцыянуюць і інтэнсіўна выяўляюцца ў фальклоры Гомельшчыны.

У народна-песеннай творчасці Гомельскага рэгіёна фіксуецца значная колькасць моўных адметнасцей, захаваных з часоў глыбокай старажытнасці, што тлумачыць наяўнасць у абрадавай лексіцы фальклорных твораў рэгіёна асобных стараславянскіх рыс.

Яскравай прыкметай стараславянскага ўплыву з'яўляецца няпоўнагалоссе – паўднёvasлавянскі рэфлекс праславянскіх інтэркансантных спалучэнняў галосных [o], [э] з плаўнымі [p], [л] тыпу *ol, *or, *er, *el:

*Нясіце, райкі, **сладкія** мядкі* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 25-26].

Ва ўсходнеславянскім фанетычным ладзе ў выніку закона адкрытага складу на месцы праславянскіх спалучэнняў *ol, *or, *er, *el паміж зычнымі развілося поўнагалоссе. З гэтай прычыны разнастайныя фанетычныя варыянты поўнагалосныя формаў ў фальклоры разгледжанай тэрыторыі пераважаюць:

***Залато** кружэжо на краям клала,*

*Ох і вой, люлі, на краям клала... **Іх!*** (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 69];

*Жана **молада**, дзеткі дробныя,*

Ой, люлі, дзеткі дробны (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 68];

***Каласком** махала, **галаском** крычала,*

*Ой, рана-рана **галаском** крычала* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 54].

Акрамя таго, часам поўнагалосны выгляд прымаюць у фальклорных творах Гомельшчыны нават тыя моўныя адзінкі, якія ў старажытнарускай мове, агульнага моўнага продку для сучасных усходнеславянскіх гаворак, не мелі поўнагалоснага адпаведніка і маюць зусім адрознае ад поўнагалосных спалучэнняў паходжанне:

*Ен **лажыцца** спаці ўперяк **каравіці*** (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 106].

Па заўвазе М. Фасмера, да ўсходніх славян слова *кровать* ('ложак') прыйшло ад грэчаскага *κρᾶββάτι(ο)ν* [2, с. 369].

Аднак некаторыя няпоўнагалосныя формы захаваліся ў беларускай мове і выкарыстоўваюцца ў фальклоры. Гэта адносіцца да тых лексем, што, уваходзячы ў слоўнік народна-паэтычнага дыскурсу, пазначаны рэлігійным адценнем:

*Праскуркі **напячыце**, у **храм** аднясіце* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 55].

Няпоўнагалосныя лексемы – найменні рэлігійных паняццяў – актывізаваліся ва ўсходнеславянскіх мовах з часоў другога паўднёvasлавянскага ўплыву – гістарычнага працэсу XV-XVI ст., калі адбывалася насычэнне ўсходнеславянскіх моў, у першую чаргу – рускай, стараславянскімі моўнымі элементамі і формамі.

Ад царкоўнаславянскай традыцыі захавалася ў фальклоры Гомельшчыны таксама лексіка стараславянскага паходжання. Асабліва выдзяляюцца стылістычныя стараславянствы – запазычанні з царкоўнаславянскай мовы, якія мелі ва ўсходнеславянскіх гаворках лексічныя або фанетычныя адпаведнікі і ўжываліся для надання тэксту стылістычнай афарбоўкі ўзвышанасці, урачыстасці, важнасці, узнёсласці. Некаторыя са старажытнарускіх стылістычных стараславянстваў захаваліся ў гаворках сучаснай рускай мовы і ў літаратурнай рускай мове, а ў беларускіх гаворках, як правіла, у якасці іх адпаведнікаў ужываюцца вытворныя ад агульнаславянскіх каранёў намінацыі або выкарыстоўваюцца іншыя лексемы.

Песенны фальклор Гомельскай вобласці прапануе прыклады захавання ўзгаданых лексічных сродкаў пры адсутнасці пэўнага стылістычнага цяжару:

Перваму дала шаўковы платок,

Ох і ой, лёлі, шаўковы платок,

Другому дала залаты персець,

Ох і ой, лёлі, залаты персець (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 64].

Абрадавае найменне *платок* ‘хустка’ актыўна ўжываецца ў традыцыйнай абраднасці Гомельшчыны [3, с. 53]. На стараславянскае паходжанне слова ўказвае няпоўнагалоснае спалучэнне ў корані. У фальклору Гомельскай вобласці намінацыя захоўваецца пад уплывам рускай мовы. Тое самае можна канстатаваць і пра лексему *персець*. Слова паходзіць ад старажытнага *пърсть* ‘палец’. З часам у беларускай мове замацавалася афіксальнае ўтварэнне *пярсецёнак*. У рускай мове адбылася семантычная і стылістычная дыферэнцыяцыя: нейтральным з’яўляецца слова *кольцо*, а найменне *перстень* мае семантыку ‘ўпрыгожанне ў форме кола з каштоўным каменнем, што апранаюць на пальцы’, або ўжываецца са стылістычнай афарбоўкай для надання адцення ўрачыстасці і ўзвышанасці.

У іншай песні выкарыстоўваюцца ўтварэнні ад памянёных старажытных славянскіх каранёў, якія маюць у марфемным складзе беларускія прадуктыўныя афіксы:

Мне не нада твой платочак, нада золат персянёк (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 90].

Да царкоўнаславянскага (у выніку шчыльнай сувязі з праваслаўнай царкоўнай традыцыяй) уплыву можна аднесці і рэфлексы склонавых формаў старажытнарускага скланення назоўнікаў на зычны з суфіксальнай устаўкай **er*:

Не бяры сабе дочар панскаю (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 60].

У старажытнасці лексема *дача* мела бязафіксны выгляд *дъчь* і разам са словам *мати* належала да скланення на зычны. Ва ўскосных склонах у гэтых назоўнікаў паміж канчаткам і асновай узнікала суфіксальная устаўка *-er- (*er)*: *дъчь* – *дъчере*. З часам у выніку распаду старажытнай сістэмы скланенняў усходнеславянскіх назоўнікаў указаны назвы роднасці далучыліся да скланення іншых назоўнікаў жаночага роду (у беларускай мове слова набыло суфікс і канчатак – *дача* – і аб’ядналася з назоўнікамі скланення на **ā*, а ў рускай мове – *дочь* – з назоўнікамі з нулявым канчаткам – сучаснае III скланенне). Паколькі ўтварэнне *дочар* захоўваецца толькі ў фальклорных творах і некаторых гаворках, відавочна, што ў даследаваных песнях найменне не з’яўляецца ўплывам рускіх гаворак, а захоўваецца са старажытнасці, калі форма *дочар* была актыўнай:

Дочерь, дочерь, и, жс. Дочь. Вилась-увивалась дочерь вокруг матери (свадебная песня); *Да жыла-пожыла вдова да дочерьь взрстила. Увидал у гостя Митрия торгового Его дочерьь прекрасну, красавицу, Молодую Настасью Митриевну* [4, с. 161].

Даследаваныя этналінгвістычныя адметнасці фальклорных твораў, зафіксаваных на тэрыторыі Гомельскай вобласці выяўляюць уласцівае для беларуска-расійскага пагранічча цеснае ўзаемадзеянне некалькіх моўных стыхій. Акрамя заканамернага натуральнага шчыльнага кантактавання беларускіх і рускіх моўных элементаў, якое стварае асаблівую моўную прастору ў рэгіёне, народна-паэтычны дыскус Гомельшчыны захваў шматлікія рысы старажытных славянскіх гаворак. Уплыў гаворак рускай мовы спрыяў наяўнасці значнай колькасці царкоўнаславянیزмаў, некаторыя з якіх, аднак, хутчэй за ўсё захоўваюцца ў вуснай народнай творчасці са старажытных часоў. Большасць элементаў іншых гаворак арганічна адаптаваная мовай рэгіёна і не ўспрымаецца як чужародная, чаму садзейнічае амаль абавязковая (за адзінкавымі выключэннямі) беларуская гукавая абалонка іншамоўных лексем.

Спіс выкарастанай літаратуры

- 1 Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры Гомельскай вобласці / уклад. В. А. Захарова і інш.; уклад. муз. часткі У. І. Раговіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1989. – 384 с.
- 2 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2: Е – Муж / Пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд, стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
- 3 Станкевіч, А. А. Абрадавая лексіка ў гаворках Гомельшчыны: этналінгвістычны аналіз / А. А. Станкевіч, К. Л. Хазанова, А. М. Воінава / пад рэд. А. А. Станкевіч ; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – 269 с.
- 4 Словарь русских народных говоров: в 42 вып. / Институт русского языка АН СССР; Институт лингвистических исследований Российской академии наук / под общ. ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 8: Дер – ерепениться. – Ленинград: Наука, 1972. – 370 с.

ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Е.С. Шахнович

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерава, elen-shakhnovic@yandex.ru

Вступление в деловые партнерские отношения является одним из важных элементов организации нового бизнеса. Деловое партнерство следует рассматривать как сотрудничество, которое в тоже время допускает конкуренцию партнеров. Целью и актуальной научной проблемой в данной статье является выбор тех или иных стратегий поведения во взаимодействии с партнерами и исследование психологических факторов, определяющих отношение к деловому партнерству в сфере туризма.

Ключевые слова: деловое партнерство, совместная деятельность, стратегические альянсы, сотрудничество, туристические компании.

За последние два десятилетия в стране произошли радикальные социально-экономические изменения. На смену плановому социалистическому хозяйствованию пришли рыночные отношения, характеризующиеся довольно жесткой конкуренцией во всех сферах экономической жизни. В связи с этим в настоящий момент в сфере бизнеса сформировался принцип взаимной выгоды и сотрудничества, реализующийся в особом типе взаимодействия – деловом партнерстве. Особенно широкое распространение деловое партнерство в настоящее время получило в сфере туризма.

Деловое партнерство – важный элемент ведения бизнеса. Мало кто из предпринимателей может осуществлять полный производственный и маркетинговый цикл своей продукции самостоятельно, особенно, в локомотивной сфере туризма. Здесь обязательно требуется помощь других специалистов и далеко не безвозмездная. Если найдены общие точки и взаимные интересы сторон, то возникает так называемая синергия. И усилия двух или нескольких компаний имеют намного более мощный эффект, нежели чем работа каждой компании в отдельности. В тоже время подчинение в деловом партнерстве губительно для общей цели, так как при нем практически всегда возникают разногласия и противостояние [1].

Основные моменты, которые обязательно присутствуют при деловом партнерстве:

- четкий регламент будущего сотрудничества определяется до подписания договоров, для ухода от возникновения непредвиденных негативных факторов;
- постановка единой для всех сторон партнерства цели, достижение которой несет выгоду, важно, чтобы цель являлась понятной, четкой, достижимой и прибыльной для всех без исключения, в финансовом и имиджевом плане;

- распределение ресурсов и частей задачи, что приводит к эффективному выполнению ее в целом с минимальными затратами и с максимальным результатом;
- четкое распределение ответственности в выполнении задачи, и обеспечение выполнения своих «микро» задач каждым участником партнерства;
- распределение рисков между участниками партнерства;
- распределение прибыли от совместной деятельности в процентном соотношении или с фиксированной ставкой, условия для распределения или для не распределения прибыли, а также - распределение выпадающих убытков и затрат.

Деловое партнерство весьма разнообразно и многогранно и можно предложить его классификацию:

Вынужденное/инициативное. Вынужденное деловое партнерство обусловлено внешними обстоятельствами, возможно, даже вопреки желанию участников. Инициативное деловое партнерство формируется в результате желания участников объединить усилия.

Конкурентное партнерство/сотрудничество (неконкурентное партнерство). Конкурентное партнерство – это кооперация конкурирующих между собой субъектов экономической деятельности. Такое взаимодействие сочетает в себе как конкуренцию, так и элементы кооперативной деятельности: сотрудничество, взаимопомощь, взаимосодействие. Сотрудничество – это кооперация субъектов экономической деятельности, не являющихся конкурентами. Такое взаимодействие основывается на совместной экономической деятельности, а также взаимопомощи и взаимодействии, может включать элементы соревнования.

Тактическое/стратегическое. Тактическое партнерство – это непродолжительное деловое партнерство для достижения вполне определенных близких целей, решения конкретных задач. Стратегическое партнерство – долговременное, стабильное партнерство. В таком партнерстве стратегические цели (перспективы) имеют преимущество перед сиюминутными выгодами.

Деловое/лично-деловое. Деловое партнерство обусловлено требованиями экономической деятельности, проявляется в решении ряда существующих реально деловых проблем и задач. При этом акцент делается не на личности партнера, а на оценке его возможностей, исходя из соображений экономической целесообразности [2]. Личность партнера в таком виде партнерства далеко не главное, главное – результат взаимодействия.

Одной из распространенных форм делового партнерства являются стратегические альянсы. Они нашли широкое применение в сфере туризма. Компании объединяются для достижения определенных целей. Они вносят свой вклад в одну или более сфер стратегической деятельности (технологии или продукты). Такие альянсы не являются застывшими конструкциями – они изменяются в зависимости от ситуации на рынке: часто наблюдаются случаи выхода участников из этих альянсов, перехода из одного объединения в другое и создание новых альянсов.

Деловое партнерство в туризме приводит к различным формам сотрудничества: для борьбы с конкурентами, объединения с участниками бизнеса из других сфер деятельности, создания "клубов" для совместной работы по реализации специфического туристского продукта на рынках других стран, для совместной перевозки туристов, создание франчайзинговых сетей, внедрение инноваций.

В связи со спецификой работы на туристских рынках стали появляться альянсы, хорошо знающие специфику отдельных регионов. Благодаря многолетнему опыту сотрудничества такие альянсы знают хорошо специфику работы и гарантируют высокий уровень обслуживания. [3]. Преимуществом делового партнерства в туризме является: коллективная работа над идеями, более четкое и узкое распределение функциональных обязанностей, усиливается не только воздействие на потребителя, более лояльное

отношение потребителей, банковских и финансовых структур, поставщиков и продающих организаций, сетей, более оперативное решение возникающих проблем, поддержка со стороны партнеров.

В то же время минусами делового партнерства в сфере туризма является то что: много времени уходит на решение сложных вопросов, удовлетворяющих многочисленных участников партнерства, в случае негативных результатов производственной деятельности необходимо держать отчет не только перед собой, но и перед своими партнерами, становится невозможным осуществлять и контроль показателей своего бизнеса, поскольку он должен вестись параллельно с отчетностью партнеров.

Туристическому предприятию при реализации своей деятельности в современных условиях необходимо сотрудничать с целым комплексом организаций, которые по совместительству являются её партнерами. Юридическим оформлением их отношений является договор между ними и зачастую представителями различных государств.

Реализация партнерских отношений в сфере туризма регламентируется соответствующими договорами. Так, в системе правоотношений между турагентом и туроператором, как правило, заключаются договоры комиссии и договоры поручения, предусмотренные ГК Республики Беларусь. Оформление правоотношений турагента и туроператора осуществляется на основе договора франчайзинга. Кроме того, главой 52 ГК Российской Федерации предусматривается и такой вид договора, как агентский договор.

В соответствии со ст. 1005 Гражданского кодекса Российской Федерации по агентскому договору одна сторона – агент (турагент) обязуется за вознаграждение совершить по поручению другой стороны – принципала (туроператора) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала.

К отношениям, вытекающим из агентского договора применимы либо правила договора комиссии, либо правила договора поручения. Статья 1011 ГК Российской Федерации предусматривает, что к отношениям, вытекающим из агентского договора, соответственно применяются правила, регулирующие договор поручения или договор комиссии, в зависимости от того, действует агент от имени принципала или от собственного имени, если это не противоречит существу агентского договора.

Следует отметить, что Гражданским кодексом Республики Беларусь такой вид договора, как агентский не предусмотрен. Вместе с тем, исходя из принципа свободы договора заключение агентских договоров не запрещено. На практике агентские договоры, как правило, заключаются между туроператором Республики Беларусь и туроператором нерезидентом Республики Беларусь. Соответственно, при заключении агентского договора также необходимо четко выделять права и обязанности сторон:

В ряде случаев на практике между туристическими организациями или между туроператором и непосредственным поставщиком туристических или дополнительных услуг заключается договоры купли-продажи. В соответствии со ст. 424 Гражданского кодекса Республики Беларусь по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать имущество (вещь, товар) в собственность, хозяйственное ведение, оперативное управление другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять это имущество и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Правовым документом, регламентирующим отношение партнеров в сфере туризма, выступает договор франчайзинга. Договор франчайзинга – это договор на коммерческую концессию (франшизу), позволяет сбытовому или продавцу продавать определенный товар или услугу в определенном регионе в течение оговоренного периода под торговой маркой правообладателя. В результате подобных правоотношений выигрывают обе стороны, так как образование агентских сетей под «известным брен-

дом», находится в причинно- следственной связи с расширением потребительского сегмента и, соответственно, увеличением объема продаж [4].

Третья группа договоров регулирует правоотношения туроператора с субъектами хозяйствования, оказывающие услуги по проживанию, питанию, перевозке, страхованию и др.

Проведенное исследование подтвердило, что организация целенаправленного делового взаимодействия требует знания особенностей поведения партнеров и поиска взаимной выгоды между ними в результате сотрудничества. Организация делового партнерства и сотрудничества требует знания современных требований к составлению и оформлению документов, включая протоколы, решения, планы и программы, договора и контракты, рабочие графики выполнения работ, умения вести деловую переписку, соблюдения правил документирования различных видов делового взаимодействия, делопроизводства и управления документацией.

Список использованной литературы

1. Партнерство в бизнесе [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.personal-trening.com/node/3113> - Дата доступа: 26.12.2016.
2. Деловое партнерство как одна из форм деловой активности предпринимателей [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://knigi.link/osnovyi-psihologii/delovoe-partnerstvo-kak-odna-form-delovoy-33307.html> - Дата доступа: 26.12.2016.
3. Как правильно выбрать делового партнера [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://indivip.ru/sovety/vybor-delovogo-partnera.html>. - Дата доступа: 26.12.2016.
4. Договорные отношения в сфере туризма [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://gobiz.by/законодательство/dogovornye-otnosheniya-v-turizme> - Дата доступа: 26.12.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	3
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ	4
Базарэвіч Г.Х. КАШТОЎНАСНЫЯ АРЬЕНТАЦЫЇ НАСЕЛЬНІЦТВА САВЕЦКАЇ БЕЛАРУСІ ПА АКАЗАННІ ДАПАМОГІ ПАЦЯРПЕЛЫМ АД ГОЛАДУ Ў ПАВОЛЖЫ (1921–1923 ГГ.)	4
Барановскі А.В. ПЕРЕДАЧА ВЕЛИЖСКОГО, НЕВЕЛЬСКОГО, СЕБЕЖСКОГО УЕЗДОВ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОСТАВ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	7
Егоров А.М. ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПОСЛЕВОЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ	10
Кулеш А.В. ВТОРОЕ УКРЕПЛЕНИЕ БССР И СОПРОТИВЛЕНИЕ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ПРОЦЕССУ ОБЪЕДИНЕНИЯ	13
Лисов А.Г. ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ ВИТЕБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ НА ЭТАПЕ СМЕНЫ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ (ПЕРЕХОД К БЕЛОРУСИЗАЦИИ)	15
Никитина Н.П. К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА НА ПСКОВСКО-ВИТЕБСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В 1829 Г.	19
Николаева А.О. О РУССКИХ ДЕНЬГАХ И ИХ ОБРАЩЕНИИ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ. НА ПРИГРАНИЧНОЙ МОГИЛЕВЩИНЕ	21
Півавар М.В. ДВАРАННЯ СЯДЗІБЫ ВІЦЕБСКА-СМАЛЕНСКАГА ПАМЕЖЖА: СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ	24
Старовойтов М.И. ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВИТЕБСКОЙ И КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1920–1930 ГОДЫ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ	27
Тимофеев Р.В. ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ	30
Хаданёнак В.М. САЦЫЯКУЛЬТУРНЫЯ КАМУНІКАЦЫЇ ЖЫХАРОЎ БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКАГА ПАМЕЖЖА Ў ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯ	32
Чернов С.В. РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКА	34
Яценко О.Г. КУЛЬТУРА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ В ОТРАЖЕНИИ ГАЗЕТЫ «КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПРАВДА»	37
СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧЬЯ	41
Белокрылова В.А., Капитонова Т.А. ОБРАЗЫ «ВРАГА» И «ДРУГА»: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ ТИПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛАХ АНАЛИЗА «УСТНОЙ ИСТОРИИ» ОЧЕВИДЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)	41
Вожгурова О.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	45
Гавриленков А.Ф., Ладожина Т.Н., Царегородцева М.Л. ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ	48
Давлатова Е.В. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ	53

Далимаева Е.О. СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИГРАНИЧЬЯ	66
Двойнев В.В. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВИТЕБСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	69
Егоров А.Г., Сухова Е.Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ ДОМИНАНТ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ	72
Загоруйко Р.В., Дединкин А.Л. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ	74
Ивашкевич Е.Ф. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ	77
Капитанова Т.А. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	82
Карпенко Н.А. РОЛЬ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	85
Колядко Н.С. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССОВ	87
Космач В.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ АВТОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, ТЕЗИСЫ И ОЦЕНКИ	90
Костючков А.Н. ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧЬЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБРАЗ СТРАНЫ	93
Кривоносова Е.Э. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧЬЯ	96
Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г.) ..	99
Кулік С.П., Сайганова В.С. БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКАЕ ПРЫГРАНІЧЧА: ДА ПРАБЛЕМЫ АГУЛЬНЫХ РЫС КУЛЬТУРНАГА АРХЕТЫПА	102
Марищук Л.В., Брикса Ю.О. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ И ИХ СВЯЗЬ С ИСТОРИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ	106
Павлова А.Т. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ	109
Погребняк А.Б. ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТНАЯ КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ	112
Слемнев М.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ..	114
Сташкевич О.Л. МНОГОГРАННОСТЬ ФЕНОМЕНА СЛАВЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	119
Фоменко А.А., Капитанова О.В. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗА	122
Чеснокова О.И. ГЕНДЕРНЫЕ ЦЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН	125
Чикалова И.Р. «ПОГРАНИЧЬЕ» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ	128
Шершнева О.А. ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ И СТАТУС БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ ..	131
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПРИГРАНИЧЬЯ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	135
Адуло Т.И. ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ ..	135
Алекси́на Г.А. ПАРАТЭАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСАЎ ЗАХОДНЯГА ПААЗЕР'я: НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАМІНАЛЬНЫХ ГАЛАШЭННЯЎ	138
Арцямёнак Г.А., Турава І.М. УПЛЫЎ РУСКАЙ КУЛЬТУРЫ НА ІНТЭРТЭКСТ МАСТАЦКІХ ТВОРАЎ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА	141

Бельский А.М. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА УСПЕШНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ И РОССИИ	144
Гариков А.В. РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ БЕЛАРУСИ В БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	148
Горегляд Е.Н. КРАСОТА В РЯДУ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУСКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ БЕЛАРУСИ)	151
Дзядова А.С. ЛЕКСІКА СА ЗНАЧЭННЕМ ВЯСЕЛЬНАЙ АБРАДНАСЦІ Ё ГОВОРКАХ ВІЦЕБШЧЫНЫ: ЛІНГВАКРАІНАЗНАЎЧЫ АСПЕКТ	153
Колядко И.Н. ФЕНОМЕН РАЦИОНАЛЬНОСТИ И КРИЗИС КУЛЬТУРЫ	157
Косов А.П. СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА	160
Курбачева О.В. ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	163
Лазаревич А.А. БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ПРИГРАНИЧНЫЙ КОНТЕКСТ	165
Муратова Е.Ю. СОБСТВЕННОЕ ИМЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ	169
Півавар К.С. КАШТОЎНАСНЫ КАМΠΑНАЕНТ КАНЦЭПТУ ВОЛЯ/СВАБОДА Ё БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ ЛІНГВАКУЛЬТУРАХ	171
Рудковский Э.И. ПРИГРАНИЧЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ	173
Рыба Д.П. СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В СИСТЕМЕ ГРАНТОВОЙ ПОДДЕРЖКИ	180
Селезнева Е.В. ДОМИНИРУЮЩИЕ МОТИВЫ УЧЕНИЯ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	182
Семянькова Г.К. РАСПАЎСЮДЖАНАСЦЬ ПРОЗВІШЧАЎ, СУАДНОСНЫХ З АПЕЛЯТЫВАМІ, ШТО ЁКАЗВАЮЦЬ НА ЗАНЯТКІ, ПРАФЕСІЮ, НА ТЭРЫТОРЫІ РОЗНЫХ РАЁНАЎ ВІЦЕБШЧЫНЫ	185
Слемнев М.А. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА: СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРИГРАНИЧНАЯ СПЕЦИФИКА	187
Тимофеев Р.В. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ	192
Трацевская Л.Ф. ПРИГРАНИЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ	194
Трусова Е.Г., Лисов А.Г. НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА М.М. БАХТИНА	196
Фещенко В.В. ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	200
Фещенко В.В., Щеликова Н.Ю. ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	203
Хазанова К.Л. СЛАВЯНСКІ СІНКРЭТЫЗМ У МОВЕ ФАЛЬКЛОРУ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ	206
Шахнович Е.С. ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТУРИЗМА	209
НАШИ АВТОРЫ	216

НАШИ АВТОРЫ

Адуло Тадеуш Иванович – заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований Института философии Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор (г. Минск).

Алекснина Инна Антоновна – доцент кафедры театрального творчества Учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», кандидат искусствоведения, доцент по специальности «Искусство» (г. Минск).

Артеменок Геннадий Антонович – заведующий кафедрой белорусского языкознания Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск).

Базаревич Анна Хасановна – аспирант кафедры истории Беларуси Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Барановский Александр Викторович – магистрант Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Белокрылова Вера Анатольевна – ученый секретарь Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук (г. Минск).

Бельский Александр Михайлович – координатор студенческого научного объединения «Социолог» Учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова» (г. Могилев).

Брикса Юлия Олеговна – военнослужащая Полоцкого пограничного отряда, адъюнкт ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь» (п. Фариново).

Вожгурова Оксана Владимировна – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат политических наук, доцент (г. Витебск).

Гавриков Андрей Валерьевич – младший научный сотрудник отдела политической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск).

Гавриленков Алексей Федорович – профессор кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета, доктор исторических наук, доцент (г. Смоленск).

Горегляд Елена Николаевна – доцент кафедры русского и общего языкознания Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск).

Далимаева Евгения Олеговна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Двойнев Василий Владиславович – доцент кафедры социологии и философии, директор социологической лаборатории Смоленского государственного университета, кандидат социологических наук (г. Смоленск).

Дединкин Александр Леонидович – директор Витебского филиала учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный институт трудовых и социальных отношений», кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск).

Дедова Елена Сергеевна – доцент кафедры белорусского языкознания Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск).

Егоров Андрей Михайлович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент (г. Псков).

Егоров Александр Григорьевич – проректор по научной работе, заведующий кафедрой социологии и философии Смоленского государственного университета, доктор философских наук, профессор (г. Смоленск).

Загоруйко Регина Владимировна – доцент кафедры педагогики Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск).

Ивашкевич Елена Францевна – заведующий кафедрой истории и теории права Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск).

Капитонова Ольга Владимировна – ведущий лаборант кафедры педагогики Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Капитонова Татьяна Александровна – старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук (г. Минск).

Карпенко Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Колядко Илья Николаевич – аспирант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, магистр философских наук (г. Минск).

Колядко Николай Сергеевич – преподаватель истории и обществоведения высшей квалификационной категории Учреждения образования «Слуцкий государственный колледж» (г. Слуцк).

Космач Вениамин Аркадьевич – декан исторического факультета Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор исторических наук, профессор (г. Витебск).

Косов Александр Петрович – заведующий аспирантурой Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск).

Костючков Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Кривоносова Елена Эдвардовна – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск).

Кулеш Андрей Владимирович – студент 2 курса исторического факультета Учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (г. Гомель).

Кулик Станислав Павлович – заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный медицинский университет», кандидат философских наук, доцент (г. Витебск).

Курбачева Ольга Владиславовна – доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, кандидат философских наук (г. Минск).

Ладожина Татьяна Николаевна – заведующий отделом электронных ресурсов библиотеки Смоленского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент (г. Смоленск).

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (г. Минск).

Лисов Александр Геннадьевич – доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат искусствоведения, доцент (г. Витебск).

Марищук Людмила Владимировна – профессор кафедры СК-7 ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор (г. Минск).

Муратова Елена Юрьевна – доцент кафедры общего и русского языкознания Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук (г. Витебск).

Никитина Наталья Павловна – декан исторического факультета Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Псков).

Николаева Анастасия Олеговна – Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова» (г. Могилев).

Павлова Алевтина Тимофеевна – доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск).

Пивовар Катерина Сергеевна – аспирант кафедры белорусского языкознания Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр филологических наук (г. Витебск).

Пивовар Николай Васильевич – доцент кафедры истории Беларуси Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск).

Погребняк Александр Борисович – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск).

Рудковский Эдвард Иосифович – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент (г. Витебск).

Рыбка Дина Петровна – консультант Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, кандидат философских наук (г. Минск).

Сайганова Вероника Святославовна – заместитель декана по учебно-воспитательной работе, доцент кафедры философии и методологии наук Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск).

Селезнева Екатерина Васильевна – магистрант Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Семенькова Галина Константиновна – доцент кафедры белорусского языкознания Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск).

Слемнев Михаил Александрович – профессор кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор философских наук, профессор (г. Витебск).

Старавойтов Михаил Иванович – доцент кафедры истории Беларуси, ведущий сотрудник НИСа Учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат исторических наук, доцент (г. Гомель).

Сташкевич Ольга Леонидовна – научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск).

Сухова Елена Евгеньевна – декан социального факультета Смоленского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент (г. Смоленск).

Тимофеев Ростислав Владимирович – доцент кафедры истории Беларуси Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск).

Трацевская Людмила Федоровна – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат экономических наук, доцент (г. Витебск).

Трусова Елена Григорьевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Турова Ирина Михайловна – студентка 4 курса филологического факультета Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Фещенко Валентина Владимировна – Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского, кандидат педагогических наук, доцент (г. Брянск).

Фоменко Анжела Александровна – доцент кафедры педагогики Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск).

Хаданенок Виктор Мамертович – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат исторических наук (г. Витебск).

Хазанова Екатерина Львовна – доцент кафедры белорусского языка Учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат филологических наук, доцент (г. Гомель).

Царегородцева Марина Леонидовна – библиотекарь I категории научной библиотеки Смоленского государственного университета (г. Смоленск).

Чернов Сергей Владимирович – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Белорусско-Российского университета (г. Могилев).

Чеснокова Ольга Ивановна – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат философских наук, доцент (г. Витебск).

Чекалова Ирина Ромуальдовна – профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», доктор исторических наук, профессор (г. Минск).

Шахнович Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск).

Шершнева Ольга Александровна – преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск).

Щеликова Наталья Юрьевна – доцент кафедры экономики и управления Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, кандидат экономических наук, доцент (г. Брянск).

Яценко Оксана Григорьевна – заведующий кафедрой истории Беларуси Учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат исторических наук, доцент (г. Гомель).

Научное издание

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ**

Материалы международной научно-практической заочной конференции

Витебск, 2 февраля 2017 г.

Подписано в печать 03.03.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,78. Уч.-изд. л. 17,50. Тираж 16 экз. Заказ 28.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.